

Российское КИТАЕВЕДЕНИЕ

№ 4(5) 2023

Декабрь 2023

Журнал издается Институтом Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКА РАН) и основан в 2022 г., продолжая традиции академических журналов «Проблемы Китая» (1929–1935) и «Советское китаеведение» (1958–1959).

Учредитель: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

Редакционный совет:

- Бабаев К.В., директор ИКА РАН, д.ф.н., проф. (председатель)
- Агафонов Д.В., заместитель начальника Управления Президента РФ по внешней политике
- Дацышен В.Г., профессор Кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, д.и.н.
- Денисов А.И., первый заместитель председателя Комитета по международным делам Совета Федерации Федерального Собрания РФ, к.э.н.
- Зиновьев Г.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Республике Корея, к.и.н.
- Карнеев А.Н., директор Школы востоковедения НИУ ВШЭ, к.и.н.
- Кашин В.Б., директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, к.п.н.
- Ларин В.Л., заведующий Центром глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, д.и.н., проф., академик РАН
- Ломанов А.В., руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примачкова РАН, главный научный сотрудник ИКА РАН, д.и.н., проф. РАН
- Лукин А.В., научный руководитель ИКА РАН, руководитель Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, директор Центра Китая, Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД РФ, д.и.н., проф.
- Малявин В.В., главный научный сотрудник ИКА РАН, д.и.н., проф.
- Моргулов И.В., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в КНР
- Мясников В.С., главный научный сотрудник ИКА РАН, академик РАН
- Панцов А.В., профессор Capitol University, США, д.и.н.
- Попова И.Ф., директор Института восточных рукописей РАН, чл.-корр. РАН
- Руденко А.Ю., заместитель министра иностранных дел РФ
- Самойлов Н.А., заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки, директор Центра изучения Китая СПбГУ, д.и.н., проф.
- Торкунов А.В., ректор МГИМО МИД РФ, академик РАН
- Цыплаков С.С., профессор департамента международных отношений НИУ ВШЭ, к.э.н.

Иностранные члены Редакционного совета:

- Алимов Р.К., профессор Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.п.н.
- Вилсон Дж., почетный профессор Уитон-колледжа, США
- Гао Фэй, проректор Дипломатического университета МИД КНР
- Идэ К., Университет Васэда, Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке), Япония
- Ли Цзинцзе, академик Китайской Академии общественных наук, КНР
- Ли Чжицян, декан Школы международных отношений Сычуаньского университета, КНР
- Ма Цзянган, директор Центра международных исследований Оборонного научно-технического университета, Чанша, КНР
- Фэн Юйцзюнь, заместитель директора Института международных исследований Фуданьского университета, КНР
- Чжао Хуашэн, профессор Института международных исследований Фуданьского университета, КНР

Редакция:

А.В. Лукин (главный редактор), И.Е. Денисов (заместитель главного редактора), Ю.В. Кулинцев (заместитель главного редактора), А.Г. Юркевич (заместитель главного редактора), И.Ю. Зуенко (ответственный секретарь), А.А. Перминова (секретарь редакции).

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32.
+7 499 124 02 17; E-mail: journal@iccaras.ru; URL: <http://rusinology.ru>

Российское китаеведение

Научный журнал

Электронная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77-75961 от 24.06.2019

Язык: русский, китайский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-1223

Печатная версия

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-75962 от 24.06.2019

Язык: русский, китайский, английский

Периодичность: 4 раза в год

ISSN: 2949-1207

DOI: 10.48647/ICCA.2024.70.18.010

Подписано в печать 29.12.2023.

Содержание

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Денисов И.Е.</i> Американское давление на Китай и возможности альянса Сhр-4	9
<i>Рысакова П.И., Арсаева А.А.</i> Интернационализация высшего образования в КНР в постпандемийный период: концепции, задачи, механизм реализации	26
<i>Чжай Кун, Гаоянь Цююй.</i> Сотрудничество Китая с АСЕАН и оптимизация регионального порядка	48
К 130-летию со дня рождения Лян Шумина (1893–1988)	72
<i>Лукин А.В.</i> Об исследовании идей Лян Шумина в России	72
<i>Лукин А.В.</i> Беседа с Лян Шумином	85
<i>Старостина А.Б.</i> Народные верования в философии Лян Шумина	93
<i>Лян Шумин.</i> Чем отличается образование у жителей Востока и Запада	107
<i>Лян Циньнин.</i> Мой дед Лян Шумин	115
<i>Лян Циньюань.</i> Оптимизм как первая и самая явная жизненная позиция Конфуция	122

ОБЗОРЫ, СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

<i>Дацышен В.Г.</i> «Великий чайный путь» в работах современных исследователей: продолжение темы	130
<i>Ленков П.Д.</i> Пандемия Covid-19 и даосские оздоровительные практики	146
Евгений Петрович Бажанов (1946–2023)	155
<i>Закаурицева Т.А.</i> Памяти профессора Евгения Петровича Бажанова	155
<i>Млечин Л.М.</i> Дипломатами не рождаются, или свет с Востока. О Е.П.Бажанове и его семье	163
<i>Лукин А.В.</i> Евгений Петрович Бажанов в моей жизни	175
Людмила Ивановна Кондрашова (1933–2023)	184
<i>Чубаров И.Г.</i> Людмила Ивановна Кондрашова. In memoriam	184

Кондрашова Л.И., Чубаров И.Г. Резолюция ЦК КПК по истории партии
и политэкономические координаты развития 190

Дубинин Ю.А. Памяти Андрея Сергеевича Давыдова (1946–2023) 205

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Портяков В.Я. Сегодняшний Китай сквозь призму статистики 208

Черникова Л.П. Новое издание о русских артистах в Китае 213

К 95-летию со дня рождения Л.С. Переломова (1928–2018) 218

Кварталова Н.Л. О Леонарде Сергеевиче Переломове 218

Журавлева В.П., Попова О.Н. Список трудов Леонарда Сергеевича
Переломова 224

«Вёсны и осени» российского китаеведения: хроника 2023 года 245

目录

学术文章

I·E·杰尼索夫. 美国对华压力及芯片四方联盟的能力	9
P·I·雷萨科娃, A·A·阿尔萨耶娃. 后疫情时期中国高等教育的国际化: 理念、任务、实施机制	26
翟崑, 高颜秋雨. 中国与东盟的合作与地区秩序优化	48
纪念梁漱溟 (1893–1988) 诞辰 130 周年	72
A·V·卢金. 梁漱溟思想在俄罗斯的研究	72
A·V·卢金. 与梁漱溟的谈话	85
A·B·斯塔罗斯京娜. 梁漱溟哲学中的民间信仰	93
梁漱溟. 东西人的教育之不同	107
梁钦宁. 我的爷爷梁漱溟	115
梁钦元. 孔子最昭著的第一人生态度: 乐	122

评论、通报、简讯

V·G·达奇申. 现代研究者著作中的“万里茶道”: 话题的继续	130
P·D·连科夫. 新冠肺炎疫情与道家养生实践	146
叶夫根尼·彼得罗维奇巴扎诺夫 (1946–2023)	155
T·A·扎卡乌尔采娃. 纪念叶夫根尼·彼得罗维奇·巴扎诺夫教授	155
L·M·姆列琴. 外交官不是天生的, 抑或光从东方来。 关于 E·P·巴扎诺夫及其家庭	163
A·V·卢金. 在我生活中的叶夫根尼·彼得罗维奇·巴扎诺夫	175
柳德米拉伊万诺夫娜孔德拉绍娃 (1933–2023)	184
I·G·丘巴罗夫. 柳德米拉·伊万诺夫娜·孔德拉绍娃。In memoriam	184
<u>L·I·孔德拉绍娃</u> , I·G·丘巴罗夫. 中共中央关于党的历史和中国发展之政治经 济发展坐标的决议	190

Yu·A·杜比宁. 纪念安德烈·谢尔盖耶维奇·达维多夫 (1946–2023) 205

书评和图书目录

V·Ya·波尔佳科夫. 通过统计观察今天的中国 208

L·P·切尔尼科娃. 关于旅华俄国艺术家的新出版物。关于 N·A·多罗费耶娃 的书
《旅华俄国艺术家移民的命运》 213

纪念 L·S·佩列洛莫夫 (1928–2018) 诞辰 95 周年 218

N·L·克瓦尔塔洛娃. 关于列昂纳德·谢尔盖耶维奇·佩列洛莫夫 218

V·P·茹拉夫廖夫, O·N·波波娃. 列昂纳德·谢尔盖耶维奇·佩列洛莫夫著作目录 224

俄罗斯中国学“春秋”：2023 年纪事 245

Table of contents

ACADEMIC PAPERS

Denisov I.E. American pressure on China and the capabilities of the Chip 4 alliance	9
Rysakova P.I., Arsaeva A.A. Internationalization of higher education in China in the post-pandemic period: concepts, goals and implementation	26
Zhai Kun, Gaoyan Qiuyu. China-ASEAN cooperation and regional order optimization	48
On the 130th anniversary of the birth of Liang Shuming (1893–1988)	72
Lukin A.V. On the study of Liang Shuming’s ideas in Russia	72
Lukin A.V. A conversation with Liang Shuming	85
Starostina A.B. Folk beliefs in the philosophy of Liang Shuming	93
Liang Shuming. How does education differ between residents of the East and the West?	107
Liang Qinning. My grandfather Liang Shuming	115
Liang Qingyuan. Optimism as the first and most obvious life position of Confucius	122

REVIEWS, MESSAGES, NOTES

Datsyshen V.G. “The Great Tea Way” in the works of contemporary researchers: an extension of the research topic	130
Lenkov P.D. The COVID-19 pandemic and Taoist wellness regimens	146
Evgeny Petrovich Bazhanov (1946–2023)	155
Zakaurtseva T.A. In memory of Professor Evgeniy Petrovich Bazhanov	155
Mlechin L.M. Diplomats are not born, or light from the East. On E.P. Bazhanov and his family	163
Lukin A.V. Evgeny Petrovich Bazhanov in my life	175
Lyudmila Ivanovna Kondrashova (1933–2023)	184
Chubarov I.G. Lyudmila Ivanovna Kondrashova. In memoriam	184

<u>Kondrashova L.I.</u> , Chubarov I.G. CPC Central Committee Resolution on party history and political-economic coordinates of China development	190
Dubinin Yu.A. In memory of Andrei Sergeevich Davydov (1946–2023)	205

BOOK REVIEWS AND BIBLIOGRAPHIES

Portyakov V.Ya. Today’s China through the prism of statistics	208
Chernikova L.P. A new publication about Russian artists in China	213
On the 95th anniversary of the birth of L.S. Perelomov (1928–2018)	218
N.L. Kvartalova. About Leonard Sergeevich Perelomov	218
V.P. Zhuravleva, O.N. Popova. List of works of Leonard Sergeevich Perelomov	224
“Spring and Autumn” of Russian Sinology: Chronicle of 2023	245

И.Е. Денисов

Американское давление на китайский технологический сектор и возможности альянса Chip 4 в сдерживании Китая

Аннотация: Вопросы науки и технологий давно интегрированы американской политической элитой в систему сдерживания подъема Китая как основного геополитического соперника Соединенных Штатов. При Дж. Байдене сохранение американского контроля над цепочками поставок в высокотехнологичном секторе было выдвинуто на роль одного из ключевых политикоформирующих факторов на китайском направлении, стало концентрированным выражением американо-китайской глобальной конкуренции. В статье рассматривается поворот в американских подходах на примере альянса Chip 4, задуманного как объединение ближайших азиатских союзников США для сдерживания Китая в сфере разработки и производства полупроводников. Рассматривая первые шаги альянса, автор делает выводы, что у каждого из партнеров США имелись индивидуальные мотивы дозировать степень практической вовлеченности в этот американский проект. Власть КНР понимают ограничения, с которыми сталкиваются участники альянса Chip 4 в выработке согласованной повестки. Между тем в Китае предпочитают сохранять бдительность в отношении этого американоцентричного проекта. Учитывая проработанность тематики «полупроводниковой войны» в концептуальных документах администрации Байдена, нельзя исключать, что Вашингтон будет усиливать нажим на союзников – как по официальным каналам, так и на бизнес-треке.

Ключевые слова: Китай, США, технологии, Chip 4, полупроводники, альянсы, сдерживание.

Автор: Денисов Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник, МГИМО МИД России. ORCID ID: 0000-0001-5447-1164; E-mail: icdenisov@yahoo.com

I.E. 杰尼索夫

美国对华压力及芯片四方联盟的能力

摘要: 科技问题早已被美国政治精英纳入遏制中国作为美国主要地缘政治对手崛起的体系之中。在拜登主政期间维持美国对高科技领域供应链的控制已被提升为对华方向的关键政策形成因素之一，并成为美中全球竞争的集中体现。本文以芯片四方联盟为例探讨了美国策略的转变，该联盟被认为是美国最亲密的亚洲盟友的联合，目的是在半导体开发和生产领域遏制中国。根据该联盟的第一步行动，作者得出的结论是，每个美国的伙伴都有各自的动机来安排自己对该美国项目的实际参与程度。中国政府了解芯片四方联盟成员在达成一致议程方面面临的局限性。与此同时，中国对这个以美国为中心的项目保持警惕。考虑到拜登政府的概念文件中对“半导体战争”话题的阐述，不排除华盛顿将通过官方渠道和商业轨道加大对盟友的压力。

关键词: 中国；美国；技术；芯片四方联盟；半导体；联盟；遏制

作者: 伊戈尔·叶夫根尼耶维奇·杰尼索夫，莫斯科国际关系学院高级研究员。
ORCID ID: 0000-0001-5447-1164; E-mail: iedenisov@yahoo.com

Igor E. Denisov

American pressure on the Chinese technology sector and the potential of the Chip 4 alliance in containing China

Abstract. This article explores the longstanding integration of science and technology issues by the American political elite into a strategy for containing the rise of China, the United States' primary geopolitical rival. Under President Joe Biden, maintaining American control over high-tech sector supply chains has emerged as a key policy-forming factor in the US China policy reflecting the Sino-American global competition. The paper examines this pivot in US approaches, particularly through the lens of the Chip 4 alliance. Conceived as a union of the closest Asian allies of America, Chip 4 aims to counteract China in the field of semiconductor development and production. Analyzing the alliance's initial steps, the author concludes that each US partner had individual motives that limited their practical involvement in this American project. The paper also discusses the Chinese government's awareness of the challenges facing Chip 4 participants in forming a cohesive agenda. Meanwhile, China remains vigilant concerning this US-centric initiative. In light of the detailed exploration of the 'semiconductor war' within the Biden administration's policy frameworks, there is a possibility that Washington will intensify its efforts to influence its allies utilizing both governmental and commercial channels.

Keywords: China, USA, technology, Chip 4, semiconductors, alliances, containment.

Author: Denisov Igor E., Senior Research Fellow, MGIMO University. ORCID ID: 0000-0001-5447-1164; E-mail: iedenisov@yahoo.com

Введение

В последнее время общим местом стали рассуждения, согласно которым фокусом нынешнего витка конфронтации Китая и Соединенных Штатов является отрасль высоких технологий и даже более узкая и определенная ее часть – разработка и производство полупроводников. Утверждается, что именно на этих «полях» и разворачиваются основные битвы Пекина и Вашингтона за мировое лидерство, которые по мере прогресса технологий искусственного интеллекта будут ожесточаться.

Наряду с формулой «новая холодная война» в политический дискурс все более уверенно входят такие образы, как «полупроводниковая война» и «война чипов». Этому, в частности, полностью посвящена недавняя книга известного американского эксперта из Школы права и дипломатии имени Флетчера (Fletcher School at Tufts University) Криса Миллера «Война чипов: борьба за самую критически важную технологию в мире» (Chip War: The Fight for the World's Most Critical Technology) [Miller, 2022]. Во введении к данной работе автор отмечает, что «полупроводники определили мир, в котором мы живем, задавая облик международной политики, структуру мировой экономики и баланс военной мощи» [Miller, 2022, p. XXVII].

Такой взгляд становится достаточно характерным не только для академических кругов США, но и в целом для американского истеблишмента, полагающего, что исход соперничества великих держав будет в итоге определяться их способностями лидировать в создании критически важных технологий новой «цифровой эпохи». В этом контексте микрочипы, строительные «кирпичики» телекоммуникационных сетей, военных систем и продвинутых электронных устройств рассматриваются как незаменимый стратегический ресурс, и отсюда логически вытекает примат конкуренции в данной сфере над всеми иными противоречиями ресурсного характера.

К. Миллер был далеко не первым, кто назвал чипы «новой нефтью» мировой геополитики. Однако показательно, что даже проблема Тайваня в его работе переформатируется в парадигме «войны чипов». Ценностные, моральные и идеологические соображения, связанные с противостоянием «либерального» острова и авторитарного «материка», которые сохраняли актуальность для американской политики многие годы после появления разделенного Китая, вдруг отходят в сторону. Ведущий мотив все более плотной вовлеченности Вашингтона в тайваньский вопрос К. Миллер видит именно в технологической области, в том, что Тайвань ежегодно генерирует 37% мировой вычислительной мощности. Стремлением сохранить контроль над этим ресурсом, задающим тренды развития глобальной экономики, и не допустить перехода к Пекину тайваньской высокотехнологичной производственной базы и определяется в наши дни стратегическая ценность острова для США.

Исключительно чипам были посвящены несколько важных законодательных актов, принятых в годы президентства Дж. Байдена, причем все эти меры исходят из лозунга «Америка превыше всего» (America First) и встраиваются в концепцию сохранения американского лидерства в мире. «Все больше американцев узнали фразу “цепочка поставок” и что она означает. И знаете что? Цепочка поставок должна начинаться здесь и заканчиваться здесь – в Соединенных Штатах», – заявил Дж. Байден

6 октября 2022 г. во время выступления в компании IBM после подписания Закона о чипах и науке (CHIPS and Science Act) [Remarks by President Biden..., 2022].

США чувствуют свою уязвимость, особенно в долгосрочной перспективе, если КНР, несмотря на западное давление и внутренние вызовы в связи с последствиями истории с COVID-19, удастся сохранить нынешние темпы научно-технического прогресса. В определенном смысле можно говорить о «полупроводниковом повороте» в американском стратегическом мышлении, который сам по себе требует внимательного анализа.

В рамках данной статьи предполагается решить следующий круг задач:

- проанализировать особенности технологического давления США на Китай при Дж. Байдене в сравнении с его предшественниками на посту президента США;
- поскольку глобализированный характер цепочек поставок чипов не дает возможности США единолично влиять на рынок, Вашингтон видит успех своей стратегии сдерживания амбиций Пекина в создании антикитайских технологических альянсов. Следовательно, для прогнозирования ситуации важно установить, насколько здесь синхронизированы интересы США и ближайших союзников в Азии, которых Вашингтон пытается объединить на платформе альянса Chip 4 (США, Япония, Южная Корея и Тайвань);
- оценить возможные варианты действий Китая в ответ на попытки США остановить его прогресс в полупроводниковых технологиях.

Особенности технологической конфронтации США с Китаем при Дж. Байдене

Вопросы науки и технологий давно уже интегрированы американской политической элитой в систему сдерживания подъема Китая как основного геополитического соперника Соединенных Штатов. Цель стратегической конкуренции с Пекином Вашингтон изначально видел в том, чтобы замедлить рост китайского военного потенциала и создать максимальные трудности для модернизации НОАК, которая базируется в первую очередь на техническом перевооружении армии, достижении преимуществ в новых сферах вооруженной борьбы – киберпространстве и космосе, а также внедрении концепций «информатизированной войны».

В периоды президентства Дж. Буша-младшего и Б. Обамы острие претензий Белого дома к Китаю было направлено в основном на планы «военной экспансии» и «кражу» двойных технологий, необходимых Пекину для военного усиления. Участие китайских технологических компаний в оборонных программах уже тогда сделало их объектом подозрений со стороны США, однако системных усилий, направленных на сдерживание китайской отрасли высоких технологий в целом, и стремления полностью исключить Китай из глобальных производственных цепочек со стороны Вашингтона заметно не было.

Китайские технологические лидеры рассматривались главным образом как агенты государства в сфере промышленного шпионажа. Характерным является вывод Постоянной специальной комиссии Палаты представителей по разведке, которая в

докладе, представленном в Конгресс в октябре 2012 г., писала, что использование оборудования *Huawei* и *ZTE* на критически важных объектах инфраструктуры США может подорвать коренные интересы национальной безопасности США [Investigative Report on the U.S. National Security Issues..., 2012]. В дальнейшем к этим двум компаниям были присоединены *Hikvision*, *Dahua* и *Hytera* (производители оборудования видеонаблюдения и контроля доступа, радиопередатчиков и систем радиосвязи).

Ответом на рост китайских технических возможностей были не только шаги по мобилизации разведсообщества США на противостояние «китайскому проникновению», но прежде всего меры в классическом стиле военного сдерживания, квинтэссенцией которых стал курс США на «ребалансировку в АТР». В Стратегии национальной безопасности (2015) отмечалось: «Мы будем внимательно следить за военной модернизацией Китая и расширением его присутствия в Азии, одновременно пытаясь найти пути снижения рисков неверного понимания или просчетов. Что касается кибербезопасности, мы предпримем необходимые действия, чтобы защитить наш бизнес и наши сети от киберкражи коммерческих секретов с целью получения выгоды как частными лицами, так и правительством Китая» [National Security Strategy, 2015].

Меркантилизм Д. Трампа, его заикленность на «бизнес-сделках» несколько сместили акценты американо-китайского соперничества в торговую область, но в то же время при Д. Трампе наметилась еще более выраженная секьюритизация китайского технологического рывка. В выступлении директора национальной разведки США Дэниела Коутса 23 мая 2017 г. в Комитете Сената по вооруженным силам впервые в контексте глобальных угроз столь подробно говорилось о развитии «новых и разрушительных технологий» (*emerging and disruptive technologies*)¹. Причем Китай стал единственной страной, которая была названа в подразделе о «полупроводниках нового поколения». Было заявлено, что КНР наращивает усилия по улучшению своих внутренних технологических и производственных возможностей путем слияний и поглощений, чтобы уменьшить зависимость от зарубежных полупроводниковых технологий [Worldwide Threat Assessment..., 2017].

Через два года на слушаниях в Сенате Д. Коутс выступил с еще более мрачными прогнозами, заявив, что в 2019 г. и в последующие годы инновации, определяющие военную и экономическую конкурентоспособность, все чаще будут происходить за пределами Соединенных Штатов.

Среди неблагоприятных для безопасности США факторов директор национальной разведки назвал:

- (1) ослабление общего лидерства США в области науки и техники;
- (2) исчезновение разрыва между коммерческими и военными технологиями;
- (3) наращивание усилий зарубежных акторов по приобретению лучших талантов, компаний, данных и интеллектуальной собственности законными и незаконными способами [Worldwide Threat Assessment..., 2019].

По сути, в недрах американского разведсообщества сформировался новый сценарий технологического противоборства с Китаем, который в полной мере стал реали-

¹ В данном выступлении к этой категории отнесены искусственный интеллект, редактирование генома, Интернет вещей и полупроводники нового поколения.

зовываться при Дж. Байдене. Если раньше говорилось о «бэкдорах» в китайской технике, с помощью которых Пекин завладевал американскими коммерческими секретами и секретами союзников, то сейчас весь высокотехнологический сектор КНР стал видиться огромным «бэкдором», через который и «утекает» американское лидерство. Причем у руководства США появилось понимание того, что китайский прогресс трудно остановить и он не является результатом лишь копирования зарубежных разработок. Поэтому для сдерживания китайских амбиций в сфере высоких технологий недостаточно локальных «оградительных» мер.

Сильное впечатление на американских политиков, по всей видимости, произвела принятая в 2017 г. китайская «Программа развития искусственного интеллекта нового поколения» [Xin yi dai rengong..., 2017], которая была сфокусирована не просто на сюжетах экономической конкуренции или ускоренном развитии инноваций, но в первую очередь на вопросах геополитической конкуренции и обеспечения национальной безопасности. Начало реализации этого стратегического документа усилило американские оценки твердости намерений Пекина вести системную работу по укреплению своего технологического суверенитета, которая в рамках стратегии «двойной циркуляции»² не исключала, а, наоборот, предполагала глубокую включенность китайских компаний в глобальные производственные цепочки.

Начиная с 2017 г. правительство США стало последовательно вводить ограничения в отношении лидера китайского телекоммуникационного рынка компании *Huawei*: от запрета на использование оборудования *Huawei* в сетях Министерства обороны до контроля над поставками *Huawei* критически важных материалов и технологий [U.S. Restrictions on Huawei Technologies..., 2022]. Достаточно быстро ограничительные меры США против китайской высокотехнологичной отрасли стали носить тотальный характер, и их основная цель заключалась в том, чтобы не позволить Китаю доминировать в поставках и цепочках создания стоимости для развивающихся цифровых технологий. Для этого США поставили задачу отрезать доступ китайских компаний к иностранным чипам, разработанным или произведенным с использованием американского программного обеспечения или технологий.

«Для обеспечения экономического процветания и национальной безопасности Соединенные Штаты нуждаются в устойчивых, разнообразных и надежных цепочках поставок», – отмечалось в Исполнительном указе № 14017 [Executive Order..., 2021]. Поясняя содержание документа, Дж. Байден подчеркнул, что США «не могут полагаться на зарубежные страны, особенно на те, которые не разделяют наши интересы и ценности» [Remarks by President Biden at Signing..., 2021].

В обзоре, подготовленном в соответствии с указом № 14017 (Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth), КНР отводится роль державы, оппонирующей США идеологически, стремящейся «размыть» американское лидерство и потеснить американские компании на мировом рынке современных технологий. «Китай, – отмечается в документе, – для стимулирования

² Под «двойной циркуляцией» (双循环) имеется в виду сбалансированная стратегия развития, которая делает упор на два взаимосвязанных контура экономики – внутреннюю циркуляцию (направленную на удовлетворение внутреннего спроса) и международную циркуляцию (нацеленную на внешние рынки).

внутреннего производства и захвата доли мирового рынка в критически важных цепочках поставок прибегает к агрессивному использованию мер, многие из которых выходят за рамки общепринятой справедливой торговой практики» [Building Resilient Supply Chains..., 2021]. Таким образом, при Дж. Байдене сохранение американского контроля над цепочками поставок в высокотехнологичном секторе выдвинулось на роль одного из ключевых политикоформирующих факторов на китайском направлении, стало концентрированным выражением американско-китайской глобальной конкуренции.

Таблица 1. Американские оценки позиции страны в ключевых сегментах производственных цепочек полупроводников

Сегмент	Позиция США
Дизайн	Экосистема разработки полупроводников в США надежна и является лидирующей в мире, однако в финансировании НИОКР американские компании сильно зависят от продаж на китайском рынке.
Производство	В стране нет достаточных мощностей для производства полупроводников. США полагаются главным образом на Тайвань в производстве передовых логических чипов, на Тайвань, Южную Корею и материковый Китай – для удовлетворения спроса на чипы на основе зрелых техпроцессов.
Сборка, тестирование и упаковка; усовершенствованная упаковка (Advanced Packaging)	В части относительно низкотехнологичных полупроводниковых устройств США в значительной степени зависят от иностранных компаний, сосредоточенных в Азии. По мере того как чипы становятся все более сложными, усовершенствованные методы упаковки представляют собой потенциальную область для технологических инноваций. В США отсутствует экосистема необходимых материалов для передовой упаковки, при этом развитие глобального рынка все больше будут определять китайские инвестиции.
Материалы	Для производства полупроводников требуются сотни материалов, что создает проблемы в производственных цепочках поставок. Многие газы и жидкие химикаты для полупроводников производятся в США, но иностранные поставщики доминируют на рынке кремниевых пластин, фотошаблонов и фоторезистов.
Производственное оборудование	На долю США приходится значительная доля мирового производства большинства типов оборудования для производства полупроводников за заметным исключением литографии. Производство литографического оборудования сосредоточено в Нидерландах и Японии. В связи с ограниченным производством полупроводников в Соединенных Штатах эти производители оборудования в значительной степени зависят от продаж за пределами США.

Источник: составлено автором по: [Building Resilient Supply Chains..., 2021].

Поворот в американских оценках ситуации на рынке чипов определялся не столько феноменальным прогрессом Китая, сколько серьезным замедлением темпов инноваций в самих США. Источником напряженного отношения американских политиков к любому продвижению КНР на пути к технологическому суверенитету стало отсутствие у США собственных производственных возможностей на уровне мировых передовых технологий. Кроме того, растущее доминирование Китая в сфере сборки электроники привело к тому, что производители микросхем США стали в значительной степени зависеть от продаж на китайском рынке (табл. 1).

Объективный анализ глобального рынка подтвердил, что Соединенные Штаты не в состоянии в одиночку решить проблему уязвимости своих цепочек поставок. Для «декитаизации» цепочек поставок, нейтрализации влияния Пекина и сохранения американского контроля над критическими технологиями администрация Дж. Байдена взяла курс на укрепление взаимодействия с союзниками и партнерами. В американских документах стали подчеркивать необходимость обеспечения «коллективной устойчивости» цепи поставок с участием государств-единомышленников [Fact Sheet: Biden-Harris Administration..., 2021]. Ключевым проектом Вашингтона в этой области стало объединение ближайших азиатских союзников США в альянс Chip 4. Предполагалось, что он будет форумом правительств и компаний для обсуждения и координации политики в области безопасности цепочки поставок, развития отраслевого кадрового потенциала, НИОКР и субсидий; при этом антикитайская направленность альянса не скрывалась с самого начала.

Интересы участников альянса Chip 4 и степень их синхронизации со стратегией США

Первая неподтвержденная информация об американском проекте создания альянса Chip 4 появилась в марте 2022 г., и она сразу же вызвала неоднозначную реакцию в регионе [Pan, 2022]. Реализовать планы США подключить союзников (Японию, Республику Корею и Тайвань) к технологическому сдерживанию Китая оказалось даже сложнее, чем модернизировать традиционные военные альянсы в АТР. «Демократические» ценности и противостояние «авторитарным» торговым практикам Пекина, на что ссылались американцы, оказались ненадежной политической объединительной основой в условиях, когда у Токио, Сеула и Тайбэя были свои рыночные ниши и конкурентные преимущества, а также собственные стратегии в сфере производства чипов, которые далеко не во всех случаях совпадали с американским видением перспектив рынка.

У каждого из партнеров США по альянсу имелись индивидуальные мотивы дозировать степень практической вовлеченности в него, то есть в повышение «коллективной устойчивости цепочек поставок». Общим было понимание того, что при последовательной реализации идеи в выигрыше останутся только США. Прежде чем могла появиться работающая повестка сотрудничества, Вашингтону нужно было добиться от партнеров близкого с ним уровня восприятия китайской угрозы, а этому

активно противодействовали соображения коммерческого характера, которым участники альянса следовали неукоснительно.

В политике «декитаизации» рынка полупроводников азиатские экономики видели призрак полного разрушения открытой глобальной экосистемы. Именно включенность в глобальные цепочки создания стоимости, в том числе с участием Китая, и была источником эффективности их экономик и поддержания высоких темпов инноваций.

Рассмотрим позиции каждого из трех американских партнеров по альянсу Chip 4.

Южная Корея. Как и в случае с Японией, технологический альянс США и Южной Кореи, по замыслу администрации Дж. Байдена, должен был стать инструментом укрепления и модернизации союза безопасности. Между тем именно со стороны Сеула идея альянса Chip 4 вызвала плохо скрываемое противодействие, и не только из-за позиции южнокорейского бизнеса, но и по причине гибкого маневрирования, к которому в результате прибегло южнокорейское руководство.

Во время первой встречи Дж. Байдена с президентом Юн Сок Елем Соединенные Штаты и Южная Корея обязались «усилить государственное и частное сотрудничество для защиты и продвижения критически важных и новейших технологий» [United States-Republic of Korea Leaders' Joint Statement, 2022]. Однако пока это заявление носит больше декларативный характер. У Вашингтона были определенные надежды на то, что ястребиная позиция по отношению к Китаю, которую Юн демонстрировал во время предвыборной кампании, приведет к жесткой политике и позволит Сеулу более последовательно встать на американскую сторону в конфронтации с Пекином. Между тем ряд шагов, которые Юн Сок Ель предпринял в первые месяцы после инаугурации, говорили об обратном: президент отказался от размещения новых установок ПРО THAAD на территории страны, чтобы дополнительно не раздражать Китай. Весьма символичным жестом стал отказ от встречи со спикером Палаты представителей Н. Пелоси после ее скандального визита на Тайвань.

Устойчивое положение Южной Кореи на рынке полупроводников отражает растущий спрос на чипы памяти – категорию, в которой две ее компании (Samsung Electronics и SK Hynix) являются мировыми лидерами. Представители высшего менеджмента Samsung Electronics, используя свои лоббистские возможности, с самого начала обсуждения параметров альянса Chip 4 пытались донести свои критические оценки американских планов до правительства Южной Кореи. Южнокорейский бизнес по-прежнему опасается, что у Вашингтона может возникнуть искушение использовать инициативу для предоставления одностороннего конкурентного преимущества американским компаниям Intel и Micron.

Кроме того, в Южной Корее на фоне «постпандемийного» восстановления экономики не хотят повторения американских сценариев торговой войны с Китаем. РК имеет тесные экономические связи с КНР, причем материковый Китай и Гонконг импортируют почти 60% от общего объема чипов, производимых корейскими компаниями. Доходы «фирменного» для РК сектора чипов памяти также определяются в большой степени продажами на китайском рынке. В Китай направляется 48% южнокорейского экспорта этой категории чипов [Gargeyas, 2022]. В связи с этим отраслевые наблюдатели выражали обеспокоенность по поводу участия Кореи в Chip 4;

в любом случае во внутренних дискуссиях на аргументы по поводу диверсификации и ухода от Китая всегда находились контраргументы о том, что присоединение к американской стратегии исключения КНР из цепочек поставок больно ударит прежде всего по интересам крупного южнокорейского бизнеса [Jo, 2022].

Чувствуя, что Сеул может стать самым слабым звеном в американском альянсе Chip 4, Пекин, по всей видимости, по дипломатическим каналам предупреждал южнокорейское руководство о последствиях полномасштабного участия страны в американских планах технологического давления на Китай. Даже объявив об участии страны в первой встрече альянса Chip 4, министр иностранных дел Южной Кореи Пак Чин попытался заверить своего китайского коллегу Ван И в том, что Сеул в контактах с США и другими союзниками по теме полупроводников не намерен одобрять меры, направленные против какой-либо страны или исключаящие ее из цепочки поставок [Chung, 2022]. По всей видимости, серьезным ограничителем для Сеула явилось подключение к альянсу Тайваня, что неизбежно оценивается китайским руководством как нарушение принципа одного Китая. По информации Financial Times, корейские официальные лица требовали от США разъяснений по поводу параметров участия Тайваня в альянсе [Davies et al., 2022].

Япония. Ранее Япония производила более половины полупроводников в мире, однако сейчас ее доля снизилась до 10%. Возражения Токио меньше связаны с тайваньским фактором, а больше с тем, что, подобно США, страна находится в позиции «догоняющего». Как и Соединенные Штаты, Япония предпринимает усилия по реиндустриализации и восстановлению своего экспортного потенциала в сфере высоких технологий, и в этом плане отношения с Вашингтоном порой носят конкурентный характер. Кроме того, заинтересованность японских производителей чипов в китайском рынке также велика. В рамках стратегии «Китай+1» Япония пытается сохранить деловые связи с Пекином, одновременно активно развивая другие рынки. Исключение Китая из производственных цепочек, таким образом, не в интересах японского бизнеса.

Немаловажно, что между Японией и Южной Кореей сохраняются политические, исторические и территориальные споры, которые мешают двум странам начать всестороннее и более глубокое сотрудничество. В прошлом эскалация конфликта неоднократно затрагивала и полупроводниковую отрасль. Последний громкий скандал произошел в 2019 г., когда Верховный суд Южной Кореи постановил, что японская компания Nippon Steel Corp. должна выплатить компенсацию южнокорейцам за принудительный труд во время войны. В ответ правительство Синдзо Абэ ограничило доступ южнокорейских компаний к японским материалам, в том числе используемым Samsung Electronics для производства полупроводников и других электронных компонентов. Особый порядок оформления экспорта распространился на фторированный полиимид для дисплеев смартфонов, а также фоторезист и высокочистый фтористый водород, используемый в производстве полупроводников. Это было серьезным ударом по высокотехнологичному сектору Южной Кореи, поскольку по данным видам продукции Япония занимает фактически монопольное положение (от 70 до 90% рынка). Аналитики отмечали, что, подобно тому, как запрет США на деятельность компании *Huawei* нарушил глобальные цепочки поставок, это решение затруд-

няет для японских и южнокорейских технологических компаний дальнейшую интеграцию производства, что негативно сказывается на международной конкурентоспособности [Farley, 2019; Negishi, Jeong, 2019].

И в правительственных кругах, и среди ведущих компаний есть ощущение, что Япония может стать первой жертвой американо-китайской полупроводниковой войны. Япония обеспокоена тем, что планы США влить миллиарды долларов в производство чипов, чтобы оказать давление на Китай и замедлить его рост, могут уничтожить то, что осталось от японской полупроводниковой промышленности, которая когда-то доминировала в мире. В Министерстве экономики, торговли и промышленности не исключают, что вклад Японии в мировое производство полупроводников к 2030 г. может снизиться до нулевой отметки. Опасаются в Токио и того, что меры по повышению устойчивости поставок, о которых говорит Вашингтон, выльются в создание мощного производственного хаба на территории США, куда мигрируют не только азиатские производители чипов, но и те японские компании, которые пока еще имеют конкурентные преимущества в обеспечении полупроводниковой промышленности ключевыми материалами [Kelly, 2021].

Тайвань. Тайваньская компания Taiwan Semiconductor Manufacturing Company Limited (TSMC) занимает особое место в глобальной цепочке производства полупроводников. На ее долю приходится 92% рынка самых современных логических чипов в мире, которые применяются как в гражданском, так и в военном оборудовании. Практически все чипы, использующие продвинутое технологические процессы (до 3 нанометров), производятся на острове. Именно по этим соображениям США и включили Тайвань в «полупроводниковый альянс».

С одной стороны, TSMC и другие тайваньские производители заинтересованы в офшоринге и размещении части производства в США, чтобы тем самым подстраховаться от возможного удара по своим фабрикам в ходе потенциального конфликта в Тайваньском проливе. С другой стороны, вероятность перехода нынешней напряженной ситуации в «горячую фазу» пока невелика, а бизнес-интересы диктуют необходимость продолжения кооперации с материковым Китаем. Есть и проблема конкуренции: крупнейший американский производитель Intel только сейчас приступает к выпуску своего первого продукта с техпроцессом ниже 10 нанометров, в то время как TSMC сделала это в 2016 г. [Buchholz, 2023].

Среди тайваньских экспертов достаточно сильны возражения по поводу секьюритизации проблемы полупроводников, которую активно продвигает Вашингтон. В частности, Вэй Цихун (Chi-hung Wei), эксперт из Академии Синика (Academia Sinica), полагает, что для достижения безопасности в поставках чипов американской стороне следует перенести вопрос из сферы безопасности в сферу обычного бизнеса [Wei, 2022]. В частности, по мнению ученого, лидеры США должны оставить решения о строительстве новых заводов по производству чипов³ в руках участников рынка, а не специалистов по безопасности.

³ Речь в данном случае идет о том, что по настоянию США TSMC строит два завода в штате Аризона (общий объем инвестиций 40 млрд долл.). Предприятия будут выпускать 3-нм (начало производства – 2026 г.), 4- и 5-нм чипы (начало производства – 2024 г.).

Анализ позиций партнеров США по альянсу Chip 4 показывает, что его деятельность может ограничиваться лишь формулированием базовых правил для цепочки поставок, согласованием в общих чертах политики в отношении инвестиций и субсидий производителям. Но совместные научно-исследовательские проекты могут остаться лишь на бумаге. Самые большие сложности могут возникнуть при попытках наладить глубокое взаимодействие в сфере производства. При этом в ближайшей перспективе вряд ли может идти речь о каком-либо серьезном влиянии четырехстороннего взаимодействия на реструктуризацию глобальных цепочек. В целом, относительно короткая история Chip 4 свидетельствует пока о том, что «национальные интересы сложнее согласовать в экономике, чем в сфере жесткой безопасности» [America's hoped-for Asian semiconductor..., 2023].

Китайский ответ на технологическое давление и возможные сценарии

Китайское руководство осознает зависимость страны от импорта критически важной высокотехнологической продукции и ищет пути обеспечения технологического суверенитета. Ключевым фактором, определяющим исход американо-китайского технологического противостояния, является политика Пекина, которая опирается на уже достигнутые прорывы в сфере высоких технологий, меры государственной поддержки и сохранение тесной интеграции в глобальные производственные цепочки.

Центральная роль Китая как перспективного рынка полупроводников является труднопреодолимым препятствием для построения «демократической цепочки поставок». Для любого из партнеров США по альянсу Китай остается огромным, постоянно растущим рынком и, кроме того, источником важных видов сырья для отрасли высоких технологий (редкоземельных металлов или диоксида кремния).

Власти КНР понимают ограничения, с которыми сталкиваются участники альянса Chip 4 при выработке согласованной повестки. Между тем в Китае предпочитают сохранять бдительность в отношении этого американоцентричного проекта. Учитывая проработанность тематики «полупроводниковой войны» в концептуальных документах администрации Дж. Байдена, нельзя исключать, что Вашингтон будет усиливать нажим на союзников – как по официальным каналам, так и на бизнес-треке. Поэтому в Китае на государственном уровне принимают дополнительные меры для того, чтобы и экономика, и система управления были готовы к возможным шокам из-за нарушений в глобальной цепи поставок.

К перспективам изоляции Китая от передовых технологий многие эксперты относятся весьма серьезно. Как подчеркивают Ло Цзюньвэй (Институт полупроводников Китайской Академии наук, КАН) и академик Ли Шушэнь (вице-президент КАН), в условиях «разъединения» промышленных цепочек в контексте «деглобализации» научно-техническая инфраструктура Китая окажется не в состоянии поддерживать стратегические потребности и не сможет добиться высокого уровня научно-технической самодостаточности. В их статье с тревогой отмечается, что китайские полупроводниковые компании более чем на два поколения отстают от передового между-

народного уровня и в основном проводят оптимизацию процессов на базе PDK⁴, предоставленных зарубежными компаниями [Luo, Li, 2023].

Последние решения по реформированию партийно-государственных органов во многом и продиктованы растущей китайско-американской конфронтацией в сфере высоких технологий и планами сократить отставание Китая в фундаментальной науке и организации производства от передовых стран. В марте 2023 г. в структуре правительства КНР было создано Государственное управление данных (National Data Administration, 国家数据局). Оно займется реализацией государственной стратегии больших данных и содействием строительству цифровой инфраструктуры. От этого органа следует ждать стратегических решений по поводу развития технологий искусственного интеллекта в Китае. На высокий партийный уровень вынесены в целом вопросы научно-технической стратегии. В центральном партийном аппарате создан новый координирующий орган – Комиссия ЦК по науке и технике (中央科技委员会), на которую будут возложены функции стратегического планирования инноваций, в том числе планирование координированного развития военных и гражданских отраслей экономики.

Анализ материалов XX съезда КПК показывает, что в оценке международной обстановки партийное руководство исходит из сохраняющейся турбулентности и роста факторов неопределенности. Одним из таких факторов, создающих особые риски для китайской экономики, становится ситуация на глобальном рынке полупроводников (к проблемам, созданным борьбой с «пандемией», теперь добавляется угроза новых ограничений для китайской индустрии высоких технологий).

Китайскими экспертами (Институт науки и развития КАН и Факультет статистики и прикладной математики Аньхойского университета финансов и бизнеса) с использованием математической модели была произведена оценка макроэкономической уязвимости Китая в связи с созданием санкционных альянсов и нарушениями цепочек поставок [Cui et al., 2022].

Ученые рассмотрели два основных сценария – одиночное американское эмбарго на поставки критических технологий в Китай и эмбарго в рамках альянса. Согласно их расчетам, введение эмбарго на продажу чипов только Соединенными Штатами имеет ограниченное влияние на китайскую экономику. Но когда к запретительным мерам в отношении полупроводников присоединятся Тайвань и Южная Корея, китайская экономика понесет огромные потери. При экстремальном сценарии полного запрета поставок микросхем реальный ВВП Китая снизится примерно на 0,49%, а экспорт и занятость сократятся на 8,02% и 0,18% соответственно. При этом число безработных возрастет примерно на 1,36 млн человек.

Оценено и влияние этих сценариев на самих участников альянса, а также на третьи страны. Исследование выявило, что члены альянса проиграют, а находящиеся вне его выиграют от эмбарго под руководством США. Экономическое воздействие альянса на его членов также асимметрично. В частности, если Тайвань и Южная Корея

⁴ PDK (Process Design Kit, Комплект средств проектирования) – инструмент разработчика интегральных схем, представляющий собой набор файлов и моделей полупроводниковых приборов для определенной фабрики и технологического процесса.

присоединятся к альянсу, возглавляемому США, их экономика понесет более серьезные потери, чем американская. В данной работе также установлено, что китайская политика субсидирования полупроводниковой промышленности может смягчить негативное воздействие американского эмбарго на китайскую экономику.

Таким образом, в Китае, даже не веря в немедленную эффективность Chip 4 в его нынешнем виде, в качестве потенциальной опции рассматривают следующий вариант: эскалация американо-китайских противоречий, а также неудачи в проведении собственной промышленной политики могут заставить США форсировать формирование крупномасштабного альянса, направленного на сдерживание Китая. Вполне вероятно, что этот альянс кроме чипов распространится на широкий круг продуктов и технологий, в развитии которых Китай уже проявил динамизм лидера: искусственный интеллект, Интернет вещей, 5G, биотехнологии, квантовые вычисления, технологии видеонаблюдения и контроля, волоконно-оптические кабели и т.д.

Выводы

Альянс Chip 4, созданный в 2022 г. по инициативе США в рамках объявленной Вашингтоном «полупроводниковой войны» с Китаем, пока находится на начальном этапе и с трудом обретает форму. Общая озабоченность по поводу растущего военного потенциала Пекина и его напористой внешней политики сама по себе вряд ли подтолкнет четыре государства к совместным действиям на глобальном рынке, где коммерческие интересы участников зачастую асимметричны.

Ключевое значение для судьбы альянса будет иметь позиция компаний-производителей, прежде всего крупнейших: взаимопонимание на национальном уровне может сопровождаться конфликтными отношениями на корпоративном уровне, что сведет роль альянса к «клубу по интересам» без какого-либо серьезного влияния на рынок полупроводников. В среднесрочной перспективе сложно ожидать заметного влияния Chip 4 на реструктуризацию глобальных цепочек поставок. Совместная деятельность в области полупроводников останется фрагментарной и, скорее всего, пока ограничится двусторонними форматами.

Антикитайский запал, заложенный в альянс Вашингтоном, при столкновении с реальной ролью КНР как крупного потребителя полупроводников угасает. Пока у США отсутствует действенное решение этой проблемы. Китай остается важным клиентом и производственной базой на рынке чипов, и изменить ситуацию одним лишь провозглашением альянса невозможно. Попытка США в рамках Chip 4 максимизировать лишь собственную безопасность пока прохладно воспринимается даже самыми близкими союзниками в Азии. Российской дипломатии следует более развернуто доносить этот тезис до зарубежных партнеров в дружественных странах, в частности на платформе АСЕАН.

Москва в отношении к Chip 4 и любым попыткам Запада оказать на Пекин давление солидарна с китайскими оценками. Россия, как и Китай, не заинтересована в успехе Chip 4 и других подобных начинаний, дестабилизирующих ключевой для инновационного развития рынок. Интересам обеих стран отвечала бы более тесная

интеграция вопросов обеспечения технологического суверенитета в повестку двустороннего взаимодействия.

Учитывая деликатность самой темы и растущее санкционное давление США и других стран Запада на Китай, желательно избегать излишнего «медийного шума» по любым вопросам технологического сотрудничества России и Китая. В неофициальной коммуникации в рамках «второй дорожки» китайская сторона прямо высказывает эти пожелания. При этом, учитывая внимание к любым проявлениям близости Москвы и Пекина, сдержанность необходимо проявлять не только в федеральных СМИ, но и в соцсетях и на блог-платформах. Непродуманные аффектированные публикации отдельных российских блогеров, одержимых упрощенной конспирологической картиной мира, могут поставить китайских партнеров в неловкое положение, дать аргументы критикам российско-китайского технологического партнерства и в конечном итоге нанести ущерб процессу адаптации цепочек поставок под новые условия.

При определении приоритетов развития образовательных и научных обменов с Китаем в России необходимо выяснять и учитывать потребности китайской стороны в рамках реализации ключевых национальных программ развития технологий. В частности, в последних китайских публикациях и докладах ставится задача развития в КНР фундаментальных исследований полупроводниковых технологий и подготовки студентов по специальности «Физика полупроводников». В России могли бы изучить российские возможности на этом направлении и при их наличии предложить китайской стороне совместные образовательные программы, обмены специалистами, грантовые исследования, кооперацию в создании научных центров мирового уровня.

References

America's hoped-for Asian semiconductor pact looks tricky. February 02, 2023. The Economist. URL: <https://www.economist.com/asia/2023/02/02/americas-hoped-for-asian-semiconductor-pact-looks-tricky> (accessed: 02.11.2023).

Buchholz, K. Advanced Microchip Production Relies On Taiwan. January 13, 2023. Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/katharinabuchholz/2023/01/13/advanced-microchip-production-relies-on-taiwan/> (accessed: 02.11.2023).

Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth. 100-Day Reviews under Executive Order 14017 (2021). The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/100-day-supply-chain-review-report.pdf> (accessed: 02.11.2023).

Chung, Esther. Park tries to assuage Wang on chips in Qingdao. August 10, 2022. Korea JoongAng Daily. URL: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2022/08/10/national/diplomacy/korea-china-semiconductor/20220810170408001.html> (accessed: 01.11.2023).

Cui, Lianbiao, Weng, Shimei, Mo, Jianlei, Song, Malin, Xia, Yan 崔连标, 翁世梅, 莫建雷, 宋马林, 夏炎 (2022). Guoji jinyun lianmeng, gongying lian zhongduan fengxian yu woguo hongguan jingji yisunxing – yi xinpian wei li 国际禁运联盟、供应链中断风险与我国宏观经济易损性—以芯片为例 [Embargo alliance, supply chain disruption and China's macroeconomic vulnerability: taking chips as an example]. 财经研究 [Journal of Finance and Economics], No 8(12). Pp. 92–105, 165. (In Chinese).

Davies, Ch., Song, Jung-a, Kana, Inagaki, Waters, R. US struggles to mobilise its East Asian 'Chip 4' alliance. 13.09.2022. The Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/98f22615-ee7e-4431-ab98-fb6e3f9de032> (accessed: 02.11.2023).

Executive Order on America's Supply Chains. February 24, 2021. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/02/24/executive-order-on-americas-supply-chains/> (accessed: 02.11.2023).

Fact Sheet: Biden-Harris Administration Announces Supply Chain Disruptions Task Force to Address Short-Term Supply Chain Discontinuities. June 08, 2021. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/08/fact-sheet-biden-harris-administration-announces-supply-chain-disruptions-task-force-to-address-short-term-supply-chain-discontinuities/> (accessed: 02.11.2023).

Farley, R. Japanese Tech Export Controls on South Korea? July 02, 2019. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2019/07/japanese-tech-export-controls-on-south-korea/> (accessed: 02.11.2023).

Gargeyas, Arjun. The Chip 4 Alliance Might Work on Paper, But Problems Will Persist. August, 25, 2022. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2022/08/the-chip4-alliance-might-work-on-paper-but-problems-will-persist/> (accessed: 01.11.2023).

Investigative Report on the U.S. National Security Issues Posed by Chinese Telecommunications Companies Huawei and ZTE URL: <https://stacks.stanford.edu/file/druid:rm226yb7473/Huawei-ZTE%20Investigative%20Report%20%28FINAL%29.pdf/> (accessed: 02.11.2023).

Jo, He-rim. Minister confirms South Korea's participation in US-led chip alliance. 18.12.2022. The Korea Herald. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20221218000120> (accessed: 01.11.2023).

Kelly, T. Japan sees peril in U.S. chip hub to counter China. August 18, 2021. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/technology/japan-sees-peril-us-chip-hub-counter-china-2021-08-17/> (accessed: 02.11.2023).

Luo, Junwei, Lin Shushen 骆军委, 李树深 (2023). Jiaqiang bandaoti jichu nengli jianshe dianliang bandaoti zili ziqiang fazhan de “ dengta” 加强半导体基础能力建设 点亮半导体自立自强发展的“灯塔”[Strengthen the building of basic reach capacity for semiconductor research to light up the “beacon” towards realizing the self-reliance and self-improvement of semiconductors]. *中国科学院院刊 [Bulletin of Chinese Academy of Sciences]*, No 38(2). Pp.187-192. (In Chinese). DOI: 10.16418/j.issn.1000-3045.20230130001.

Miller, Ch. (2022). *Chip War: The Fight for the World's Most Critical Technology*. New York: Scribner, an imprint of Simon & Schuster. 464 p.

National Security Strategy (2015). URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015.pdf> (accessed: 02.11.2023).

Negishi, Mayumi, Jeong, Eun-Young. Japan Curbs Exports to South Korea, Hitting Global Chip Makers. July 01, 2019. The Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/articles/japan-restricts-exports-to-south-korea-as-bilateral-ties-fray-11561953854> (accessed: 02.11.2023).

Pan, Che. US-China tech war: Washington said to eye chip alliance with Japan, South Korea, Taiwan to squeeze China. March 30, 2022. South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/tech/tech-trends/article/3172418/us-china-tech-war-washington-said-eye-chip-alliance-japan-south> (accessed: 02.11.2023).

Remarks by President Biden at Signing of an Executive Order on Supply Chains. February 24, 2021. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/24/remarks-by-president-biden-at-signing-of-an-executive-order-on-supply-chains/> (accessed: 02.11.2023).

Remarks by President Biden on the CHIPS and Science Act at IBM Poughkeepsie. November 06, 2023. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/10/06/remarks-by-president-biden-on-the-chips-and-science-act-at-ibm-poughkeepsie/> (accessed: 02.11.2023).

U.S. Restrictions on Huawei Technologies: National Security, Foreign Policy, and Economic Interests. January 05, 2022. Congressional Research Service. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47012/2> (accessed: 02.11.2023).

United States-Republic of Korea Leaders' Joint Statement. May 21, 2022. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/21/united-states-republic-of-korea-leaders-joint-statement/> (accessed: 02.11.2023).

Wei, Chi-hung. Are Semiconductors a National Security Issue? April 21, 2022. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2022/04/are-semiconductors-a-national-security-issue/> (accessed: 02.11.2023).

Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community (2017). May 23, 2017. Senate Armed Services Committee. URL: <https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Testimonies/SASC%202017%20ATA%20SFR%20-%20FINAL.PDF> (accessed: 01.11.2023).

Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community (2019). January 29, 2019. Senate Select Committee on Intelligence. January 29, 2019. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/2019-ATA-SFR---SSCI.pdf> (accessed: 01.11.2023).

Xin yi dai rengong zhineng fazhan guihua 新一代人工智能发展规划 [The Development Plan for the New-Generation Artificial Intelligence]. July 20, 2017. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 20.11.2023. Received: 20 November 2023.

Принята к публикации: 21.12.2023. Accepted: 21 December 2023.

П.И. Рысакова, А.А. Арсаева

Интернационализация высшего образования в КНР в постпандемийный период: концепции, задачи, механизм реализации

Аннотация: Интернационализация высшего образования выступает стратегической задачей китайского руководства на протяжении последних десятилетий после 1978 г. В постпандемийный период изменившиеся политические, экономические и культурные реалии современного мира стимулируют поиск новых адекватных подходов. Сегодня Китай избирает стратегию «внутренней интернационализации», нацеленную на повышение качества высшего образования, предлагаемого китайскими вузами, через сотрудничество с зарубежными университетами. В статье представлен анализ концепции «внутренней интернационализации». На примерах китайско-иностранный сотрудничества в сфере высшего образования описаны задачи и механизмы реализации программы интернационализации. Особое внимание уделено рассмотрению актуального состояния российско-китайского взаимодействия в области высшего образования.

Ключевые слова: внутренняя интернационализация, высшее образование, Россия, Китай, совместный китайско-иностранный университет.

Авторы: Рысакова Полина Игоревна, кандидат социологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет. ORCID ID: 0000-0002-4774-7238; E-mail: p.rysakova@spbu.ru; Арсаева Алия Александровна, программный директор обучающего центра China Professionals. E-mail: info@chinaprofessionals.ru

Р.И. 雷萨科娃, А.А. 阿尔萨耶娃

后疫情时期中国高等教育的国际化：理念、任务、实施机制

摘要: 高等教育国际化是中国领导人自 1978 年起数十年来一贯的战略目标。在后疫情时期，现代世界政治、经济和文化现实的变化激发了对新的适当方法的探索。如今，中国正在推行“在地国际化”战略，旨在通过与外国大学合作提高中国大学提供的高等教育质量。本文对“在地国际化”的概念进行了分析。以高等教育领域中外合作为例，阐述了实施国际化的任务和机制。本文还特别关注了高等教育领域俄中互动的现状。

关键词: 在地国际化；高等教育；俄罗斯；中国；中外合作大学

作者: 波林娜·伊戈列夫娜·雷萨科娃，社会学副博士，副教授，圣彼得堡国立大学。ORCID ID: 0000-0002-4774-7238; E-mail: p.rysakova@spbu.ru; 阿利娅·亚历山大德罗夫娜·阿尔萨耶娃，“China Professionals”培训中心项目总监。E-mail: info@chinaprofessionals.ru

Polina I. Rysakova
Aliya A. Arsaeva

Internationalization of higher education in China in the post-pandemic period: concepts, goals and implementation

Abstract: The internationalization of higher education has been a strategic priority for the Chinese government over the past few decades since 1978. In the post-pandemic period, the changing political, economic, and cultural realities of the contemporary world stimulate the search for new adequate approaches. Today, China is adopting an “internal internationalization” strategy aimed at enhancing the quality of higher education offered by Chinese universities through cooperation with foreign institutions. This article offers an analysis of the concept of “internal internationalization”. The goals and mechanisms of implementing the internationalization program are analyzed via examples of China’s collaboration with foreign institutions in higher education. Special attention is paid to the current state of Russian-Chinese cooperation in the field of higher education.

Keywords: Internationalization at Home, higher education, Russia, China, joint Chinese-foreign university.

Authors: Rysakova Polina I., Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, St. Petersburg State University. ORCID ID: 0000-0002-4774-7238; E-mail: p.rysakova@spbu.ru; Arsaeva Aliya A., Program Director, Educational center China Professionals. E-mail: info@chinaprofessionals.ru

Введение

Интернационализация высшего и профессионального образования – одна из принципиальных задач, которую китайское руководство последовательно реализует на протяжении последних сорока лет после старта политики реформ и открытости. Важную особенность китайского курса интернационализации составляет ведущая роль государства, которое и задает стратегическое видение ее целей в зависимости от приоритетов внутреннего курса и особенностей внешнеполитического контекста.

На современном этапе, согласно программе «Модернизация китайского образования к 2035 г.» (中国教育现代化 2035) (2019), акцент делается на повышении качества образования [Zhonggong Zhongyang...].

Данная стратегическая цель определяет также и задачи интернационализации. Она рассматривается прежде всего как инструмент повышения качества образования внутри страны, создания научно-технической базы для приоритетных отраслей экономики, усиления потенциала государства в гуманитарной сфере как активного субъекта «дискурсивной силы».

Сегодня специфика интернационализации китайского образования заключается в непросто́м внешнеполитическом контексте, который вовсе не способствует активизи-

зации международного академического и научного взаимодействия: длительная изоляция во время пандемии COVID-19 и лишь постепенное восстановление контактов, нарастание напряженности в отношениях с западными странами и внутри Азиатского региона. В связи с этим принципиальный интерес представляет вопрос, какие именно стратегии интернационализации выдвигает Китай для достижения своих целей в области образования, в частности, в развитии образовательного взаимодействия с другими странами.

Сотрудничество между Россией и Китаем в сфере высшего образования традиционно составляет значимый аспект в отношениях между нашими странами и наделяется «стратегическим» значением. Безусловно, интенсивному развитию образовательного диалога в немалой степени способствует высокий уровень политических отношений, который зачастую характеризуют как «беспрецедентный». Так, во время пандемии весной 2022 г. российские студенты были среди немногих, кому китайская сторона открыла въезд для продолжения учебы, фактически сохраняя запрет для многих других стран, например Индии. Изменившаяся геополитическая реальность создает дополнительные стимулы для расширения сотрудничества между вузами России и Китая.

Исследования интернационализации высшего образования в Китае преимущественно сосредоточены на таких темах, как студенческая и преподавательская мобильность, вопросы маркетизации и приватизации образования, внедрение английского языка как инструмента обучения. В последние годы все чаще предпринимаются попытки определить китайскую специфику процесса интернационализации образования. К этой теме обращаются китаезычные авторы. Так, Жуй Ян, исследователь из Китайского университета Гонконга, анализирует культурно-идеологические дилеммы, которые возникают в ходе интернационализации. Западные страны выступают одновременно источником заимствований и идейно-политическим соперником, сотрудничество с которым необходимо, но отягощено историческим опытом и чревато утратой образовательного суверенитета. Достаточно ярко подобная двойственность проявляется и в области межвузовского партнерства, в частности, в «размытом» юридическом статусе совместных образовательных программ и возможных резких изменениях регуляторной политики со стороны китайского государства [Rui, Yang, 2016].

Подчеркнем, что именно различные формы образовательной кооперации, такие как совместные образовательные программы и учебные подразделения, совместные самостоятельные университеты выступают сегодня востребованным объектом изучения, который все еще ожидает своего многоаспектного рассмотрения. Как отмечает классик исследований интернационализации образования Дж. Найт, совместные университеты представляют собой новую форму трансграничных перемещений образовательных объектов и услуг, преимущества которых еще стоит отдельно анализировать [Knight, Jane, Simpson, Diane, 2022, p.460].

Российские авторы обращаются к вопросу совместных образовательных программ на примере российско-китайского взаимодействия в сфере высшего образования [Гурулева, Бедарева, 2019; Ефремова, 2017; Медяник, 2018; Шендерова, 2016]. Здесь стоит

отдельно отметить исследование Т.Л. Гурулевой, посвященное подробному анализу российско-китайских образовательных программ накануне пандемии COVID-19. Среди проблем, затруднявших реализацию совместных программ, ученый называет неразработанность нормативно-правовой базы, сложности аккредитации, трудности с визовой поддержкой студентов [Гурулева, 2018].

Приоритетное развитие контактов между российскими вузами и их партнерами в северо-восточных провинциях Китая также нашло отражение в работах Гурулевой Т.Л., Айзенберг И.Р. и соавторов. Исследователи подчеркивают положительное значение такой кооперации как стимула социально-экономического развития трансграничного региона [Айзенберг И.Р., Складенко С.А., Кульбятская, 2022; Резник, Гурулева, 2009].

Последние исследования фокусируют внимание на конкретных примерах российско-китайского образовательного сотрудничества, как например, университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Вместе с тем остается ряд вопросов, которые нуждаются в дальнейшей разработке. Прежде всего, необходимо обратить внимание на более широкий контекст реализации совместных образовательных программ, а именно эволюцию образовательной политики Китая. Актуальные стратегии интернационализации высшего образования, которые предлагает сейчас КНР, учитывают специфику международной обстановки постпандемийного периода. Углубленный анализ современных тенденций позволит, на наш взгляд, более объемно представить позиции России в образовательном пространстве современного Китая и наметить эффективные шаги для углубления двустороннего партнерства. В силу этого обстоятельства наше дальнейшее изложение охватывает три взаимосвязанных вопроса: перспективы интернационализации на современном этапе, специфику китайской стратегии интернационализации в постпандемийный период, а также характерные черты российско-китайских совместных образовательных проектов.

Интернационализация высшего образования: реинтерпретация понятия

Начиная с 1990-х годов интернационализация выступает одной из ведущих тенденций в сфере высшего образования, затрагивая как организационные, так и содержательные аспекты учебного процесса. Студенческая и академическая мобильность, совместные образовательные программы, включение мультикультурной перспективы в преподаваемые дисциплины – все это привычные реалии высшей школы сегодня, маркирующие эволюцию образовательного пространства на региональном и глобальном уровнях.

Характерно, что за истекшие десятилетия процессы интернационализации подверглись весьма значительной переоценке в общественном и академическом дискурсе. Изначальные оптимистические ожидания сотрудничества и открытости сменились к 2010-м годам на более сдержанные оценки. В условиях глобализации и доминирования либерального рынка сфера образования все больше подчиняется экономической логике, превращаясь в вид услуги, доступной на коммерческих основаниях.

Не ослабевает образовательное неравенство между странами. Академические модели западного мира продвигаются в качестве универсальных, ставя под вопрос сохранение культурного разнообразия. Международные обмены обретают элитарный характер, охватывая лишь малую часть учебных заведений и вовлекая только избранных студентов [Найт, 2013].

Критическое восприятие реалий высшего образования побудило теоретиков и практиков образования вновь обратиться к вопросу о том, что именно следует считать интернационализацией образования. Исходной точкой рассуждений послужило определение интернационализации, выдвинутое канадской исследовательницей Джейн Найт еще в 1990-е годы и не утратившее актуальности до настоящего времени. Согласно Найт, это «процесс встраивания международного, межкультурного и глобального измерений в цели, задачи и потребности высшего образования» [Найт, 2013, с. 71; Deardorff, de Wit, Leask, Harvey, 2022, p. 54].

К середине 2010-х годов академическое сообщество признало, что вместо достижения идеалов сотрудничества и единения интернационализация превратилась в средство экономической и политической конкуренции между национальными государствами. Она служит усилению экономического потенциала государства, используется для наращивания «мягкой силы» и формирования положительного имиджа страны на международной сцене [Найт, де Вит, 2018]. Практика интернационализации высшего образования выявила приоритет формальных и организационных аспектов, таких как показатели студенческой и преподавательской мобильности, количество совместных образовательных программ, успех зарубежных кампусов национальных университетов, позиции учебных заведений в мировых рейтингах.

Значительный отход образовательных практик национальных государств от исходных ценностей интернационализации послужил поводом для признания ее «заката». В 2011 г. вышла в свет статья с провокативным названием «Конец интернационализации» авторства Ханса де Вита и Уве Бранденбурга, видных исследователей современного образования [Brandenburg, de Wit, 2011]. Констатируя кризис актуальной модели интернационализации, они призвали воспринимать ее не как самостоятельную цель, выраженную в количественных показателях мобильности и рейтингов, но прежде всего как средство повышения качества образования. Тем самым они открыли пространство для развернувшейся более чем на десятилетие дискуссии о долгосрочных целях и практике интернационализации [Johnstone, 2023].

Одним из наиболее плодотворных направлений этой дискуссии стало дальнейшее уточнение понятия интернационализация за счет дифференциации так называемой «внутренней» и «внешней» интернационализации. Внешняя интернационализация (cross-border internationalization) отсылает к уже привычным практикам актуальной академической миграции и пересечения границ для образовательных продуктов.

Идея внутренней интернационализации (internationalization at home) впервые была выдвинута также в 1990-е годы, однако оказалась наиболее востребованной именно в 2010-х годах на волне рефлексии о перспективах развития международного образования. Ее закрепившееся определение ввели Й. Беелен и Э. Джонс, согласно которым это «целенаправленная интеграция международных и межкультурных состав-

ляющих в формальную и неформальную учебную программу для всех студентов, обучающихся в вузе» [Beelen, Jones, 2015, p. 69; Де Вит, 2019].

Данное определение делает акцент на продуманной и целенаправленной интернационализации учебного плана, инклюзивном характере такой интернационализации, который охватывает всех учащихся, а также доступности межкультурного опыта в привычной среде без необходимости выезжать за рубеж. Ключевая роль в этом случае отводится преподавательскому составу, который способен привнести глобальную перспективу в преподаваемые дисциплины.

Весьма симптоматично, что после всплеска интереса в 2010-е годы концепция «внутренней интернационализации» вновь получила активное обсуждение в начале 2020-х годов. Причем китайязычные авторы оказались одними из лидеров этой дискуссии [Hudzik, 2020; Li Jian, Xue Eryong, 2023; Liu Jin; Gao Yuan, 2022]. Очевидной причиной тому послужила пандемия COVID-19, во время которой реальные образовательные обмены фактически приостановились. Отметим еще и роль технологического фактора, а именно сложение цифрового медиапространства, создавшего недоступные прежде возможности для получения мультикультурного опыта без физического пересечения национальных границ. Здесь следует говорить не только о различных формах дистанционного образования в онлайн-формате. Новые цифровые медиа позволяют также получить опыт виртуальных стажировок при выполнении заданий онлайн для компаний из разных частей мира [Ogden, Streitwieser; Mol, 2020].

Наконец, укреплению идеи интернационализации без реальных физических перемещений способствует и специфический международный контекст последних лет: изоляционизм, нарастание взаимного недоверия и конкуренции между странами, нестабильная обстановка в разных частях мира. Ориентация на внутренние процессы и некоторый изоляционизм следует рассматривать как ответ национальных государств на внешнюю турбулентность. Внутренняя интернационализация как нельзя лучше отвечает новым геополитическим реалиям.

Предпринятый краткий разбор понятия интернационализации и актуальных тенденций в сфере международного образования позволяет непосредственно обратиться к анализу китайского опыта интернационализации и, в частности, создания совместных образовательных проектов с иностранными вузами.

Интернационализация по-китайски: «обучаться за рубежом, не покидая дома»

На современном этапе интернационализация высшего образования в Китае стартовала после 1978 г. с началом курса реформ и открытости. Современные китайские авторы выделяют несколько этапов интернационализации в зависимости от приоритетных задач и механизма их достижения. На первом этапе 1980–1990-х годов основной акцент был сделан на стимулирование студенческой и преподавательской мобильности, а именно реализации программ массового обучения за рубежом, прежде всего в США. Начиная с 1990-х годов приоритетное развитие получило международное научное сотрудничество. После 2000-х годов развернулась активная адаптация опыта зарубеж-

ных вузов благодаря практике совместных образовательных программ. Уже после 2010-х годов на повестку дня вышла задача экспорта китайского образования и продвижения «мягкой силы» через образовательные проекты [Zheng, Karoor, 2021].

За прошедшие десятилетия стране удалось превратиться в одного из ключевых игроков на рынке глобального образования. Китай на протяжении многих лет оказывается лидером по количеству студентов, обучающихся за рубежом. Так, даже в 2022 г., на фоне не полностью восстановившейся академической мобильности, китайские студенты составляли около 30% от числа всех международных учащихся в США [Are China's outbound...].

Вместе с тем за последние годы Китай приложил эффективные усилия по привлечению иностранных студентов в собственные вузы, заняв третье место в мире в рейтинге популярных направлений для студенческой мобильности. Наиболее прочные позиции он занимает как региональный образовательный центр в Азии, притягивая студентов из Южной Кореи, Таиланда, Индии, Пакистана [Skinner, 2019]. При этом Китай упрочил свой образовательный и научный статус и на мировом уровне. Семь университетов КНР входят в первую сотню вузов в мировом рейтинге Times Higher Education, что делает ее лидером в Азии по количеству топ-университетов [World University Rankings 2024].

Анализируя накопленный Китаем опыт интернационализации высшего образования, исследователи выделяют следующие его специфические черты. Прежде всего отмечается, что цели и задачи интернационализации китайского высшего образования оказываются включенными в контекст конкурентных отношений с внешним, преимущественно западным, миром. Китай выступает в роли отстающего, который вынужден проводить «догоняющую» интернационализацию с тем, чтобы занять достойное место среди лидеров мирового образования. При этом западные университеты воспринимаются и как источник заимствований для повышения качества образования, и как потенциальные конкуренты в мировых рейтингах.

В то же время интернационализация тесным образом вписана в государственные стратегии упрочения экономического, политического и культурного статуса Китая на мировой арене. Характерно, что в 1990–2000-е годы на первый план вышли задачи экономической модернизации в рамках курса «наука и образование возродят государство». Государство стимулировало высшие учебные заведения устанавливать сотрудничество с зарубежными партнерами, но преимущественно по тем отраслям знания, которые считались критично важными для развития китайской экономики.

После 2010-х гг. усилилось политическое значение интернационализации высшего образования. Китай стремился не только заимствовать (引进来) инокультурный опыт. Он также начал активно продвигать собственную политическую и культурную повестку, экспортируя образование в рамках стратегии «выхода вовне» (走出去), в частности через открывавшиеся повсеместно институты Конфуция как центры изучения китайского языка и культуры, а также школы профессионального обучения «мастерские Лу Баня» [Tin Yau Joe Lo, Pan Suyan, 2021; Xu Xin, 2023].

Новое десятилетие 2020-х годов ознаменовано мировой пандемией COVID-19. В качестве профилактической меры Китай избрал стратегию длительной изоляции от

внешнего мира. Сопутствующей причиной для такой обращенности внутрь послужила также напряженная внешнеполитическая обстановка и обострившееся соперничество между Китаем и западными странами, в частности США.

Практическое ограничение академической мобильности, активизация практик онлайн-обучения послужили поводом для тщательного анализа опыта интернационализации высшего образования в Китае и выбора новых стратегий, адекватных изменившимся политическим и экономическим реалиям. Характерно, что в этот период в Китае так же, как и других странах, начинается активное обсуждение концепции «внутренней интернационализации».

По мнению китайских специалистов, в ситуации значительного ограничения физических перемещений «внутренняя интернационализация» может послужить действенной стратегией, которая позволит достичь основных целей модернизации образования: повышения качества образования и подготовки кадров, отвечающих требованиям современной технологичной экономики. Эффективной реализации этой стратегии содействует тот факт, что в Китае уже сложились необходимые условия, которые могут обеспечить успешную «внутреннюю интернационализацию»: повсеместное преподавание английского языка, разработанная технологическая база для онлайн-обучения, накопленный опыт международного сотрудничества с зарубежными вузами и реализация совместных образовательных программ, востребованность Китая как центра академической и научной мобильности [Guo Feng, 2023].

Наконец, стратегия «внутренней интернационализации» созвучна приоритетным задачам внутривнутриполитического курса китайского руководства начала 2020-х годов. В отличие от модели «внешней интернационализации» с физическим пересечением границ, доступным для ограниченного числа студентов, внутренняя стратегия нацелена на вовлечение максимального числа учащихся за счет ресурсов самого университета и создания «интернациональной среды» в кампусе. Такой антиэлитарный подход отвечает нынешнему внутривнутриполитическому курсу Си Цзиньпина в рамках концепции «всеобщего процветания». Кроме этого, создание «интернациональной среды» в кампусах китайских вузов задумано для снижения рисков «утечки мозгов», миграции студентов за рубеж для учебы и возможной будущей работы. Наконец, активное привлечение зарубежных партнеров для создания совместных учебных программ и новых учебных заведений рассматривается как эффективная стратегия устойчивого развития китайского высшего образования, которая позволит повысить качество обучения и подготовить кадры международного уровня [Guo Feng, 2023; Li Jian, Xue Eryong, 2023].

Отмеченные выше особенности китайского опыта интернационализации прослеживаются и в сфере создания совместных образовательных программ с привлечением иностранных партнеров, к анализу которого мы обратимся ниже.

Китайско-иностраные образовательные программы

На современном этапе интенсивное сотрудничество китайских вузов с зарубежными партнерами началось в конце 1980-х годов. В 1990-е годы связи между китай-

скими и зарубежными вузами активно развивались, уже требуя соответствующего регулирования. В 1995 г. Государственный комитет по образованию (中华人民共和国国家教育委员会) разработал «Временные правила совместных китайско-иностранных проектов в области образования» (中外合作办学暂行规定), которые стимулировали создание совместных программ в области профессионального образования [Zhongwai hezuo banxue zanxing guiding].

Большое значение для открытия китайского образовательного рынка имело вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. Тогда же Госсовет утвердил нормативные документы, регулирующие взаимодействие китайских высших учебных заведений с их партнерами в сфере высшего образования. Начиная с 2000-х годов деятельность совместных учебных проектов определяется «Положением о китайско-иностранных совместных образовательных учреждениях» (中华人民共和国中外合作办学条例) (2003) и «Мерами по реализации Положения о китайско-иностранном сотрудничестве в сфере образования» (中外合作办学条例实施办法) (2004) [Zhonghua renmin gongheguo zhongwai hezuo banxue tiaoli, Zhongwai hezuo banxue tiaoli shishi banfa].

Согласно законодательству, совместные образовательные проекты могут открываться в партнерстве с ведущими мировыми университетами по остроактуальным и востребованным, с точки зрения Китая, специальностям. При этом основной контингент учащихся должны составлять китайские студенты. Учебные планы и критерии зачисления утверждаются китайской стороной [Zhongwai hezuo banxue tiaoli shishi banfa].

В прошедшие десятилетия международное сотрудничество китайских вузов развивалось значительными темпами. Однако если в 2000–2010-е годы совместные программы активно создавались и регистрировались, то в конце 2010-х годов темпы сотрудничества заметно снизились, а число новых проектов росло не так значительно. Так, по заявлению Министерства образования КНР, в 2013 г. прошли регистрацию 1979 китайско-иностранных образовательных проектов, включая программы двойного диплома и совместные институты [Quanguo zhongwai...]. К 2020 г. их число несколько возросло, до 2332, и с тех пор остается практически неизменным [China has over 2,000...].

После наступления 2010-х годов в планах китайских вузов произошел заметный сдвиг: они стали фокусироваться не на расширении масштабов партнерства, а на его качественном улучшении. Уже запущенные проекты подверглись проверкам на качество обучения и соответствие уставным документам. Наиболее значительная из них прошла в 2018 г., по итогам которой Министерство образования приостановило деятельность 234 программ из-за несоответствия качества предлагаемого обучения принятым стандартам. Согласно дальнейшим уточнениям министерства, большинство из этих программ так и не было фактически запущено, и их закрытие имело формальный характер [Jiaoyubu pizhun zhongzhi 234...].

Тем не менее для внешних наблюдателей проведенная проверка послужила поводом отметить изменение государственной политики в отношении совместных программ. Определенная открытость и поощрение сотрудничества сменились на более

тщательное отношение к реальному качеству актуальных образовательных программ, а также ужесточение организационного контроля над ними с китайской стороны [Sharma Yojana, 2018].

В 2019 г. новые приоритеты государственной политики в сфере зарубежного сотрудничества получили закрепление в программном документе Госсовета «Модернизация китайского образования к 2035 г.». В нем акцент был сделан на повышении качества высшего образования в рамках совместных китайско-иностранных программ [Zhonggong Zhongyang...].

Итак, каково актуальное состояние совместных китайско-иностранных образовательных проектов?

В настоящее время сотрудничество между китайскими и иностранными вузами разворачивается на трех уровнях в зависимости от масштаба совместной деятельности. Самая распространенная форма – это совместные образовательные программы уровня бакалавриата и магистратуры. По завершении такой программы присуждается совместный или двойной диплом.

Более крупные проекты предполагают учреждение структурного подразделения на базе китайского вуза-партнера без создания отдельного юридического лица. Зарубежный вуз-партнер участвует в реализации образовательной программы, но в рамках деятельности головного китайского вуза. В 2019 г. таких совместных образовательных подразделений насчитывалось более 120 [Jiaoyu kaifang]. Из них 11 – это российско-китайские совместные учебные заведения [Dui shisan jie].

Наконец, третья, самая сложная форма сотрудничества – это создание совместного университета (中外合作办学大学, International Joint University). По своей организационной форме совместный университет – это не филиал зарубежного вуза, а новое независимое учебное заведение, созданное в принимающей стране как самостоятельное юридическое лицо в результате сотрудничества между принимающим и зарубежными вузами-партнерами. Совместный университет может разрабатывать и предлагать собственные академические программы и квалификации, но также работать по программам совместного или двойного диплома вузов-основателей.

Следует отметить, что совместные университеты – это относительно новая форма международного сотрудничества в сфере образования, которая привлекает внимание исследователей [Распертова, 2019; Шендерова, 2016; Knight, Simpson, 2022]. Первый подобный университет открылся в 2001 г. в Египте при сотрудничестве с германскими университетами. Сейчас в мире насчитывается свыше 20 совместных университетов, причем более половины из них расположены в Азии – Китае, Малайзии, Индонезии, Вьетнаме, Монголии.

Чаще всего такой университет – это результат партнерства между азиатским и западным вузами. Как правило, китайские вузы выбирают в качестве партнера высшее учебное заведение из Западной Европы или США, которое имеет высокие позиции в международных рейтингах и прославилось достижениями в науке по приоритетным для Китая отраслям знания. Примечательно, что образовательные учреждения материковой части страны оформляют таким образом сотрудничество и с вузами Гонконга, что делает Китай лидером по числу совместных университетов в Азии

и мире [Knight, Simpson, 2022, p.454]. В 2023 г. в Китае по неполным данным открыто десять совместных университетов и четыре высшие школы профессионального образования, которые были учреждены при участии вузов США, Великобритании, России, Израиля, Германии и Гонконга (табл.1).

Таблица 1. Совместные самостоятельные китайско-иностранные высшие учебные заведения (2023)

Совместные университеты					
Наименование учебного заведения на англ. (русск.) яз.	Название учебного заведения на кит.яз.	Год основания	Расположение	Наименование китайского вуза-партнера	Наименование вуза-партнера
Chinese University of Hong Kong-Shenzhen	香港中文大学 (深圳)	2014	пров. Гуандун	Shenzhen University	Chinese University of Hong Kong
Duke Kunshan University	昆山杜克大学	2013	пров. Цзянсу	Wuhan University	Duke University США
The Guangdong Technion – Israel Institute of Technology (GTIIT)	广东以色列理工学院	2016	пров. Гуандун	Shantou University	Technion Israel Institute of Technology Израиль
The Hong Kong University of Science and Technology (Guangzhou)	香港科技大学 (广州)	2018	пров. Гуандун	Guangzhou University	The Hong Kong University of Science and Technology
New-York University-Shanghai	上海纽约大学	2011	Шанхай	East China Normal University	New York University США
United International College (UIC)	北京师范大学-香港浸会大学联合国际学院	2005	пров. Гуандун	Beijing Normal University	Hong Kong Baptist University
University of Nottingham Ningbo China	宁波诺丁汉大学	2004	пров. Чжэцзян	Zhejiang Wanli University	University of Nottingham Великобритания
Wenzhou-Kean University	温州肯恩大学	2011	пров. Чжэцзян	Wenzhou University	Kean University США

Совместные университеты					
Xi'an Jiaotong-Liverpool University	西交利物浦大学	2006	пров. Цзянсу	Xi'an Jiaotong University	Liverpool University Великобритания
МГУ-ППИ Шэньчжэнь	深圳北理莫斯科大学	2016	пров. Гуандун	Beijing Institute of Technology	МГУ им. М.В. Ломоносова Россия
Совместные профессиональные институты					
Suzhou Centennial College	苏州百年职业学院	2016	пров. Цзянсу	Suzhou University of Science and Technology	Centennial College Канада
Fuzhou Melbourne Polytechnic	福州墨尔本理工职业学院	2017	пров. Фуцзянь	Minjiang University	Melbourne Polytechnic Австралия
Чжэнчжоуский транспортный профессиональный институт Евразия	郑州铁路职业技术学院	2019	пров. Хэнань	Zhengzhou Railway Vocational & Technical College	Московский государственный университет путей сообщения Россия
Bielefeld University of Applied Sciences-Hainan	海南比勒费尔德应用科学大学	2021	пров. Хайнань		Bielefeld University of Applied Sciences Германия

Источник: оставлено авторами по: [Zhongwai hezuo banxue jianguan gongzuo xinxi pingtai].

Характерной чертой совместных университетов в Китае выступает активное финансовое и организационное соучастие местных правительств. Так, например, одним из соучредителей российско-китайского университета МГУ-ППИ выступило правительство г. Шэньчжэнь, выделившее финансирование и участок для строительства кампуса на льготных условиях [Университет МГУ-ППИ...]. Местные правительства провинций рассматривают создание совместного университета как элемент эффективной социально-экономической политики, позволяющий привлечь учащуюся молодежь и квалифицированную рабочую силу. По этой причине кампусы новых университетов зачастую располагаются в экономически процветающих восточных провинциях, вне привязки к локализации китайского вуза-партнера [Lu, Xiao]. Отметим, что в силу высокой стоимости обучения и ограниченного количества мест в совместных университетах обучается лишь 2% от общего числа всех студентов в стране, около 600 тыс. учащихся [Can academic joint ventures...].

Анализ образовательной деятельности совместных университетов и образовательных программ позволяет обнаружить, что они во многом отвечают требованиям

«внутренней интернационализации», особенности которой мы рассмотрели выше. В постпандемийный период эта тенденция еще больше усилилась. Так, например, еще в 2017 г. эксперты отмечали, что в рамках китайско-британских учебных программ более 80% студентов обучались по модели 4+0 или 3+1, согласно которой студент проводит полных четыре года в родном вузе в Китае либо уезжает на учебу в вуз-партнер лишь на один год [Research on Current UK-China, 2017, p. 41]. Таким образом, для большей части студентов полноценный опыт зарубежного обучения в вузе-партнере оставался малодоступным.

Во время пандемии при невозможности покинуть страну очевидным образом еще большее распространение получила модель 4+0 [Sun Yao, Li Na, Hao Jian Li, Di Sarno Luigi, Wang Lu, 2022]. При этом по рекомендации министерства образования совместные вузы и институты могли самостоятельно скорректировать вступительные требования с тем, чтобы зачислить большее число абитуриентов из тех, кто не мог выехать из страны для учебы. Иными словами, китайско-иностранные вузы рассматривались как вполне равная замена зарубежным университетам.

Следует также добавить, что еще до пандемии 2020 г. многие китайско-иностранные вузы и институты позиционировали себя в качестве «оазиса» западного образования, с которым можно соприкоснуться, не покидая КНР. Обучение на английском языке, интернациональный преподавательский состав, сокурсники из Китая и других стран мира – все это позволяло привлекать абитуриентов, используя слоган «учиться за рубежом, не переступая порога дома» (在家门口留学) [Lai Mei, Jung Jisun, 2023].

Весьма показательно, что в период пандемии и в дальнейшем сходный призыв уже использовался и в нормативных правительственных документах, в частности «Мнениях министерства образования и восьми министерств об ускорении и расширении внешней открытости образования» (教育部等八部门关于加快和扩大新时代教育对外开放的意见) [Jiakuai he kuoda]. Согласно Мнениям, накопленный опыт взаимодействия с иностранными вузами обеспечил Китай необходимыми образовательными ресурсами, что позволяет студентам «учиться за рубежом, не выезжая из страны» (不出国门也能“留学”).

Наконец, на нынешнем этапе, после 2020 г., Китай отчетливым образом углубляет «внутреннюю интернационализацию». Центр сотрудничества с зарубежными вузами сместился на о. Хайнань, где в 2019 г. открылась зона «свободной торговли». Важная роль в проекте отведена Пилотной зоне международных образовательных инноваций в Линшуй-Лиань (海南陵水黎安国际教育创新试验区), учрежденной годом позже. В будущем Лианьская зона должна превратиться в новый центр совместных китайско-иностранных проектов в области высшего и профессионального образования. Согласно «Временным правилам для зарубежных высших учебных заведений по созданию образовательных учреждений в порту свободной торговли Хайнань» (境外高等教育机构在海南自由贸易港办学暂行规定), принципиальная новация в деятельности зоны заключается в том, что китайское правительство впервые разрешило зарубежным учебным заведениям в сфере высшего специального и профессионального образования учреждать филиалы без привлечения партнеров с китай-

ской стороны. Помимо этого, возможность открывать корпоративные учебные заведения могут получить и высокотехнологичные предприятия [Jiaoyubu Hainansheng].

Первопроходцем в реализации этой инициативы выступил Билефельдский университет прикладных наук, в 2022 г. запустивший первый в Китае самостоятельный филиал зарубежного вуза – профессиональный колледж, профилирующийся на инженерных и сельскохозяйственных науках. Помимо Билефельдского колледжа, прием студентов в хайнаньских кампусах также начали более десяти совместных институтов и образовательных программ, открытых китайскими вузами и их зарубежными партнерами. По замыслу китайского центрального и местного руководства, все эти проекты помогут в полной мере превратить Хайнань в «остров международного образования», не покидая который студенты смогут получить опыт интернационального образования (留学海南).

В завершении обзора актуальных тенденций в сфере интернационализации высшего образования в Китае мы проанализируем актуальное состояние российско-китайских совместных образовательных проектов. Это позволит более наглядно оценить позиции России на китайском образовательном рынке и наметить стратегии для будущего взаимодействия.

Для разбора мы привлекли данные о зарегистрированных совместных китайско-иностранных образовательных программах, институтах и вузах, размещенных на информационной платформе министерства образования КНР «Надзор за китайско-иностранным сотрудничеством в сфере образования» (中外合作办学监管工作信息平台) [Zhongwai hezuo banxue jianguan]. Для сопоставления мы отобрали сведения, касающиеся не только России, но также США, Великобритании, Австралии, Южной Кореи и Японии (табл. 2). Такой выбор обусловлен тем, что перечисленные англоязычные страны играют значимую роль в интернационализации китайского образования. Они крайне востребованы среди китайских студентов как центры академической мобильности, а также активны в развитии контактов с китайскими вузами. Региональные образовательные центры – Южная Корея и Япония – выбраны нами для сопоставления масштаба кооперации китайских вузов с западными и азиатскими партнерами.

Таблица 2. Страны вузов-партнеров новых образовательных проектов в 2017-2020 гг.

Год	США	Великобритания	Россия	Австралия	Ю. Корея	Япония
2017 (6 мес.)	6	1	2	1	4	-
2018	23	6	3	-	4	-
2019	37	12	6	2	8	-
2020	21	11	12	1	9	-
Итого	87	30	23	4	25	0

Источник: оставлено авторами по: [Zhonghua renmin gongheguo jiaoyubu]. Статистика за 2021–2023 гг. в открытом доступе отсутствует.

На сегодняшний день китайские вузы установили партнерские отношения с образовательными учреждениями из более 30 стран, открыв выше 2 тыс. совместных программ и институтов в сфере профессионального и общего высшего образования [Si Huili, Lim Miguel Antonio, 2023]. Обращает на себя внимание тот факт, что безусловными лидерами здесь выступают вузы англоязычных государств – США, Великобритании, Австралии. Так, с образовательными учреждениями США было создано более 400 программ, британскими и австралийскими – более 300 с каждой из сторон.

Подчеркнем, что активное сотрудничество с американскими вузами не прекратилось и после разворота в китайско-американских отношениях в 2018 г. в сторону конфронтации. Накануне пандемии в 2018–2020 гг. США оставались лидером по числу новых открытых совместных проектов в сфере образования.

На этом фоне позиции континентальной Европы, в частности Германии, выглядят более скромно, так же, как и у азиатских соседей Китая. С Германией открыто около 100 программ, Японией – около 50. С Южной Кореей создано около 250 программ, однако их подавляющая часть связана с профессиональным образованием, а не высшим университетским. Отметим, что Австралия лидирует в развитии программ профессионального обучения, но не общего университетского. В целом, позиции южнокорейских и японских центров в китайском образовательном поле демонстрируют, что Китай уделяет приоритетное внимание заимствованию передовых практик и методов обучения в рамках обменов с ведущими с западными университетами, тогда как азиатские образовательные учреждения по-прежнему не рассматриваются в качестве первоочередных партнеров.

Россию можно назвать одним из значимых игроков на рынке китайского образования. По сведениям, размещенным на информационной платформе министерства образования КНР «Надзор за китайско-иностранным сотрудничеством в сфере образования» (中外合作办学监管工作信息平台), за последнее десятилетие совместными усилиями российских и китайских вузов открылось 31 учебное подразделение высшего и профессионального образования, 113 университетских и 68 профессиональных программ [Zhongwai hezuo banxue jianguan]. Несомненным успехом следует признать открытие самостоятельных учебных заведений – российско-китайского совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне и профессионального транспортного института Евразия в Чжэнчжоу.

Помимо совместных образовательных проектов, все больше российских вузов открывают представительства в ключевых городах КНР, присматриваясь к перспективному рынку образования. Так, еще в допандемийный период, в 2016 г., открылись представительство СПбПУ в Шанхае, в 2019 г. – представительство ДВФУ в Пекине. После вынужденного перерыва 2020–2022 гг. эта практика возобновилась. В 2023 г. в Пекине начало работу представительство университетов Новосибирской области. Университет Иннополис (Республика Татарстан) учредил представительство в Ханчжоу, одном из хабов цифровой инновационной экономики, для продвижения образовательных услуг, импорта и экспорта технологий.

Сегодня Россия также осваивает и Хайнань как новый центр притяжения международных проектов. Так, в 2023 г. планируется строительство кампуса Университета

НИУ «МЭИ»-Хайнань [НИУ «МЭИ» строит в Китае...]. Эти значительные достижения позволяют включить Россию в пятерку стран, наряду с США, Великобританией, Израилем и Германией, которые смогли реализовать наиболее сложные проекты в междоударственном образовательном сотрудничестве.

Вместе с тем следует отметить и ряд особенностей российско-китайского образовательного сотрудничества, если не ограничиваться вузами Москвы и Санкт-Петербурга. Специфика российского присутствия в сфере китайского высшего образования заключается в преимущественном развитии связей с северными провинциями страны. Если брать общую картину, ключевые партнеры российских вузов по созданию совместных программ – это университеты северо-восточных провинций Хэйлунцзян, Цзилинь. На них приходится более 50% всех созданных проектов.

Гораздо слабее налажены такого рода контакты с университетами экономически более развитой юго-восточной части страны, а также с вузами городов центрального подчинения. Это обстоятельство влечет за собой и другую особенность в продвижении российского образования в Китае. Среди китайских вузов-партнеров преобладают университеты регионального значения, которые не включены в утвержденный китайским правительством список из 140 университетов мирового уровня (双一流大学, Double Top University). Из более чем 150 высших учебных заведений, сотрудничающих с российскими вузами, лишь 4 университета входят в вышеупомянутый список мировых вузов. И здесь, помимо совместного проекта МГУ-ППИ следует упомянуть программы магистратуры с двойным дипломом МГИМО и Университета мирового бизнеса и экономики (г. Пекин), МАИ и Шанхайского университета транспорта, ЮФУ и Хэнаньского университета.

Для сравнения, американские и британские вузы преимущественно сотрудничают с университетами из городов центрального подчинения, южного и восточного Китая, из которых 30 имеют статус университетов мирового уровня (табл. 3).

Таблица 3. Распределение совместных образовательных программ и институтов по регионам Китая (2023)

	США	Великобритания	Россия	Австралия	Южн. Корея	Япония
Города центрального подчинения	76	39	7	26	9	6
Север и Северо-Восток	52	34	69	27	32	2
Восточный Китай	101	73	27	33	31	7
Центрально-Южный Китай	87	90	24	26	17	
Юго-Западный Китай	26	19	2	4	2	
Северо-Западный Китай	10	10	3	4		

	США	Великобритания	Россия	Австралия	Южн. Корея	Япония
Итого	352	265	132	120	91	15
Из них приостановлено по состоянию на 2023 г.	21	20	10	2		

Источник: оставлено авторами по: [Zhongwai hezuo banxue jianguan gongzuo xinxi pingtai].

Перечень наиболее востребованных специальностей также отражает особенности экономических и культурных связей между Россией и Китаем – это транспортная отрасль, инженерно-строительные дисциплины, химия, энергетика, медицина. Традиционно популярными остаются художественное и музыкальное образование. Напротив, американские, британские и австралийские вузы сотрудничают по направлениям менеджмент, маркетинг, финансы, информационные технологии.

Наконец, специфика позиционирования даже крупных российско-китайских совместных проектов состоит в приоритетном региональном, а не глобальном фокусе деятельности. Так, университет МГУ-ППИ заявляет своей миссией подготовку «молодых специалистов, необходимых для реализации экономических проектов двух стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [Университет МГУ-ППИ]. Ориентация на региональный рынок труда для будущих выпускников позволяет университету вводить русский язык, наряду с китайским и английским, в качестве инструмента преподавания. Отметим, что в других совместных китайско-иностранных университетах преподавание ведется на английском и китайском языках.

Характерно, что открытые российско-китайские программы и институты также становятся центрами подготовки кадров для работы в России и странах СНГ. Значительное внимание в них уделяется преподаванию русского языка. При этом он изучается по модели «иностранный язык плюс», что означает одновременную языковую подготовку и овладение профильной специальностью. Основная задача таких образовательных программ и учебных заведений – подготовка не кадров русистов или переводчиков, а профильных специалистов со знанием русского языка [Zhang Guangzheng, 2015]. Такое целевое позиционирование, с одной стороны, отвечает интересам обеих стран в подготовке востребованных специалистов, с другой – потенциально сужает возможности для привлечения новых абитуриентов.

Многие образовательные программы открываются с подачи китайской стороны и ориентированы в основном на обучение китайских студентов в России или в Китае при участии российских партнеров. Совместные программы для российских и китайских студентов по модели 2+2, которые могут вывести сотрудничество на новый уровень, пока находятся в меньшинстве. Серьезной задачей остается поиск решений для подготовки профильных профессионалов с китайским языком для российского рынка труда.

Выводы

Реалии современного мира стимулируют поиск новых адекватных стратегий, в том числе и в сфере образовательного диалога. Своеобразным ответом на возросшую внешнеполитическую турбулентность послужила китайская концепция «внутренней интернационализации», которая делает акцент на возможном обретении межкультурного опыта внутри привычной образовательной среды без обязательных пространственных перемещений.

Характерно, что подобная весьма парадоксальная идея получила теплый прием у китайских теоретиков и практиков интернационализации образования. На наш взгляд, одной из причин тому выступает изначальная цель интернационализации китайского высшего образования – развитие внутренних ресурсов через открытость внешнему миру. Создание «интернациональной среды» внутри Китая, повышение качества университетского образования, укрепление технологической базы и удержание амбициозной молодежи для работы внутри страны – такие задачи решает китайское руководство, стимулируя ведущие вузы к партнерству с зарубежными учебными заведениями. В настоящий постпандемийный период «внутренняя интернационализация» дополнительно усиливается новой установкой на определенную закрытость и обращенность внутрь, которая прослеживается в политическом и экономическом курсе китайского руководства.

Несмотря на возросшую политическую и экономическую конфронтацию с Западом, Пекин сохраняет прагматичный подход в сфере образования. КНР не только развивает приоритетные отношения с США и Великобританией, открывая новые образовательные программы, но и создает дополнительные условия для углубления такого сотрудничества, разрешая открывать филиалы иностранных вузов без посредника с китайской стороны. Однако подчеркнем, что активное взаимодействие с зарубежными вузами разворачивается в тех предметных областях, которые важны для развития науки и построения наукоемких отраслей экономики, не затрагивая идеологически чувствительную социально-гуманитарную сферу.

Сходный прагматичный подход китайского руководства можно обнаружить и в российско-китайском образовательном сотрудничестве. Россия – один из значимых партнеров Китая по образовательному диалогу. По количеству созданных совместных образовательных программ и учебных заведений она занимает уверенные позиции, уступая лишь ярким лидерам – США и Великобритании. Однако специфика позиционирования российского образования заключается в приоритетном развитии отношений с вузами северо-восточного Китая, с которыми ее традиционно связывают тесные приграничные контакты. Во многом здесь чувствуется многолетняя инерция, которая, безусловно, должна быть преодолена на нынешнем этапе.

Позиции российского высшего образования в Китае можно было бы усилить за счет продвижения комплекса специальностей, которые имеют отношение к приоритетным отраслям экономики, подкрепляющим технологическую базу Китая. Однако при реализации любых совместных образовательных программ стоит иметь в виду, что КНР решает прежде всего задачу повышения качества собственного вузовского

образования и подготовки необходимых кадров для себя. Решается ли задача подготовки требуемых кадров для российской экономики – этот вопрос нуждается в проработке в ходе сложного процесса согласования интересов. Последнее лишний раз подчеркивает необходимость подготовки отечественных менеджеров в сфере экспорта образовательных услуг, а также усиления научно-аналитической работы на этом важном для российско-китайского партнерства направлении.

Библиографический список

Айзенберг И.Р., Скляренко С.А., Кульбятская С.С. Перспективы развития модели китайско-российской межуниверситетской кооперации в провинции Хэйлунцзян // Современная научная мысль. 2022. № 4. С. 298–302.

Гурулева Т.Л., Бедарева Н.И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. 2019. № 4. С. 108–123.

Гурулева Т.Л. Совместные образовательные программы России и Китая: состояние и проблемы реализации // Высшее образование в России. 2018. № 12. С. 93–103.

Де Вит Х. Эволюция мировых концепций, тенденций и вызовов в интернационализации высшего образования (пер. с англ.) // Вопросы образования. 2019. №2. С. 8–34.

Ефремова Л.И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 4. С. 857–865.

Медяник Е.И. Взаимодействие России и Китая в области подготовки бакалавров и магистров // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 1 (11). С. 68–85.

Найт Дж. Развитие интернационализации: новые подходы и непредвиденные последствия. Императивы интернационализации / Отв. ред. М.В. Ларионова, О.В. Перфильева. М.: Логос, 2013. 420 с.

Найт Дж., де Вит Х. Интернационализация высшего образования: прошлое и будущее. Международное высшее образование. 2018. № 95. С. 6–7.

НИУ «МЭИ» строит в Китае новый энергетический университет. 03.04.2023. URL: <https://mpei.ru/news/Pages/newsItem.aspx?newsID=3513> (дата обращения: 01.11.2023).

Распергова С.Ю. О некоторых аспектах интернационализации образовательного сотрудничества России и Китая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 4 (833). С. 146–158.

Резник Ю.Н., Гурулева Т.Л. Формирование международного поликультурного образовательного региона Сибири, Дальнего Востока России и Северо-Восточных провинций Китая // Вестник ЗабГУ. 2009. № 6. С. 85–92.

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне. Учредители. Миссия. URL: <https://szmsubit.ru/o-nas/> (дата обращения: 01.11.2023).

Шендерова С.В. Новый формат интернационализации: совместные университеты // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6 (106). С. 78–93.

References

Aizenberg, I.R., Sklyarenko, S.A., Kulbyatskaya, S.S. (2022). Perspektivy razvitiya modeli kitaysko-rossiyskoy mezhuniversitetskoy kooperatsii v provintsii Heilongjiang [Prospects for the development of a model of Chinese-Russian interuniversity cooperation in Heilongjiang Province]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern scientific thought], No 4. Pp. 298–302. (In Russian).

De Wit, Hans (2019). Evolyutsiya mirovykh kontseptsiy, tendentsiy i vyzovov v internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya (per. s angl.) [Evolution of world concepts, trends and challenges in the internationalization of higher education (translated from English)]. *Voprosy obrazovaniya*. [Educational Issues], No. 2. Pp. 8-34. (In Russian).

Efremova, L.I. (2017). O rossijsko-kitajskom sotrudnichestve v oblasti obrazovaniya [On Russian-Chinese cooperation in the field of education]. Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of RUDN University. Series: International relations], No. 4. Pp. 857–865. (In Russian).

Guruleva, T.L. (2018). Sovstnyye obrazovatel'nyye programmy Rossii i Kitaya: sostoyaniye i problemy realizatsii [Joint educational programs of Russia and China: status and problems of implementation]. Vyssheye obrazovaniye v Rossii [Higher education in Russia], No 12. Pp. 93–103. (In Russian).

Guruleva, T.L., Bedareva, N.I. (2019). Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v oblasti sozdaniya setevykh universitetov i sovmestnykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [Cooperation between Russia and China in the field of creating network universities and joint educational institutions]. Vyssheye obrazovaniye v Rossii [Higher education in Russia], No 4. Pp. 108–123. (In Russian).

Knight, J. (2013). Razvitiye internatsionalizatsii: novyye podkhody i nepredvidennyye posledstviya [Evolving Internationalization: New Approaches and Unintended Consequences]. Imperativy internatsionalizatsii [Imperatives of internationalization], ed. by M.V. Larionova, O.V. Perfileyeva]. Moscow: Logos. (In Russian).

Knight, Jane; de Wit, Hans (2018). Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya: proshloye i budushcheye [Internationalization of higher education: past and future]. Mezhdunarodnoye vyssheye obrazovaniye [International Higher Education], No 95. Pp. 6–7. (In Russian).

Medyanik, E.I. (2018). O rossijsko-kitayskom sotrudnichestve v oblasti obrazovaniya [Interaction between Russia and China in the field of training bachelors and masters]. Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. History. International relationships], No 1 (11). Pp. 68–85. (In Russian).

NIU “MEI” stroit v Kitaye novyy energeticheskiy universitet [National Research University “MPEI” is building a new energy university in China]. April 03, 2023. URL: <https://mpei.ru/news/Pages/newsItem.aspx?newsID=3513> (accessed: 01.11.2023). (In Russian).

Raspertova, S.Yu. (2019). O nekotorykh aspektakh internatsionalizatsii obrazovatel'nogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya [On some aspects of the internationalization of educational cooperation between Russia and China]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences], No 4 (833). Pp.146–158. (In Russian).

Reznik, Yu.N., Guruleva, T.L. (2009). Formirovaniye mezhdunarodnogo polikul'turnogo obrazovatel'nogo regiona Sibiri, Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostochnykh provintsiy Kitaya [Formation of an international multicultural educational region of Siberia, the Russian Far East and the North-Eastern provinces of China]. Vestnik ZabGU [Bulletin of ZabSU], No 6. Pp. 85–92. (In Russian).

Shenderova, S.V. (2016). Novyy format internatsionalizatsii: sovmestnyye universitety [New format of internationalization: joint universities]. Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz [University management: practice and analysis], No 6 (106). Pp. 78–93. (In Russian).

Universitet MGU-PPI v Shen'chzhene. Uchrediteli. Missiya [MSU-PPI University in Shenzhen. Founders. Mission]. URL: <https://szmsubit.ru/o-nas/> (accessed: 01.11.2023). (In Russian).

* * *

Are China's outbound student flows about to peak? June 15, 2022. URL: <https://monitor.icef.com/2022/06/are-chinas-outbound-student-flows-about-to-peak/> (accessed: 01.11.2023).

Beelen, Jos; Jones, Elspeth (2015). Redefining Internationalization at Home. In: Curaj, A.; Matei, L.; Pricopie, R.; Salmi, J.; Scott, P. (eds) The European Higher Education Area. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20877-0_5.

Brandenburg, Uwe; de Wit, Hans (2011). The End of Internationalization. International Higher Education, No 62, Winter. Pp. 15–17.

Can academic joint ventures between China and the West survive? The Economist. July 20, 2023. URL: <https://www.economist.com/china/2023/07/20/can-academic-joint-ventures-between-china-and-the-west-survive> (accessed: 01.11.2023).

China has over 2,000 international joint-venture schools. December 20, 2020. URL: http://en.moe.gov.cn/news/media_highlights/202012/t20201222_507006.html (accessed: 01.11.2023).

Deardorff, Darla K.; de Wit, Hans; Leask, Betty; Harvey, Charles (2022). *The Handbook of International Higher Education*. Stylus Publishing.

Dui shisan jie quanguo renda erci huiyi di 8695 hao jianyi de dafu 对十三届全国人大二次会议第 8695 号建议的答复 [Reply to Recommendation No. 8695 of the Second Session of the

Thirteenth National People's Congress]. September 27, 2019. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/xxgk_jyta/jyta_gjs/201910/t20191028_405552.html. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Guo, Feng (2023). Internationalization at Home: A Sustainable Model for Chinese Higher Education in the Post-pandemic Era. *Journal of Education and Learning*, Vol. 12, No 3.

Hudzik, John K. (2020). Post-COVID Higher Education Internationalization. *Trends & Insights*, September.

Jiakuai he kuoda xinshidai jiaoyu duiwai kaifang 加快和扩大新时代教育对外开放 [Accelerate and expand the opening up of education in the new era]. June 23, 2020. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202006/t20200623_467784.html (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Jiaoyu kaifang liuxuesheng cheng “Zhongguo mingpian” 教育开放 留学生成“中国名片” [Open education, overseas students become “China’s business card”]. October 27, 2020. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202010/t20201027_496773.html (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Jiaoyubu Hainansheng renmin zhengfu guanyu yinfa “Jingwai gaodeng jiaoyu jigou zai Hainan ziyou maoyi gang banxue zanzheng guiding” de tongzhi 教育部 海南省人民政府关于印发《境外高等教育机构在海南自由贸易港办学暂行规定》的通知 [Notice of the Ministry of Education and the People's Government of Hainan Province on the issuance of the “Interim Regulations for Overseas Higher Education Institutions to Run Schools in Hainan Free Trade Port”. April 23, 2023. URL: http://www.moe.gov.cn/srsite/A02/s5913/s5933/202304/t20230421_1056647.html. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Jiaoyubu pizhun zhongzhi 234 ge benke yishang zhongwai hezuo banxue jigou he xiangmu 教育部批准终止 234 个本科以上中外合作办学机构和项目 [The Ministry of Education approved the termination of 234 Sino-foreign cooperative education institutions and projects for undergraduates and above]. July 04, 2018. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-07/04/content_5303515.htm (accessed: 01.11.2023). (In Chinese). July 01, 2023. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20230628103436107> (accessed: 01.11.2023).

Knight, Jane; Simpson, Diane (2022). *The Growth of International Joint Universities around the World*. In: Deardorff, Darla K.; de Wit, Hans; Leask, Betty; Harvey, Charles (2022). *The Handbook of International Higher Education*. Stylus Publishing.

Lai, Mei; Jung, Jisun (2023). Master’s programmes at Sino-foreign cooperative universities in China: An analysis of the neoliberal practices. *Higher Education Quarterly*. <https://doi.org/10.1111/hequ.12456>

Li, Jian; Xue, Eryong (2021). New directions towards internationalization of higher education in China during post-COVID 19: A systematic literature review, *Educational Philosophy and Theory*, DOI: 10.1080/00131857.2021.1941866

Li, Jian; Xue, Eryong (2023). Exploring the epistemology of internationalization at home: A scoping review approach, *Educational Philosophy and Theory*, Vol. 55, No 3. Pp. 356–365 DOI: 10.1080/00131857.2021.2022473,

Liu, Jin; Gao, Yuan (2022). Higher education internationalisation at the crossroads: effects of the coronavirus pandemic. *Tertiary Education and Management*, Vol. 28. Pp. 1–15. <https://doi.org/10.1007/s11233-021-09082-4>,

Lu, Xiao (2018). Transnational Education: Sino-Foreign Cooperative Universities in China. August 14, 2018. URL: <https://wenr.wes.org/2018/08/sino-foreign-cooperative-universities>. (accessed: 01.11.2023).

Ogden, Anthony C.; Streitwieser, Bernhard; Mol, Christof Van (2020). How COVID-19 could accelerate opportunities for IHE. *University World News*. April 04, 2020. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200403133447141> (accessed: 01.11.2023).

Quanguo zhongwai hezuo banxue jigou he xiangmu da 1979 ge 全国中外合作办学机构和项目达 1979 个 [There are 1,979 Sino-foreign cooperative educational institutions and projects nationwide]. September 06, 2013. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/201309/t20130906_157024.html (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Research on Current UK-China Transnational Education: From the Perspective of Administrators and Students. A Report drafted by the British Council and the China Education Association for International Exchange, August 2017.

Rui, Yang (2016). Internationalization of higher education in China. An Overview. In: Guo, S.; Guo, Y. (eds.). (01 Jan. 2016). *Spotlight on China*. Leiden, The Netherlands: Brill, Vol. 2, *Chinese Education in the Globalized World*.

Sharma, Yojana (2018). Ministry ends hundreds of Sino-foreign HE partnerships. July 06, 2018. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20180706154106269> (accessed: 01.11.2023).

Si, Huili; Lim, Miguel Antonio (2023). Neo-tributary geopolitics in transnational higher education (TNHE): a regional analysis of Sino-foreign higher education partnerships, *Globalisation, Societies and Education*, Vol. 21, No 2, 266–277. DOI: 10.1080/14767724.2022.2040354

Skinner, Makala. How China Shapes Global Mobility Trends. April 09, 2019. URL: <https://wenr.wes.org/2019/04/how-china-shapes-global-mobility-trends> (accessed: 01.11.2023).

Sun Yao; Li, Na; Hao, Jian Li; Di Sarno, Luigi, Wang, Lu (2022). Post-COVID-19 Development of Transnational Education in China: Challenges and Opportunities. *Education Sciences*, Vol. 12, No 6. P. 416. <https://doi.org/10.3390/educsci12060416>

Tin, Yau Joe Lo; Pan, Suyan (2021). The internationalisation of China's higher education: soft power with 'Chinese characteristics', *Comparative Education*, Vol. 57, No 2. Pp. 227–246. DOI: 10.1080/03050068.2020.1812235.

World University Rankings 2024. URL: https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2024/world-ranking#/length/100/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/stats. (accessed: 01.11.2023).

Xu, Xin (2023). Towards a Chinese definition of higher education internationalisation? A systematic review of the Chinese and English literature, *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, Vol. 44, No 3. Pp. 364–388. DOI: 10.1080/01596306.2023.2200075

Zhang, Guangzheng 张光政 (2015). Heilongjiangdaxue“zhuanye+eyu”jiaoxue moshi chujian chengxiao 黑龙江大学“专业+俄语”教学模式初见成效 [Heilongjiang University's “Professional + Russian” teaching model has achieved initial results]. May 14, 2015. URL: <http://edu.people.com.cn/n/2015/0514/c1053-27001578.html>. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zheng, Jie; Kapoor, Dip (2021). State formation and higher education (HE) policy: An analytical review of policy shifts and the internationalization of higher education (IHE) in China between 1949 and 2019. *Higher Education*, Vol. 81, No 2. Pp. 179–195. <https://doi.org/10.1007/s10734-020-00517-2>

Zhonggong Zhongyang, Guowuyuan yinfa “Zhongguo jiaoyu xiandaihua 2035” 中共中央、国务院印发《中国教育现代化 2035》[The Central Committee of the CCP and the State Council issued “China Education Modernization 2035”]. February 23, 2019. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2019-02/23/content_5367987.htm. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo jiaoyubu. 中华人民共和国教育部 [Ministry of Education PRC] URL: <http://www.moe.gov.cn/> (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo zhongwai hezuo banxue tiaoli 中华人民共和国中外合作办学条例 [Regulations of the People's Republic of China on Sino-Foreign Cooperative Education]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_zcfg/zcfg_jyxzfg/202204/t20220422_620494.html. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zhongwai hezuo banxue jianguan gongzuo xinxi pingtai 中外合作办学监管工作信息平台 [Sino-foreign cooperative education supervision information platform]. URL: <https://www.crs.sjsj.edu.cn/> (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zhongwai hezuo banxue tiaoli shishi banfa 中外合作办学条例实施办法 [Measures for the Implementation of the Regulations on Sino-Foreign Cooperative Education] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%A4%96%E5%90%88%E4%BD%9C%E5%8A%9E%E5%AD%A6%E6%9D%A1%E4%BE%8B%E5%AE%9E%E6%96%BD%E5%8A%9E%E6%B3%95/4085343> (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Zhongwai hezuo banxue zanxing guiding 中外合作办学暂行规定 [Interim Provisions on Sino-Foreign Cooperation in Running Schools] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%A4%96%E5%90%88%E4%BD%9C%E5%8A%9E%E5%AD%A6%E6%9A%82%E8%A1%8C%E8%A7%84%E5%AE%9A/50272282>. (accessed: 01.11.2023). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 01.11.2023. Received: 1 November 2023.

Принята к публикации: 12.12.2023. Accepted: 12 December 2023.

Чжай Кунь, Гаоянь Цююй

Сотрудничество Китая и АСЕАН и оптимизация регионального порядка

Аннотация: Настоящая статья анализирует развитие отношений Китая и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) с точки зрения эволюции регионального порядка. За более чем тридцать лет сотрудничество Китая и АСЕАН достигло больших успехов и привело к оптимизации порядка в Восточной Азии, что можно расценить как лучшую практику регионального сотрудничества и периферийной стратегии Китая в отношении соседей. Взаимодействие между Китаем и Юго-Восточной Азией в целом сформировало многоуровневую, многоканальную и многовекторную модель сотрудничества, основой которого стали отношения с АСЕАН. В настоящее время, когда активизируется стратегическая игра между Китаем и США в Юго-Восточной Азии и появляются различные страновые «Индо-Тихоокеанские стратегии», сотрудничество между Китаем и АСЕАН сталкивается с новыми практическими проблемами. Однако, как считают авторы, одновременно появляются и новые возможности для дальнейшего развития сотрудничества сторон и оптимизации регионального порядка. В этом контексте, приняв и продвигая «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН», Китай может усовершенствовать свое сотрудничество с АСЕАН и совместно содействовать построению инклюзивного регионального порядка.

Ключевые слова: Китай, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, региональное сотрудничество, региональный порядок, Индо-Тихоокеанские стратегии, «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН».

Авторы: Чжай Кунь, профессор Института международных отношений, заместитель директора Института региональных исследований и межгосударственных различий Пекинского университета. Гаоянь Цююй, ассоциированный исследователь Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», исполнитель исследовательского проекта «Устойчивое развитие в Юго-Восточной Азии» Института региональных исследований и межгосударственных различий Пекинского университета.

Статья является результатом промежуточного этапа выполнения проекта Государственного фонда общественных наук Китая (NSSFC) 2020 г. «Воссоздание “центральнойности АСЕАН” в условиях Индо-Тихоокеанской стратегии и исследование совместного строительства Китаем и АСЕАН “Морского Шелкового пути”» (проект № 20 & ZD145). 本文是2020年国家社科基金重大项目“印太战略下‘东盟中心地位’重构与中国—东盟共建‘海上丝绸之路’研究” (项目编号 20&ZD145) 的阶段性成果

翟崑，高颜秋雨

中国与东盟的合作与地区秩序优化

摘要：本文从地区秩序演变的角度分析中国与东盟关系的发展。三十多年来，中国—东盟合作取得了巨大成功，带动了东亚秩序的优化，堪称区域合作的最佳实践，也是中国对邻国周边战略的最佳实践。中国与东南亚互动总体上已形成多层次、多渠道、多载体的合作模式，其基础是中国—东盟关系。当前，随着中美在东南亚战略博弈加剧以及各国“印太战略”不断涌现，中国与东盟合作面临新的挑战。但作者认为，与此同时，也面临着各方进一步发展合作、优化地区秩序的新机遇。在此背景下，中国可以通过制定和推动“东盟印太展望”，完善与东盟的合作，共同推动包容性地区秩序建设。

关键词：中国；东盟；东南亚；区域合作；地区秩序；印太战略；“东盟印太展望”

作者：翟崑，北京大学国际关系学院教授、北京大学区域与国别研究院副院长。高颜秋雨，国家研究型高等经济大学世界秩序与新区域主义国际研究室助理研究员，北京大学区域与国别研究院“东南亚可持续发展”研究项目执行人

本文是 2020 年中国国家社科基金重大项目“印太战略下‘东盟中心地位’重构与中国—东盟共建‘海上丝绸之路’研究”（项目编号 20&ZD145）的阶段性成果

Zhai Kun, Gaoyan Qiuyu

China-ASEAN cooperation and regional order optimization

Abstract: This article analyzes the development of China's relations with the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) from the perspective of the evolution of the regional order. Over the course of more than thirty years, China-ASEAN cooperation has achieved significant success, contributing to the optimization of the order in East Asia. This can be regarded as the best practice in building regional cooperation and an overall successful strategy towards neighbors. The interaction between China and Southeast Asia has generally formed a multi-level, multi-channel, and multi-vector model of cooperation, with relations with ASEAN at its core. Currently, as the strategic competition between China and the United States intensifies in Southeast Asia and various national "Indo-Pacific strategies" emerge, cooperation between China and ASEAN faces new practical challenges. However, the authors argue that new opportunities are also emerging for further cooperation and optimization of the regional order. In this context, by embracing and advancing the "ASEAN Outlook on the Indo-Pacific (AOIP)", China can enhance its cooperation with ASEAN and jointly contribute to the establishment of an inclusive regional order.

Keywords: China, ASEAN, Southeast Asia, regional cooperation, regional order, Indo-Pacific strategies, "ASEAN outlook on the Indo-Pacific".

Authors: Zhai Kun, Professor at School of International Studies, Deputy Director of the Institute of Area Studies, Peking University. Gaoyan Qiuyu, associate researcher at the International Laboratory for World Order Studies and New Regionalism, HSE University.

This article is a phased achievement of the 2020 National Social Science Fund of China (NSSFC) Major project «Reconstruction of “The ASEAN’s Centrality” within the framework of the Indo-Pacific Strategy and the study of the China–ASEAN joint construction of the “Maritime Silk Road”» (Project No. 20 & ZD145). 本文是 2020 年国家社科基金重大项目“印太战略下‘东盟中心地位’重构与中国—东盟共建‘海上丝绸之路’研究”(项目编号 20&ZD145)的阶段性成果

Введение

Анализ регионального сотрудничества Китайской Народной Республики с ее соседями после окончания холодной войны является новым и важным направлением исследований в области китайской дипломатии и международных отношений. Начиная с 1990-х годов Пекин реализовал ряд плодотворных практик взаимодействия с соседними странами, что способствовало развитию дипломатической стратегии с китайской спецификой и теории регионального сотрудничества. Заметные результаты были достигнуты в многоуровневом и широкомасштабном практическом сотрудничестве КНР со странами ЮВА. Председатель КНР Си Цзиньпин охарактеризовал это направление китайской дипломатии как наиболее успешное и динамичное в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹. В 2021 г. отмечалось 30-летие установления отношений диалога между Китаем и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). На юбилейном саммите, состоявшемся 22 ноября 2021 г., было объявлено, что Китай и Ассоциация достигли уровня всеобъемлющего стратегического партнерства.

В последние годы китайские ученые добились больших успехов в анализе эволюции отношений между КНР и АСЕАН, в том числе в объяснении долгосрочных факторов успеха этого направления регионального сотрудничества. Авторы настоящей статьи опирались на ряд авторитетных исследований в данной области. Например, Чжан Юньлин считает, что использование платформы АСЕАН для построения всесторонних отношений с Юго-Восточной Азией является важной попыткой Китая модернизировать связи с сопредельными государствами [Zhang Yunling, 2015]. Ван Юйчжу делает вывод о том, что отношения между Китаем и АСЕАН представляют собой стратегическое партнерство, в основе которого лежат экономические интересы. Китай выдвинул инициативу создания сообщества единой судьбы со странами АСЕАН с целью углубления и укрепления отношений сотрудничества, проявил искренность и убежденность в достижении взаимной выгоды с АСЕАН [Wang Yuzhu, 2014]. Вэй Лин полагает, что партнерство между Китаем и АСЕАН, выступая в роли ядра восточноазиатского регионализма, является краеугольным камнем на пути к обеспечению мира и процветания в Восточной Азии в эпоху после окончания холодной войны. Создание стратегических возможностей, выстраивание курса на мирное развитие и поддержание центральности АСЕАН – эти три принципа гарантируют дина-

¹ Canjian Xi Jinping zhuxi zdi 2020 nian di 17 jie zhongguo dongmeng bolanhui shang de shipin jianhua 参见习近平主席在 2020 年第 17 届中国东盟博览会上的视频讲话 [See President Xi Jinping's video speech at the 17th China-ASEAN Expo in 2020]. China News Network. 27.11.2020. URL: <https://www.chinanews.com.cn/gn/2020/11-27/9349348.shtml> (accessed 29.01.2022). (In Chinese).

мизм и эффективность эволюции отношений между Китаем и АСЕАН [Wei Ling, 2021]. Проанализировав механизмы сотрудничества КНР и АСЕАН и субрегиональные модели взаимодействия, Цюань И и Инь Чжу пришли к заключению о том, что развитие отношений между Китаем и Юго-Восточной Азией является важным экспериментальным полем для участия Китая в региональном управлении и формировании регионального порядка [Quan Yi, Yin Zhu, 2017]. Лу Гуаншэн и Не Цзяо считают, что в сотрудничестве с Юго-Восточной Азией Китай использует концепцию «Сообщества единой судьбы человечества» как важную основу для построения нового регионального порядка [Li Keqiang zai da...]. Не Вэньцзюань полагает, что инициатива построения сообщества единой судьбы отражает китайские принципы сотрудничества и объединяет усилия в рамках формата «АСЕАН плюс». Это, в итоге, позволяет Китаю постепенно укрепить свое доминирующее положение в эволюции порядка в Юго-Восточной Азии [Zhang Jie, 2017]. В ряде работ китайских ученых проанализированы конкретные направления сотрудничества Китая со странами ЮВА, такие как борьба с терроризмом, инфраструктурное строительство, управление общественным здравоохранением, противодействие отмыванию денег и т. д. [Zhang Jie, 2017; Li Chun, 2019; Li Yingli, Wang Yuzhu, 2020; Mao Weijun, 2020; Yao Yuchun, Li Bing, 2021; Liu Jiong, 2021; Ma Fangfang, Liu Changmin, 2021].

Продолжая исследования коллег, авторы настоящей статьи сделали попытку расширить наше понимание эволюции взаимоотношений Китая и АСЕАН. Основной исследовательский вопрос состоит в том, как и почему сотрудничество между Китаем и АСЕАН может оптимизировать региональный порядок в Восточной Азии, каковы механизмы и тенденции дальнейшего развития ситуации в регионе с участием Китая. В статье предложена многоуровневая модель регионального взаимодействия с центром в АСЕАН, которая, по мнению авторов, и создает основу для плодотворного сотрудничества КНР со странами Юго-Восточной Азии. Нами выделены три основных механизма для оптимизации регионального порядка в Восточной Азии: первый заключается в содействии признанию центральной роли АСЕАН в восточноазиатском региональном сотрудничестве, второй – в поощрении крупных стран к обогащению сотрудничества в Восточной Азии через конкурентное взаимодействие, третий – в продолжении неуклонного совершенствования формата «АСЕАН плюс». В контексте активизации стратегической игры между Китаем и США мы не могли не затронуть вопрос становления индо-тихоокеанского порядка, который вызывает много дискуссий. По нашему мнению, Китай и АСЕАН в состоянии продолжить укреплять сотрудничество в рамках концепции «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» (ASEAN Outlook on the Indo-Pacific, AOIP), чтобы оптимизировать более широкий Индо-Тихоокеанский инклюзивный региональный порядок.

«Эталон АСЕАН» в сотрудничестве Китая и Юго-Восточной Азии

С конца Второй мировой войны и до завершения холодной войны в 1991 г. общее восприятие Китаем Юго-Восточной Азии определялось разделением мира на два ла-

геря, возглавляемых Соединенными Штатами и Советским Союзом. Окончание холодной войны обусловило быстрое формирование в Китае более осознанного общего понимания Юго-Восточной Азии и соответствующей дипломатической практики.

Сотрудничество между Китаем и Юго-Восточной Азией в широком смысле выстроено вокруг ключевой региональной структуры – АСЕАН. Она в данном случае выступает и как эталон взаимодействия, и как своеобразная точка отсчета для определения параметров взаимодействия на следующих трех уровнях: 1) двустороннее и субрегиональное сотрудничество между Китаем и странами Юго-Восточной Азии; 2) отношение с самой Ассоциацией, в которых Китай исходит из признания центральности организации; 3) сотрудничество между Китаем и АСЕАН в структуре восточноазиатского взаимодействия и в глобальном масштабе. Ниже рассмотрим эти уровни более детально.

Двустороннее и субрегиональное сотрудничество Китая и стран ЮВА

К 1991 г. Китай установил, восстановил или нормализовал отношения со всеми странами Юго-Восточной Азии. В декабре 1997 г. на саммите Китай-АСЕАН была принята совместная декларация об установлении партнерства, добрососедства и взаимного доверия в XXI в., которая стала руководящим принципом углубления двустороннего сотрудничества между Китаем и странами ЮВА. За первые два десятилетия XXI в. отношения Китая со всеми странами АСЕАН получили значительное развитие, между сторонами были установлены различные формы партнерства. В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин, выступая с речью в парламенте Индонезии, впервые упомянул, что Китай хотел бы заключить договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве со странами АСЕАН. В 2019 г. Камбоджа и Лаос последовательно подписали с Китаем планы действий по строительству сообщества единой судьбы. Во время визита председателя КНР в Мьянму в январе 2020 г. был достигнут консенсус в вопросе о создании сообщества единой судьбы между двумя странами. За последние тридцать лет двустороннее сотрудничество между Китаем и странами АСЕАН принесло плодотворные результаты. Данные о развитии связей в 1991–2020 гг. обобщены в табл. 1.

Таблица 1. Прогресс в двустороннем сотрудничестве между Китаем и странами АСЕАН (1991–2020)

1999–2000 гг.	2001–2010 гг.	2011–2020 гг.
Сентябрь 1991 г. – Китай и Бруней установили дипломатические отношения. Ноябрь 1991 г. – нормализованы отношения между правящими партиями и руководством Китая и Вьетнама	Август 2001 г. – Китай и Таиланд опубликовали совместное коммюнике о развитии стратегического сотрудничества. 2004 г. – лидеры Китая и Малайзии достигли единства мнений по развитию	Июнь 2011 г. – Китай и Мьянма установили всеобъемлющее стратегическое сотрудничество. Апрель 2012 г. – Китай и Таиланд установили всеобъемлющее стратегическое партнерство.

<p>1996 г. – лидеры Китая и Филиппин договорились об установлении устремленных в XXI век добрососедских отношений взаимного доверия и сотрудничества.</p> <p>1999 г. – Китай и Малайзия подписали совместное заявление о рамках будущего двустороннего сотрудничества.</p> <p>Апрель 2000 г. – Китай и Сингапур подписали совместное заявление о двустороннем сотрудничестве.</p> <p>Ноябрь 2000 г. – глава китайского государства впервые посетил Лаос. Страны решили развивать всесторонние отношения сотрудничества, отличающиеся долгосрочной стабильностью, добрососедской дружбой и взаимным доверием.</p>	<p>стратегического сотрудничества.</p> <p>Апрель 2005 г. – Китай и Индонезия опубликовали совместную декларацию о стратегическом партнерстве.</p> <p>2005 г. – Китай и Филиппины установили отношения стратегического сотрудничества во имя мира и развития.</p> <p>Июнь 2008 г. – Китай и Вьетнам установили всеобъемлющее стратегическое партнерство.</p> <p>Сентябрь 2009 г. – Китай и Лаос установили всеобъемлющее стратегическое сотрудничество.</p> <p>Декабрь 2010 г. – Китай и Камбоджа установили всеобъемлющее стратегическое сотрудничество.</p>	<p>2013 г. – Китай и Бруней установили отношения стратегического сотрудничества; Китай и Малайзия установили всеобъемлющее стратегическое партнерство, а Китай и Индонезия объявили о развитии всеобъемлющего стратегического партнерства.</p> <p>Ноябрь 2015 г. – Китай и Сингапур подписали совместное заявление об установлении всестороннего партнерства, соответствующего современным реалиям.</p> <p>Сентябрь 2016 г. – Китай и Лаос подписали меморандум о взаимопонимании по совместному строительству «Пояса и пути».</p> <p>Октябрь 2016 г. – Китай и Камбоджа подписали меморандум о взаимопонимании по совместному строительству «Пояса и пути».</p> <p>Май 2017 г. – Китай и Сингапур подписали меморандум о взаимопонимании по совместному строительству «Пояса и пути».</p> <p>Сентябрь 2017 г. – Китай и Таиланд подписали меморандум о взаимопонимании по совместному строительству «Пояса и пути».</p> <p>Ноябрь 2017 г. – главы государств Китая и Лаоса договорились о совместном строительстве сообщества общей (единой?) судьбы, имеющего стратегическое значение, а также подписали меморандум о взаимопонимании по совместному строительству китайско-лаос-</p>
--	--	---

		<p>ского экономического коридора.</p> <p>2017 г. – Китай и Малайзия, а также Китай и Бруней подписали меморандум о взаимопонимании по совместному строительству «Пояса и пути».</p> <p>Сентябрь 2018 г. – Китай и Мьянма подписали меморандум о взаимопонимании по совместному строительству китайско-мьянманского экономического коридора.</p> <p>Ноябрь 2018 г. – Китай и Филиппины установили всеобъемлющие отношения стратегического сотрудничества и подписали меморандум о взаимопонимании по совместному строительству «Пояса и пути».</p> <p>Ноябрь 2018 г. – Китай и Индонезия подписали меморандум о взаимопонимании по совместному строительству «Пояса и пути».</p> <p>2018 г. – Китай и Бруней установили стратегическое партнерство.</p> <p>Апрель 2019 г. – Китай и Камбоджа подписали план действий по строительству китайско-камбоджийского сообщества общей судьбы; Китай и Лаос подписали план действий по созданию китайско-лаосского сообщества общей судьбы.</p> <p>Январь 2020 г. – лидеры Китая и Мьянмы объявили о создании китайско-мьянманского сообщества общей судьбы.</p>
--	--	---

Субрегиональное сотрудничество между Китаем и Юго-Восточной Азией осуществляется по двум направлениям: сухопутному и морскому. Подписание в 1991 г. Парижских мирных соглашений по Камбодже полностью разрядило стратегическую ситуацию в материковой части Юго-Восточной Азии. Координация действий Китая со странами АСЕАН в ходе переговорного процесса также заложила основу для сотрудничества с рядом стран Юго-Восточной Азии на море. В 1992 г. Китай присоединился к механизму экономического сотрудничества субрегиона Большого Меконга (СБМ), возглавляемому Азиатским банком развития (АБР), тем самым было положено начало сотрудничеству на субрегиональном уровне. Премьер Госсовета КНР Ли Кэцян 9 сентября 2021 г. принял участие в седьмом заседании руководителей стран – членов Экономического сотрудничества в субрегионе Большого Меконга. Ли Кэцян подчеркнул, что с момента своего создания почти 30 лет назад механизм сохраняет стабильную динамику развития, укрепляется прагматичное сотрудничество в области строительства инфраструктуры и субрегиональной экономической интеграции. «Это, – отметил китайский премьер, – не только способствует экономическому и социальному развитию наших стран и улучшению условий жизни людей, но также способствует стабильности и процветанию региона» [Li Keqiang zai da]. В 2014 г. Пекин инициировал сотрудничество в бассейне Ланьцанцзян-Меконг². В развитии этого механизма субрегионального взаимодействия, кроме Китая, участвуют Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд и Вьетнам. Помимо создания новых стимулов для социально-экономического развития прибрежных стран, механизм также вносит вклад в построение Сообщества АСЕАН и в процесс региональной интеграции. Многосторонний формат содействует развитию сотрудничества Юг-Юг и реализации Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. [Lancangjiang-meigonghe hezuo]. В морской части субрегионального сотрудничества в 2006 г. на форуме в г. Наньнин (Гуанси-Чжуанском автономный район) Китай инициировал формат экономического сотрудничества стран АСЕАН, имеющих морские границы в заливе Бэйбувань (Бакбо)³. Постепенно выстраивалась новая модель регионального экономического сотрудничества Китай–АСЕАН с «одной осью и двумя крыльями», где осью является Наньнинско-Сингапурский экономический коридор, а крыльями – субрегиональная зона сотрудничества бассейна Большого Меконга и зона экономического сотрудничества залива Бэйбувань. Кроме того, правительство Китая активно продвигает сотрудничество с Восточной зоной роста АСЕАН. В ходе визита на Филиппины в 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин обещал увеличить инвестиции в Восточную зону роста АСЕАН. На церемонии открытия 17-й выставки Китай-АСЕАН и делового и инвестиционного саммита Китай-АСЕАН, состоявшихся в ноябре 2020 г., китайский руководитель предложил более глубоко и основательно продвигать сотрудничество Китая и Восточной зоны роста АСЕАН [Xi Jinping zai di]. Премьер Ли Кэцян на 24-й встрече лидеров Китая и АСЕАН, состоявшейся в октябре

² Ланьцанцзян (澜沧江) – название реки Меконг в среднем течении (на территории Китая). – *Примеч. редакции.*

³ Залив в северо-западной части Южно-Китайского моря у берегов Китая и Вьетнама. Китайское название – Бэйбувань (北部湾). Вьетнамское – Бакбо (Vịnh Bắc Bộ). – *Примеч. редакции.*

2021 г., заявил о готовности продолжать углублять сотрудничество с Ассоциацией в Восточной зоне роста, чтобы содействовать интеграционным процессам [Li Keqiang zai di 24]. Тем не менее в целом можно отметить, что темпы развития сухопутного субрегионального сотрудничества между Китаем и странами АСЕАН опережают темпы их морского сотрудничества.

Региональное сотрудничество между Китаем и АСЕАН

Китай и АСЕАН официально начали процесс диалога в 1991 г. За последние 30 лет сотрудничество сторон пережило период стремительного роста и достигло впечатляющих результатов, что принесло пользу более чем двум миллиардам гражданам в 11 странах [Zhongguo-dongmeng hezuo shishi]. Установление отношений диалога в 1991 г. стало историческим прорывом, продемонстрировавшим, что Китай относится к АСЕАН как к единому целому. Вступление Вьетнама в Ассоциацию в 1995 г. было признано Пекином и ознаменовало трансформацию самой природы АСЕАН, став поворотным моментом в восприятии Китаем АСЕАН в целом. С тех пор статус АСЕАН во внешней стратегии Китая постоянно повышался. В 1996 г. Китай и АСЕАН официально установили диалоговое партнерство, положив начало двустороннему институциональному сотрудничеству. Когда в 1997 г. в Юго-Восточной Азии разразился финансовый кризис, Китай как крупная ответственная держава сыграл конструктивную роль, предоставив помощь странам АСЕАН в преодолении экономических трудностей, что позволило сторонам выстроить более тесные отношения. В декабре того же года на первой встрече лидеров Китая и АСЕАН была принята Совместная декларация, подтверждающая установление партнерства, добрососедства и взаимного доверия в XXI в. На шестой встрече лидеров Китая и АСЕАН в ноябре 2002 г. стороны подписали Всеобъемлющее рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между Китаем и АСЕАН, поставив целью создание к 2010 г. зоны свободной торговли Китай-АСЕАН (China-ASEAN Free Trade Area, CAFTA). На этой встрече Китай и страны АСЕАН также подписали Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море (Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea, DOC). Декларация 2002 г. является первым политическим документом по проблеме Южно-Китайского моря, подписанным Китаем и АСЕАН, что имело большое положительное значение для защиты суверенитета Китая, поддержания мира и стабильности в Южно-Китайском море, укрепления взаимного доверия между Китаем и АСЕАН. Китай как партнер АСЕАН по диалогу в 2003 г. проявил инициативу по присоединению к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (ДДС) и установил стратегическое партнерство с АСЕАН во имя мира и процветания. После этого стороны провели ряд встреч на высшем уровне, посвященных установлению отношений диалога и стратегического партнерства, постоянно укрепляли политическое взаимодоверие, повышали результативность практического сотрудничества в различных областях. На 16-й встрече лидеров Китая и АСЕАН в 2013 г. были определены рамки сотрудничества на следующие десять лет, отражающие стремление китайского правительства в своей периферийной дипломатии уделять priori-

тетное внимание АСЕАН. В конце 2013 г. стороны опубликовали Совместное заявление, посвященное 10-летию установления стратегического партнерства между Китаем и АСЕАН. В ноябре 2015 г. стороны подписали Протокол о внесении поправок во Всеобъемлющее рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между Китаем и АСЕАН и ряд других документов, что ознаменовало официальное завершение переговоров о расширении зоны свободной торговли между Китаем и АСЕАН. В ноябре 2018 г. стороны обнародовали «Перспективы стратегического партнерства Китая и АСЕАН до 2030 года», которые заложили основу для поддержания регионального мира и стабильности, укрепления взаимного доверия между Китаем и АСЕАН и повышения уровня их сотрудничества. В ноябре 2019 г. лидеры Китая и стран АСЕАН опубликовали Совместное заявление об интеграции и сотрудничестве между инициативой «Пояс и путь» и «Генеральным планом АСЕАН по взаимодействию до 2025 года». Заявление стало мощным стимулом для обеих сторон в качественном совместном развитии инициативы «Пояс и путь», придало новый импульс расширению всестороннего сотрудничества в регионе. Под председательством главы КНР Си Цзиньпина 22 ноября 2021 г. состоялось торжественное мероприятие, посвященное 30-летию диалоговых отношений Китай-АСЕАН. На саммите лидеры 11 стран подписали совместное заявление, повысив уровень отношений между Китаем и АСЕАН до всеобъемлющего стратегического партнерства.

Сотрудничество между Китаем и АСЕАН в структуре восточноазиатского взаимодействия и глобальном масштабе

Отправной точкой процесса сотрудничества стало присоединение Китая к возглавляемому АСЕАН механизму диалога по вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе — Региональному форуму АСЕАН (РФА) в 1994 г. Этот шаг ознаменовал признание Китаем АСЕАН в качестве лидера регионального диалога по вопросам безопасности. В октябре 2010 г. в целях содействия миру, стабильности и развитию в регионе АСЕАН учредила Совещание министров обороны АСЕАН плюс (ADMM plus) для укрепления сотрудничества в области безопасности и обороны с восемью партнерами по диалогу [Li Keqiang zai di...]. После азиатского финансового кризиса 1997 г. экономическое сотрудничество между Китаем и АСЕАН развивалось в рамках восточноазиатского взаимодействия. Период с конца 1997 г. по 2001 г. стал начальным этапом построения структуры восточноазиатского сотрудничества с центральной ролью АСЕАН: появились такие форматы, как «10+1» (АСЕАН+Китай, АСЕАН+Япония, АСЕАН+Южная Корея) и «10+3» (АСЕАН+Китай+Япония+Южная Корея). В конце 2005 г. стартовал формат Восточноазиатского саммита, на первом заседании которого было представлено 16 государств (асеановская «десяетка», Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия), что расширило рамки многостороннего формата. С 2011 г. к Восточному саммиту присоединились Россия и США. С 2010 г. АСЕАН запустила Мастер-план по взаимодействию, надеясь, что крупные страны поддержат строительство инфраструктуры в регионе. Испытывая давление со стороны Транстихоокеанского партнерства (ТТП), АСЕАН при

активном содействии Китая инициировала в 2012 г переговоры о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). После 2013 г. строительство «Пояса и пути» было согласовано с «Генеральным планом АСЕАН по взаимодействию до 2025 г.». С 2017 г. США, Япония, Индия и Австралия запустили Индо-Тихоокеанскую стратегию, направленную против проекта «Пояса и пути». В 2019 г. АСЕАН опубликовала «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН», предлагая сохранить центральную позицию АСЕАН в Индо-Тихоокеанской стратегии, подчеркнув при этом необходимость инклюзивного регионального сотрудничества. Совместное заявление по случаю 30-летия установления диалоговых отношений между Китаем и АСЕАН подтвердило принципы «Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН». В своем выступлении на саммите председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что необходимо не только совместно качественно строить «Пояс и путь», но и сотрудничать с проектом «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН».

В 1997 г. Китай впервые предложил сотрудничество с АСЕАН на глобальном уровне. В Совместном заявлении, принятом по итогам встречи глав государств Китая и АСЕАН в декабре 1997 г., была дана характеристика региональной финансовой ситуации и содержался призыв к Китаю и странам АСЕАН тесно сотрудничать с Международным валютным фондом, Всемирным банком, Азиатским банком развития и международными регулирующими институтами [Zhonghua renmin gongheguo yu dongmeng]. На протяжении длительного времени Китай высоко ценил и поддерживал активную роль АСЕАН в международных и региональных делах. АСЕАН, в свою очередь, считает, что мирный, стабильный и процветающий Китай является важным фактором долгосрочного мира, стабильности и развития во всем мире, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 2004 г. в «Плане действий по реализации Совместной декларации о стратегическом партнерстве Китая и АСЕАН во имя мира и процветания» отдельный раздел был посвящен планированию сотрудничества двух сторон в международных и региональных делах [Luoshi zhongguo-dongmeng mianxiang]. С тех пор Китай и АСЕАН осуществляют широкое сотрудничество на глобальном уровне.

На первое место следует поставить сотрудничество в рамках Организации Объединенных Наций. Стороны ведут диалог и взаимодействие по проблеме реформирования ООН, борьбе с терроризмом, развитию и другим вопросам, представляющим взаимный интерес. Постоянные представители Китая и стран – членов АСЕАН при ООН проводят регулярные встречи и тесно координируют свои действия.

Вторым по важности выступает сотрудничество в рамках ВТО для продвижения переговоров по Дохинской повестке дня в области развития. Стороны обязались совершенствовать принцип дифференцированного подхода, расширять техническую помощь развивающимся странам и поддержать вступление Лаоса и Вьетнама в ВТО, сообщая способствовать тому, чтобы структуры ВТО в полной мере отражали интересы и проблемы развивающихся стран.

Наконец, третье место занимает межрегиональное сотрудничество. В дополнение к поддержанию тесной координации на Региональном форуме АСЕАН, Китай и АСЕАН также укрепляют сотрудничество в области энергетики, сельского хозяйства и финансов и совместно продвигают процесс азиатского диалога о сотрудничестве.

Развивается координация и совместная работа сторон на таких площадках, как Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество и Форум «Азия — Европа», реализовано взаимодействие Юг-Юг через такие механизмы, как Форум восточно-азиатско-латиноамериканского сотрудничества (FEALAC) и Азиатско-африканское субрегиональное сотрудничество. В доктрине «Перспективы стратегического партнерства Китая и АСЕАН на период до 2030 г.» стороны выразили свое полное несогласие с ростом торгового протекционизма и процессом антиглобализации в последние годы, подчеркнув собственную активную включенность в экономическую глобализацию и верность политике экономической интеграции, а также выразили поддержку долгосрочной цели создания восточноазиатского сообщества. В контексте реализации Целей устойчивого развития ООН к 2030 г. (ЦУР ООН) в заявлении юбилейного саммита Китая и АСЕАН в 2021 г. поддержана инициатива Китая по глобальному развитию, а также подчеркнута взаимосвязь между декларацией «Сообщество АСЕАН: видение 2025» и ЦУР ООН.

Углубление регионального и международного сотрудничества является одним из основных аспектов всеобъемлющего стратегического партнерства Китая и АСЕАН. Обе стороны намерены совместно работать над созданием международной системы, основанной на принципах Устава ООН и международного права, следуя концепциям открытости, инклюзивности, прозрачности, взаимного уважения, честности и справедливости, взаимной и результативной выгоды, стремясь укреплять сотрудничество в области изменения климата, общественного здравоохранения, защиты биоразнообразия, продовольствия и коммуникаций, а также развивая сотрудничество по ключевым глобальным вопросам, таким как энергетическая безопасность [Zhongguo-dongmeng jianli duihua].

Таким образом, можно сделать вывод, что региональное сотрудничество Китая со странами ЮВА делает особый акцент на развитии отношений с АСЕАН. Данное сотрудничество продвигается по всем направлениям, показывая положительные результаты на двустороннем, субрегиональном, региональном, трансрегиональном и глобальном уровнях. Хотя упомянутые уровни имеют различные отправные точки и разное содержание, по мере развития сотрудничества они все больше сближаются, формируя модель сотрудничества Китая в Юго-Восточной Азии, охватывающую несколько уровней, разнообразные каналы взаимодействия и различные рабочие процессы. Это довольно редкое явление в глобальном региональном сотрудничестве Китая в период после холодной войны. Причина, по которой АСЕАН избрана эталонным взаимодействием, заключается в том, что это устоявшаяся региональная организация, представляющая всю Юго-Восточную Азию (кроме Восточного Тимора), которой Китай оказывает большое уважение. Это видно из следующего официального заявления китайского лидера: «Я хотел бы еще раз заявить, что Китай будет неуклонно рассматривать АСЕАН в качестве приоритетного направления своей периферийной дипломатии, неуклонно поддерживать единство АСЕАН и построение сообщества АСЕАН, а также неуклонно поддерживать центральное место АСЕАН в региональной структуре и все более важную роль АСЕАН в региональных и международных делах» [Mingyun yugong gong jian jiayuan].

Китай, АСЕАН и оптимизация регионального порядка в Восточной Азии

Сотрудничество между Китаем и АСЕАН в формировании регионального порядка в Восточной Азии оказывает положительное стратегическое воздействие, распространяющееся далеко за рамки отношений этих двух сторон. На фоне крупных структурных изменений в мире Китай и АСЕАН вносят вклад в оптимизацию порядка в широком регионе Восточной Азии. В основном это выражается в следующих трех аспектах:

Влияние Китая на сотрудничество в Восточной Азии

В оптимизации регионального порядка ключевую роль играет признание центральной роли АСЕАН в восточноазиатской системе сотрудничества. Ассоциация была создана в 1967 г., впоследствии появился механизм диалога и переговоров со странами Запада, что позволило добиться определенных результатов и сформировать первоначальный вариант структуры «АСЕАН плюс». Создание механизма «АСЕАН плюс» укрепило собственную идентичность АСЕАН и способствовало углублению интеграционных процессов. Однако некоторые крупные страны лишь номинально признавали единство АСЕАН, при этом уровень их политической поддержки и дипломатическая практика не всегда поспевали за декларациями. С этой точки зрения, хотя Пекин стал диалоговым партнером АСЕАН относительно недавно, его сотрудничество с Ассоциацией в Восточной Азии оказалось более эффективным, чем у многих стран, которые присоединились к механизму «АСЕАН плюс» раньше КНР.

Во время азиатского финансового кризиса 1997 г. такие партнеры АСЕАН по диалогу, как Соединенные Штаты и Европейский союз, не смогли оказать существенной поддержки в урегулировании острой экономической ситуации. Вместо этого они подтолкнули АСЕАН к созданию рамок сотрудничества «10+3» и оптимизации структуры «АСЕАН плюс». Крупные западные державы давали весьма низкую оценку деятельности АСЕАН, при этом их стратегические ресурсы, выделяемые на продвижение предметного сотрудничества, были довольно ограниченными. Китай же активно продвигал восточноазиатское сотрудничество, играя в этом процессе ведущую и новаторскую роль. С начала XXI века Китай возглавил строительство зоны свободной торговли с АСЕАН, присоединился к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, установил отношения стратегического партнерства с АСЕАН, подписал с Ассоциацией Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море, развивал взаимодействие с АСЕАН в сфере обеспечения нетрадиционной безопасности.

Осмысление этой серии прорывных практических инноваций дало толчок развитию многостороннего сотрудничества в Восточной Азии. Такие страны, как Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия, США и Россия также последовали китайскому примеру и укрепили свое партнерство с АСЕАН, создав ситуацию, при которой все стороны воспроизводят сходную модель взаимодействия с Ассоциацией и конкурируют друг с другом за влияние на нее. Вслед за Китаем

к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии присоединились Япония, Южная Корея, Россия, Австралия, ЕС и США. В 2005 г. Соединенные Штаты и АСЕАН опубликовали Совместное заявление о концепции укрепления партнерства, а в следующем году обе стороны подписали Рамочное соглашение о торговле и инвестициях (ТІFA). Реагируя на резко возросшую готовность крупных держав к сотрудничеству, АСЕАН постоянно усиливала организационную целостность и самобытность, а также укрепляла свою центральность. В январе 2007 г. 12-й саммит АСЕАН (Себу, Филиппины) принял Декларацию об ускоренном создании Сообщества АСЕАН к 2015 г.

Второй Саммит Восточноазиатского сообщества (ВАС), прошедший 15 января 2007 г. там же, на острове Себу, согласовал документ об обеспечении энергетической безопасности в Восточной Азии. Оглядываясь на эту волну инициатив, можно сказать, что без «волшебной операции» Китая существующая система восточноазиатского сотрудничества во главе с АСЕАН вряд ли бы возникла. Данная модель во многом преодолевает разрыв между теорией и практикой и ликвидирует ключевой барьер для сотрудничества, который заключался в сложностях построения системы восточноазиатского сотрудничества исключительно под руководством крупных держав. Свою эффективность в регионе продемонстрировала более сбалансированная модель с участием крупных держав, но с центральной ролью АСЕАН, членами которой являются малые и средние страны. В рамках этого механизма все стороны рассматривают АСЕАН как единое целое, более осознанно признают центральную роль Ассоциации и содействуют региональному сотрудничеству в Восточной Азии. Это процесс с двусторонним движением.

Если желание какой-либо из сторон развивать сотрудничество с АСЕАН уменьшится, и ее поддержка Ассоциации снизится, это будет рассматриваться как проявление неуважения к ключевой роли организации. В результате этот актор попадет в «ловушку несоблюдения моральных принципов», расставленную АСЕАН. Например, в 2007 г. президент США Дж. Буш и госсекретарь К. Райс не смогли посетить важные мероприятия АСЕАН, что сразу же вызвало критику всех сторон. Уолтер Ломан, в то время директор Центра азиатских исследований Фонда «Наследие», отметил: «Это пренебрежительное отношение будет накапливаться, направляя азиатов к будущему без Америки»⁴.

Обогащение содержания сотрудничества в Восточной Азии

Институциональное сотрудничество между Китаем и АСЕАН становится все более совершенным, что также способствует развитию сотрудничества в масштабах всей Восточной Азии. Модернизация системы связей идет по трем направлениям.

Во-первых, происходит обогащение содержания сотрудничества, к традиционным областям постоянно добавляются новые. Первоначально стороны в основном

⁴ Cancellation of Bush visit disappoints Southeast Asia. The Dawn, 13.07.2007. URL: <https://www.dawn.com/news/256059/newspaper/newspaper/column> (accessed: 10.02.2022).

сосредоточились на экономике и торговле, однако затем их взаимодействие распространилось на сферу традиционной и нетрадиционной безопасности. Приоритетной целью такого взаимодействия стало совместное управление территориальными спорами в Южно-Китайском море. Далее на этой основе сотрудничество Китая и АСЕАН расширялось, охватывая такие области, как образование и культура, защита женщин и детей, морское взаимодействие, транспорт и связь, цифровая, зеленая и низкоуглеродная экономика, общественное здравоохранение, наука и техника и международное развитие.

Во-вторых, идет обновление платформ сотрудничества. В рамках многоуровневых диалоговых платформ Китай и АСЕАН создали несколько механизмов сотрудничества, возглавляемых АСЕАН и охватывающих почти все министерства и ведомства. В зависимости от изменения региональной ситуации создаются новые механизмы и платформы сотрудничества. Например, после вспышки эпидемии коронавируса обе стороны создали платформу для выстраивания и укрепления региональных цепочек поставок.

В-третьих, стороны развивают сотрудничество различных типов. Китай и АСЕАН придерживаются принципа взаимовыгодного сотрудничества и выделяют в нем три аспекта: «твердое» взаимодействие, «мягкое» взаимодействие и сближение интересов народов. «Твердое» взаимодействие означает развитие взаимосвязанности, прежде всего в сфере инфраструктурного строительства. «Мягкое» взаимодействие включает в себя формирование и развитие общих правил и норм. Сближение интересов народов предполагает сближение мнений и интересов людей и учреждений, совместно работающих над строительством сообщества единой судьбы Китая и АСЕАН.

Уровень сотрудничества между Китаем и АСЕАН в целом выше, чем в других регионах. Например, отчет о национальном индексе развития инфраструктуры «Пояса и пути» за 2021 г. показывает, что темпы строительства инфраструктуры в Юго-Восточной Азии занимают первое место среди всех регионов [“Yidai yilu” guojia jichu]. Китай подписал документы о сотрудничестве с институтами стандартизации стран – членов АСЕАН, таких как Сингапур, Филиппины и Малайзия. Вступление в силу соглашения о ВРЭП еще больше углубило механизм согласования правил и стандартов в сотрудничестве Китая и АСЕАН. Таким образом происходит координированное продвижение «мягкой» системы стандартов и «жесткого» механизма сотрудничества. «Индекс пяти звеньев», разработанный Пекинским университетом для стран, расположенных вдоль «Пояса и пути», показывает, что общий уровень контактов между гражданами Китая и стран АСЕАН опережает другие регионы [Zhai Kun, Wang Lina, 2016].

Сотрудничество между КНР и Ассоциацией действительно сыграло стимулирующую роль для других стран. Более того, конкуренция и взаимное обучение друг друга привели к сближению содержания, платформ и основных типов сотрудничества между странами-партнерами и АСЕАН: все они стали долгосрочными, институциональными и комплексными. Создание нескольких групп формата АСЕАН+1 сформировало конкурентную ситуацию, обогащая содержание сотрудничества в Восточной Азии. Это особенно заметно в целом ряде новых областей взаимодейст-

вия. В последние десятилетия АСЕАН разработала ряд правил для развития сотрудничества в цифровой сфере. Китай оперативно установил цифровое экономическое партнерство с АСЕАН в 2020 г. Впоследствии США, Япония, Южная Корея, Австралия и другие страны, а также Европейский союз укрепили свое сотрудничество с АСЕАН в области цифровой экономики.

Улучшение структуры регионального порядка в Восточной Азии

Под влиянием сотрудничества между Китаем и Ассоциацией в Восточной Азии сформировалась региональная структура «АСЕАН+», центром которой стала АСЕАН, что изменило предыдущую модель региональной структуры, в которой доминировали крупные державы. К настоящему времени в Восточной Азии выстроена региональная система партнерств с АСЕАН в качестве центрального элемента, многочисленными двусторонними отношениями в формате «10+1» и «АСЕАН плюс» в роли координационного механизма. Китай первым предложил принцип центральной роли АСЕАН и всегда настаивал на нем. Структура «АСЕАН плюс» оказывает следующее влияние на оптимизацию регионального порядка в Восточной Азии.

Во-первых, она снижает конфликтность в жесткой структуре стратегической игры между крупными державами. Структура «АСЕАН плюс» сделала Юго-Восточную Азию более устойчивой зоной конкуренции и сотрудничества. Она придает Юго-Восточной Азии дополнительную устойчивость и позволяет АСЕАН более эффективно реагировать на возможное вмешательство крупных государств. Таким образом, регион становится более конкурентоспособным и открывает двери для новых внешних участников, расширяя сферу восточноазиатского сотрудничества. При этом не возникает угроз независимости и самостоятельности [Zhai Ku, 2017]. В конце 2005 г. АСЕАН учредила Восточноазиатский саммит и пригласила Индию, Австралию и Новую Зеландию для расширения формата «10+3» и создания механизма «10+6». В 2011 г. АСЕАН пригласила США и Россию присоединиться к Восточноазиатскому саммиту, тем самым расширив механизм своего сотрудничества до «10+8».

Во-вторых, крупные державы постепенно приспосабливаются к изменению своих ролей в регионе. В результате Китай, США, Япония, Южная Корея, Индия и Австралия признали роль и статус АСЕАН и согласились быть партнерами, а не лидерами в структуре «АСЕАН плюс». Данная стратегическая корректировка способствовала оптимизации регионального порядка и дальнейшей институционализации структуры «АСЕАН плюс», которая основана на приверженности всех участников моральным принципам Ассоциации. В обстановке взаимной конкуренции крупные державы будут как минимум политически поддерживать центральность АСЕАН, в противном случае их действия будут расцениваться как аморальные. США также все больше признают центральную роль АСЕАН. В частности, администрация Д. Трампа в опубликованном «Докладе об Индо-Тихоокеанской стратегии» подтвердила приверженность центральной роли АСЕАН. Индия, Европейский союз, Великобритания, Франция и другие страны в своих соответствующих стратегиях ИТР также подтвердили поддержку принципу центральности АСЕАН.

В-третьих, АСЕАН формирует региональную архитектуру экономики и безопасности. В настоящее время Восточноазиатский саммит (East Asia Summit, EAS) и «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» (ASEAN Outlook on the Indo-Pacific, AOIP) являются региональными механизмами, признанными всеми сторонами. Достаточно успешно продвигается экономическое сотрудничество в рамках «АСЕАН плюс». На базе ВРЭП была реализована дальнейшая интеграция восточноазиатского экономического пространства, хотя данная структура пока не включает в себя США и Евросоюз. Получила свое развитие и функция сотрудничества в сфере безопасности в рамках «АСЕАН плюс». В августе 2021 г. на 28-й встрече министров иностранных дел Регионального форума АСЕАН член Госсовета и министр иностранных дел КНР Ван И изложил китайское понимание ситуации. Китай полагает, что в связи с воздействием эпидемии COVID-19 и возрождением геополитической конкуренции для поддержания регионального мира и стабильности необходимо практиковать подлинную многосторонность, укреплять солидарность и сотрудничество. Ван И призвал партнеров совместно реагировать на пять основных вызовов безопасности, а именно: последствия новой коронавирусной эпидемии, нетрадиционную безопасность, геополитическую конфронтацию, силовую политику и региональные горячие точки [Wang Yi guowu weiyuan].

«Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» и инклюзивный региональный порядок

Может ли сотрудничество Китая и АСЕАН на фоне активизации стратегической игры КНР и США в ЮВА и выдвижения разнообразных индо-тихоокеанских стратегий привести к созданию более широкого и инклюзивного регионального порядка? Это новый практический вопрос, с которым сталкивается сотрудничество Китая и АСЕАН. Для его решения требуются дальнейшее инновационное развитие сотрудничества и оптимизация модели регионального порядка. Авторы настоящей статьи полагают, что принятие и продвижение Китаем «Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН» соответствует новым тенденциям в развитии регионального порядка. В теоретическом плане такой подход способен сгладить стратегическое противостояние между Китаем и Соединенными Штатами в более широком контексте, а на практике следует новым трендам развития регионального порядка.

ЮВА – ключевая область конкуренции и сотрудничества в рамках «Индо-Тихоокеанских стратегий»

В настоящее время США, Япония, Индия, Австралия, Великобритания, Франция и Германия, а также АСЕАН используют Индо-Тихоокеанский регион в качестве геополитического и экономического пространства для построения регионального порядка. Однако объем, содержание и атрибуты «Индо-Тихоокеанской стратегии» у каждой из сторон разные. Тем не менее на фоне пандемии COVID-19 Индо-Тихоокеанский регион становится более стратегически значимым для всех участников. «Индо-Тихоокеанская стратегия» каждого крупного стратегического игрока на-

правлена на то, чтобы сдерживать и уравновешивать Китай, и большинство из них используют АСЕАН в качестве основного инструмента. Например, механизм четырехстороннего диалога между США, Японией, Индией и Австралией призван привлечь на свою сторону страны АСЕАН и направлен против реализации инициативы «Пояс и путь». «Индо-Тихоокеанские стратегии» Франции, Германии и Великобритании также рассматривают именно АСЕАН в качестве приоритетного объекта сотрудничества. В последние годы Россия выдвинула концепцию Большой Евразии, включив АСЕАН в свой план Большого евразийского партнерства. Россия углубляет стратегическое партнерство с АСЕАН в таких областях, как политика, безопасность, ликвидация последствий стихийных бедствий, технологии, туризм и противоэпидемические меры. Принципиальное различие между «Индо-Тихоокеанским видением АСЕАН», предложенным Ассоциацией в 2019 г., и вышеупомянутыми «Индо-Тихоокеанскими стратегиями» заключается в том, что асеановская концепция не направлена против третьей стороны, а содействует установлению инклюзивного порядка в регионе, который устраивает всех участников. Китайская инициатива «Пояс и путь» также охватывает Индо-Тихоокеанский регион. Согласно Концепции сотрудничества на море в рамках этой инициативы, опубликованной Государственным комитетом по делам развития и реформ и бывшим Государственным океанологическим управлением в 2017 г.⁵, два из трех «синих» экономических коридоров проходят через Юго-Восточную Азию. Китайский руководитель Си Цзиньпин, председательствуя на саммите, посвященном 30-летию установления диалоговых отношений между Китаем и АСЕАН, указал на необходимость совместного качественного строительства «Пояса и пути» и сотрудничества в рамках «Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН». Тогда Китай впервые позитивно отреагировал на инициативу «Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН» и предложил Ассоциации сотрудничество. Следовательно, Юго-Восточная Азия является базовым элементом в переплетающемся взаимодействии «Индо-Тихоокеанской стратегии» США и других стран, восточноазиатского сотрудничества АСЕАН, а также «Пояса и пути». Иными словами, Юго-Восточная Азия находится в центре ИТР и является областью пересечения интересов и основной зоной конкуренции и сотрудничества в рамках страновых «Индо-Тихоокеанских стратегий», в то время как АСЕАН является связующим звеном различных региональных стратегий. Сегодня все крупные страны признают и активно поддерживают «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН». Это открывает путь к согласованию вопросов Индо-Тихоокеанского регионального порядка в рамках асеановской концепции.

Центральность АСЕАН и строительство Индо-Тихоокеанского порядка

Формирующийся Индо-Тихоокеанский порядок представляет собой сложную систему многосторонней конкуренции со следующими ключевыми характеристиками.

⁵ Yidai yilu' jianshe heishang hezuo shexiang 一带一路'建设海上合作设想 [A vision for maritime cooperation in the 'Belt and Road' construction]. Xinhua, 20.06.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-06/20/c_1121176798.htm (accessed: 12.01.2022). (In Chinese).

Во-первых, следует отметить, что этот регион претерпел долгую, комплексную и динамичную эволюцию. Он является местом сосредоточения основных мировых держав, при этом мировой политической и экономической центр постепенно смещается на Восток. ИТР охватывает обширное пространство, которое простирается между Евразией и Африкой, обстановка здесь включает в себя геополитические, военные, экономические, культурные, социальные, технологические и экологические аспекты.

Во-вторых, важно учитывать многообразие стратегических акторов и различия между ними. В дела региона вовлечены следующие участники: крупные державы, такие как Китай и США; региональные акторы, включая Японию, Индию и Россию; европейские страны, такие как Великобритания, Франция и Германия; средние страны, вроде Южной Кореи и Австралии, а также АСЕАН и государства – члены Ассоциации. В совокупности они формируют сложную и меняющуюся «Большую игру» в Индо-Тихоокеанском регионе. Стороны находятся в процессе взаимной адаптации, который включает в себя постоянное обучение, экспериментирование, согласование интересов и конкуренцию, в результате чего складывается система со встроенными механизмами саморегулирования.

В-третьих, ИТР отличается разнообразием и сложностью региональных структур. США, Китай и другие страны возглавляют собственные региональные структуры, при этом становится все более заметной роль «АСЕАН плюс», что проявляется в следующем: а) сфера действия «АСЕАН плюс» расширилась от Азиатско-Тихоокеанского региона до Индо-Тихоокеанского региона; б) структура «АСЕАН плюс» стала общей платформой для всех сторон в формировании Индо-Тихоокеанского порядка; в) «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» получило признание в качестве плана построения Индо-Тихоокеанского порядка.

Таким образом, сутью стратегического взаимодействия в ИТР становится региональная стратегическая игра и построение регионального порядка в Юго-Восточной Азии как основной зоне конкуренции и сотрудничества.

Прежде чем все стороны достигнут консенсуса по «Индо-Тихоокеанскому видению АСЕАН» и стратегически согласуют с этим планом свою политику, центральная позиция АСЕАН останется ослабленной. Например, США продвигают четырехсторонний механизм диалога по вопросам безопасности, трехстороннее партнерство в области безопасности между США, Великобританией и Австралией и другие платформы, создав новую структуру безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, что ослабляет центральную роль АСЕАН [Kuang Yunfeng jiaoshou]. Как только все стороны полностью примут «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН», центральность АСЕАН будет сохраняться, поддерживаться и укрепляться в рамках новой Индо-Тихоокеанской структуры, и это сыграет важную роль в строительстве Индо-Тихоокеанского порядка. Особенно важно отметить, что Китай и США поддерживают «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН». Это дает возможность АСЕАН играть позитивную роль в развитии китайско-американских отношений, смягчать концептуальный конфликт КНР и США в регионе и оптимизировать модель сосуществования.

«Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» выполняет функцию координации стратегических интересов

Среди различных индо-тихоокеанских стратегий концепция «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» является наиболее согласованной и универсальной, а также широко принятой всеми странами. В отличие от «порядка, основанного на правилах», продвигаемых США, Японией и другими странами с целью сдерживания Китая, соответствующие определения, ключевые области сотрудничества и связанные с ними формулировки в «Индо-Тихоокеанском видении АСЕАН» относительно нейтральны. В целом документ подчеркивает инклюзивность и отказ от борьбы против Китая.

Нормативный порядок в стратегической концепции «Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН» основан на четырех требованиях:

- 1) определять географическое и экономическое пространство Индо-Тихоокеанского региона через АСЕАН;
- 2) придерживаться традиционной «модели АСЕАН», а не внеюридических документов или договоров;
- 3) использовать существующие нормы и механизмы АСЕАН, такие как Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН, Совещание министров обороны стран-членов АСЕАН и партнеров по диалогу, Расширенный морской форум АСЕАН и другие связанные с «АСЕАН плюс» механизмы;
- 4) уважать международное право, Устав Организации Объединенных Наций, Устав АСЕАН и другие договоры и соглашения, связанные с АСЕАН.

Ассоциация продвигает восстановление регионального порядка в соответствии с внутренним пониманием процесса. В перспективе предлагается, чтобы АСЕАН «направляла и формировала региональную архитектуру экономики и безопасности», «сохраняла центральное место в развивающейся региональной архитектуре» и «воспринимала свое центральное положение в качестве фундаментального принципа для развития сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе»⁶.

В целом «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» объединяет существующие в регионе долгосрочные инициативы и устанавливает баланс между стратегическими инновациями и глобальными связями; исходит из принципа взаимовыгодного сотрудничества, придает большое значение открытости, а не эксклюзивности, ориентируется на развитие, а не на безопасность; содействует построению Сообщества АСЕАН, укрепляет собственный потенциал как стратегическую точку опоры и продвигает интеграцию АСЕАН на более высокий уровень с учетом интересов глобальной связанности инфраструктуры, экономического и торгового сотрудничества, финансовой стабильности и устойчивого развития. «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» не только выражает озабоченность АСЕАН по поводу изменений в региональном порядке, но и отражает приверженность Ассоциации независимому мышлению и всестороннему рассмотрению проблем при построении регионального порядка, который должен обеспечить мир, безопасность и процветание в Индо-Тихоокеанском регионе.

⁶ ASEAN outlook on the Indo-Pacific. ASEAN, January 2022. URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed: 12.01.2022).

Заключение

Индо-Тихоокеанский порядок находится в стадии формирования, при этом ведущие партнеры АСЕАН стремятся к достижению стратегической согласованности с «Индо-Тихоокеанским видением АСЕАН». Партнерство между Китаем и АСЕАН развивалось на протяжении тридцати лет, за этот период взаимопонимание и сотрудничество между ними приобрели зрелый характер. Однако стороны все еще должны достичь консенсуса по важным стратегическим вопросам и стать ключевыми сторонами друг друга.

Ввиду того, что институциональное сотрудничество между Китаем и АСЕАН развивалось довольно гармонично, расширение их взаимодействия в контексте «Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН» кажется логичным и не слишком сложным, а выгоды от этого будут масштабными.

Во-первых, Китай может на основе приверженности концепции Азиатско-Тихоокеанского региона согласовать свою позицию с АСЕАН и поддержать «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» и в его рамках вести диалог и сотрудничество с Ассоциацией и связанными с ней странами, в ходе чего овладевать стратегической инициативой и содействовать ослаблению региональной напряженности.

Во-вторых, Китай может еще сильнее укрепить сотрудничество с АСЕАН в рамках этой концепции, чтобы побудить другие крупные страны увеличить свои стратегические инвестиции в регион, помочь Ассоциации получить инициативу в стратегической игре крупных держав и обеспечить единство АСЕАН.

В-третьих, «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» охватывает множество областей, таких как политика, экономика и безопасность. Китай может совместно с АСЕАН создать специальную рабочую группу для обсуждения путей расширения сотрудничества в экономической сфере. Например, стоит обсудить, как в рамках «Индо-Тихоокеанского видения» следует продвигать широкомасштабное экономическое сотрудничество в «эпоху после ВРЭП», каким образом координировать отношения со Всеобъемлющим и прогрессивным соглашением о Транстихоокеанском партнерстве (Commission of the Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership, CPTPP) и Индо-Тихоокеанской экономической структурой (Indo-Pacific Economic Framework, IPEF) США. Кроме того, необходимо сосредоточить внимание на реализации проектов в сфере «синей экономики», содействовать распространению достижений сотрудничества на такие направления традиционной и нетрадиционной безопасности, как мирное урегулирование споров и поддержание безопасности на море. Конечная цель этих усилий – способствовать региональной стабильности и процветанию.

В-четвертых, «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН» предлагает сохранить региональную структуру, основанную на определенных нормах, следовать «модели АСЕАН» при решении региональных проблем.

Данный подход отличается от нарратива, который используют США, Япония, Индия и Австралия в трактовке «порядка, основанного на правилах», а также предоставляет пространство для переговоров и сотрудничества между Китаем и АСЕАН по

обсуждению и выстраиванию правил в Индо-Тихоокеанском регионе. Китай может сотрудничать с АСЕАН в формировании новых инклюзивных подходов, поддерживать различные открытые и инклюзивные инициативы регионального сотрудничества. Это предотвратит поляризацию региона в виде разделения на лагерь или принуждения стран – членов АСЕАН к выбору определенной стороны.

References

“Yidai yilu” guojia jichu sheshi fazhan zong zhishu zhi die huisheng “一带一路”国家基础设施发展总指数止跌回升 [Overall index of infrastructure development in “Belt and Road” countries stops falling and rises]. China Business News. July 22, 2021. URL: <http://www.comnews.cn/article/bizworld/202107/20210700082079.shtml> (accessed: 27.01.2022). (In Chinese).

Kuang Yunfeng jiaoshou: Hexin diwei jian bei meiguo yin tai zhanlue xueruo yaxi'an zai jingji neng fahui chaoguo ti liang juese 邝云峰教授：核心地位渐被美国印太战略削弱亚细安在经济能发挥超过体量角色 [Professor Kuang Yunfeng: Core position gradually weakened by US Indo-Pacific strategy ASEAN can play more than a quantitative role in the economy]. Lianhe

Zaobao Online. January 07, 2022. URL: <https://www.zaobao.com.sg/news/singapore/story20220107-1230362> (accessed: 12.01.2022). (In Chinese).

Lancangjiang-meigonghe hezuo 澜沧江—湄公河合作 [Lancang-Mekong Cooperation]. Official website of the Lancang-Mekong Cooperation China Secretariat. December 13, 2017. URL: http://www.lmcchina.org/node_1009503.html (accessed: 04.01.2022). (In Chinese).

Li, Chun 李春 (2019). Zhongguo yu dongnanya fan xiqian duobian hezuo jizhi goujian 中国与东南亚反洗钱多边合作机制构建 [Construction of a Multilateral Cooperation Mechanism for Anti-Money Laundering between China and Southeast Asia]. Journal of Jinan (Philosophy and Social Science Edition), No 3. Pp. 23–41. (In Chinese).

Li Keqiang zai da meigonghe ci quyue jingji hezuo di qi ci lingdao ren huiyi shang de jianghua (quanwen) 李克强在大湄公河次区域经济合作第七次领导人会议上的讲话(全文)

Speech by Li Keqiang at the Seventh Leaders' Meeting on Greater Mekong Sub-regional Economic Cooperation (full text). Xinhua. September 09, 2021. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2021-09/09/c_1127845778.htm (accessed: 04.01.2022). (In Chinese).

Li Keqiang zai di 24 ci zhongguo-dongmeng lingdao ren huiyi shang de jianghua (quanwen) 李克强在第24次中国—东盟领导人会议上的讲话(全文) [Li Keqiang's speech at the 24th China-ASEAN Leaders' Meeting (Full text)]. Xinhua. October 26, 2021. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2021-10/27/c_1128003173.htm (accessed: 04.01.2022). (In Chinese).

Li, Yingli 李英利, Wang, Yuzhu 王玉主 (2020). Renlei mingyun gongtongti beijing xia zhongguo-dongmeng gonggong weisheng ānquán hézuò jiànshè chū tà 人类命运共同体背景下中国—东盟公共卫生安全合作建设刍探 [An exploration of China-ASEAN public health and safety cooperation in the context of the community of human destiny]. Journal of Guangxi University (Philosophy and Social Science Edition), No 5. Pp. 125–130. (In Chinese).

Liu, Jiong 刘炯 (2021). Yazhou anquan guan' xia de zhongguo-dongnanya fankong hezuo '亚洲安全观'下的中国—东南亚反恐合作 [China-Southeast Asia Counter-Terrorism Cooperation under the 'Asian Security Concept']. Asia-Pacific Security and Maritime Studies, No 5. Pp. 93–107. (In Chinese).

Lu, Guangsheng 卢光盛, Nie, Jiao 聂姣 (2020). Zhongguo he yindu yu dongnanya quyue hezuo de bijiao yu jing he 中国和印度与东南亚区域合作的比较与竞合 [Comparative and Competing Regional Cooperation between China and India and Southeast Asia]. South Asian Studies, No 1. Pp. 74–100. (In Chinese).

Luoshi zhongguo-dongmeng mianxiang heping yu fanrong de zhanlue huoban guanxi lianhe xuanyan de xingdong jihua [落实中国—东盟面向和平与繁荣的战略伙伴关系联合宣言的行动计划 [Plan of Action for the Implementation of the China-ASEAN Joint Declaration on Strategic Partnership for Peace and Prosperity]. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, December 21, 2004. URL:

https://www.mfa.gov.cn/nanhai/chn/zcfg/200412/t20041221_8523459.htm (accessed: 04.01.2022). (In Chinese).

Ma, Fangfang 马方方, Liu, Changmin 刘长敏 (2021). Lun daguo diqu zhanlue zhongruan shili de yunyong—yi zhong mei dongnanya diqu zhanlue wei li 论大国地区战略中软实力的运用——以中美东南亚地区战略为例 [On the Use of Soft Power in the Regional Strategies of Great Powers: An Example of China-US Regional Strategy in Southeast Asia]. *Pacific Journal*, No 8. Pp. 1–11. (In Chinese).

Mao, Weijun 毛维准 (2020). Daguo haiwai jijian yu diqu zhixu biandong—yi zhongguo-dongnanya jijian hezuo wei anli 大国海外基建与地区秩序变动——以中国—东南亚基建合作为例 [Overseas Infrastructure of Great Powers and Regional Order Changes: The Case of China-Southeast Asia Infrastructure Cooperation]. *World Economics and Politics*, No 12. Pp. 96–122. (In Chinese).

Mingyun yugong gong jian jiayuan — Xi Jinping zai zhongguo-dongmeng jianli duihua guanxi 30 zhounian jinian fenghui shang de jianghua (quanwen) 命运与共 共建家园——习近平在中国—东盟建立对话关系 30 周年纪念峰会上的讲话 (全文) [Sharing a common destiny and building a common home – Xi Jinping's speech at the 30th anniversary summit of China-ASEAN dialogue (Full text)]. China government website. November 22, 2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-11/22/content_5652461.htm (accessed: 04.01.2022). (In Chinese).

Nie, Wenjuan 聂文娟 (2020). Zhong mei dongnanya diqu zhixu linian de bijiao ji diqu zhixu de yanbian qushi fenxi 中美东南亚地区秩序理念的比较及地区秩序的演变趋势分析 [A Comparison of Chinese and American Concepts of Regional Order in Southeast Asia and Analysis of Trends in the Evolution of Regional Order]. *Contemporary Asia-Pacific*, No 6. Pp. 76–94. (In Chinese).

Quan, Yi 全毅, Yin, Zhu 尹竹 (2017). Zhongguo-dongmeng quyue, ci quyu hezuo jizhi yu hezuo moshi chuanguanxin 中国—东盟区域、次区域合作机制与合作模式创新 [China-ASEAN Regional and Sub-regional Cooperation Mechanism and Cooperation Model Innovation. *Southeast Asian Studies*], No 6. Pp. 15–36. (In Chinese).

Wang Yi guowu weiyuan jian waizhang zai di 28 jie dongmeng diqu luntan waizhang hui shang de fayan 王毅国务委员兼外长在第 28 届东盟地区论坛外长会上的发言 [Statement by State Councilor and Foreign Minister Wang Yi at the 28th ASEAN Regional Forum Foreign Ministers Meeting]. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, August 06, 2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/nanhai/chn/wjbxw/202108/t20210806_9071861.htm (accessed 27.01.2022). (In Chinese).

Wang, Yuzhu 王玉主 (2014). Liyi kunbang yu zhongguo-dongmeng guanxi fazhan 利益捆绑与中国—东盟关系发展 [Bundling of interests and the development of China-ASEAN relations]. *South Pacific Studies*, No 4. Pp. 1–7. (In Chinese).

Wei, Ling 魏玲 (2021). Huoban guanxi zai shengji: Dongmeng guanqie, zhongguo zeren yu diqu zhixu 伙伴关系再升级：东盟关切，中国责任与地区秩序 [Partnership Re-Upgrading: ASEAN Concerns, Chinese Responsibilities and Regional Order]. *Institute of International Studies*, No 6. Pp. 32–53. (In Chinese).

Xi Jinping zai di shiqi jie zhongguo-dongmeng bolanhui he zhongguo-dongmeng shangwu yu touzi fenghui kaimu shi shang de zhici 习近平在第十七届中国—东盟博览会和中国—东盟商务与投资峰会开幕式上的致辞 [Xi Jinping's speech at the opening ceremony of the 17th China-ASEAN Expo and China-ASEAN Business and Investment Summit]. China government website. November 27, 2020. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2020/content_5567744.htm (accessed: 04.01.2022). (In Chinese).

Yao, Yuchun 姚毓春, Li, Bing 李冰 (2021). Shengchan, maoyi yu chubei: Dongnanya liangshi anquan yu zhongguo-dongmeng liangshi hezuo 生产、贸易与储备：东南亚粮食安全与中国—东盟粮食合作 [Production, trade and reserves: Food security in Southeast Asia and China-ASEAN food cooperation]. *Southeast Asian Studies*, No 2. Pp. 38–56. (In Chinese).

Zhai, Kun 翟崑 (2017). Dongmeng dui dongya hezuo zhudao quan de bodong guilu (1997–2017) 东盟对东亚合作主导权的波动规律 (1997–2017) [The fluctuating pattern of ASEAN's dominance over East Asian cooperation (1997–2017)]. *Teaching and Research*, No 6. P. 52. (In Chinese).

Zhai, Kun 翟崑, Wang, Lina 王丽娜 (2016). Yidai yilu beijing xia de zhongguo-dongmeng minxin xiangtong xianzhuang shizheng yanjiu 一带一路背景下的中国—东盟民心相通现状实证研究 [An empirical study on the current situation of China-ASEAN people-to-people exchanges in the context of the

Belt and Road]. *Journal of Yunnan Normal University (Philosophy and Social Science Edition)*, No 6. P. 58. (In Chinese).

Zhang, Jie 张洁 (2017). *Zhongguo-dongmeng fankong hezuo: Tiaozhan yu shenhua lujing* 中国—东盟反恐合作:挑战与深化路径 [China-ASEAN Counterterrorism Cooperation: Challenges and Paths for Deepening]. *Institute of International Studies*, No. 3. Pp. 27–40. (In Chinese).

Zhang, Jie 张洁 (2020). *Zhongguo yu dongnanya de gonggong weisheng zhili hezuo—yi xinguan yiqing zhili wei li* 中国与东南亚的公共卫生治理合作—以新冠疫情治理为例 [Public Health Governance Cooperation between China and Southeast Asia: The Case of New Crown Outbreak Management]. *Southeast Asian Studies*, No 5. Pp. 24–42. (In Chinese).

Zhang, Yunling 张蕴岭 (2015). *Zhongguo de zhoubian quyu guan huigui yu xin zhixu goujian* 中国的周边区域观回归与新秩序构建 [China's Return to a Regional View of the Periphery and the Construction of a New Order]. *World Economics and Politics*, No 1. Pp. 5–25. (In Chinese).

Zhongguo-dongmeng hezuo shishi yu shuju: 1991–2021 中国—东盟合作事实与数据: 1991–2021 [China-ASEAN Cooperation Facts and Figures: 1991–2021]. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, December 31, 2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjbxw_673019/202201/t20220105_10479078.shtml (accessed: 10.01.2022). (In Chinese).

Zhongguo-dongmeng jianli duihua guanxi 30 zhounian jinian fenghui lianhe shengming—mianxiang heping, anquan, fanrong han ke chixu fazhan de quanmian zhanlue huoban guanxi 中国—东盟建立对话关系 30 周年纪念峰会联合声明——面向和平, 安全, 繁荣和可持续发展的全面战略伙伴关系 [Joint Declaration of the China-ASEAN Summit on the 30th Anniversary of Dialogue – A Comprehensive Strategic Partnership for Peace, Security, Prosperity and Sustainable Development]. *Xinhua*. November 22, 2021. URL: http://www.news.cn/politics/2021-11/22/c_1128089438.htm (accessed: 04.01.2022). (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo yu dongmeng guojia shounao huiwu lianhe shengming: Mianxiang er-shiyi shiji de zhengque-dengmeng hezuo 中华人民共和国与东盟国家首脑会晤联合声明: 面向二十一世纪的中国—东盟合作 [Joint Declaration of the Summit Meeting between the People's Republic of China and ASEAN Countries: China-ASEAN Cooperation for the 21st Century]. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. December 16, 1997. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/199712/t19971216_269856.shtml (accessed: 04.01.2022). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 28.08.2023. Received: 28 August 2023.

Принята к публикации: 01.10.2023. Accepted: 1 October 2023.

К 130-летию со дня рождения Лян Шумина (1893–1988)

DOI: 10.48647/ICCA.2024.16.22.003

А.В. Лукин

Об исследовании идей Лян Шумина в России

Аннотация: В статье рассматривается история исследований взглядов и наследия одного из наиболее известных китайских мыслителей XX в. Лян Шумина. Интерес к его идеям возник еще в СССР в 50–60 гг. XX в. при жизни мыслителя. Тогда в рамках марксистских подходов его рассматривали как философа-«идеалиста» и сторонника возрождения отсталой «феодальной» культуры в Китае. Позднее советские и российские исследователи нового поколения начали изучать Лян Шумина как продолжателя и реформатора китайских традиций конфуцианской и буддийской философии, а также как создателя оригинальной культурно-цивилизационной теории общественного развития, поставившей его в один ряд с такими историками и социальными философами, как Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер и А. Тойнби. Автор

считает, в будущем значение идей Лян Шумина в Китае будет возрастать, так как современное направление развития официальной китайской идеологии во многом соответствует мыслям Лян Шумина позднего периода о близости идей социализма и коммунизма, его пониманию идеальной китайской культуры, которая раскроется в полной мере только после того, как Китай решит проблему достижения материального уровня развития Запада. Эти мысли предвосхитили современные идеологические подходы КПК, стремящейся создать новую концепцию развития китайского общества на основе синтеза марксизма и традиции, а также активного использования цивилизационных аргументов, что нашло свое выражение в возрождении и развитии концепций «китаизации марксизма» и создания в Китае под руководством КПК «нового типа человеческой цивилизации».

Ключевые слова: Лян Шумин, китайская идеология, китаизация марксизма, интервью, конфуцианство, китайская культура.

Автор: Лукин Александр Владимирович, доктор исторических наук, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН. ORCID ID: 0000-0002-1962-2892; E-mail: lukin@iccaras.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта №21-514-93002 «Сравнительный анализ концептуальных школ внешнеполитической мысли России и КНР»

A·V·卢金

梁漱溟思想在俄罗斯的研究

摘要: 本文考察了对二十世纪最著名的中国思想家之一梁漱溟的观点及遗产研究的历史。20世纪50–60年代,在梁漱溟还在世时,苏联学界开始对他的想法产生兴趣。当时在马克思主义立场框架内他被视为“唯心主义”哲学家和中国落后“封建”文化复兴的支持者。后来,苏联和俄罗斯的新一代研究者开始将梁漱溟作为中国儒家和佛教哲学传统的继承者和改革者及独创性的社会发展文化文明理论的建立者来研究,这使其与N·Ya·丹尼列夫斯基、O·斯宾格勒和A·汤因比等历史学家和社会哲学家齐名。作者认为,未来梁漱溟思想在中国的意义将会更加重要,因为中国官方意识形态的当代发展方向很大程度上符合梁漱溟晚期关于社会主义和共产主义理想相似性的思想,以及他对理想中国文化的理解,而这种理想中国文化只有在中国解决实现西方物质发展水平的问题之后才会得到充分展现。这些思想预示了当代中国共产党的意识形态立场,即在马克思主义与传统相结合的基础上,积极运用文明论据,努力建立中国社会发展的新理念,而这表现为复兴和发展“马克思主义中国化”理念,在中国共产党领导下创建“人类新型文明”。

关键词: 梁漱溟; 中国意识形态; 马克思主义中国化; 采访; 儒家思想; 中国文化

作者: 亚历山大·弗拉基米罗维奇·卢金, 俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所学术主任, 历史学科学博士。ORCID ID: 0000-0002-1962-2892; 电子邮件: lukin@iccaras.ru

Alexander V. Lukin

On the study of Liang Shuming's ideas in Russia

Abstract: The article studies the history of research in Russia on the ideas and heritage of Liang Shuming – one of the most important Chinese thinkers of the 20th century. The interest to his ideas emerged in the USSR as early as in the 1950s when Liang Shuming was still alive. At that time, he was seen through the lens of Marxism as an “idealist” philosopher who called for the restoration in China of an outdated “feudal” culture. Later, a new generation of the Soviet and Russian sinologists began to approach Liang Shuming as a successor and reformer of China’s Confucian and Buddhist philosophic tradition as well as an author of an original cultural and civilizational theory of social development comparable to those of Nikolay Danilevsky, Oswald Spengler and Arnold Toynbee. The author believes that in the future Liang Shuming’s ideas will grow in importance because his way of thinking, especially in his later years, matches the general direction of the development of China’s current official ideology. This is especially true about his idea of the similarity between socialism (and communism) and his own understanding of an ideal Chinese culture, which should realise itself in full only when China reaches the level of material development of the West. These thoughts anticipated the current CCP concept of China’s development based on a synthesis of Marxism and China’s indigenous cultural tradition and on active use of civilizational arguments. These tendencies manifested themselves in a renewal and development of concept of “Sinicization of Marxism” and in the creation in China of a “new type of human civilization” under the leadership of the CCP.

Keywords: Liang Shuming, Chinese ideology, sinicization of Marxism, interview, Confucianism, Chinese culture.

Author: Alexander Lukin, Doctor of Sciences (History), Academic Head of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-1962-2892; E-mail: lukin@iccaras.ru

Исследования творчества выдающегося китайского мыслителя XX в. Лян Шумина (梁漱溟, 1893–1988) в России немногочисленны и не охватывают всех сторон его наследия. Тем не менее интерес к нему среди специалистов как к продолжателю конфуцианской традиции, соединившему ее с некоторыми западными теориями и буддизмом, зародившись уже в середине 50-х годов XX века, сохраняется и в настоящее время.

Трудно сказать, упоминался ли Лян Шумин в работах советских авторов до создания КНР, но даже если это и было, то скорее всего они были эпизодическими и связанными с его политической и общественной деятельностью. Вероятно, первое в СССР исследование его философии после создания КНР было опубликовано в журнале «Вопросы философии» в 1957 г. Его автор Куо Шао-тан (郭肇堂, Го Шаотан, русское имя Афанасий Гаврилович Крымов) – человек крайне интересной судьбы: активист КПК, сотрудник Коминтерна, отсидевший в советском лагере с 1938 по 1953 г. После реабилитации в 1956 г. он стал научным сотрудником Института вос-

токоведения РАН, где занимался историей китайской общественной мысли и идеологической борьбой XX в. Естественно, его статья о Лян Шумине, в основном анализирующая первое крупное произведение мыслителя «Культуры Востока и Запада и их философия», а также некоторые статьи, пронизана советскими марксистскими подходами. Автор утверждает, что китайский философ проповедует «субъективно-идеалистическую агностическую теорию» и «метафизический метод» (в марксизме эти термины имеют уничижительный смысл), пытается «отвлечь внимание трудящихся от познания объективных законов общества» и выступает за возрождение «феодальной культуры средневековья» [Куо Шаотан, 1957, С. 133–136]. В то же время следует отметить и позитивное значение работы А.Г. Крымова: из нее советский читатель впервые мог узнать не только о самом существовании в Китае такого немарксистского мыслителя, как Лян Шумин, открыто критиковавшего марксизм, но и о многих его подходах и высказываниях, приведенных автором в собственном переводе. Примечательно, что статья была опубликована на следующий год после XX съезда КПСС, на котором был подвергнут критике культ личности И.В. Сталина. В новой атмосфере советские обществоведы начали знакомить читателей с зарубежными немарксистскими авторами под видом их марксистской критики. Сегодня трудно сказать, руководствовался ли автор этой целью или искренне хотел разоблачить немарксистского мыслителя, но в любом случае в ином виде в то время сведения о Лян Шумине вряд ли могли быть преданы гласности.

В том же русле писал о Лян Шумине в защищенной в 1964 г. кандидатской диссертации «Критика основных направлений китайской реакционной буржуазной философии новейшего времени (1919–1949)» советский исследователь, впоследствии – известный политолог Э.Я. Баталов [Баталов, 1964], по мнению которого «философия Лян Шумина была выражением мировоззрения реакционной консервативной части китайской буржуазии, которая была кровными узами связана с феодально-помещичьим классом, и в силу этих связей стремилась к сохранению китайской феодальной культуры, феодальной морали, а развитие капиталистических отношений пыталась направить по так называемому «китайскому пути» [Там же].

Тенденция марксистской критики продолжалась до первой половины 1980-х годов. Так, известный марксистский историк китайской философии В.Г. Буров повторял подобные выводы в вышедшей в 1980 г. книге «Современная китайская философия», характеризуя в ней Лян Шумина как апологета феодальной китайской культуры, который кроме нее восхвалял восточную цивилизацию [Буров, 1980, с. 57–58]. Позитивной чертой работы В.Г. Булова был не анализ взглядов китайского философа, носивший поверхностно-идеологический характер, но тот факт, что он приводил названия целого ряда работ Лян Шумина, помимо обычно обсуждаемой «Культуры Востока и Запада и их философии», а также рассказывал о судьбе философа в КНР: признании им своих ошибок в 1949 г., нападках на него в 1954–1955 гг. в рамках кампании «критики современной буржуазной и феодальной философии» [Там же, с. 174–177, 183, 298].

К середине 1980-х годов в СССР выросло новое поколение китаеведов, выступавших за более объективный, научный и неидеологизированный анализ Китая в це-

лом и китайской мысли в частности. Их центром стал отдел Китая Института востоковедения АН СССР, заведующим которого в то время был известный исследователь и общественный деятель Л.П. Делюсин, сам много писавший об истории китайской мысли, в том числе и о Лян Шумине как участнике споров о культуре 1920-х годов [Делюсин, 1980, С. 25–28; Делюсин, 1993, с. 78–84].

В 1984 г. на ежегодной конференции «Общество и государство в Китае» с докладом о дискуссии между Лян Шумином и Ху Ши в 1920-е годы выступил А.Г. Цверганишвили, текст этого выступления был опубликован [Цверганишвили, 1984, с. 120–131]. Большая часть доклада была посвящена объективному изложению идеи Лян Шумина, высказанных в книге «Культуры Востока и Запада и их философия», и лишь две последние страницы – критике ее Ху Ши. Автор приходит к интересному выводу о том, что несмотря на острые разногласия, оба китайских мыслителя разделяли убеждение в том, что «фундаментальные проблемы общественного развития Китая носят в первую очередь не экономический и политический, а культурный характер» [Там же]. Через год он опубликовал статью, в которой сравнивал воззрения Лян Шумина и популярного в 1920-е годы в Китае британского философа Б. Рассела, и доклад о категории «жэнь» в трактовке Лян Шумина и Ху Ши [Цверганишвили (a, b), 1985].

В 1986 г. А.Г. Цверганишвили защитил в Институте востоковедения кандидатскую диссертацию на тему «Лян Шумин и его концепция национального спасения Китая» [Цверганишвили, 1986].

Некоторые ее положения он изложил в статье «Культурологические воззрения Лян Шумина», изданной двумя годами спустя¹. В своих работах А.Г. Цверганишвили впервые в российской историографии рассматривал идеи Лян Шумина в контексте мировой мысли, отмечая влияние на него ряда европейских философов и его уникальность для Китая как первого китайского мыслителя, выдвинувшего глобальную теорию культурно-исторических типов, аналогичную теориям Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби². В качестве уникальных особенностей мышления Лян Шумина он отмечал: 1) попытку развернутого теоретического и систематизированного соотнесения китайской культуры с другими культурами; 2) выдвижение собственной концепции мирового развития, отличной как от западной модели прогресса, так и от конфуцианской циклической модели, несмотря на общую приверженность к конфуцианству; 3) попытку, несмотря на апологию конфуцианских ценностей, найти опору за пределами национальной традиции [Там же, С. 193–194]. В то же время А.Г. Цверганишвили, как и большинство российских исследователей, в то время мало знакомых с другими произведениями Лян Шумина, опирался в основном на его первую книгу «Культуры Востока и Запада и их философия», и главным образом описывал его культурологическую теорию. Это, конечно, можно понять, так как другие его работы были труднодоступны, а некоторые даже еще не изданы. Однако такой подход несколько обеднял ляншуминоведение,

¹ Цверганишвили А.Г. Культурологические воззрения Лян Шумина // Общественно-политическая мысль в Китае. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.

² Там же. С. 160.

так как Лян Шумин много занимался и другими вопросами, от аграрного строительства до проблем души, жизни и смерти.

Я заинтересовался Лян Шумином параллельно с А.Г. Цверианишвили, но сначала не знал о его работах, так как находился в основном в Китае, сначала на стажировке, а затем на работе в советском посольстве. В 1985–1986 гг. я проходил стажировку на философском факультете Пекинского университета и мне посчастливилось стать, вероятно, единственным советским исследователем, который несколько раз встречался с китайским философом и беседовал с ним. Меня познакомил с ним Ду Вэймин, известный американский специалист по конфуцианству тайваньского происхождения. В то время он также находился в Пекинском университете как приглашенный профессор, жил, как и я, в кампусе – в комплексе для иностранцев Шаоюаньлоу, только не в студенческом общежитии, а в профессорском корпусе. Я стал ходить на его лекции и как-то после одной из них подошел к нему, задал какие-то вопросы. Мы разговорились, и он пригласил меня к себе в гости в соседний корпус. Я рассказал ему, что интересуюсь современной дискуссией о роли китайской культуры в модернизации и как пример развития современными китайскими авторами традиционных идей привел их ссылки на Лян Шумина. Я считал его давно умершим, так же, как, скажем, Кан Ювэя или Лян Цичао. «А, Лян Шумин, – сказал профессор Ду, – я считаю его своим учителем, точнее, даже не непосредственным учителем, а через поколение, через Моу Цзунсяня. Кстати, завтра я иду к нему, могу захватить с собой». Для меня это было как гром среди ясного неба. Лян Шумин жив! Конечно, я хочу с ним познакомиться!

На следующий день мы отправились в гости к философу. К тому времени после долгой опалы его восстановили членом Постоянного комитета НПКСК и жил он в здании комплекса, кажется, построенного специально для НПКСК на широком проспекте Фусинлу в районе Мусиди в западной части Пекина. Потом я часто ходил в этот комплекс, например, к вдове бывшего генерального секретаря ЦК КПК Ли Лисяня Елизавете Павловне Кишкиной и к сыну революционного поэта Эми Сяо Виктору. Но в первый раз привилегированная квартира произвела на меня впечатление. По-нашему, это была обычная трехкомнатная квартира в блочном доме, но для Китая того времени, где большинство людей жили в одноэтажных хибарах без воды и туалета, такое жилье было роскошью. Там даже был лифт с лифтером, который сидел на табуретке и нажимал за вас на кнопки, одновременно посматривая, кто к кому ходит.

Лян Шумин произвел впечатление вполне бодрого старика, хотя ему уже немало сложно было ходить и он не очень хорошо слышал. Это естественно, ведь ему было за 90. Помогал ему его сын Лян Пэйкуань и иногда внук Лян Циньнин. Они объясняли ему то, что он не расслышал, и повторяли его слова, если я их плохо понимал. С внуком мы потом подружились и сохраняем отношения до сих пор. Он учился на юрфаке Пекинского университета, был младше меня на несколько лет и интересовался в основном китайской рок-музыкой. Так как я в то время тоже был фанатом рока, то с удовольствием принял его приглашение на концерт основателя китайской рок-музыки Цуй Цзяня, у которого он выполнял роль старосты группы поддержки.

Мы пробыли с Лян Шумином около часа, дольше ему было тяжело разговаривать, хотя мыслил он очень ясно и каждый день занимался гимнастикой цигун для поддержания формы. Потом я приходил еще несколько раз, в том числе в годы работы в советском посольстве (1986–1988), один раз даже пришел с видеокамерой и записал наш разговор. К сожалению, в то время я не был как следует знаком ни с китайской философией в целом, ни с широтой мысли Лян Шумина, поэтому интересовался в основном его мнением о китайской культуре, ее роли в мире и в процессе модернизации. К моему удивлению, Лян Шумин несколько раз говорил о том, что его понимание китайской культуры как преждевременно стремящейся решить основные проблемы общества, не развив как следует его материальные возможности, близка к пониманию социализма официальными китайскими реформаторами того времени. Вероятно, он искренне так и считал, вскоре он скажет об этом в одном из интервью: «Будущее мира будет характеризоваться возрождением китайской культуры, т.е. внимание с внешних объектов переключится на взаимоотношения между людьми, что будет означать социализм или даже вступление в коммунистическое общество» [Chuantong wenhua...]. В то же время он никак не мог принять марксистскую идею классовой борьбы, которая, по его мнению, не способствовала гармоническому развитию общества.

Во второй раз мое удивление вызвало то, что человек, которого с легкой руки американского исследователя Г. Алитто называли «последним конфуцианцем» [Alitto, 1986], сам себя конфуцианцем не считал. Он говорил о себе как о глубоко верующем последователе буддизма, который, по его мнению, выше конфуцианства. Позитивно

относился к роли конфуцианства в китайском обществе и мире в целом, он все же считал, что в конечном счете человечество придет к буддизму.

Лян Шумин и его родственники рассказали о своей жизни после 50-х годов, в особенности о трудном времени после кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Философ, не разбираясь в истинных ее целях, вступился за конфуцианство и выступил по этому поводу на собрании в НПКСК в 1973 г., пытаясь разъяснить его полезность. К вождю китайской революции он относился без особого пиетета, так как знал о нем еще с Пекинского университета, где он был самым молодым профессором, а Мао –

Лян Шумин выполняет упражнения гимнастики тайцицюань

библиотекарем, который, вероятно, подбирал профессорам книги. Это выступление вызвало гнев вождя и новую опалу со всеми сопровождавшими ее тяготами жизни. Он подарил мне ксерокопию рукописи этого выступления, которое тогда еще нигде не было опубликовано. Меня также пригласили на лекцию Лян Шумина в недавно основанную философской общественностью независимую Академию китайской культуры, где вели горячие дискуссии видные представители разных поколений и направлений китайской мысли – Фэн Юлань, Чжан Дайнянь, Ли Цзэхуо, Тан Ицзе, Ду Вэймин и другие, и где я потом стал завсегдатаем. Некоторые из них были преподавателями нашего факультета, Фэн Юлань уже давно вышел на пенсию, но к нему меня тоже отправил Ду Вэймин, и я пытался беседовать с ним в его знаменитом «доме с тремя соснами» (三松堂) прямо на территории кампуса Пекинского университета. К сожалению, в то время он уже был сильно нездоров. Встретился я через несколько лет и с Моу Цзунсанем, жившим в Гонконге. Но беседы с Лян Шумином были, конечно, самыми запоминающимися.

По приезду в Москву я выступил с докладом о Лян Шумине на конференции в Институте востоковедения, где стал работать, рассказал о его жизни и современных взглядах [Лукин, 1988, с. 210–2013]. Я также упоминал о его позиции в другом докладе, посвященном дискуссии о роли китайской культуры и написанном в основном по мотивам бесед в Академии китайской культуры [Лукин, 1990, с. 200–2010]. Но, к сожалению, жизнь сложилась так, что Лян Шумином я долго не занимался, лишь в самое последнее время стал приводить его идеи в контексте новейших дискуссий о китайской цивилизации.

Для российского ляншуминоведения 90-е годы XX в. стали временем накопления материала. Работ, посвященных китайскому мыслителю, тогда публиковалось не много, и касались они в основном отдельных, конкретных вопросов. В 1990 г. в материалах конференции «Общество и государство Китая» появился небольшой доклад А.Б. Краснова об интерпретации Лян Шумином термина «лисин» (理性) [Краснов, 1990, с. 199–201]. Автор приходит к выводу, что «лисин» у Лян Шумина означает некий моральный императив, свойственный человеку и отличающий его от животного и природных предметов. Он отличен от интеллекта (разума) «личжи» (理智) и соотносится с ним как субстанция и функция (体用). Лян Шумин считал: «Лисин – это сама жизнь, ее сущность. Интеллект – это инструмент жизни, ее функция»³. Лисин, так же, как и человеколюбие, является воплощением в человеке «небесных принципов» (天理). Они в наибольшей степени присущи идеальной (не реально существующей) китайской культуре, поэтому именно трансформированному Китаю принадлежит сыграть особую роль в будущем [Краснов, с. 201–202]. Можно сказать, что эта небольшая работа – первая в России попытка проанализировать собственно философские, а не историко-философские взгляды Лян Шумина.

В опубликованной в 1993 г. статье Л.П. Делюсин оценил «китайскую идею Лян Шумина» как консервативную утопию. Согласно этому исследователю, китайский

³ *Liang, Shuming* 梁漱溟 (1936). Ji ge wenti de taolun 几个问题的讨论 [Discussion on several issues]. Xiangcun jianshe. Цит. по Краснов А.Б. Категория «лисин» в философии Лян Шумина. 1990. С. 200.

мыслитель видел историческое призвание Китая в том, что «создав на своей земле счастливое и справедливое общество, в котором будет торжествовать любовь и человечность, китайцы покажут всем народам мира образец нравственного самосовершенствования, гармоничного сотрудничества и единения». Делюсин соглашается с современными китайскими оценками, согласно которым Лян Шумин, критикуя левые утопии, сам «вынашивал утопические идеалы». В этом плане он сопоставлял мысли Лян Шумина с идеями консервативного русского философа И.А. Ильина. В то же время он впервые заметил «определенную перекличку» между призывами Лян Шумина искать собственный, китайский путь развития, отличный как от западного капиталистического, так и от советского социалистического опыта, с концепциями КПК, в частности с теорией «новой демократии» [Делюсин, 1993, с. 82–83].

В 1994 г. статья о Лян Шумине появилась в подготовленном в Институте Дальнего Востока РАН под редакцией его директора М.Л. Титаренко энциклопедическом словаре «Китайская философия». В ней довольно подробно излагалась жизнь и деятельность философа и его взгляды на историю и культуру, приводился список его трудов, а также российских и зарубежных работ о нем, но собственно философские идеи затрагивались довольно коротко [Белюсов, 1994, с. 207–208].

На рубеже веков среди российских исследователей конфуцианства завязалась дискуссия о периодизации идей наследников этой традиции в XX веке. В книге, посвященной другому выдающемуся китайскому мыслителю Фэн Юланю, А.В. Ломанов⁴ вслед за китайским исследователем Чжэн Цзядуном предложил отличать «современное неоконфуцианство» и «постконфуцианство». Современное неоконфуцианство он относил к 1920-м годам и считал его представителями таких философов, как Лян Шумина, Ма Ифу, Сюн Шили, Моу Цзунсяня, Тан Цзюньи. Главным для него был «вопрос трансформации традиции для включения ее в дискурс западной философской традиции», в философском плане – это ориентация на создание «антропоцентричной философии субъекта в духе неоконфуцианской школы “учения о духе”» (心学) Ван Янмина и Лу Цзююаня [Ломанов, 1996, с. 11]. «Постконфуцианство», согласно А.В. Ломанову, «должно обозначать конфуцианскую мысль, направленную на аналитическую реконструкцию традиции, логицизированную герменевтику и объективизм, при этом сознательно ориентированную на открытость идеям западной философии». К постконфуцианцам он относил прежде всего Фэн Юланя, а также некоторых исследователей, работающих в США. Термин же «современное конфуцианство» этот автор предлагал использовать как общий для «современного неоконфуцианства», и «постконфуцианства». В рамках этой схемы А.В. Ломанов предложил считать Лян Шумина одновременно «последним конфуцианцем» и первым «современным неоконфуцианцем» [Там же, с. 12].

Эту схему подверг критике известный специалист по конфуцианской философии А.И. Кобзев. Смысл его критики заключается в том, что современные китайские фи-

⁴ А.В. Ломанов также написал небольшую статью о Лян Шумине в «Новой философской энциклопедии», составленной в Институте философии РАН: Ломанов А.В. Лян Шумин. Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С.471.

лософские системы, подвергшись в XX веке массивному влиянию инородной цивилизации, выходят за рамки конфуцианства в целом [Кобзев, 2022, с. 24]. Поэтому он соглашается с более ранней классификацией, также предложенной А.В. Ломановым, согласно которой все системы китайской философии XX века считались этапами развития «постконфуцианства», так как, по его мнению, этот термин «предполагает выход за пределы конфуцианства и даже его преодоление» [Там же, с. 22]. В этом смысле он считает правильным называть Лян Шумина только «последним конфуцианцем» [Там же, с. 24].

В 2009 г. вышло в свет наиболее полное российское исследование идей Лян Шумина: монография А.Б. Старостиной «Философия истории Лян Шумина» [Старостина, 2009], подготовленная на основе ее защищенной в 2003 г. кандидатской диссертации [Калкаева, 2003]. Работа посвящена всем аспектам творчества Лян Шумина, генезису его мысли и ее эволюции. Она начинается с подробной биографии мыслителя. Первая глава посвящена соотношению его теорий исторического процесса с представлениями о нем в традиционном Китае. Во второй анализируется влияние на Лян Шумина различных религиозно-философских систем: буддизма, учения Ван Янмина, западных теорий. Важно, что здесь подробно говорится не только о самой известной книге Лян Шумина о культурах Востока и Запада, но и о развитии его философии в последующих трудах: «Основы китайской культуры» (中国文化要义) и «Сознание и жизнь» (более точный перевод «Сознание человека и его жизнь», 人心与人生). В четвертой главе говорится о культурологической теории Лян Шумина, а в пятой – о его понимании мировой истории. Крайне важно также, что в приложении к монографии даны первые в российской историографии и, кажется, на сегодняшний день единственные переводы двух работ философа⁵.

Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что данная монография внесла значительный вклад в изучение наследия Лян Шумина в России, что тем не менее не означает, что российским ляншуминоведам больше будет нечем заняться. В то время как историософские и культурологические взгляды мыслителя исследованы на сегодняшний день достаточно полно и, вероятно, в каком-то смысле даже глубже, чем за рубежом, что связано с лучшим пониманием в России перипетий политической борьбы в коммунистическом Китае, этого нельзя сказать о собственно философских построениях Лян Шумина, его взглядах на человеческое сознание, на жизнь и смерть. До монографии А.Б. Старостиной эти темы в России практически не обсуждались, да и в ней они лишь намечены и явно требуют дальнейшей проработки.

Другой темой для дальнейшей работы могло бы стать развитие мысли Л.П. Делюсина о некоторой близости идей Лян Шумина современным официальным теориям китайских коммунистов. Ведь многое из того, за что выступал Лян Шумин и подвергался критике Мао Цзедуна, сегодня вошло в официальную идеологию КПК. Это и идея особого пути Китая, отличного как от западного, так и от советского, и идея особой уникальности китайской цивилизации, в особенности конфуцианства, и ее

⁵ Еще один перевод А.Б. Старостиной был опубликован отдельно. Лян Шумин. Об учении Конфуция [Перевод А.Б. Старостиной из книги. «Культуры Востока и Запада и их философии»] // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5.

позитивной роли для будущего человечества, и явное затушевание роли классовой борьбы в пользу социальной стабильности. Все это подразумевается в сформулированной китайскими лидерами концепции создания в Китае «нового типа человеческой цивилизации» (人类文明新形态), основанного на традиционных, в основном конфуцианских ценностях, в подробно освещенной китайским лидером Си Цзиньпином на XX съезде КПК концепции «китаизации марксизма» (马克思主义中国化), в идеях некоторых влиятельных китайских авторов о Китае как «государстве цивилизации» [Лукин, 2023, с. 71–99].

Представляется, что современное направление развития официальной китайской идеологии во многом соответствует мыслям Лян Шумина позднего периода о близости идей социализма и коммунизма, его пониманию идеальной китайской культуры, которая раскроется в полной мере только после того, как Китай решит проблему достижения материального уровня развития Запада, то есть преодолет «скороспелость» своей культуры и станет реальным примером будущего для многих стран мира. Согласно плану, заявленному на XX съезде КПК, к середине нынешнего века страну предполагается превратить «в модернизированную социалистическую державу, которая будет лидировать в мире по совокупной национальной мощи и международному влиянию»⁶. И в этих условиях рост интереса к наследию Лян Шумина в Китае неслучаен и в каком-то смысле неизбежен. Мы в России должны это понимать и прилагать усилия для его более глубокого изучения.

Библиографический список

Баталов Э.Я. Критика основных направлений китайской реакционной буржуазной философии новейшего времени (1919–1949). Канд. дисс. М., 1964.

Белоусов С.Р. Лян Шумин // Китайская философия. Энциклопедический словарь. М.: Мысль. 1994.

Буров В.Г. Современная китайская философия. М.: Наука, ГРВЛ, 1980.

Делосин Л.П. Китайская идея Лян Шумина. 24-я научная конференция «Общество и государство в Китае» Ч.2. М.: Наука, ГРВЛ, 1993.

Делосин Л.П. Спор о социализме в Китае. Из истории общественно-политической мысли Китая в начале 20-х годов. М.: Наука, ГРВЛ, 1980.

Калкаева А.Б. Философия истории Лян Шумина. Канд. дисс. М., 2003

Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература. 2022.

Краснов А.Б. Категория «лисин» в философии Лян Шумина. 21-я научная конференция «Общество и государство в Китае» Ч. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1990.

Куо Шаотан [Крымов А.Г.]. Философские взгляды Лян Шумина. Вопросы философии. 1957. № 1.

Ломанов А.В. Современное конфуцианство: философия Фэн Юлани. М. Восточная литература. 1996.

Ломанов А.В. Лян Шумин. Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т. 2.

⁶ Си Цзиньпин. Полный текст доклада 20-му Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202210/t20221026_10792071.htm (дата обращения: 15.12.2023).

Лукин А.В. Дискуссия о роли традиционной культуры в КНР (1980-е годы). 21-я научная конференция «Общество и государство в Китае» Ч. 3. М.: Наука, ГРВЛ, 1990.

Лукин А.В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе // Российское Китаеведение. 2023. № 1(2).

Лукин А.В. О некоторых аспектах эволюции мировоззрения Лян Шумина. 19-я научная конференция «Общество и государство в Китае» Ч. 3. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.

Лян Шумин. Об учении Конфуция [Перевод А.Б. Старостиной из книги. «Культуры Востока и Запада и их философии»] // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5.

Старостина А. Б. Философия истории Лян Шумина. М.: ИДВ РАН, 2009.

Цверганишвили А. Г. Лян Шумин и Ху Ши о культурах Востока и Запада // 15-я научная конференция «Общество и государство в Китае» Ч. 3. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. С. 120–131.

Цверганишвили А.Г. (а). Категория «жэнь» в трактовке Лян Шумина и Ху Ши // 16-я научная конференция «Общество и государство в Китае» Ч. 3. М.: Наука, ГРВЛ, 1985.

Цверганишвили А.Г. Культурологические воззрения Лян Шумина // Общественно-политическая мысль в Китае. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.

Цверганишвили А.Г. (б). Лян Шумин и Бертран Рассел о китайской и западной культурах // Развивающиеся страны. Политика и идеология. М., 1985

Цверганишвили А.Г. Лян Шумин и его концепция национального спасения Китая. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. М., 1986.

References

Batalov, E.Ya. (1964). Kritika osnovnykh napravleniy kitayskoy reaktivnoy burzhuznoy filosofii novyeyshego vremeni (1919–1949) [Criticism of the main trends in Chinese reactionary bourgeois philosophy of modern times (1919–1949)]. Cand. diss. Moscow.

Belousov, S.R. (1994). Liang Shuming, Kitayskaya filosofiya. Entsiklopedicheskiy slovar' [Liang Shuming, Chinese philosophy. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Mysl'.

Burov, V.G. (1980). Sovremennaya kitayskaya filosofiya [Modern Chinese philosophy]. Moscow: Nauka, GRVL.

Delyusin, L.P. (1993). Kitayskaya ideya Lyang Shumina. 24-ya nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye» Ch.2. [Chinese idea of Liang Shuming. 24th scientific conference “Society and State in China”. Part 2]. Moscow: Nauka, GRVL.

Delyusin, L.P. (1980). Spor o sotsializme v Kitaye. Iz istorii obshchestvenno-politicheskoy mysli Kitaya v nachale 20-kh godov [The debate about socialism in China. From the history of social and political thought in China in the early 20s.]. Moscow: Nauka, GRVL.

Kalkayeva, A.B. (2003). Filosofiya istorii Lyang Shumina [Philosophy of history by Liang Shuming]. Cand. diss. Moscow.

Kobzev, A.I. (2022). Filosofiya kitayskogo neokonfutsianstva [Philosophy of Chinese Neo-Confucianism]. Moscow: Vostochnaya literatura.

Krasnov, A.B. (1990). Kategoriya “lisin” v filosofii Lyang Shumina. 21-ya nauchnaya konferentsiya “Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye”. Ch.1. [The category of “lixing” in the philosophy of Liang Shuming. 21st scientific conference “Society and State in China” Part 1]. Moscow: Nauka, GRVL.

Kuo, Shaotan [Krymov A.G.] (1957). Filosofskiye vzglyady Lyang Shumina. Voprosy filosofii. [Philosophical views of Liang Shumin. Questions of philosophy]. No 1.

Lomanov, A.V. (2010). Liang Shumin. Novaya filosofskaya entsiklopediya. 2-e izd., ispr. i dopol. [New philosophical encyclopedia. 2nd ed., rev. and add.]. Moscow: Mysl', Vol. 2.

Lomanov, A.V. (1996). Sovremennoye konfutsianstvo: filosofiya Fen Yulanya. [Modern Confucianism: The Philosophy of Feng Youlan]. Moscow: Vostochnaya literatura.

Lukin, A.V. (1990). Diskussiya o roli traditsionnoy kul'tury v KNR (1980-e gody). 21-ya nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye" Ch.3. [Discussion about the role of traditional culture in the PRC (1980s). 21st scientific conference "Society and State in China" Part 3]. Moscow: Nauka, GRVL.

Lukin, A.V. (2023). Kontseptsii "kitaizatsii marksizma", "novoy formy chelovecheskoy tsivilizatsii" i "gosudarstva-tsvivilizatsii" v sovremennom kitayskom ideologicheskom diskurse [Concepts of "Sinicization of Marxism", "new form of human civilization" and "state-civilization" in modern Chinese ideological discourse]. Rossiyskoye kitayevedeniye. No 1(2).

Lukin, A.V. (1988). O nekotorykh aspektakh evolyutsii mirovozzreniya Liang Shumina. 19-ya nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye" Ch. 3. [On some aspects of the evolution of Liang Shuming's worldview. 19th scientific conference "Society and State in China" Part 3]. Moscow: Nauka, GRVL.

Liang, Shuming (2011). Ob uchenii Konfutsiya (Perevod A.B. Starostinoy iz knigi. «Kul'tury Vostoka i Zapada i ikh filosofii») [About the teachings of Confucius (Translation by A.B. Starostina from the book. "Cultures of East and West and their philosophies")]. Problemy Dal'nego Vostoka. No 5.

Starostina, A.B. (2009). Filosofiya istorii Liang Shumina [Philosophy of history of Liang Shuming]. Moscow: IDV RAN.

Tsverianishvili, A.G. (1984). Liang Shuming i Khu Shi o kul'turakh Vostoka i Zapada, 15-ya nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye" Ch.3 [Liang Shuming and Hu Shi about the cultures of East and West, 15th scientific conference "Society and State in China". Part 3]. Moscow: Nauka, GRVL. P. 120–131.

Tsverianishvili, A.G. (1985a). Kategoriya "zh-en" v traktovke Liang Shuming i Khu Shi // 16-ya nauchnaya konferentsiya "Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye" Ch.3 [The category "ren" in the interpretation of Liang Shuming and Hu Shi. 16th scientific conference "Society and State in China". Part 3.]. Moscow: Nauka, GRVL.

Tsverianishvili, A.G. (1985b) Liang Shuming i Bertran Rassel o kitayskoy i zapadnoy kul'turakh [Liang Shuming and Bertrand Russell on Chinese and Western cultures]. Razvivayushchiesya strany. Politika i ideologiya. Moscow, 1985.

Tsverianishvili, A.G. Kul'turologicheskiye vozzreniya Liang Shumina, Obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Kitaye [Culturological views of Liang Shuming, Socio-political thought in China]. Moscow: Nauka, GRVL, 1988.

Tsverianishvili, A.G. (1986). Liang Shuming i ego kontseptsiya natsional'nogo spaseniya Kitaya. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni k.i.n. [Liang Shuming and his concept of national salvation of China. Dissertation for the scientific degree of Candidate of Historical Sciences]. Moscow.

* * *

Alitto, Guy (1986). The Last Confucian: Liang Shu-ming and the Chinese Dilemma of Modernity. Berkeley: University of California Press.

Chuantong wenhua yu xiandaihua: Feng Youlan, Li Zehou, Ren Jiyu, He Ziquan, Ji Xianlin, Jin Kemu, Zhang Dainian, Liang Shuming 传统文化与现代化: 冯友兰, 李泽厚, 任继愈, 何兹全, 季羨林, 金克木, 张岱年, 梁漱溟 [Traditional culture and modernization: Feng Youlan, Li Zehou, Ren Jiyu, He Ziquan, Ji Xianlin, Jin Kemu, Zhang Dainian, Liang Shuming] (1986). Qun yan, No 11.

Лян Шумин и А.В.Лукин. 1985 г.

Приложение

Беседа с Лян Шумином. Пекин, 1987 г.⁷

Участники Лян Шумин, А.В. Лукин, Лян Циньнин

Лукин: Я сейчас пишу статью и у меня есть несколько вопросов, кое-что мне непонятно. Я прочитал Ваше интервью в журнале «Жэньу»⁸, и в нем говорится о Вашем отношении к классовой борьбе. Согласно интервью, Вы в 50-е годы говорили, что классовая борьба приемлема, правильно? То есть Вы изменили Ваш более ранний подход.

Лян Шумин: Ну, это потому, что Мао Цзэдун все время говорил о классовой борьбе. Я не соглашался. Почему не соглашался? Потому что вопрос о классах неотделим от экономического и социального неравенства. Понимаете?

Лукин: Да.

Лян Шумин: Экономическое и социальное неравенство. С одной стороны – бедные и низкороджденные, с другой – богатые и благородные. Противостояние. Тогда и идет классовая борьба. Но в Китае, в традиционном обществе, в традиционном китайском обществе было не так. В старом обществе как говорили? Вот я сейчас скажу. Как там говорили? «Утром – крестьянский парень, а вечером поднялся в небесный дворец»⁹. «Человек не рождается для славы, а всего достигает собственными

⁷ Расшифровка видеозаписи, сделанной А.В. Лукиным. Беседа состоялась в 1987 г. в квартире Лян Шумина. Расшифровка осуществлена Лян Циньнином, перевод А.В. Лукина.

⁸ Речь идет об интервью с Лян Шумином журналиста-биографа Ван Дунлина, публиковавшихся в нескольких номерах журнала «Жэньу» (Личности) в 1986–87 гг. и затем объединенные в книгу: 汪东邻: 梁漱溟问答录, 长沙: 湖南人民出版社, 1988.

⁹ 朝为田舍郎, 暮登天子堂

усилиями»¹⁰. Я Вам напишу это в тетрадь. Нет, Вы открывайте [тетрадь]. Вы говорите, что знаете, а Вы прочтите. Что значит первая фраза?

Лукин (читает): Утром – крестьянский парень, а вечером поднялся в небесный дворец.¹¹ Человек не рождается для славы, без собственных усилий.

Лян Шумин: Достигает. Достигает всего собственными усилиями.

Лукин: Достигает. Иероглиф «дан» здесь полный. Это полные иероглифы. Мы изучали сокращенные иероглифы, но ничего, [понять] можно.

Лян Шумин: Это распространенная поговорка, все понимают. «朝» – это утро, в выражении «朝为田舍郎». «田舍郎» – это хлебопашец, крестьянин. До обеда, утром, человек еще хлебопашец, крестьянин. «暮登天子堂», то есть, а после обеда он уже поднимается во дворец Сына Неба. Знаете, кто такой «Сын Неба»?

Лукин: Сын Неба – это император.

Лян Шумин: Да, император. То есть он уже идет к императору. Это означает трансформацию, говорит о трансформации.

Лукин: Да, да.

Лян Шумин: Далее говорится об этой перемене. «将相本无种». «将» – это военачальник как в слове «大将», «相» – первый министр, как в слове «宰相», крупный чиновник. Выражение «本无种» означает «не заложено первоначально» (на роду не написано). 种 здесь не то, что в выражении «сажать хлеб», не семя. Военачальниками и чиновниками в старом, традиционном Китае становились не по рождению, а в результате этой трансформации. Этой трансформации настоящий мужчина достигал собственными усилиями. Ты сам должен потрудиться, должен учиться, должен приложить собственные усилия. То есть так обозначается то, что в китайском обществе деление на бедных и богатых, низких и благородных не было предопределением. Можно было вырасти, можно опуститься. Можно возвыситься, а можно и упасть вниз. То есть классовое разделение не было устойчивым, не было неподвижным, можно было подниматься и опускаться. И это популярное выражение свидетельствует о сомнительности «классовой борьбы», как ее понимал Мао Цзэдун. Было не так, существовала циркуляция, а не четкое разделение. Не было четкого разделения: бедные – всегда бедные, богатые – всегда богатые, вечно богатые, благородные – всегда благородные, низкие – всегда низкие. Было не так. Я с ним спорил, спорил с Мао Цзэдуном по этому вопросу.

Лукин: В статье, опубликованной, кажется, в «Гуанмин жибао» в 1950 г., Вы написали, что [концепцию] классовой борьбы все же можно использовать, она все же верна, правильно?¹²

Лян Шумин: «На что я направляю свои усилия?», эти статьи?¹³

¹⁰ 将相本无种, 男儿当自强

¹¹ 朝为田舍郎, 暮登天子堂

¹² Речь идет о статье: 梁漱溟 [Лян Шумин] «两年来我有了哪些转变» [Какие изменения произошли со мной за последние два года]. «光明日报», 05.10.1951.

¹³ Сборник «На что я направляю свои усилия?» («我努力的是什么») – автобиографические заметки Лян Шумина за период с 1937 по 1941 г., опубликованные им в 1941 г. в издаваемой им в Гонконге газете «Гуанмин бао» (光明报). Переизданы в издании: 梁漱溟: «我的努力与反省», 桂林: 漓江出版社, 1987. P. 97–219.

Лукин: В журнале «Жэнью».

Лян Циньнин: «На что я направляю свои усилия?» в «Гуанмин жибао» напечатаны?

Лукин: В 1950 или 1951 году.

Лян Циньнин: «На что я направляю свои усилия?»

Лукин: «Какие со мной произошли перемены за три года?», кажется, 1951 г., то есть с конца 40-х до 1951 г. В общем, в 50-е годы, в 1950 или 1951 г. Вы опубликовали статью в «Гуанмин жибао» о классовой борьбе¹⁴.

Лян Циньнин: «Какие со мной произошли перемены за три года?»

Лукин: Да, эта. Кажется, Вы там писали: классовая борьба – это все же правильно.

Лян Шумин: Что?

Лян Циньнин: Он говорит, что Вы в той статье говорили, что [трактовка] Мао Цзэдуном классовой войны все же верна. Было такое?

Лян Шумин: Верно или не верно – не шаблонное, закостенелое [суждение]. В одно время верно, в другое – неверно, в одном месте верно, в другом – неверно. История традиционного китайского общества очень длинна и сопровождалась самыми разными подъемами и падениями.

Лян Циньнин: Дедушка, я вставлю одну фразу, хорошо? Председатель Мао, говоря об этом Вашем подходе, говорил, что Вы подчеркиваете особенности китайского общества, в то время как обычно, говоря с точки зрения динамики исторического процесса в целом, все же имеется классовая борьба. Я считаю, что эти слова [Председателя] Мао верны. В целом есть определенные слои, определенные классы.

Лукин: Нет, Мао Цзэдун...

Лян Шумин: Классы были неустойчивыми.

Лян Циньнин: Да.

Лян Шумин: Есть такое выражение, неустойчивые классы.

Лукин: Да. Но я сейчас спрашиваю, отличается ли то, что Вы говорили в 50-е годы, от сегодняшних Ваших взглядов?

Лян Шумин: Изменений нет.

Лукин: Изменений нет?

Лян Шумин: Я говорю, как есть.

Лукин: Но в этой Вашей статье Вы не... (ищет).

Лян Шумин: Сейчас нет.

Лукин (Лян Циньнину): У тебя есть этот журнал «Жэнью»?

Лян Циньнин: Есть журнал «Жэнью».

Лукин: Поищи это интервью.

Лян Шумин: Незачем искать эту старую статью. Я сейчас собственными устами говорю, сейчас на этом и надо основываться.

Лукин: Хорошо. Правильно, я думаю. Вы говорите, что по этому вопросу у Вас мнение не изменилось.

Лян Шумин: Не изменилось.

¹⁴ Точное название: «Какие изменения произошли со мной за последние два года?»

Лукин: Хорошо. Тогда не могли бы Вы поговорить о вопросе сегодня довольно модном, о связи конфуцианства и модернизации? Вы считаете, как связано конфуцианство и модернизация? Оно способно ускорить модернизацию или препятствовать модернизации Китая?

Лян Шумин: Не может ускорить и не может препятствовать. Конфуцианство представлено Конфуцием, его взглядами, его пониманием. Его понимание китайского общества подвижно, не заостенело. В этих [конфуцианских] книгах множество обоснований, нельзя по своему усмотрению Вам так говорить, а мне эдак, и так изменять их как хочешь, нет.

Лукин: Но можно так поставить вопрос: какую роль конфуцианство может играть в будущем? То есть, например, то, что говорил, Конфуций, то, что говорил Мэн Цзы, потом...

Лян Шумин: Подход конфуцианства, представленного Конфуцием, является просвещенным. Просвещенным, понимаете?

Лукин: Да, понимаю.

Лян Шумин: Просвещенным.

Лукин: Понимаю.

Лян Шумин: Просвещенным. Он является просвещенным, многосторонним, не заостенелым, не шаблонным. Прочитайте мою книгу «Основы китайской культуры» и поймете.

Лукин: Некоторые говорят, что конфуцианство не занимается абстрактными вещами, не обращает внимания на абстрактные вещи.

Лян Шумин: Что?

Лян Циньнин: Он говорит, что конфуцианство не обращает внимания на абстрактные вещи.

Лукин: Да, поэтому...

Лян Циньнин: Абстрактные

Лян Шумин: Абстрактные.

Лукин: Поэтому оно способствовало стабильности в Китае, и по этой причине в Китае не развился капитализм. Потому что конфуцианство...

Лян Шумин: Конфуцианство очень многосторонне и много говорит о разуме (理性)¹⁵. Оно не заостенело. Конфуцианство, Конфуций не заостенели. Для подтверждения этих слов существует множество книг, [их] можно подтвердить. Прочтите мою «Основы китайской культуры» и поймете. У меня есть книга, называется «Основы китайской культуры».

Лукин: Да, я читал. И еще у меня есть один друг, он занимается современной китайской историей, «третьей силой»¹⁶.

Лян Циньнин: «Третьей силой».

Лукин: «Третьей силой». Вы же, можно считать, участвовали в «третьей силе»?

Лян Циньнин: В «Демократической лиге Китая».

¹⁵ Об интерпретации Лян Шумином термина 理性 см. выше.

¹⁶ В республиканском Китае (1912–1949) так обозначались попытки создания политической силы или партии, отличной как от Гоминьдана, так и от КПК.

Лукин: Да, в Демократической лиге Китая. Вы не могли бы рассказать о деятельности этой Демократической лиги и о том, какую роль она играла в Китае?

Лян Шумин: Я был человеком, учреждавшим Демократическую лигу, учреждавшим и организовывавшим. В самом начале было четыре человека, я был одним из этих четверых. Ее сутью было неприсоединение ни к Гоминьдану, ни к коммунистам, ни к Чан Кайши, ни к КПК. То есть Демократическая лига представляла средний путь, не склоняясь ни влево, ни вправо. Она часто спешила занять эту промежуточную позицию. Мы сотрудничали с маршалом Дж. Маршаллом¹⁷. Он был иностранным сторонником среднего пути, а мы – внутренними сторонниками. Для этого есть фактические подтверждения, в одной-двух фразах не разъяснишь.

Лукин: Из этих четырех человек кто были остальные трое? Был еще Чжан Цзюньмай, да?

Лян Шумин: Чжан Цзюньмай, Цзо Шуньшэн, Хуан Яньпэй. Хуан Яньпэй, Цзо Шуньшэн.

Лукин: Они какие организации представляли?

Лян Шумин: У них у всех была своя база, никто не был в индивидуальном качестве.

Лукин: Да.

Лян Шумин: У Хуан Яньпэя – Китайское общество профессионального образования (中华职业教育社), у Цзо Шуньшэна, у них была Младокитайская партия, я представлял группу аграрного строительства. Ни один из нас не был в личном качестве, каждый представлял партию или группу. Нужно исследовать факты, нельзя разъяснять на основе домыслов. Изучать факты – это и значит изучать историю.

Лукин: На Ваш взгляд, какую роль сыграла Демократическая лига в политике того времени?

Лян Шумин: Она была между двумя большими партиями. Две партии – это Гоминьдан и компартия. Мы были не Гоминьданом и не коммунистами. Все это нужно подтверждать фактами, разъяснять на каждом историческом событии, обосновывать, а не заниматься пустой болтовней.

Лян Циньнин: То есть этого в одной-двух фразах не расскажешь, надо изучить множество документов, документы Демократической лиги.

Лян Шумин: Надо изучать историю, изучать ход событий того времени. Без пустословия.

Лукин: Вы потом не участвовали в этой Лиге? С какого времени?

Лян Шумин: Гораздо позже, после Сычуани¹⁸.

Лукин: С 1950 г. не участвовали?

Лян Циньнин: Еще до Освобождения¹⁹ перестал участвовать. Дедушка, Вы же еще до Освобождения объявили о выходе из Демократической лиги?

¹⁷ Джордж Маршалл-младший (1880–1959) с декабря 1945 г. по январь 1947 г. был специальным представителем президента США в Китае. Действительное воинское звание – генерал армии.

¹⁸ В ноябре 1946 г. после срыва переговоров между Гоминьданом и КПК Лян Шумин прекратил свое посредничество между ними, объявил об отставке и выехал в основанную им школу в Бэйпэе (北培) около Чунцина (в то время в пров. Сычуань) (Alitto, p. 319.).

¹⁹ Приход к власти КПК в 1949 г.

Лян Шумин: Конечно. Если об этом начать говорить, то получится очень долго. Нужно хорошо знать историю того времени, подтверждать одно событие за другим, а не просто, кто что сказал, то и верно. Голословно болтать нельзя.

Лукин: Но Вы лично участвовали в этой деятельности. Сейчас многие пишут неверно.

Лян Шумин: Что?

Лян Циньнин: Он говорит, что сейчас материалы, которые многие пишут о Демократической лиге, неточны, недостоверны. А Вы лично участвовали.

Лян Шумин: Что?

Лян Циньнин: Говорит, Вы лично участвовали в деятельности этой Демократической лиги.

Лян Шумин: Конечно. Я был важным участником, ответственным секретарем.

Лян Циньнин: Да, да.

Лян Шумин: Когда я был в Демократической лиге, я был ее ответственным секретарем, я возглавлял эту работу.

Лян Циньнин: Он хочет задать некоторые вопросы именно потому, что он знает твою важную роль, он опасается, что другие говорят неверно. В этом цель.

Лян Шумин: Надо изучать факты, многие факты отражены в документах, которые сохранились до сегодняшнего дня.

Лян Циньнин: Этот вопрос слишком большой.

Лян Шумин: Нельзя, чтобы я говорил белое, а Вы – черное. Нельзя говорить безосновательно.

Лукин: А Вы можете рассказать о концепции, о которой Вы писали: что китайская культура – скороспелая культура будущего?

Лян Шумин: Этот термин «скороспелая» означает следующее. Человечество первоначально подвергалось давлению природы. В первоначальный период, время младенчества культуры человечество подвергалось давлению природы. Понимаете эти слова?

Лукин: Да.

Лян Шумин: По мере постепенного прогресса, в особенности прогресса науки, природу стали покорять. Понимаете? Покоряя природу, человечество превратилось в хозяина природного мира. Но это успех Запада, точнее, современного Запада. Китай в этом отношении не продвинулся. Он не продвинулся в области покорения природы, в области материальной науки. Китайцы, китайская культура уделяли особое внимание в основном отношениям между людьми, а не между человеком и природой. Понятно?

Лукин: Да.

Лян Шумин: Китайцы относились к природе с восхищением. Они не стремились ее покорять, использовать природный мир. Люди современного Запада были не такими. Современные люди Запада, начиная с эпохи Возрождения, отошли от своих религиозных начал, они сконцентрировали внимание на изучении, познании природного мира. В этой области у Китая дефицит, дефицит естественных наук. Этого не разъяснишь в одной-двух фразах.

Лукин: Вы говорили о трех этапах исторического развития: один этап западной культуры, другой – китайской и третий – индийской. Но можно ли сказать, что проблема, решаемая западной культурой, это проблема капитализма? А проблема китайской культуры, отношений между людьми – это проблема социалистической культуры?

Лян Шумин: На современном Западе большую часть интеллектуальных усилий направляли на познание природы, покорение природного мира, его использование. Самолет может облететь земной шар. Современный Запад достиг высокого уровня в этой области прогресса человечества, а Китай не достиг. Китай в основном занимался отношениями между людьми, а не человека с природой.

Лукин: Имеют ли эти два типа культуры отношение к капитализму и социализму? И, если да, то какое?

Лян Шумин: Конечно, имеют. Китай – это отношения между людьми, в нем говорили о нормах этих отношений (人伦), о морали (道德). Люди запада, современные люди Запада все же познавали, покоряли природный мир, использовали его. Они могут на самолете взлететь на небо. Тут различие очевидно. Очень понятное различие.

Лукин: К социализму это имеет отношение?

Лян Циньнин: Дедушка, он спрашивает, имеют ли эти два типа культуры отношение к социализму.

Лян Шумин: В Китае не было социализма. Первоначально не было, он не зародился в нем самом. Китайцы говорили только о семье.

Лукин: Китайская культура, как Вы говорите, занимается отношениями между людьми, правильно?

Лян Шумин: (кивает утвердительно).

Лукин: Социализм тоже занимается отношениями между людьми.

Лян Шумин: Социализм – это коллективизм. Коллектив, понимаете?

Лукин: Традиционная китайская культура тоже говорит о коллективе.

Лян Шумин: Не о коллективе, а о семье. Семья и коллектив – две разные вещи. Китайцы говорят об отце и сыне, старшем и младшем братьях, а это и значит о семье. Они не говорят о группах! У них не было религии. В Китае дефицит религии. Религия пришла в Китай извне. Сам Китай не породил религии.

Лян Циньнин: Даосизм не в счет? Дедушка, даосизм считается?

Лян Шумин: Даосизм и религия – две разные вещи.

Лян Циньнин: В даосизме тоже есть храмы.

Лян Шумин: В даосизме? Есть.

Лян Циньнин: Он коренной, можно считать, китайский.

Лян Шумин: Он распространился очень рано. Даосизм распространился очень рано! Уже на начальном этапе был даосизм, он не сформировался до религии, у него уже был этот принцип. Этот даосский принцип, суеверие.

Лукин: Означает ли Ваша мысль о «скороспелости», что в Китае в будущем будет техника, западные вещи сделают китайское общество лучше, правильно?

Лян Шумин: Ну, конечно.

Лукин: То есть еще надо изучать западную культуру?

Лян Шумин: Естественные науки дают знания о природе, их можно использовать. Это сильно поможет Китаю.

Лукин: Но должны ли государства Запада войти в период китайской культуры? То есть, решив проблемы техники, материальные проблемы, должны ли они также пройти через этап решения проблем отношений между людьми?

Лян Шумин: Дело в том, что на современном Западе есть направления, первое – это индивидуализм, оно говорит о свободе и равенстве. Другое – коллективизм, утверждающий коллектив. Ни одного из них не было в Китае. В Китае любят говорить о семье, семья – это и не коллектив, и не индивид.

Лукин: Я говорю вот о чем: должны ли люди и государства Запада также изучать китайскую культуру, то есть отношения между людьми? Потому что тоже этого не хватало.

Лян Шумин: Вопрос не в том, кому у кого учиться. Это трансформация, а не преднамеренное изучение. Не то, что я хочу изучить и изучаю.

Лукин: Но им же этого хватает? То есть верно ли, что западной культуре не хватает отношений между людьми?

Лян Шумин: Что западная культура?

Лукин: Верно ли, что ей не хватает этого?

Лян Циньнин: Верно ли, что западной культуре не хватает этого аспекта: отношений между людьми?

Лян Шумин: Нет, тут есть различие с Китаем, нельзя сказать, что не хватает. Они различны. В семье все же есть отец, сын и братья. Здесь надо изучать социальную реальность, а не просто говорить, что хочешь.

Лукин: Хорошо, спасибо.

Поступила в редакцию: 10.09.2023. Received: 10 September 2023.

Принята к публикации: 19.10.2023. Accepted: 19 October 2023.

А.Б. Старостина

Народные верования в философии Лян Шумина

Аннотация: В 1910–1920-х годах центральным правительством Китайской республики и местными администрациями были закрыты многочисленные храмы, посвященные божествам народных культов. Их здания использовали для новых школ, полицейских участков и других гражданских учреждений. Часто эти действия имели выраженную антирелигиозную составляющую. Начало такой практике было положено еще в конце XIX в., когда реформаторы, ссылаясь на нехватку зданий для сельских образовательных учреждений, начали захват храмов, по их мнению, бесполезных для общины. С одной стороны, подобные явления были обусловлены тем, что в становящейся парадигме «нового Китая» обыденный народный политеизм рутинно квалифицировался как «суеверие»; с другой – они имели корни в борьбе имперских чиновников с «порочными культами» (*инь сы*), насчитывающей столетия и ведущей начало еще с поздних ханьских времен. Лян Шумин, философ и общественный деятель, с конца 1920-х годов – один из ведущих участников движения «аграрного строительства», лично участвовал в кампании по избавлению деревни от суеверий, работая в Шаньдуне. Лян Шумин предлагал для кампании и теоретическое обоснование, предполагая заменить религию обновленной конфуцианской системой «ритуала и музыки». Многие локальные культы, в основе которых лежало, по его мнению, не соответствующее потребностям современного Китая мировоззрение, он воспринимал как помеху таким преобразованиям. При этом термин «суеверие» для философа имел нетипичное для этого периода смысловое наполнение. Существенный пласт китайской народной религии Лян Шумин считал не только совместимым с конфуцианством, но и органическим дополнением к нему. В статье на материале работ Лян Шумина разных лет рассмотрено соотношение взглядов этого мыслителя на популярные ханьские культы с его собственной философией культуры/истории в целом.

Ключевые слова: китайская народная религия, религии Дальнего Востока, аграрное строительство, Лян Шумин, религиозная политика в Китае, философия культуры.

Автор: Старостина Аглия Борисовна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. ORCID ID: 0000-0002-2421-2484; E-mail: abstarostina@yandex.ru

А·В·斯塔罗斯京娜

梁漱溟哲学中的民间信仰

摘要: 在 1910 年代—1920 年代，中华民国中央政府和地方当局关闭了许多供奉民间信仰神仙的寺庙。他们的建筑被用来建造新学校、警察局和其他民用机构。这些

行为通常带有明显的反宗教成分。这种做法始于 19 世纪末，当时维新派以农村教育机构缺乏建筑为由，开始占领在他们看来对社区毫无用处的教堂。出现这种现象，一方面是因为在建立中的“新中华”范式中，普通民间多神教被惯常地定性为“迷信”；另一方面，它们根源于帝国官员与“淫祀”的斗争，其历史可以上溯到数百年前，并可以追溯到汉代末年。哲学家和公众人物梁漱溟于 1920 年代末成为“乡村建设”运动的主要参与者之一，在山东工作期间亲自参加了农村扫除迷信活动。梁漱溟还为这场运动提出了理论依据，建议用复兴的儒家“礼乐”体系取代宗教。他认为，许多地方信仰是这种转变的障碍，这些信仰所基于的世界观与现代中国的需要并不相符。与此同时，对于梁漱溟“迷信”一词具有对这一时期来说非典型的含义。梁漱溟认为，中国民间宗教的一个重要层面是不仅与儒家思想兼容，而且是儒家思想的有机补充。本文以梁漱溟多年来的著作为基础，探讨了这位思想家对流行的汉族信仰的观点，及与他的文化/历史哲学之间的关系。

关键词：中国民间宗教；远东宗教；乡村建设；梁漱溟；中国宗教政策；文化哲学。

作者：阿格拉娅·鲍里索夫娜·斯塔罗斯京娜，哲学副博士，俄罗斯科学院东方学研究所高级研究员。ORCID ID: 0000-0002-2421-2484; 电子邮件：abstarostina@yandex.ru

Aglaia B. Starostina

The Place of Chinese Folk Beliefs in Liang Shuming's Thought

Abstract: In the 1910s and 1920s, both the central government of the Republic of China and local administrations closed many temples dedicated to the deities of various folk cults. Their buildings were used for new schools, police stations and other civilian institutions. These actions often had a strong iconoclastic component. This practice began at the end of the 19th century, when reformers complaining about the lack of buildings for rural educational institutions began to seize local shrines, which in their opinion were useless for the community. Such phenomena were partly due to the fact that, in the emerging paradigm of the 'New China', popular polytheism was routinely qualified as 'superstition', but they also had their roots in the struggle of imperial officials against 'licentious cults' (*yin si*) dating centuries back to the late Han.

Liang Shuming, who was both a philosopher and a public activist, one of the leading participants in the 'agrarian reconstruction' movement since the late 1920s, had the opportunity to personally take part in the process of eliminating 'superstitions' from rural China while working on the experimental sites in Shandong. He also offered a theoretical justification for this, proposing to replace religion with an updated Confucian system of 'ritual and music'. He saw many local cults, which he believed were based on a worldview that did not meet the needs of modern China, as an obstacle to such transformations. At the same time, for him, the term 'superstition' had a semantic content that was atypical for the period. Nevertheless, Liang Shuming considered a substantial part of Chinese popular religion not only compatible with Confucianism, but also as a natural addition to it. The article examines the relationship between Liang Shuming's views on Chinese popular religion and his philosophy of culture/history in general.

Keywords: Chinese popular religion, religions of the Far East, agrarian construction, Liang Shuming, religious policy in China, philosophy of culture.

Author: Starostina Aglaia B., Candidate of Science (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID ID: 0000-0002-2421-2484; E-mail: abstarostina@yandex.ru

Введение

Многочисленные культы, широко практикуемые в обществе и условно объединенные под названием народной религии, являются неотъемлемой частью китайского культурного ландшафта. Эта религиозная традиция на протяжении веков поддерживала идентичность разных социальных групп через сохранение и развитие культов, обрядов и мифологических сюжетов. Кроме того, она была питательной средой для появления новых философских и религиозных концепций в «высокой культуре», а также средством низовой организации общества.

Описанием народных культов с разными целями и разной степенью глубины и последовательности занимались поколения *literati* – от авторов и комментаторов «Шань хай цзин» 山海經 до составителей «описаний местности» (дифан чжи 地方志). Отношения их с властями империи по большей части оставались в серой зоне, что облегчало возможность спорадических рейдов ортодоксальных конфуцианских администраторов против «порочных культов» (*инь сы* 淫祀). Точного определения для *инь сы* не существовало; в их число могли попасть любые практики и традиции, не связанные напрямую с официальными государственными культами. Закрытие и разрушение несанкционированных кумирен служило одним из проявлений символического и реального контроля государства над религиозной сферой, который в официальном дискурсе маркировался как *цзяо хуа* 教化, «просвещающее воспитание».

В конце XIX в. с началом модернизации Китая, совпавшей с кризисом традиционного общества, был запущен и процесс пересмотра отношений религий и государства, который, конечно, не остановился, а только ускорился после падения монархии. Оно принесло с собой и уничтожение государственных культов. А эти культы между тем пронизывали все уровни общества и были тесно связаны со многими элементами народной религии, в частности с поклонением духам – покровителям местности [Goossaert, Palmer, 2011, p. 28–30]. Их уничтожение ослабило и народную религию, которая уже находилась под ударом с конца 1890-х годов.

Власти Китайской Республики относились к народной религии настороженно. В новой «просветительской» парадигме ее храмы и кумирни стали восприниматься как проявление суеверий, тормозящих развитие китайского общества. В это время и интеллигенция, включая новых конфуцианцев XX в., формирует свое отношение к народным культам, в которые входили и многие элементы таких организованных больших религий, как буддизм и даосизм. Та часть даосской и буддийской религии, которая затрагивала обычных мирян, выплескиваясь за стены монастырей, стихийно включалась в большое пространство китайской народной религии. Некоторые предпочитали игнорировать народные культы. Другие спорили о том, терпеть ли «суеверия» или уничтожить? Что именно считать суеверием, а что – потенциально конст-

руктивным для нового Китая элементом культуры? Были и люди, решительно настроенные против любых религий, такие как Чэнь Дусю 陳獨秀 (1879–1942), писавший: «Все религии суть ложные кумиры: ложен Амитабха, ложен Иегова, ложен Нефритовый император; все боги, будды, бессмертные и призраки, чтимые последователями религий, суть бесполезные ложные кумиры; а все кумиры должны быть уничтожены» [Chen, 1918, p. 75]).

Кажется, единственная часть интеллигенции, которая и замечала народную религию, и относилась к ней со стойким доброжелательным интересом, – только появившиеся в стране в 1920-е и в 1930-е годы этнографы и фольклористы, но и они смотрели на культы извне, зачастую как на обреченные на отмирание обломки прошлого.

Лян Шумин 梁漱溟 (1893–1988), один из наиболее влиятельных китайских интеллектуалов в 1920-е гг., зачинатель «дискуссии о культурах Востока и Запада», не будучи радикальным борцом с религией, пользовался новой просвещенческо-секулярной терминологией и говорил о многих элементах народной религии как о суевериях. Сын своего времени, он верил в прогресс и в необходимость укоренения в Китае «господ Науки и Демократии», полагая, что религия (еще один новый термин) должна отойти далеко на задний план во время наступающей эры Китая, когда будет господствовать нравственная интуиция. Философ был убежден, что раннее конфуцианство включает в себе ценности ближайшего будущего, а истины, заключенные в буддизме йогачары, будут постигнуты человечеством лишь в далекой перспективе. О китайской народной религии Лян Шумин писал нечасто, но его высказывания, самые ранние из которых относятся к 1921 г., а самые поздние – к 1980-м, складываются в последовательную картину, реконструкция которой и будет предпринята в этой заметке.

Религия в системе взглядов Лян Шумина

Система взглядов Лян Шумина на протяжении более чем пятидесяти лет претерпела ряд изменений, но на каждом этапе эволюции религия занимала в ней приблизительно одинаковое место. Вопросам религиозной философии Лян Шумина посвящено монографическое исследование Т. Менара [Meunard, 2011], и здесь будет дана только краткая ее характеристика.

Религия для Лян Шумина – способ мышления, основанный на познании трансцендентного, направленный на уход от повседневности и на успокоение эмоциональной сферы. Как он полагал, в глубоком прошлом религия была необходима человечеству, поскольку давала простейшее объяснение непонятым природным явлениям и предоставляла утешение и успокоение среди жизни, полной тревог и страданий. Это определяющая функция религии, и утешение может быть самым простым и поверхностным, как в политеистических религиях, а может и поднимать человека до осознания собственной миссии и давать ему понимание своего места в жизни – на такое способно, например, христианство. Еще одной функцией христианства стало создание культуры организованной общественной жизни. Лян Шумин полагал, что по ме-

ре освоения интеллектом тайн вселенной и консолидации упорядоченной структуры общества необходимость в религии отпадала, и значимость ее закономерно уменьшилась к концу первой фазы развития человечества.

Вторая фаза истории представляет собой условный период преобладания китайской культуры, в ходе которой человечеству предстоит научиться жить в мире и гармонии. Религия на время уступит место правилам общежития и эстетическому их оформлению. При этом ключевое значение приобретают институты, обозначенные Лян Шумином как «ритуал и музыка» (*ли юэ* 禮樂) и «ритуал и обычай» (*ли су* 禮俗). На этом направлении некоторых успехов уже достигла китайская культура (о трактовке Лян Шумином роли религии в китайском обществе см. раздел настоящей статьи «Конфуцианство и суеверия»). Религия во второй фазе, однако, не отмирает или отмирает не полностью, а продолжает существовать, ожидая своего часа – третьего и последнего периода существования человечества, когда возобладают ценности, присущие в первую очередь индийской культуре.

Наибольший интерес Лян Шумин питал к мировым религиям, пусть и признавая, что функционально они подобны самым древним простейшим культам. Ему импонировали теоретическая глубина мировых религий и доступ, пусть на этом этапе развития человечества и несвоевременный, который они давали к онтологической основе бытия, – дорогу к уходу от мира.

Для современного ему общества Лян Шумин считал буддизм несвоевременным и отдал большую часть жизни осуществлению конфуцианских идеалов, хотя его личное мировоззрение носило отчетливый отпечаток йогачары, а также мадхьямики с ее верой в тождество сансары и нирваны. Философ считал буддизм высшей формой религии, единственной, которая безошибочно ведет к постижению истины о мироздании. Другие религии так или иначе заставляют человечество сосредоточивать свое внимание или на феноменальном мире, или на мирах, построенных по его образцам, и только буддизм дает возможность покинуть сферу сансары.

Как буддист, Лян Шумин верил в сансару и в посмертное существование человеческой души, которая в промежутке между смертью и очередным рождением находится в состоянии антарабхавы, «промежуточного бытия» и может быть воспринята как призрак. Был он уверен и в существовании других духов, которое пока не доказано наукой (на этом вопросе останавливается Менар [Meynard, 2010, p. 188]).

В число этих других духов могли входить и божества народной религии, по отношению к которым он сохранял агностическую позицию. В «Культурах Востока и Запада и их философиях» («*Дун Си вэньхуа цзи ци чжэсюэ*» 東西文化及其哲學, 1921) Лян Шумин упоминает «инфантильные» культы змей, колонков и мышей (они были широко распространены в Пекине, где он вырос, и в его окрестностях), духов эпидемий и духов огня. Лян Шумин пишет об этих божествах следующее: «существуют они или нет, *понять неоткуда*, и будет ли результат обращенных к ним молитв таким, как ожидается, тоже *невозможно узнать* (курсив мой. – А.С.)» [Liang Shuming, 1996, p. 101].

Еще одна популярная категория объектов народной религии – это долгожители, обладающие чудесными способностями, *сянь* 仙 или *шэньсянь* 神仙 (традиционный

перевод – «бессмертные»). В возможность их существования Лян Шумин верил и в 1930-е годы писал о том, что вполне предствимы люди, посвятившие себя даосским искусствам, которые могут в своем абсолютном спокойствии слышать звуки, недоступные другим, видеть то, что другие не увидят, и даже обходиться без еды [Liang Shuming, 1989b, p. 130]. В одной незаконченной работе 1975 г. он сравнивал их с индийскими мастерами йоги и говорил, что, несмотря на то, что было много шарлатанов, выдававших себя за «бессмертных», «эволюция жизни человечества обладает безграничным потенциалом», и «для того, кто обретет этот путь, не будет ничего невозможного» [Liang Shuming, 1989, p. 397–398].

Следовательно, когда Лян Шумин говорил о народных культах как о суевериях, он, во всяком случае, исходил не из того, что богов, которым в них поклоняются, не существует. Как замечает Т. Менар, «главная проблема была не интеллектуальной, а моральной» [Meunard, 2010, p. 152]. Лян Шумин осуждал народные культы за то, что их последователи, помимо обычного душевного успокоения, которое дает любая религия, ищут личной выгоды. Этот, с его точки зрения, недостаток часто сопутствует даже более сложным и высоким формам религии; сюда можно отнести и взыскание христианского рая – не внемирной нирваны, а сферы, которая мыслится подобной человеческому обществу; и надежду буддистов добиться лучшего следующего рождения. Внемонастырские формы буддизма в их близости к народной религии, соответственно, тоже были для Лян Шумина проявлениями суеверий: не понимая глубинной сущности учения Махаяны, буддисты-миряне надеялись не на достижение нирваны, а на удачное следующее перерождение [Meunard, 2010, p. 26, 128].

Суеверия для Лян Шумина – *верования и практики, основанные на своекорыстном интересе* (иногда он упоминает также о недостатке знаний, но этот аспект явно вторичен).

Вполне последовательно, как будет показано ниже, далеко не все проявления китайской народной религии Лян Шумин считал своекорыстными, основанными на недостатке знания и заслуживающими названия «суеверий».

Антирелигиозная политика в Китае: 1898–1930 гг.

Чтобы понять контекст, в котором сформировались взгляды Лян Шумина на народные культы, обратимся к началу антирелигиозных кампаний первой половины XX в. Весной 1898 г. Чжан Чжидун 張之洞 (1837–1909), работая над реформированием традиционного образования, предложил ликвидировать большую часть даосских и буддийских монастырей – более двух третей, чтобы открывать в их зданиях школы. Это не было его изобретением, такая практика существовала уже в эпоху Мин.

Его инициатива стала предвестником многих похожих акций, хотя целью Чжан Чжидуна, как замечают В. Гуссарт и Д. Палмер, было приобретение храмовых ресурсов, а не разрушение самих институтов [Goossaert, Palmer, 2011, p. 44]¹. Несколько

¹ Подобная переконвертация, заметим, происходила на разных направлениях: иногда заброшенные буддийские храмы, например, покупали христианские священники под здания миссий и церкви [Rambelli, Reinders, 2012, p. 113].

позже Чжан Тайянь 章太炎 (1869–1936) заговорил о конфискации и продаже храмов «порочных культов» и части буддийских и даосских монастырей, также предлагая финансировать строительство новых школ за счет полученных средств. Почти одновременно Кан Ювэй 康有為 (1858–1927) подал двору проект указа, согласно которому все сельские храмы, кроме включенных в систему государственных культов, должны были быть закрыты и преобразованы в школы. Вскоре последовал соответствующий императорский указ, но «сто дней реформ» были на исходе, и в октябре он был отменен. Однако к предложениям реформаторов фактически вернулись уже через несколько лет.

В антирелигиозной деятельности властей с начала XX в. до основания КНР П. Дуара выделяет три периода, из которых нас интересуют первые два: 1) от «новой политики» позднеимперского периода через республиканскую революцию – в это время антирелигиозная кампания была сосредоточена на севере страны; 2) гоминьдановская фаза с 1927 по 1930 г., когда главный удар пришелся на южную часть Великой Китайской равнины и на Гуандун, где ГМД «был наиболее сильным» [Duara, 1995, p. 95]. С этими вызовами столкнулись буддизм, даосизм, а затем и христианство с исламом; но в настоящей статье мы сосредоточимся в первую очередь на культурах китайской народной религии. Взаимодействие китайской народной религии с властями в более поздний третий период нами не рассматривается, поскольку к концу 1940-х годов взгляды Лян Шумина на интересующий нас вопрос были уже вполне сформированы и, если судить по его работам, не претерпели существенных изменений.

В императорском Китае уже как минимум с поздних времен существовало противостояние между конфуцианской элитой и народной религией. Вне опасности были только культы, освященные связью с официальным конфуцианством. Множество местнотимых обожествленных героев, священные животные, разнообразные духи гор и лесов, даже покровители местности, представления о которых каким-то образом не вписывались в государственный культ, зачастую оказывались нежелательными: некоторые ортодоксальные конфуцианцы желали добиться религиозного единомыслия на всей территории империи с помощью «просвещающего воспитания». В XX в., когда была упразднена и сама система государственных культов, это подорвало последнюю защиту народной религии, которая, во-первых, с ее механизмами низовой организации воспринималась как потенциальная угроза авторитету государства, а во-вторых, ассоциировалась с вредными суевериями, мешавшими народному просвещению.

Теперь основными противниками народных культов стали не конфуцианцы, а республиканские администраторы. В теоретическом плане их поддержали деятели движения за новую культуру, полагавшие, что традиционный китайский политеизм препятствовал здоровому развитию общества, которому больше не нужны были институты народной религии.

В духе предложений Чжан Чжидуня и Кан Ювэя действовал Юань Шикай. Так, когда под его управлением были Хэбэй и Шаньдун, он при поддержке верхушки сельского общества закрыл в этих регионах сотни храмов, используя их помещения под школы и административные здания [Duara, 1995, p. 97].

Преимущественно экономический смысл этих акций оставался неизменным: «доход от собственности храмов и храмовых объединений теперь был обращен в активы деревенской администрации; в конечном счете, большая часть этого дохода оказывалась в распоряжении более высоких уровней администрации по мере быстрого роста налогового бремени села» [Duara, 1995, p. 96]².

Пик следующей фазы антирелигиозной политики, как было сказано выше, пришелся на 1927–1930 гг. Практики времен Юань Шикая продолжались³. В зданиях храмов появлялись школы, управы, музеи и больницы. Теперь официальная риторика, совпав в этом отношении с мнением многих представителей движения за новую культуру, перестроилась на эволюционистский лад, и преобладающая часть народных культов вслед за этим стала рассматриваться как принадлежность прошлого [Rambelli, Reinders, 2012, p. 114]. Речь шла уже не просто об отъеме или перераспределении ресурсов, а о постепенной ликвидации пережитков-предрассудков. Республиканское правительство, следуя давней конфуцианской традиции, попыталось сформировать единый религиозно-идеологический дискурс для всего общества, отсекая все, что не помещалось в созданный им шаблон.

В конце 1928 г. гоминьдановские власти выпустили «Критерии сохранения и уничтожения храмов» («*Шэнь цы цунь фэй бяочжунь*» 神祠存廢標準). Разрешалось сохранить даосские и буддийские монастыри и кумирни, а также храмы Конфуцию, Юэ Фэю 岳飛, Гуань-ди 關帝 и некоторым другим обожествленным историческим лицам. «Критерии» не были особенно четкими и оставляли немало простора для толкования, только в очередной раз подчеркнув настороженную позицию властей по отношению к народным культам [Nedostup, 2010, p. 79–80]. Религиозная политика этого периода была продиктована стремлением государства «или уничтожить, или присвоить инаковость тех, кто не принадлежит его идеальному самоосознанию» [Duara, 1995, p. 229].

Таким образом, когда Лян Шумин вступил на путь общественной деятельности, практика закрытия храмов и учреждения на их месте школ насчитывала уже не один десяток лет. Дихотомия «религия – суеверия» предполагала разграничение между устоявшимися, институционализированными религиями с четко определенной догматикой и менее организованными локальными культами. Предполагалось, что эти культы существуют исключительно из-за отсутствия просвещения среди населения и недостаточного распространения науки. Такое восприятие было общепринятым: как власти, так и интеллектуальная элита считали большинство народных культов неуместными в новом Китае.

² Это заставляет вспомнить об обширных земельных владениях, сотнях храмовых зданий и множестве монастырских рабов, которые перешли в распоряжение государства в ходе гонений на буддизм, предпринятых в Танской империи в 845 г.

³ И в этот период иногда деревенские храмы не закрывали, но использовали для финансирования школ часть дохода от аренды храмовых помещений и земли (например: [Webber, 1927, p. 12–13]). Более характерны такие компромиссные решения были для 1900-х–1910-х годов [Gossaert, 2006, p. 330].

Аграрное строительство и китайская народная религия

Преобладающий общественный дискурс не мог не повлиять и на Лян Шумина, каким бы независимым мыслителем он ни был. К тому же, чтобы его поняли окружающие, он должен был пользоваться общепринятой терминологией. Впрочем, смысловое наполнение общепринятых терминов в его концепции было нестандартным. Говоря о *религии*, он концентрировался не столько на институтах, сколько, во-первых, на ее функциях (успокоение эмоциональной сферы, обеспечение опоры на трансцендентное и др.), во-вторых – на философско-историческом и философско-культурном значении. Лян Шумин полагал, что польза, которую могли принести религии человечеству, уже по большей части исчерпана: рациональная организация общества создана, сложные теологические объяснения природных явлений не нужны, для этого есть наука, – только у буддизма осталась космическая миссия, поскольку ему предстоит сопровождать людей перед концом истории. Но на данном историческом этапе единственная функция религии, которой нет ни у науки, ни у демократии, – это пресловутое утешение, регуляция эмоциональной сферы. Определение же верований и практик как *суеверий* для Лян Шумина зависело от того, бескорыстны ли они в своей основе или направлены на извлечение выгоды.

В конце 1920-х годов Лян Шумин стал теоретиком и одним из ведущих деятелей т.н. движения аграрного строительства (*сянцунь цзяньшиэ* 鄉村建設). Почти десять лет он не только готовил проекты реформ для села, но и работал с крестьянами, участвовал в реорганизации местных администраций, устройстве школ, подготовке ополчения. В этот период ему приходилось иметь дело и с материальной и организационной инфраструктурой, созданной вокруг народных культов.

Следуя сложившейся в предыдущие десятилетия практике, Лян Шумин и его коллеги использовали храмовые здания как школьные. Но и к этому могли быть разные подходы. Так, Тао Синчжи 陶行知 (1891–1946), педагог, работой которого Лян Шумин восхищался, в 1928 г. рассказывал о тактике нового директора школы, человека по фамилии Дин, в сельском пригороде Нанкина. Школа должна была располагаться в помещении храма Гуань-ди 關帝. В храме было много статуй богов с самой разной специализацией. Сам Гуань-ди был, во-первых, божеством, включенным при Цин в государственный культ, а во-вторых, против него не возражало и правительство, но остальные статуи, занимавшие большую часть зала, предстояло убрать. Директор организовал праздничную церемонию «открытия света»⁴ для статуи Гуань-ди и предложил ученикам поклониться ей. Остальные статуи почтительно перенесли в соседнее храмовое помещение, предварительно убранное, и аккуратно поставили там [Tao Xingzhi, 1991, p. 40].

Соглашаясь с директором Дином и Тао Синчжи, Лян Шумин вполне понимал, что храмы и отправляемые в них культы имеют функциональный характер. Храмы занимают определенное место в жизни и сознании людей, поэтому бесцеремонно уничтожать их вредно и опасно. Он никогда не солидаризовался с теми, кто призывал

⁴ О церемонии «открытия света» см., например, Баранов И.Г. Верования и обычаи китайцев. М.: Муравей-Гайд, 1999. С. 133.

силой отменять народные культы и разрушать храмы, не в последнюю очередь из-за того, что считал: наибольший протест вызывают запретительные и насильственные действия.

По поводу некоторых аспектов антирелигиозной кампании 1927–1930 гг., которая как раз пришлась на этот период, Лян Шумин недвусмысленно высказался в опубликованном летом 1930 г. в ежемесячном журнале «*Цунь чжи*» 村治 ответе на письмо коллеги по сельскому строительству Ма Жусина (馬儒行) из Шаньси⁵.

Ма Жусин, осуждая политику властей на селе, вспоминал: сразу после установления республики, когда он был назначен старостой деревни и на его плечи легло исполнение многочисленных правительственных циркуляров, включая обрезание кос и запрет на бинтование ног, ему хотя бы не пришлось иметь дело с переделкой храма в школу. В деревне храма не было, а школа уже была открыта в 1907 или 1908 г. [Liang Shuming, 1992, p. 180].

Это дало повод Лян Шумину высказаться по поводу борьбы с суевериями, имея в виду, несомненно, не эти события почти двадцатилетней давности, а современную ситуацию. Встав на более позитивистскую позицию, чем обычно, он писал, что «суеверия» неизменно рождаются из недостатка знания и могут и должны быть побеждены развитием интеллекта и приращением знаний, которые последуют за экономическим ростом. «Только на основе экономики, способствуя развитию всей культуры, можно естественным образом уничтожить суеверие. От него не исцелить, концентрируясь только на нем самом. Как правило, за это берутся профаны и действуют незаконно, разрушая кумирни и разбивая статуи. Поистине глупо и жалко, вредно и бесполезно; об этом более всего болит и печалится мое сердце. Суеверия не падут от битья, не исчезнут от ломки. Но грубое насилие нешуточно травмирует психику людей, живущих в сельской местности» [Liang Shuming, 1992, p. 177].

При этом Лян Шумин приветствовал сам принцип открытия школ в помещениях храмов (*мяо чань син сюэ* 廟產興學) и пользовался им. Но иконоборческие эксцессы были ему чужды. Историк Лю Цинлянь 劉慶亮 (1969 г. р.) в эссе об аграрном строительстве в шаньдунском уезде Цзоупин 邹平 сообщает о столкновении Лян Шумина с местным *сюаэем*, который возражал против превращения любимого местными жителями храма Бися юаньцзюнь 碧霞元君 (Изначальной государыни Лазоревой зари – богини горы Тайшань, особенно почитаемой в Шаньдуне) в школу. Это была группа из трех зданий, два боковых павильона в ней были посвящены буддийским божествам в духе обычного для народной религии синкретизма.

Не стоит вдаваться в то, насколько точно через десятилетия передан диалог Лян Шумина с *сюаэем*. Более интересно, что именно произошло со статуями в кумирнях. По словам Лю Цинляня, директор волостной школы, которому предстояло принять новое помещение, несколько раз советовался с Лян Шумином. Тогда он был проректором Шаньдунского исследовательского института аграрного строительства и мог определять судьбу зданий. В конце концов было принято следующее решение, выпол-

⁵ Письмо было опубликовано вместе с ответом на него.

не в духе Тао Синчжи: все помещения храма освободить, но статуи отнюдь не ломать, а разнести по разным местам, где им могли бы приносить жертвы⁶.

В период, когда Лян Шумин был наиболее вовлечен во взаимодействие с народными культурами, он и на практике, и в своих текстах настаивал на недопустимости насильственного уничтожения «суеверий» и не верил в успех просвещения, основанного на одной только негативной программе. При этом стоит помнить, что и само его представление о суевериях не совпадало с общепринятым, согласно которому суеверие было ошибкой непросвещенного разума.

Конфуцианство и суеверия

В книге «Основы китайской культуры» («*Чжунго вэньхуа яои*» 中國文化要義) [Liang Shuming, 1996a], законченной в июне 1949 г., Лян Шумин выдвинул свой известный парадоксальный тезис о том, что в Китае не было (или «недоставало») религии; ее место в китайской культуре занимает конфуцианство.

Как замечает Т. Менар, в этом отношении на него повлиял не только Цай Юаньпэй 蔡元培 (1868–1940), который говорил о «замене религии эстетическим воспитанием», но и, с одной стороны, Фэн Юлань 馮友蘭 (1895–1990) с его утверждением о том, что конфуцианство превратило древний культ в искусство, а с другой – Ху Ши 胡適 (1891–1962), определявший конфуцианство как «религию нравственности» (*даодэ дэ цзунцзяо* 道德的宗教) [Meynard, 2011, p. 150–151]. Нерелигиозность конфуцианства была и с самого начала крайне важна для Лян Шумина, который еще в «Культурах Востока и Запада...» возмущенно выступал против Конфуцианской церкви, основанной Чэнь Хуаньчжаном 陳煥章 (1880–1933) в 1912 г. [Liang Shuming, 1996, p. 146]. Согласно Лян Шумину, не историческое, но идеальное конфуцианство, учение, поистине соответствующее духу Конфуция, способно помочь людям сбалансировать эмоции, при этом не нуждаясь в трансцендентной основе и не побуждая своих последователей к своекорыстию. Поэтому если на предыдущем этапе истории, когда люди только осваивали природу и нащупывали пути рациональной организации общества, неопределимо полезным оказалось христианство, а перед концом истории трансцендентное утешение человечеству предоставит буддизм. Сейчас же, в современности, всему миру лучше всего подходит идеальное конфуцианство.

Но и исторического конфуцианства, не дотягивавшего до умозрительного идеала, тоже, по Лян Шумину, было достаточно, чтобы нивелировать нужду общества в религии. «Ритуал и музыка помещали человека в среду поэзии и искусства, и речь о том, суеверно это или нет, не шла, – суеверие просто не возникало. Конфуций не учил суевериям и, кажется, не предпринимал никаких усилий, чтобы избавиться от суеверий» [Liang Shuming, 1996a, p. 341].

Конфуцианство способствовало тому, чтобы в основу жизни общества легла семейная этика, и помогало созданию надежных межчеловеческих связей [Liang

⁶ Liu, Qingliang 劉慶亮 Liang Shuming zai Shandong Zouping tansuo de minzu ziji zhi lu 梁漱溟在山東鄒平探索的民族自救之路 [The Path to National Self-Salvation Explored by Liang Shuming in Zouping, Shandong]. URL: <https://www.zpyz.net/article/00156.html> (дата обращения: 24.11.2023).

Shuming, 1996a, p. 314–315]. Религии в собственном смысле слова – древнее почитание Неба, пришедшие извне буддизм, ислам, христианство и т.д. – в Китае играли по отношению конфуцианству только вспомогательную роль.

Как же соотносилась с конфуцианством в этой картине народная религия?

В «Основах китайской культуры» Лян Шумин говорит, что суеверие коренится в стремлении человеческого сознания вовне [Liang Shuming, 1996a, p. 340] (и, значит, исторически и типологически принадлежит первой эпохе развития человечества). Конфуцианство же не предполагает стремления к внешнему, но учит людей довольствоваться внутренней гармонией и радостью межчеловеческих отношений, отказавшись от безнадежных чаяний и смягчая разочарования. Собственно религии, по Лян Шумину, составляли согласный хор вокруг конфуцианства, а в целом китайское общество не было религиозным.

Затем во фрагменте, который редко привлекает внимание исследователей, он неожиданно обращается к народным культам, которые для него объединены в одно целое с государственными культами императорского Китая. «Но если мы скажем, что и в Китае была религия, то это будет поклонение предкам и культ Неба. С незапамятных времен в Пекине были храм императорских предков, алтарь божествам Земли и Злаков, алтарь Неба, алтарь Земли, алтарь Древнего земледельца, – в этих местах приносили жертвы императоры. А в домах у простонародья приносили жертвы перед табличкой [с надписью] “Небо и Земля, государь, родитель, наставник”. В “Записках о ритуале” объяснялось: “Основа всех вещей – Небо, основа человека – предки”. Смысл и поклонения Небу, и поклонения предкам заключается в “благодарности основе и возвращении к началу”⁷. Отсюда, от “благодарности основе и возвращения к началу”, и вплоть до преклонения перед добродетелью и благодарности за благодеяния, возникали многочисленные культы (так, в Сычуани есть храм Господина Реки, где приносят жертвы Ли Бину и его сыну, которые положили начало ирригационным сооружениям в уезде Гуаньсянь⁸). Поскольку дело не ограничивалось поклонением Небу, [эту религию] нельзя назвать культом Неба; поскольку поклонялись не только предкам, мы не можем обозначить ее и как культ предков, свойственный патриархальному клановому обществу. У нее нет названия, тем более нет у ее последователей и церковной организации. Ничего не поделаешь, остается только считать ее “этическим учением”⁹. Ведь ее догмы – не более чем этические представления, а ее последователи – именно китайский народ. Как знать, породила ли такая вера такое общество, или же такое общество, – такую веру? В любом случае, они слиты воедино» [Liang Shuming, 1996a, p. 316–317].

Господин Реки (*Чуань чжу* 川主) в императорские времена входил в число богов, признанных официально, но после Синьхайской революции его культ остался без государственного покровительства. Лян Шумин высоко оценил и еще один сычуаньский культ. В одном из серии интервью, данных Г. Алитто летом 1980 г., он расска-

⁷ Цитаты из «Ли цзи» 禮記, 11.24.

⁸ Ли Бин 李冰 (III в. до н.э.) – инженер в государстве Цинь, создатель оросительной системы Дунцзяньянь 都江堰. Обожествлен вместе со своим вторым сыном Ли Эр-ланом 李二郎. Культ Господина Реки – один из самых популярных в Сычуани.

⁹ *Луньли цзяо* 倫理教.

зал о том, как, в первый раз приехав в Чэнду¹⁰, коленопреклоненный молился в святилище Чжугэ Ляна 諸葛亮, а также подчеркнул, что Чжугэ Ляна почитают во всей Сычуани [Liang, Alitto, 2013, p. 176].

Поклонение предкам, природным божествам и культурным героям – суть элементы китайской народной религии, и для Лян Шумина они вполне желательны и в современной культуре, и в культуре второго этапа истории вообще. «Несуеверными», с точки зрения Лян Шумина, их делает отсутствие своекорыстия; по его мнению, в их основе лежит не потребность в утешении или надежда на исполнение желаний, а признательность и благодарность.

По всей видимости, у китайского философа не было принципиальных возражений против причудливого антуража народных богов. Если он и подозревал, что не все они существуют, это тоже не было решающим доводом против культа, – он предполагал, что постепенное распространение света разума поможет людям разобраться в этих вопросах. Итак, если вера не своекорыстна и не привязывает людей к внешним по отношению к ним вещам, а апеллирует к их нравственному чувству, она полезна и хороша.

Заключение

Период 1920–1930-е годы, когда происходила интенсивная секуляризация китайского общества, неизбежно оставил отпечаток на представлениях Лян Шумина о религии. Ему был знаком пафос борьбы с суевериями, он сам принимал участие в закрытии сельских храмов и писал об инфантильности поклонения духам животных и эпидемий.

Вместе с тем он не оказался ни ортодоксальным конфуцианским администратором, ни воинствующим атеистом современного образца. В то время, как государство (впрочем, с небольшим успехом) пыталось унифицировать идеологическое пространство и санкционировало уничтожение культов, Лян Шумин (который тоже надеялся на приближение общества к идеальному, но другому, образу) смог проявить уважение к чужой вере, как и сторонники Тао Синчжи. Он заботился о том, чтобы «выселение» статуй из храмов не вызывало протестов, а крестьяне могли продолжать поклонение своим богам.

Это поведение следовало и из общей гуманистической направленности его взглядов, и из прагматической убежденности в том, что любые ненужные на данном историческом этапе элементы культуры исчезнут самостоятельно. Кроме того, Лян Шумин был способен посмотреть на народную религию изнутри, разделял с крестьянами многие их убеждения и верил в возможность существования самых разнообразных объектов культа, от душ умерших до бессмертных. Отвращал его такой существенно важный компонент культов, как ожидание от божества ответа на просьбы.

В конфуцианстве он видел эквивалент религии, лишенный этого фатального недостатка. Но и система культов предков, стихийных божеств и культурных героев для него сливалась в этом отношении с конфуцианством: он, следуя «Ли цзи», полагал, что их адепты в идеальном случае ориентированы не на чудесный результат молитв, а на выражение благодарности.

¹⁰ Не позже 1937 г.

Таким образом, китайская народная религия, как и конфуцианство, по мысли Лян Шумина, была вполне достойна начинающегося второго периода жизни человечества. «Суеверные» же, то есть своекорыстные ее элементы по мере распространения просвещения и повышения уровня жизни должны были, как он надеялся, отмереть самостоятельно.

References

- Chen, Duxiu 陳獨秀 (1918). Ouxiang pohuai lun 偶像破壞論 [Treatise on the Destruction of Idols]. *Xin Qingnian*. No 5(2). Pp. 75–76. (In Chinese).
- Duara, P. (1995). *Rescuing History from the Nation: Questioning Narratives of Modern China*. Chicago: University of Chicago Press.
- Goossaert, V. (2006). 1898: the Beginning of the End for Chinese Religion? *The Journal of Asian Studies*. No 65(2). Pp. 1–29.
- Goossaert, V., Palmer, D.A. (2011). *The Religious Question in Modern China*. Chicago: University of Chicago Press.
- Liang, Shuming 梁漱溟 (1992). Da Ma Ruxing jun laishu 答馬儒行君來書 [Reply to Mr Ma Ruxing's Letter]. *Liang Shuming quan ji 梁漱溟全集* [Complete Works of Liang Shuming], Vol. 5. Jinan: Shandong renmin chubanshe. Pp. 174–188. (In Chinese).
- Liang, Shuming 梁漱溟 (1989). Dongfang xueshu gaiguan. Xi nian wei wan jiu gao 東方學術概觀 昔年未完舊稿 [Overview of Eastern Scholarship. Unfinished Old Draft from Past Years]. *Liang Shuming quan ji 梁漱溟全集* [Complete Works of Liang Shuming], Vol. 7. Jinan: Shandong renmin chubanshe. Pp. 368–399. (In Chinese).
- Liang, Shuming 梁漱溟 (1989b). Chao hua 東方學術概觀 昔年未完舊稿 [Morning Talks]. *Liang Shuming quan ji 梁漱溟全集* [Complete Works of Liang Shuming], Vol. 2. Jinan: Shandong renmin chubanshe. Pp. 35–140. (In Chinese).
- Liang, Shuming 梁漱溟 (1996). Dong Xi wenhua ji qi zhexue 東西文化及其哲學 [Eastern and Western Cultures and their Philosophies]. In: Liang Peikuan 梁培寬, Wang Zongyu 王宗昱 (comp.). *Zhongguo xiandai xueshu jingdian. Liang Shuming juan 中國現代學術經典. 梁漱溟卷* [Contemporary Chinese Academic Classics. Liang Shuming]. Shijiazhuang: Hebei jiaoyu chubanshe. Pp. 231–537. (In Chinese).
- Liang, Shuming 梁漱溟 (1996a). Zhongguo wenhua yaoyi 中國文化要義 [Fundamentals of Chinese Culture]. In: Liang Peikuan 梁培寬, Wang Zongyu 王宗昱 (comp.). *Zhongguo xiandai xueshu jingdian. Liang Shuming juan 中國現代學術經典. 梁漱溟卷* [Contemporary Chinese Academic Classics. Liang Shuming]. Shijiazhuang: Hebei jiaoyu chubanshe. Pp. 1–230. (In Chinese).
- Liang, Shu-ming, Alitto, G. (2013). *Has Man a Future? Dialogues with the Last Confucian*. Heidelberg et al.: Springer.
- Meynard, T. (2010). *The Religious Philosophy of Liang Shuming: The Hidden Buddhist*. Leiden: Brill.
- Nedostup, R. (2010). *Superstitious Regimes: Religion and the Politics of Chinese Modernity*. Cambridge (Ma.), Harvard University Asia Center Publications Program.
- Rambelli, F., Reinders, E. (2012). *Buddhism and Iconoclasm in East Asia: A History*. London et al.: Bloomsbury.
- Tao, Xingzhi 陶行知 (1991). *Zhongguo jiaoyu gaizao 中國教育改造* [The Reform of Chinese Education]. *Tao Xingzhi quanji 陶行知全集* [Complete Works of Tao Xingzhi]. Chengdu: Sichuan jiaoyu chubanshe. Pp. 1–132. (In Chinese).
- Webber, L. (1927). In the Midst of Turmoil Chefoo Continues an Educational Center. *School Life*, Vol. 12 (1). Pp. 12–14.

Поступила в редакцию: 11.11.2023. Received: 11 November 2023.

Принята к публикации: 03.12.2023. Accepted: 3 December 2023.

Лян Шумин

Чем отличается образование у жителей Востока и Запада

Перевод А.Б. Старостиной¹

От переводчика

В начале 1922 г., когда была написана эта работа, двадцативосьмилетний Лян Шумин уже пользовался широким признанием. С 1919 г. он преподавал в Пекинском университете, куда его пригласил сам ректор – Цай Юаньпэй. Молодые деятели «движения за новую культуру» – от Ху Ши до Ли Дачжао – спорили с ним и прислушивались к нему. В 1921 г. вышла и немедленно приобрела популярность книга Лян Шумина, которой, как показало время, было суждено стать самым известным его трудом, – «Культуры Востока и Запада и их философии» («Дун Си вэньхуа цзи ци чжэсюэ» 東西文化及其哲學). Вслед за ее появлением он стал получать многочисленные предложения выступить с лекциями. Во время лекционной поездки в Шаньси он выступил в одной из начальных школ г. Тайюань, на основе этого выступления и появилось эссе о различиях образования в Китае и на Западе.

Это один из самых ранних текстов Лян Шумина, посвященных педагогике. В нем автор одновременно приветствует введение в китайскую школу западной ориентации на фактические знания и предлагает не пренебрегать здравым зерном традиционного китайского образования, каким бы несовершенным оно ни было, не забывать об этическом компоненте воспитания и быть внимательным к личности учащегося.

Теоретическую основу эссе можно найти в «Культурах Востока и Запада...». Согласно этой книге, мировой исторический процесс должен состоять из трех этапов, соответствующих трем векторам мировой воли и одновременно трем познавательным способностям человека: интеллекту (*личжи* 理智), интуиции (*чжицзюэ* 直覺) и ощущению (*ганьцзюэ* 感覺). На каждом из этих этапов доминирует одна из трех больших культурных систем (соответственно западная, китайская или индийская). В настоящее время человечество находится на границе эпох: время западной культуры, руководствующейся интеллектом, уходит, наступает время Китая, и на этом эта-

¹ Аглая Борисовна Старостина, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-2421-2484; E-mail: abstarostina@gmail.com

пе человечеству предстоит вполне развить нравственную интуицию. Учение, наиболее полно воплощающее сущность китайской культуры, – это конфуцианство, и таким образом, конфуцианство в ближайшем времени ожидает возрождение (для Индии таким преимущественным учением он считал буддизм).

При этом Лян Шумин предполагал, что у западной культуры было время полностью сложиться и реализовать свой потенциал, открыв всему человечеству необходимые на первом этапе его существования ценности, включая науку и демократию. Для успешного перехода ко второму этапу нужно усвоение достижений первого. Китайская и индийская культура еще, можно сказать, не приступили к реализации собственных возможностей, в отличие от Запада: им были открыты в древности ценности конфуцианства и буддизма, которые, будучи сами по себе благом, но не своевременным на этом этапе развития человечества, не дали им достичь больших успехов в деле покорения природы и отвлекли от создания демократического общества.

Приоритетываясь к теме выступления и к аудитории, Лян Шумин упрощает и терминологию, и общую структуру своей концепции. Так, выпадает ее «индийская» часть. Нигде он не упоминает «волю» (*шюй* 意欲), термин, взятый у Шопенгауэра, занимающий центральное место в «Культурах Востока и Запада...» и синонимичный для него бергсоновской «жизни». Эта особенность сохранится и в последующих больших работах он тоже откажется от «воли», полностью заменив ее «жизнью» (*шэнхо* 生活, *шэнмин* 生命). Вместо «интуиции» он употребляет термин «инстинкт» (*бэньнэн* 本能) – в «Культурах Востока и Запада...» такая замена тоже спорадически происходит, от этой путаницы в понятиях Лян Шумин позже избавился².

Интеллект в эссе – инструмент получения фактических знаний, необходимая часть образования, которой, однако, до начала XX в. в Китае пренебрегали. Китайская культура чаще оперировала инстинктом/интуицией – основой регулирования эмоций. По Лян Шумину, на правильно отрегулированных эмоциях должна зиждиться этика. Ранние конфуцианцы, заботясь о гармоничном состоянии эмоций, выработали принципы истинно нравственного воспитания.

Поскольку, как было сказано выше, развитие китайской культуры было неравномерным, она «проскочила» формирование науки и демократии, и прозрения Конфуция и Мэн-цзы не могли быть освоены в должной степени. Но в наши дни, когда китайское общество компенсирует потерянное время и стремительно осваивает достижения Запада, оно, дополнив «образование знаний» европейско-американского образца, может сформировать новую педагогику, в которой будут равно задействованы интеллект и интуиция.

Работы Лян Шумина, переводы которых были опубликованы на русском языке.

1. «В чем специфика китайской культуры?»³

² См. An, Yanming. Liang Shuming and Henri Bergson on Intuition: Cultural Context and the Evolution of Terms // *Philosophy East and West*. 1997, Vol. 47, No 3. Pp. 337–362.

³ Лян Шумин. В чем специфика китайской культуры? // *Проблемы Дальнего Востока*. 2004. № 4. С. 131–141; также Старостина А.Б. *Философия истории Лян Шумина*. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 241–261.

2. «О различиях конфуцианства и буддизма и их сходстве»⁴
3. Об учении Конфуция (из книги «Культуры Востока и Запада и их философии»)⁵

Перевод эссе «Чем отличается образование у жителей Востока и Запада» выполнен по изданию 梁漱溟. 東西人的教育之不同 // 梁培寬 王宗昱 [編校]。中國現代學術經典。梁漱溟卷。石家莊: 河北教育出版社, 1996: 781–785.

В конце десятого года республики, воспользовавшись ежегодным отпуском, я отправился в Шаньси, куда меня пригласили читать лекции. Четвертого января следующего года я беседовал с учителями начальной школы Янцюй в административном центре этой провинции. Когда г-н Ли Шицэнь⁶, главный редактор «Цзяюй цзачжи»⁷, попросил у меня статью, я второпях не нашел, что ему отдать, кроме записи этого выступления, выполненной г-ном Чэнь Чжуньюем⁸.

Помнится, г-н Гу Хунмин в своей книге «Главный смысл Весен и осеней»⁹, трактующей о культурах Востока и Запада, говорит и о том, чем отличается западное образование от китайского. По его словам, когда на Западе люди приступают к учению, то начинают со знаний, после переходят к знаниям, да и потом продолжают знаниями; а когда китайцы приступают к учению, то изучают путь благородного мужа¹⁰. Остроумно сказано; к тому же в этом есть и некоторый резон. Хотя еще вопрос, можно ли считать наставлением в пути благородного мужа – обучение писать восьмичленные сочинения, какие у нас были прежде в ходу¹¹. Однако материалы-то – «Изречения» Конфуция, «Мэн-цзы», «Великое учение», «Срединное и

⁴ Старостина А.Б. Философия истории Лян Шумина. М.: ИДВ РАН, 2009. С. 214–240.

⁵ Лян Шумин. Об учении Конфуция [из книги «Культуры Востока и Запада и их философии»] // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 139–150.

⁶ Ли Шицэнь 李石岑 (1892–1934) – философ, популяризатор сначала философии жизни, затем марксизма.

⁷ Журнал «Цзяюй цзачжи» 教育雜誌 («Образование») – один из первых китайских журналов, посвященных педагогике, выходил в Шанхае с 1909 по 1947 г. Ли Шицэнь был его третьим главным редактором и занимал этот пост с конца 1921 по 1928 г.

⁸ Чэнь Чжуньюй 陳仲瑜, Чэнь Чжэн 陳政 (1894–1978) – ученик и друг Лян Шумина, в описываемое время – студент философского факультета Пекинского университета.

⁹ Гу Хунмин 辜鴻銘 (1857–1928), малайский китаец, получивший европейское образование, переводчик, философ, полиглот, известный культурным консерватизмом. Здесь идет речь о его книге, написанной на английском языке и в оригинале озаглавленной “The Spirit of the Chinese People” (1915); на обложке издания присутствовало и китайское название – *Чунью да и* 春秋大義 («Главный смысл Весен и осеней»).

¹⁰ Лян Шумин, по-видимому, имеет в виду пассаж из 17 главы книги: «Цель и предмет школы в Китае – не научить зарабатывать на жизнь, как в современных Европе и Америке...» и т.д. (Ku, Hung-Ming. The Spirit of the Chinese People. With an Essay on Civilization and Anarchy. Peking: Peking Daily News, 2015. Pp. 62–63).

¹¹ Восьмичленные сочинения (*багуэнь* 八股文) – композиционно сложная форма экзаменационного эссе в эпохи Мин и Цин, с XVII в. постоянно подвергавшаяся критике и затем во время движения за новую культуру ставшая символом схоластики экзаменационной системы позднего императорского Китая.

неизменное»¹² – как раз говорят о пути благородного мужа. Как бы то ни было, в целом для образования китайцев такая направленность была явно характерна. А на Западе раньше обучали, – если не считать последних тенденций в образовании, – способом: давали очень много знаний. Сколько звезд на небе, как Земля вращается и т.д. ... Сейчас в наших школах мы подражаем западным, и все многочисленные дисциплины в них – такие, каких в Китае не было несколько десятков лет назад: тогда учили другому. Но и об истинах, которые содержатся в китайских книгах, в западном образовании, кажется, речь не заходила. Очевидно, у образования в Китае и на Западе были разные акценты. Скажем в общем: в образовании китайцев упор делался на эмоциональную сферу, то есть обучали почтительности к родителям, любви к братьям и пр.; в образовании жителей Запада – на сферу знаний, то есть обучали естественным наукам и пр. И такое различие в позиции по отношению к образованию, собственно, объясняется коренным различием путей, по которым идут эти две культуры; это различие – всего лишь одно из проявлений сущностного несходства культур. Об этом можно узнать, прочитав мою книгу «Культуры Востока и Запада и их философии». Вчера как раз зашел об этом разговор, когда я был в правительстве провинции. Для кого-то было неприемлемым образование, в котором упор делается на знание; другие говорили, что в образовании нельзя пренебрегать ни одним из двух аспектов. Вот это внимание к обоим аспектам и есть то, что необходимо для комплексного разумного¹³ образования.

Мы, люди, рождаясь, должны жить вперед. Первая необходимость в жизни как раз и есть знание. Даже для того, чтобы понять, какие из этих многочисленных вещей, попадающихся нам, можно есть, а какие нельзя, какие питательны, а какие ядовиты и т.п., – даже для этого нужно знание. В противном случае, как сделать выбор, есть или не есть? Только такое знание позволяет справиться с этим незначительным аспектом жизни. Для каждой стороны нашей жизни необходимы знания. Ученость представляет собой точные, проверенные знания, упорядоченные и объединенные. Знания или ученость могут быть и результатом личного творчества: они обретаются с помощью выводов из человеческого опыта или же приходят, когда нас обучают другие. Учение, созданное предшественниками, передается последующим поколениям. Но знания или ученость, кроме тех, что относятся к точным наукам, например, математическая теория, по большей части могут формироваться только на основе опыта. Если не следовать путем, созданным на основе опыта предшественников, а пролагать путь самостоятельно, много ли опыта мы успеем накопить за всю жизнь, которая насчитывает всего лишь несколько десятков лет? Пока наберется опыт, человек уже состарится и умрет, и следующему придется снова накапливать опыт. Разве таким образом удастся набрать существенный объем знаний? Разве будет возможен

¹² «Лунь юй» 論語, «Мэн-цзы» 孟子, «Да сюэ» 大學, «Чжун юн» 中庸 – тексты, составляющие конфуцианское «Четверокнижие»; были базовыми для подготовки к государственным экзаменам в эпохи Мин и Цин.

¹³ Здесь и дальше как «разумный» переведено выражение *хэ ли* 合理. Для Лян Шумина «разумный» обозначает «опирающийся на нравственную интуицию», которую на этом этапе он отождествляет с инстинктом.

прогресс человечества? То, что называется ученостью, то, что называется прогрессом человеческой цивилизации, в действительности основано на творчестве предшественников, переданном потомкам, на углублении и продолжении открытого однажды. Это верно и для той учености, для которой необязателен собственный опыт, и для той, для которой он необходим, причем для последней этот принцип еще более насущен. К тому же если бы в каждом случае надо было все испытывать и переживать самостоятельно, чтобы узнать, как справиться с той или иной ситуацией, это непременно было бы слишком тяжело, слишком неэкономно – уж точно, такой способ не годится. Например, младенец, родившись, конечно, не должен сам проверять, что съедобно, а что нет: его учат взрослые. Поэтому независимо от того, каков смысл образования, передача знаний не может не быть важнейшей его составляющей. В соответствии с путем, по которому движется культура жителей Запада, достижения в области знаний наиболее велики, к тому же им очевидно, что жизнь человека должна быть руководима знаниями. Это в равной степени отразилось в концепциях человеческой жизни от Сократа до Дьюи. В результате на Западе действительно сумели добиться того, что для всех аспектов жизни существуют соответствующие знания; добились там и того, что решающую роль в жизни играет знание, и вся она подчинена руководству знаний. Проблемы природы решаются под руководством естественных наук, проблемы общества – под руководством наук общественных. Не следует забывать об упущениях этого метода; тем не менее в том, в чем он верен, он поистине верен.

У китайцев же все по-другому. Характер их таков, что о какой бы области жизни речь ни шла, они не любят опираться на знание; как и следует тому быть в соответствии с путем, по которому движется их культура, достижения в области знаний в ней наиболее незначительны, и опираться на них нельзя. В результате за несколько тысяч лет вплоть до настоящего времени китайцы, сталкиваясь с проблемой – большой ли, маленькой ли, трудной ли, легкой ли, – подходили к ней, исходя из личного опыта, мнений, мыслей и навыков. Так, в медицине, можно сказать, у нас есть специализированные знания; но в действительности же и здесь наиболее заметна при столкновении с любой проблемой постоянная опора на личный опыт, мнения, мысли и навыки. У китайского врача нет фармакологии, которая стала бы базой для его действий, ему приходится довольствоваться собственным опытом по применению лекарств; нет у него и теоретической патологии и терапии, на которые он мог бы опереться, ему приходится довольствоваться познаниями, полученными им самим в ходе клинической практики. Из-за сочетания всех этих обстоятельств китайское образование только в небольшой степени передает учащимся знания, а образование жителей Запада заключается преимущественно в передаче знаний. Но человечеству в его жизни подобает руководствоваться знаниями. Отсутствие такого руководства и невозможно. Если же настоящих знаний нет, используются неточные, непроверенные, не достигшие зрелости и не упорядоченные. Потому нельзя отрицать, что это недостаток, свойственный нашей жизни. Если взвесить успехи и недостатки Китая и Запада в отношении образования, в этом смысле преимущество будет на стороне Запада, а Китай, напротив, проиграет. В будущем мы, конечно, должны помнить об этом про-

игрыше и придавать больше значения раскрытию мудрости и передаче знаний. К счастью, с тех пор как к нам проникло западное образование, мы уже начали работать над этим.

Образование с упором на эмоциональную сферу отличается от образования с упором на сферу знаний. Изложенные нами выше причины, по которым необходимо образование с упором на знания, для эмоциональной сферы не значимы. Отсюда и методы такого образования тоже будут другими. Конечно, образование с упором на знания не ограничивается передачей знаний; оно уделяет больше внимания просвещенности, раскрытию мудрости. Тем не менее в любом случае передача знаний в конечном счете представляет собой самый важный элемент образования с упором на знания. Именно в этом состоит его разительное отличие от образования с упором на эмоциональную сферу. Методы раскрытия мудрости могут не противоречить эмоциональному образованию. Но что касается методов передачи знаний, то они совершенно с таким образованием не согласуются. Дело в том, что эмоции инстинктивны, к ним мы, как говорится, «способны без научения», их «знаем без размышлений»¹⁴; это то, что изначально присутствует в человеческой жизни сполна, в отличие от знаний, которые мы не получаем от рождения. Эмоции – то, к чему ничего не прибавить после рождения, в то время как все знания приобретаются апостериори (вне зависимости от того, получены ли они в ходе собственного творчества или усвоены извне, от предшественников). В таком случае может показаться, что для эмоций образование не нужно, да и научить им нельзя. Но это совсем не так. Вся сущность жизни заключается в эмоциональном плане, а план знаний, включая сюда изначально присутствующую мудрость и приобретенные знания, – это всего лишь инструменты жизни. Если не наладить инструменты, то, конечно, не наладить и жизнь, а если не наладить как следует саму жизнь (т.е. план эмоций), то даже самые лучшие инструменты не найдут применения или обратятся во вред. Поэтому эмоциональное образование более фундаментально. Таким образом, как наладить должным образом саму жизнь – первый вопрос; а стремление разобраться с инструментами жизни, безусловно, нужно, но это по необходимости – второй вопрос. То, что называется образованием, заключается не только в раскрытии мудрости, в созидании и принятии знаний, но еще более – в таком приспособлении и согласовании инстинктов, которое обусловит должное налаживание самой жизни. Хотя инстинкту обучать не нужно и невозможно, образование для него и возможно, и необходимо. Дело в том, что инстинкты в высшей степени легко разбалансировать, т.е. жизнь совсем непросто наладить должным образом, и поэтому необходимо упорядочивание инстинктов, в результате которого их действие станет благотворным. Это умение, которое нужно для образования с упором на эмоции: оно, возможно, близко к раскрытию мудрости, но очень отличается от обучения знаниям. В образовании китайцев всегда большое внимание обращали на то, чтобы люди вели разумно устроенную жизнь, и весьма пеклись о предотвращении эмоциональной несбалансированности. С этой точки зрения, естественно, стоит засчитать китайскому образованию преимущество, а западному – проигрыш.

¹⁴ «Мэн-цзы», XIII 15: «То, к чему человек способен без научения, – благое умение. То, что он знает без размышлений, – благое знание».

Итак, западное образование обращает внимание на инструменты жизни, а китайское образование – на саму жизнь; у каждого из них есть свои преимущества и недостатки. Однако несмотря на то, что постоянное внимание китайского образования к самой жизни действительно можно назвать преимуществом, его методы все же не были полностью адекватными. Дело в том, что зачастую, не в состоянии понять коренное отличие образования с упором на эмоции от образования с упором на знания, методы передачи знаний применяют для воспитания эмоций. Например, при обучении почтительности к родителям и братской любви то и дело используют скучные, пресные методы, будто при передаче знаний. Но на самом деле это не знания, и нельзя обучать им как знаниям. Следует начинать с того, как действовать, исходя из корня этих качеств – почтительности к родителям, любви к братьям, верности и доверия¹⁵ (т.е. инстинкта), и тогда ученик естественным образом усвоит почтительность к родителям, любовь к братьям, верность и доверие. Сухие наставления полезны только в плане знаний, но не особенно влияют на коренные эмоции, и таким образом жизнь и деятельность по-прежнему не становятся ни лучше, ни разумнее. Ранее все полагали, что жизнедеятельность человека исходит из плана знаний и знаниями же контролируется. Вот почему Сократ говорил, что знание и есть добродетель, и предполагал, что если человек поймет, как надо поступать, то и станет поступать правильно. Этот подход был пересмотрен только в наши дни благодаря успехам психологии. Оказывается, действия человека не могут определяться знаниями. Уроки почтительности к родителям, любви к братьям, верности и доверия принимают нравственность едва ли не за объект знания. Что касается инстинктов, мы можем только упорядочивать их извне, придавать им направление, воспитывать их, не препятствовать им и не давать им утратить баланс, не более того. Вот пример – почтительность и любовь к родителям. Не стоит читать об этом длинных нотаций, нужно только, следуя свойственной ребенку склонности любить родных, помочь ему свободно ее развить, и этого достаточно. Любовь к родным – присущий ему самому инстинкт, и человек, который не слышал ни одного урока о почтительности к родителям, может все же понять, исходя из этого инстинкта, почтительность к родителям и братскую любовь. Но тот, кто слышал множество уроков, возможно, не будет почтительным к родным, поскольку его инстинкту помешали. Конфуций же наставлял не сухо и пресно. Он, главным образом, учил людей некоторому образу жизни, который подразумевал регуляцию эмоций с помощью ритуала и музыки. Но впоследствии образование Конфуция прекратило существование, и остались только сухие методы обучения. Об этом также мы должны помнить в предостережение, и это нам предстоит исправить. Бывает еще, что при обучении охотно пользуются приемами наград и наказаний, чтобы улучшить поведение; это абсолютно неправильно. Награды и наказания контролируют действия человека, используя психологию расчетливости, что препятствует работе эмоций и мешает действию инстинкта. Верх берет начало знания, и это фундаментально подбивает устройство жизни. Потому-то при образовании эмоций это не только неуме-

¹⁵ Сяо 孝, ди 弟, чжун 忠, синь 信 – в таком порядке эти добродетели упоминаются в «Мэн-цзы» I 5 и XIII 32 как качества, ожидаемые от молодых членов общества в стране, где осуществляется гуманное управление (*жэнь чжэн* 仁政).

стно, но и вредно. Из-за этого я считаю, что ребенка, которого удастся побудить к хорошим поступкам при помощи награды или удержать от дурных посредством наказания, учить совсем невозможно. Но если он способен воспротивиться действию наград и наказаний, сила его инстинкта велика, и ей не помеха внешние препятствия; такой ребенок, напротив, подает большие надежды.

Лян Циньнин*

Мой дед Лян Шумин

Как дед отнесся к погрому в своем доме во время «культурной революции»

В 1966 г., когда начатая Мао Цзэдуном «Великая пролетарская культурная революция» охватила всю страну, беда пришла в несчетное число семей. Дом деда тоже не избежал несчастий, которые несли погромы, творившиеся впадшими в раж «критики и борьбы» хунвейбинами.

В то время я был совсем маленьким, мне едва исполнилось два-три года, и тогдашние события не задержались в памяти. И только когда я подрос, то стал прислушиваться к тому, что старшие говорили о хунвейбиновских погромах, о конфискованном или преданном огню имуществе из дедовского дома в окрестностях Шичахая¹.

Как же относился дед к катастрофе, которую пережила его семья? Однажды я с любопытством стал допытываться у него: «Дедушка, вы рассердились, когда хунвейбины ограбили наш дом?» «Не сердился», – ответил дед. При всей простоте ответа поверить ему было не так-то просто.

Я тут же спросил: «Почему, дедушка?» Он не задумываясь ответил: «Они всего лишь пятнадцати-шестнадцатилетние дети. Разве можно на них сердиться?»

Лян Шумин и Мао Цзэдун. Яньань, 1938

* Лян Циньнин (梁钦宁), род. 1964 – внук Лян Шумина.

¹ Шичахай – знаменитый парк и район старой застройки в центре Пекина, к северо-западу от Запретного города, ныне популярная туристическая зона. Там находился дом Лян Шумина.

Эти несколько слов показывают, с каким бесконечным миролюбием и терпением дед относился к взлетам и падениям, с которыми сталкивался на жизненном пути. Как это близко тому, о чем говорил Конфуций: «Не гневался, не повторял ошибок»².

У американского синолога Г. Алитто были все основания для того, чтобы назвать моего деда «последним конфуцианцем»³. Дед всю свою жизнь был тем, кто «делает то, что знает, соединяет знание и действие»⁴. Есть хорошая поговорка: «Отношение определяет все». Не имеет значения, что происходит – важно то, что мы об этом думаем. Образ мыслей определяет поведение, а поведение – судьбу.

Видимо, именно потому кончина г-на Лао Шэ⁵, который во время «культурной революции» оказался в такой же ситуации, что и дед, и тоже был тесно связан с Шичахаем, оказалась столь непохожей на кончину деда.

Чем дед был недоволен

Когда дед писал письма, то пользовался кистью, хотя и никогда не учился каллиграфии – настолько серьезно он относился ко всему, что бы ни делал. Со временем у него иероглифы стали получаться красивыми как-то сами собой, в одно движение. Поскольку он был известным деятелем культуры, у его дверей постоянно толпились желавшие получить автограф. Домашние тревожились, что он сильно устает, уговаривали его писать меньше. Но он очень старался удовлетворить просьбы посетителей.

Помнится, как-то днем, во время обеденного перерыва, деду нанесли визит несколько иностранцев, и я попросил их подождать в гостиной. Через некоторое время дед вышел из спальни, где он отдыхал, и поздоровался с гостями. После обмена приветствиями они объяснили цель посещения и попросили «почтенного Ляна» осчастливить их собственноручным каллиграфическим шедевром. Тем временем я рассыпался в комплиментах «великому современному каллиграфу Ляну», давая деду возможность приготовить тушь и бумагу. Услышав мои слова, дед положил уже занесенную кисть, правой рукой хлопнул по футляру для письменных принадлежностей и, издав глухой щелкающий звук, резко осадил меня: «Малый, давай-ка обо мне по-проще!»

² Слова Конфуция о достоинствах его ученика Янь Хуэя. «Лунь юй», VI, 3. Цит. по: Переломов Л.С. *Конфуций. «Лунь юй»*. Москва: «Восточная литература» РАН, 1998. С. 341.

³ Американский востоковед Гай С. Алитто (Guy S. Alitto) назвал свою книгу «Последний конфуцианец. Лян Шумин и китайская дилемма современности» (*The Last Confucian: Liang Shu-ming and the Chinese Dilemma of Modernity*. Berkeley: University of California Press, 1979).

⁴ Концепция «соединения знания и действия» (*чжи син хэ* и 知性合一), предложенная неоконфуцианцем Ван Янмином (1472–1529), подразумевает единство познавательной и практической деятельности как условие нравственного совершенствования, исключаящее приоритет любой из составляющих этой диады.

⁵ Лао Шэ (老舍, 1899–1966) – псевдоним писателя Шу Циньчуня, выдающегося мастера реалистической и сатирической прозы. Считается, что он покончил с собой, не выдержав издевательств со стороны хунвейбинов.

Гости и я были шокированы его суровостью. Не было слышно ни звука, казалось, воздух загустел. Дед на мгновение задумался, но все же взялся за кисть, чтобы выполнить надпись для посетителей. Это был единственный случай, когда я видел, как он выказывает свое недовольство.

Моя любимая дедовская каллиграфическая надпись

Для меня дед сделал больше надписей, чем для других внуков. Некоторые речения были взяты у Чжугэ Ляна, другие из «Книги перемен», а какие-то из «Мэн-цзы»⁶. Но самую любимую мной надпись дед выполнил для меня на титульном листе книги господина Ван Жошуя «В защиту гуманизма»⁷, высказавшись от собственного имени: «Я хочу, чтобы ты стал мыслящим человеком, который действует, руководствуясь собственными идеями».

Эти слова взяты из предисловия к одной из самых важных работ деда – «Основы китайской культуры». Они правдиво характеризуют и его собственную жизнь.

«Тебе нравится – и ладно»

В середине 1980-х годов пришедшие с Запада танцы в стиле диско с их сильным ритмом и свободными позами и движениями очень понравились молодым людям, и я не был исключением.

Помню, как однажды летним днем после полудня, я пришел из школы в дом деда. После обеденного перерыва он расхаживал по гостиной. Я бросил школьную сумку и радостно подскочил к деду, чтобы показать ему разученный мной новый танец диско. Я вытягивал руки, дрыгал ногами, раскачивался влево-вправо и яростно крутил бедрами. После танца я спросил: «Дедушка, нравится?»

На самом деле, в глубине души я знал, что деда не могут интересовать наши детские забавы, но все-таки хотел из его уст услышать, что он думает о поведении молодежи. Дедушка левой рукой поправил очки, улыбнулся и сказал: «Тебе нравится – и ладно!»

Его ответ удивил меня, потому что в ту эпоху взрослые, по возрасту близкие моему отцу и деду, в основном относились отрицательно к нетрадиционным танцам,

⁶ Чжугэ Лян (诸葛亮, 181–234) – легендарный полководец эпохи Троецарствия (220–265), которому приписывается несколько популярных в Средние века произведений; «Книга перемен» («И цзин» 易经) – древний гадательный текст, вошедший в число конфуцианских канонов и ставший источником универсального инструментария описания законов мироздания; «Мэн-цзы» (孟子) – классический конфуцианский трактат IV в. до н.э., озаглавленный именем второго по значимости мыслителя конфуцианской традиции.

⁷ Ван Жошуй (1926–2002) – философ и публицист. В 1950-е годы участвовал в критике Лян Шумина. Впоследствии поставил вопрос о наличии отчуждения, в том числе экономического, при социализме, обосновывал роль гуманизма как не только антифеодальной, но и антибуржуазной идеологии. В 1987 г. обвинен в причастности к «буржуазной либерализации» и исключен из КПК. Умер в 2022 г. в Бостоне.

которые так полюбились нам, молодым, не могли принять их, даже испытывали отвращение и готовы были говорить об этом бесконечно.

Но те же взрослые, которые вначале яростно демонстрировали свое неприятие, теперь с утра до ночи без усталости танцуют на улицах и в переулках. И хотя в то время мой дед вовсе не был солидарен с молодежью в ее увлечениях, он тем не менее сумел наполнить одну короткую фразу таким духом терпимости, что она не только поразила и тронула меня, но и повлияла на мое последующее отношение к новшествам – руководствуясь принципами просвещенности, миролюбия и широты взглядов.

Завещание деда: следовать в русле мирового потока

В мае 1988 года госпожа Инь Пин, репортер тайваньского журнала «Юань цзянь»⁸, приехала в Пекин, чтобы взять интервью у деда. Моему отцу Лян Пэйкуаню⁹ (старшему сыну Лян Шумина) она сказала: «Я изучала книги почтенного Ляна, когда училась в колледже на Тайване, и всегда восхищалась его познаниями в области нравственности. А теперь я хотела бы просить разрешения повидать почтенного Ляна и сделать пару фотографий на память. Я не причиню большого беспокойства».

В то время деда уже положили на лечение в в Пекинскую больницу «Сехэ»¹⁰, и отец, тщательно рассмотрев просьбу госпожи Инь, все-таки согласился ее удовлетворить. 17 мая госпожа Инь Пин пришла в стационар госпиталя, чтобы провести краткую беседу с лежащим на больничной койке дедом. Я стоял рядом и наблюдал весь ход интервью. Продолжалось оно очень недолго, но выдалось непростым. Ему предстояло стать последним интервью, которое дед дал журналистам.

Впоследствии госпожа Инь Пин опубликовала в «Юань цзянь» статью, в которой написала об этом интервью: «17 мая я увидела его (Лян Шумина) на третьем этаже отделения для иностранных пациентов больницы «Сехэ». Он лежал на больничной койке, выглядел исхудавшим и изнуренным, веки его правого глаза были плотно сомкнуты, левый слегка приоткрыт. Его сын Лян Пэйкуань громко сказал ему на ухо, что я с Тайваня. Левый глаз на мгновение закрылся, руки под простыней слегка дрогнули».

Через некоторое время он повернулся лицом ко мне, жестом показал Лян Пэйкуаню, чтобы тот наклонился к его уху, и проговорил: «Тайвань, Чжэн Яньфэнь знаком со мной... еще Чжан Юэцзюнь¹¹...». Я сказала ему, что многие на Тайване читали

⁸ «远见» («Взгляд издалека»), в английской версии *Vision*.

⁹ Лян Пэйкуань (梁培寬, 1925–2021) – старший сын Лян Шумина, отец Лян Циньнина, работал заведующим редакционного отдела Института биофизики Китайской академии наук.

¹⁰ Пекинская больница «Сехэ» (北京协和医院 Peking Union Medical College Hospital) – известное медицинское учреждение, основанное в 1921 г. Фондом Рокфеллера. Имеет два отделения, в районах Дунчэн и Сичэн.

¹¹ Чжэн Яньфэнь (鄭彥棻, 1902–1990) – деятель Гоминьдана и Китайской Республики, был членом ЦИК и ПК ЦИК Гоминьдана, политическим советником «канцелярии президента» на Тайване.

Чжан Юэцзюнь, он же Чжан Цюнь (1889–1990) – видный деятель Гоминьдана и Китайской Республики, некоторое время занимал пост председателя Исполнительного юаня, на Тайване был госсекретарем и советником «президента».

его книги, и спросила, не хотел бы он сказать несколько слов для молодежи Тайваня и континента.

Он на мгновение задумался и с трудом выговорил: «Обратите внимание на традиционную китайскую культуру... Прочтите мои 'Основы китайской культуры'». Я снова попросила сказать что-нибудь о его надеждах в отношении молодежи на Тайване и континенте. На этот раз он ответил довольно быстро: «Мы должны следовать в русле мирового потока». На остальные вопросы он, закрыв глаза, ничего не отвечал».

«Следовать в русле мирового потока» – это можно назвать последними словами деда, выразившими его чаяния по поводу ближайшего будущего мира и Китая.

Посмертный бой за поминальные надписи

Дед тихо завершил последний в своей удивительной жизни путь. Смерть человека должна определяться тем моментом, когда закрылась крышка гроба. Однако, что же поделывать, если некоторые люди игнорируют истину, не осмеливаются прямо взглянуть в лицо истории. Они знают о своих ошибках, но не признают их, а потому и не исправляют.

Более того, кое-кто использовал жизнь деда, чтобы публично поиграть словами, поменять местами черное и белое, исказить и извратить историю. Из-за этого был упущен наилучший момент для восстановления истины в отношении правоты и неправоты сторон в произошедшем в 1953 г. споре по аграрному вопросу между моим дедом, тогда мало кому известным, и Мао Цзэдуном¹². Позже именно члены нашей семьи упорно боролись за то, чтобы ошибочные формулировки, касающиеся этого публичного дела, были вычеркнуты из жизни моего деда.

На этом фоне я и решил написать поминальное посвящение, которое, с одной стороны, должно было выразить мое восхищение и преклонение перед ним, с другой – ясно высказать презрение к тем, кто игнорировал историческую правду и думал, что может манипулировать мнениями всех людей. За день до церемонии прощания с телом моего деда (вечером 6 июля 1988 г.) я, дав знать о своем намерении родителям, в одиночку набросал тексты, нашел своего друга Чэнь Гуаньсиня и попросил его сделать каллиграфические надписи за меня. Он силен в живописи и каллиграфии, но поскольку иероглифы были очень крупные и писать на столе было неудобно, ему пришлось наклоняться до пола, чтобы, наконец, справиться с этим делом.

Первая надпись: *Сто лет превратностей судьбы, чтобы спасти страну и послужить народу.*

Вторая надпись: *Подвиги и проступки за тысячу осеней кому дано оценить и описать?*

¹² В 1953 г. Лян Шумин пытался убедить Мао Цзэдуна в том, что наиболее ущемленной социальной группой в стране является крестьянство, за что подвергся разгромной критике.

Горизонтальная надпись: *Становой хребет Китая*¹³.
Внук Циньнин приносит тебе поклон и оплакивает тебя.

На следующий день (7 июля 1988 г.) в ритуальном зале пекинского госпиталя состоялась церемония прощания. Я примчался туда пораньше и выбрал одно из самых заметных мест: дверь ритуального зала никак не мог миновать никто из пришедших принять участие в церемонии.

Когда я искал скамейку, чтобы повесить надписи, то столкнулся с двумя или тремя сотрудниками, которые пытались мне воспрепятствовать. В то время я был крепок, молод и энергичен, и меня было не остановить. Я схватил скамью и приготовился драться насмерть, шокировав моих оппонентов, которые тут же сдались, не решились повторить попытку помешать мне и позволили вывесить поминальные надписи. Но стали предупреждать всех, кто приходил, чтобы те воздержались от фотографирования и не сообщали об этой акции.

В тот день ранним утром небо было чистым и ясным, но вскоре после начала церемонии прощания появились тучи и заморосил дождь. В конце церемонии четверо солдат почетного караула вынесли гроб деда из зала и погрузили в катафалк. Во время кремации на кладбище Бабаошань¹⁴ внезапно хлынул ливень – словно потрясенные, Небо и Земля заставили плакать призраков и духов.

Мое поминальное посвящение деду сразу же привлекло внимание гонконгских и тайваньских СМИ, которые быстро откликнулись на него. Но материковые СМИ хранили молчание, ни словом не упомянув об этом.

Времена изменились. В последние годы многие наши друзья, вспоминая деда в своих статьях, часто касались и моего посвящения. Но большинство из них один из иероглифов в первой либо второй надписи писали ошибочно. Хотя разница была всего в один знак, но первоначальный смысл, заложенный в моих словах, менялся весьма заметно.

В первой надписи получилась такая ошибка: «Сто лет превратностей судьбы, чтоб послужить стране и послужить народу» – вместо иероглифа «спасти» (*цзо* 求) по отношению к стране повторен иероглиф «для», «служить» (*вэй* 为). Во второй надписи ошибка выглядит следующим образом: «Подвиги и проступки после тысячи оседей люди оценят и опишут» – вместо вопросительного «кому [дано]?» (*шуй* 誰) поставлено «после» (*хоу* 后). Неверный иероглиф во второй надписи еще более противоречит моим намерениям. Я посылая свой гневный клич тем, кто искажал историю, заявлял им о том, что правду нельзя победить. А ошибочный знак во второй надписи лишил ее силы, сделал слишком примирительной.

¹³ Две вертикальные поминальные надписи располагаются по сторонам дверного проема (первая, букв. «верхняя» – *шан* обычно слева, вторая – «нижняя», *ся* – справа), а обобщающая горизонтальная – сверху.

В горизонтальной надписи здесь была использована игра слов: в бинеме «позвоночник», «становой хребет» (*цзилян* 脊椎) последний иероглиф заменен омофоном – фамильным знаком Лян (*лиан*).

¹⁴ Бабаошань – привилегированное кладбище на западе Пекина.

Однажды я посмотрел по телевизору сериал «Затаившийся»¹⁵ и случайно узнал, что Мао Цзэдун в 1935 г. написал стихотворение «Куньлунь», в котором есть строка: «Подвиги и проступки за тысячу осеней будет ли кому-нибудь дано оценить и описать?»¹⁶

Более двадцати лет назад, еще не зная об этой строке, я написал поминальное посвящение деду, и одно предложение нечаянно совпало с ней – это ли не промысел Неба!

Перевод и примечания А.Г. Юркевича

¹⁵ «Затаившийся» («Цянь фу» 潜伏) – китайский сериал о событиях 1945 г., вышедший в 2008 г.

¹⁶ В русском переводе А.В. Панцова: «Кто может оценить, что сделал ты и как?» (Мао Цзэдун. *Облака в снегу. Стихотворения в переводах Александра Панцова*. Москва: Вече, 2010. С. 50).

Лян Циньюань¹

Оптимизм как первая и самая явная жизненная позиция Конфуция²

С давних времен и до сегодняшнего дня, когда заходит речь о Конфуции и категориях его философии путь (道), добродетель (德), справедливость (義), большинство людей на первое место ставят человеколюбие (仁). Однако господин Лян Шумин высказал твердую уверенность в том, что первая позиция Конфуция вполне очевидна: в ее основе – чувство радости (乐). Каким образом он пришел к такому выводу? Отвечая на этот вопрос, следует начать с рассказа о жизненном пути философа и его опыте.

Внуки Лян Шумина Лян Циньнин и Лян Циньюань с А.В.Лукиным у памятника Лян Шумину в Цзоупине. Декабрь 2023 г.

¹ Лян Циньюань (梁钦元) – высококвалифицированный психолог-консультант, старший внук Лян Шумина.

² Данный текст с почтением посвящаю 130-й годовщине со дня рождения господина Лян Шумина.

1. Изменения в отношении Лян Шумина к человеческой жизни

На рубеже между династией Цин и Китайской Республикой 14-летний Лян Шумин уже испытывал большой интерес к проблемам человеческой жизни и проблемам Китая. Этим двум сюжетам он неизменно оставался верен на своем веку.

Под влиянием отца господин Лян, завершая обучение в средней школе второй ступени, часто размышлял о том, куда следует направить усилия, чтобы добиться успеха, как сделать так, чтобы Китай перестали обманывать иностранцы. Он также стал членом пекинско-тяньцзиньского отделения союза «Тунмэнхуэй»³ и «поиграл немного с пистолетом и гранатами»⁴, имея целью, конечно же, свержение цинской власти, рискуя при этом «лишиться головы и всей своей родни!» По окончании средней школы он в качестве внешнего корреспондента и редактора поступил на службу в «Миньго бао» (Республиканская газета), печатный орган пекинско-тяньцзиньского отделения Тунмэнхуэй⁵. Имея два удостоверения (сотрудника газеты и члена Тунмэнхуэй), он получил возможность тесно соприкоснуться с некоторыми общественными беспорядками. В первый год Республики (1912) Юань Шикай стал временным президентом, было образовано Национальное собрание республики, учреждены пять палат⁶ и произошли прочие известные события. Во всех них он принимал участие как корреспондент. Однако республика, на которую он возлагал такие большие надежды, вдруг предстала перед ним в образе политических деятелей и членов парламента, целыми днями предающихся разгулу и разврату в «восьми больших пекинских переулках» (квартал красных фонарей). Это вызвало у молодого человека сильный гнев и глубокое разочарование. Дальнейшая участь Китая представилась ему еще более ненормальной и безнадежной. По этому поводу он говорил: «Алчность человеческая непомерна, жизнь человеческая мучительна». Он закрылся дома и принялся усердно изучать буддийские каноны, намереваясь уйти в монастырь и изменить собственную жизнь.

Впоследствии по приглашению тогдашнего министра юстиции (председателя судебной палаты) бэйянского правительства⁷ господина Чжан Яоцзэна⁸ он занял при нем должность секретаря по особым поручениям. Однажды на глаза Лян Шумину случайно попала книга «Лунъюй»⁹, и перед ним, ранее штудировавшим в основном

³ Революционная организация, созданная Сунь Ятсеном в 1905 г. – *Примеч. пер.*

⁴ Очевидно, иносказание. Имеется в виду его участие в революционной деятельности. – *Примеч. пер.*

⁵ Редакция газеты находилась в Тяньцзине. Господин Лян колесил между Пекином и Тяньцзином, его обязанностью было брать интервью у разных людей. Впоследствии редакция переехала в Пекин.

⁶ Согласно программе Сунь Ятсена, правительство должно было состоять из пяти палат: исполнительной, законодательной, судебной, контрольной и экзаменационной. – *Примеч. пер.*

⁷ Правительство Китайской Республики в период 1912–1928 гг. со столицей в Пекине. – *Примеч. пер.*

⁸ Чжан Яоцзэн (1885–1938), прозвище – Жунси, псевдоним – Чунши (Почитающий деятельность), уроженец уезда Дали провинции Юньнань, по национальности – бай. Один из пионеров Синьхайской революции, юрист.

⁹ Основной канон конфуцианства, изложенный в форме суждений Учителя и его бесед с учениками. – *Примеч. пер.*

буддийские каноны, открылся совершенно новый мир. К его удивлению, во всем тексте «Лунъюя» он не обнаружил ни одного иероглифа «ку» (苦)¹⁰.

Это побудило его начать пересматривать свое мировоззрение. Он прошел путь от утилитаризма («принимаясь за какое-либо дело, надо понять, будет ли от этого какая-либо польза») до буддийской «отверженности от мирского бытия» (厌离人生) и наконец сформулировал предельно ясное отношение к человеческой жизни. Это – «оптимизм» (乐)! Взгляды Лян Шумина на Конфуция отличались от взглядов его современников. Так что же такое радость (оптимизм), согласно Конфуцию?

2. Сравнение и осознание [категорий] печали и радости

Однажды Лян Шумин сидел во дворе в плетеном кресле и случайно увидел, как девочка-служанка сушит белье, скручивая его подобно хворосту «ма хуа»¹¹, чтобы выжать оставшуюся воду. Затем, развесив белье на веревке, она растягивает и отбивает его руками, не переставая напевать себе под нос какую-то мелодию. Лучи солнца падали на ее лицо, светившееся улыбкой. Лян Шумин подумал: если сравнивать нас двоих, моя судьба куда лучше, чем ее, не говоря уже об условиях жизни. Однако эта служанка выглядит так, будто все наоборот – по сравнению со мной она чувствует себя гораздо легче, а я все думаю о том, как невыносимо тяжела жизнь, так что и жить дальше не хочется.

В душе у него зародилось сомнение, и он задался вопросом: где возникло отклонение (偏差) во взглядах на радость и печаль. Реальная жизнь отнюдь не такова, как она мне представлялась. Каким образом ее определить?

Обычно люди с легкостью определяют «радость и печаль» как нечто проистекающее из внешнего мира. Например, богатая одежда, элитное жилье, изысканные яства..., но он чувствовал, что все это не так. Радость и печаль – в большей степени психологические ощущения субъективного свойства. Многим свойственно впадать в тоску, и рядом с таким человеком непременно найдется кто-то, кто потащит его посмотреть выступление Чжао Бэньшаня¹² или послушать юмористические миниатюры Го Дэгана в жанре «сяншэн» в надежде разогнать тем самым его грусть. Но страдалец все равно не обрадуется! Почему же? Дело в том, что печальное дело или тяжелая проблема никак не могут быть разрешены подобным образом. Они лишь отойдут на время, никуда не уйдут и останутся на душе у человека.

Господин Лян Шумин полагает, что «радость», согласно Конфуцию, не может быть порождена и приведена в движение некой внешней силой, она естественным образом возникает в душе человека. Это душевное состояние, не зависящее от внешних причин, жизнеспособное само по себе и не знающее преград.

3. Печали и радости от желаний, приобретений и потерь

Лян Шумин отмечает: печали и радости жизни человека на самом деле не имеют отношения к ее обстоятельствам. Человек потому может испытывать чувство печали,

¹⁰ Означающий «горе, страдание». – *Примеч. пер.*

¹¹ Популярная сладость: жаренные в масле полоски теста, скрученные в длину. – *Примеч. пер.*

¹² Пользующийся всекитайской известностью комик.

что уклоняется [от сути проблемы] и ищет причину вовне. Он буруеваем желаниями и при этом не хочет с ними расставаться. Все его мысли проистекают из его брэнного тела. Личные страсти считаются наивысшей ценностью. Исследования господина Лян Шумина касаются большей частью страстей и желаний. Удовлетворяя свои желания, человек испытывает радость. А если не удовлетворяет – то не радуется, а печалится.

Но где же достаточный уровень удовлетворенности желаний? Если ты живешь в стометровой квартире, то хочешь переехать в двухсотметровую, а поселившись в двухсотметровой, начинаешь мечтать о еще более просторной. Что касается потребностей людей в отношении вещей, то полностью удовлетворить их никак невозможно.

Конфуций в «Луньюе» выражается вполне четко: обычный человек ест не досыта, одевается недостаточно тепло, живет в ветхой хижине¹³. Казалось бы, такая «естественная» жизнь печальна, но Янь Хуэй¹⁴ «неизменно в радостном настроении» (不改其乐). Сравнивая учения конфуцианства и буддизма, господин Лян Шумин обнаружил, что буддизм призывает людей полностью отказаться от желаний, а способом «устранения страданий» является уход от мира. Конфуций же не стремился покинуть мир людей, учил искать первопричину всего сущего внутри себя.

«Учиться и постоянно повторять изученное – разве не приятно? Приезд друга издалека – разве не радость. Люди его не знают, но он не гневается – разве это не благородный муж?»¹⁵

Позицию Конфуция такова: в зависимости от того, как ты ко мне относишься, я могу быть рад (乐) или не рад (不乐). Но дело не в этом, а в том, может ли человек сам по себе постоянно самосовершенствоваться (人生向上).

Господин Лян Шумин разъясняет: «благородный муж (цзюньцзы) по сути своей спокоен и самостоятелен (自在).¹⁶ Не создает себе всяких проблем и, конечно, постоянно радуется. Поэтому радость и благородный муж – неразделимые (понятия)». «А низкий человек, поскольку постоянно буруеваем всякого рода эгоистическими желаниями, никак не может успокоиться и не радуется. То, что мы называем личными желаниями, не ограничивается естественными инстинктами (饮食男女之欲). Всякий раз следует добавлять такое разъяснение... поскольку подъемы и спады постоянно чередуются, а потребности растут, то постоянно возникает нехватка чего-либо. Так как же из-за этого не печалиться?»¹⁷.

«Приезд друга издалека – разве не радость»? Поясним другими словами: друг вас не предупредил заранее о своем приезде. Это большая, неожиданная радость. Всеохватывающая, идущая от сердца радость, не отделяемая от тела и души.

¹³ Пересказ суждения Конфуция об образе жизни одного из своих учеников. В оригинале: «О как мудр Хуэй. Он довольствуется одной чашкой риса и утоляет жажду из тыквенной корки, живет в ветхой лачуге. Другие не вынесли бы таких лишений, а он всегда доволен. О, как мудр Хуэй!» (Гл. 6 (Юн Е)-11). Цит. по: Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй. М., 1998, с. 343. – *Примеч. пер.*

¹⁴ Янь Юань (Янь Хуэй) – любимый ученик Конфуция. – *Примеч. пер.*

¹⁵ С этих суждений начинается «Луньюй» (гл. 1 (Сюэ эр)-1). – *Примеч. пер.*

¹⁶ Лян Шумин трактует Конфуция: «Благородный муж не беспокоится и не испытывает страха». Гл. 12 (Янь Юань)-4. Перевод Л.С. Переломова, указ соч., с. 82. – *Примеч. пер.*

¹⁷ Цитируется по книге господина Лян Шумина «孔学绎旨» (Основной принцип и смысл учения Конфуция). «Чжунхуа шуцзюй», 2023, октябрь, 1-е издание, с. 58.

4. Радость Конфуция и Яня, которую не ищут вовне

«Душа человека изначально не знает забот. Появляются заботы – в душе пропадает радость. Если возникают заботы – надо сделать так, чтобы забот не было. [Но если] забот много – тоже неплохо».

Смысл этого высказывания минского конфуцианца Ван Синьчжай¹⁸ в следующем: истинной радостью можно назвать полное отсутствие душевных забот.

«Шэ-гун спросил Цзы Лу, что за человек Конфуций. Цзы Лу не ответил. Учитель сказал Цзы Лу: «Почему ты не сказал так: “Он из тех, кто, преисполнившись решимости, не помнит о еде; в радости забывает о печали и не думает о грядущей старости?” Сказал бы это – и достаточно»¹⁹.

Душа (сердце) Конфуция – это чувство удовлетворенности и радости от приятной жизни.

С точки зрения психологии радость – это одна из категорий, относящихся к чувственному опыту. Господин Янмин²⁰, реформируя [конфуцианское учение], определил радость глубинную сущность сердца [души] (心之本体). Сунский конфуцианец Чжоу Дуньи (1017–1073), братья Чэн²¹ в «поисках местонахождения радости в понимании Куна и Яня» выдвинули [понятие] духовной жизни как проблему, имеющую первостепенное значение. Если люди испытают границы жизненной свободы, которых достигли Кун и Янь, то радость станет одним из главных признаков совершенной мудрости конфуцианского учения.

Радость символизирует высший уровень человеческой духовности, превосходящий индивидуальные потребности в славе и выгоде, разрывающий оковы мирских хлопот о потерях и приобретениях. Она возвышает интеллект человечества (人类心灵) до состояния полной гармонии между небом и землей.

Вполне очевидно, что отношение к человеческой жизни в духе концепции «радости по Куну и Яню» никак не может быть обращено вовне.

5. Радость – это свет всей жизни и деятельности

В 1935 году моя бабушка со стороны отца Хуан Цзинсянь умерла от тяжелых родов в Цзоупине²². Семь лет спустя, в 1942 году в Гуйлине господин Лян Шумин вступил в брак с госпожой Чэнь Шуфэнь (ставшей моей новой бабушкой). Ведущим

¹⁸ Ван Синьчжай (1483–1541), или «Ван Гэнь» по прозвищу Синь Чжай (Прибежище сердца), второе имя – Жучжи – основатель тайчжоуской философской школы, ученик Ван Янмина. Труды Ван Гэня были изданы его последователями в виде «Посмертного собрания сочинений господина Ван Синьчжай». «Повседневная жизнь простого народа (百姓日用) – это Путь» «Учение о повседневной жизни простонародья» – основа идей Ван Гэня и всей тайчжоуской школы, эти прогрессивные суждения имеют выраженный народный характер.

¹⁹ Гл. 7. (Шу эр)-19. Перевод Л.С. Переломова. См. Конфуций. Луньюй. М., 1998, с. 350. Подробный разбор этого фрагмента см. на стр. 129–131 книги. – *Примеч. пер.*

²⁰ Ван Янмин (1472–1529), крупнейший реформатор конфуцианства эпохи Мин. – *Примеч. пер.*

²¹ Чэн Хао (1032–1085) и Чэн И (1033–1107) – основоположники неоконфуцианского «учения о принципе» (ли сюэ). – *Примеч. пер.*

²² Уезд в провинции Шаньдун. – *Примеч. пер.*

свадебной церемонии был господин Ли Цзишэнь²³. Свадьба проходила примерно так же, как и в наше время: все присутствующие веселились, требуя от жениха и невесты выступить с концертными номерами. Господин Лян Шумин не стал отлынивать. Он вышел на сцену и застыл в картинной позе, а затем ритмично, четко и чисто исполнил куплет из пекинской оперы «Хуан Тяньба»²⁴. Атмосфера в зале сразу переменялась: все воодушевились, принялись аплодировать и кричать «браво». Овации еще не стихли, как Лян Шумин громким голосом начал декламировать строчку из пьесы: «Я... ухожу... тоже», затем поклонился, раскинув руки в непринужденной позе, после чего взял новобрачную за руку, медленно прошелся перед зрителями сценической походкой, не переставая излучать радость, вышел за дверь и удалился, что вызвало у гостей еще один взрыв смеха. Свадебная церемония на этом завершилась. Этот инцидент сам по себе был очень комичным, если же судить по фотографиям повседневной жизни Лян Шумина, то большинству людей он наверняка покажется весьма серьезным и строгим человеком. Но в тот момент его выступление всех весьма удивило, это и впрямь был «приятный сюрприз» (意外之喜). Очевидно, что он всегда жил сегодняшним днем и следовал велениям своего сердца, что означает неизменно радостное отношение к человеческой жизни, которое распространялось и на повседневную жизнь господина Лян Шумина.

Господин Лян Шумин полагает: «Радость заключается в легком и свободном течении самой жизни. Известное выражение из двух иероглифов «快活»²⁵ таким образом обретает свой смысл. Разница в том, что обычные люди, чтобы добиться этой легкости и свободы, используют внешние стимулы и перемены. Но для тех, кто мудр и воспитан (в конфуцианском или ином смысле), легкость и свобода не зависят от внешних факторов. С другой стороны, нет более сильных страданий, нежели те, что вызваны глубоким ощущением невзгод и неспособностью их преодолеть. Те же, кто не смогут преодолеть невзгоды, затормозятся [в своем развитии], а (их) жизнь не обретет легкого и свободного течения согласно ее природе. В «Сутре сердца» (Праджня-Парамита) сказано: «Отрешиться от всех страданий и невзгод» (度一切苦厄)²⁶.

Заключение

Некоторые понимают «радость» чересчур упрощенно или же, наоборот, усложняют проблему, привыкнув к умозаключениям типа «если..., то...», «только при условии... будет вот так...». Подобный односторонний [подход] приводит к поискам внешних причин. Просмотр видеоклипов, комических миниатюр, пародий позволяет

²³ Ли Цзишэнь, второе имя – Жунчао (1885–1959), уроженец волости Дапо уезда Цаньфу. В то время был начальником гуйлинской канцелярии военного комитета гоминдановского правительства, Председатель военного консультативного совета при гоминдановском правительстве, известный патриотический и демократический деятель, военный специалист, один из основных создателей и руководителей революционного комитета гоминьдана.

²⁴ Имя героя анонимного романа цинской эпохи, по которому поставлена опера и снят кинофильм.

²⁵ «Веселье, радость», букв.: «веселая жизнь». – *Примеч. пер.*

²⁶ См.: 梁漱溟《儒佛异同论》梁漱溟著 («О различиях и сходстве конфуцианства и буддизма»).

в один миг поднять настроение и развеселить людей. Однако боюсь, что [радость от] такого рода легковесных развлечений и увеселений весьма краткосрочна и быстро-течна. Все-таки содержание понятия «радость» в китайском языке шире и глубже. Это понятие включает в себя чувства духовного и физического удовлетворения и наслаждения, а также оптимистические ожидания индивида от претворения в жизнь своих замыслов в будущем (乐见其成).

Еще в 1918 году господин Лян Шумин со своим отцом (моим прадедом) Цзюйчуанем²⁷ вел диалог, содержание которого сохранилось до нашего времени. Почтенный Цзюйчуань спросил: «Может ли этот мир измениться к лучшему?» Господин Лян Шумин ответил: «Я верю, что мир будет становиться лучше с каждым днем». Ключом к такому пониманию «радости» является [тот факт], что она «появляется спонтанно» (跃然而现). Такого рода «радость» предполагает, что человечество непрерывно движется ввысь и вперед и в конце концов встанет на путь положительного роста, направляясь к светлому по природе своей (本性) будущему и сохраняя уравновешенное радостное сердце.

«В конце весны... когда все уже носят легкие одежды, [я бы хотел] в компании пяти-шести юношей и шести-семи отроков искупаться в водах реки И, испытать силу ветра у алтаря дождя и, распевая песни, возвратиться»²⁸. Конфуций сокрушался, признаваясь, что хотел бы в этом случае быть вместе со своим учеником²⁹. Конфуций не изображал из себя мудреца, снисходящего до тех, кто занимает более низкое положение, речь идет об отстаивании свободы жизни человеческой и жизни природы.

Истинный смысл радости в том, чтобы быть активным и непринужденным, чтобы вернуться к свободе и естественности самой человеческой жизни. «Учитель сказал: “Есть грубую пищу, пить воду, спать на согнутом локте – во всем этом тоже есть радость. По мне, богатство и знатность, полученные нечестно, как мимолетные облака”»³⁰. Господин Янмин говорил: «(Умение) неизменно испытывать радость от жизни – это искусство (功夫)».

Однако сегодня в обществе, особенно среди молодежи, распространился так называемый «пофигизм» (佛系), выражаясь иначе – менталитет «лежания пластом» (躺平). По-моему, причина этого лежит в «отсутствии радости» в личной жизни молодых людей.

Господин Лян Шумин не только полагал, что радостное отношение к жизни – самая очевидная черта учения Конфуция, но и признавал, что гуманность – самая важная его характеристика. Он связывал воедино (归束) 14 видов отношений между людьми, таких как радость, человеколюбие, медлительность в словах и быстрота

²⁷ Лян Цзюйчуань (1858–1918) – ученый-чиновник конца династии Цин. Занимал должности секретаря кабинета министров, внештатного помощника в Министерстве гражданских дел цинской империи. – *Примеч. пер.*

²⁸ Конфуций в этом фрагменте (Гл. 11(Сянь цзинь) – 26). спрашивает учеников, с чего бы они хотели бы начать свои деяния. Цитата в тексте – ответ его ученика Дяня. – *Примеч. пер.*

²⁹ «Учитель глубоко вздохнул и произнес: Я хочу быть вместе с Дянем». (Цит. по: Переломов, указ. соч., с. 380). – *Примеч. пер.*

³⁰ Гл. 7 (Шу эр). – 17. См.: Переломов, указ. соч., с. 350. – *Примеч. пер.*

в делах³¹, самозерцание, взгляд вглубь себя и т.д.³² и трактовал таким образом Конфуция. Он полагал, что душевные состояния мудреца адекватны (его внутренней сущности), а обычного человека – неадекватны (不恰好). В настоящее время мы можем сказать также, что эмоциональные состояния мудреца уравновешенны (не затрагивают сердце), а обычного человека – неуравновешенны (волнуют сердце)³³, мудрецы прислушиваются только к переменам в своей собственной природе, а обычные люди так не поступают. Если мы хотим, чтобы наша жизнь была адекватной [нашей сущности], следует прислушиваться только к переменам в нашей собственной внутренней природе³⁴.

Радость, согласно Конфуцию, заключена в каждом мгновении жизни. Если же вы оказались в тупике, испытываете фрустрацию, печаль, Конфуций по-прежнему может предложить вам путь к себе, благодаря чему ваша жизнь будет обновляться и меняться к лучшему! Каждый может научиться конфуцианскому отношению к жизни, практиковать его и по-настоящему реализоваться. «Радость», за которую ратовал господин Лян Шумин, является искренним отношением и любовью к жизни, настойчивым стремлением испытать ее во всей полноте. Каждый из нас тоже может сделать так, чтобы его жизнь бодро текла вперед, как водный поток, не испытывая преград! Пусть в вашей жизни царит полная гармония. Пусть жизнь течет гладко и легко, будет яркой³⁵ и безоблачной.

Перевод А.Д. Дикарева

³¹ Цитата из «Луньюя»: «Благородный муж медлителен в словах, но скор в делах». Гл 4 (Ли жэнь) – 24. – *Примеч. пер.*

³² Подробнее см.: 梁漱溟: 14 种人生态度概括孔子思想 (Лян Шумин: 14 выражающих жизненную позицию высказываний, обобщающих идеи Конфуция). 11.06.2020. URL: https://www.sohu.com/a/401306352_475956 (дата обращения: 15.12.2023).

³³ 不动心 и 动心 соответственно. – *Примеч. пер.*

³⁴ Цит по: 梁漱溟《孔学绎旨》(«Основной принцип и смысл учения Конфуция»). «Чжунхуа шущэнь», 2023, октябрь, изд. 1, с. 239.

³⁵ В оригинале – 嘹亮 (звонкой). – *Примеч. пер.*

В.Г. Дацышен

«Великий чайный путь» в работах современных исследователей: продолжение темы (Ответ на статью Гаоянь Цююя и Д.П. Новикова в № 3(4) «Российского китаеведения»)

Аннотация: Статья написана в порядке дискуссии, как отклик на публикацию Гаоянь Цююя и Д.П. Новикова «Российско-китайская чайная торговля в китайском преломлении: о книге Лю Цзайци “Купечество Шаньси и Великий чайный путь”» в № 3(4) «Российского китаеведения». В отечественном китаеведении всегда много внимания уделялось истории чайной торговли между Китаем и Россией. В последнее десятилетие исследования в этой области приобрели новое качество с появлением понятия «Великий чайный путь», имеющего китайский эквивалент «*Ваньли чадао*». Первые монографические труды в Китае, использующие словосочетание «*Ваньли чадао*» выпустил, очевидно, ученый из Уханя Лю Цзайци. В XXI в. исследования чайной торговли ведутся китайскими и российскими учеными совместно. Одной из ключевых научных проблем является содержательный анализ термина «Великий чайный путь». Автор рассматривает эволюцию понятий «Великий чайный путь» и «*Ваньли чадао*» в России и Китае, приходя к выводу что предшественниками этих терминов были «Чайный путь» и «*Чае чжилу*». «*Чае чжилу*» фиксируется в научных публикациях с 1990-х, а «Чайный путь» – с начала 2000-х годов. Важным этапом популяризации данных понятий было издание в 2004 г. в Пекине переводов на русский и китайский языки книги М. Эйвери «The Tea Road». Знаковым событием стало использование термина «*Ваньли чадао*» Си Цзиньпином в речи в МГИМО 23 марта 2013 г., что иногда даже трактуется как выдвижение «инициативы Великий чайный путь». Это привело к массовому распространению данных словосочетаний в академическом и общественно-политическом дискурсе. При этом само содержание понятия «Великий чайный путь» («*Ваньли чадао*») остается спорным, противоречивым и требует дополнительных исследований.

Ключевые слова: Великий чайный путь, *Чае чжилу*, *Ваньли чадао*, чайная торговля, русско-китайские отношения, современное китаеведение.

Автор: Дацзышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор. Сибирский федеральный университет, Красноярский государственный педагогический университет. ORCID ID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

V.G. 达奇申

现代研究者著作中的“万里茶道”：话题的继续 (对《俄罗斯的中国学》第 3(4)期高颜秋雨、D·P·诺维科夫文章的回应)

摘要: 该文章作为讨论而写，是对《俄罗斯的中国学》第 3(4)期高颜秋雨和 D·P·诺维科夫《中国认知中的俄中茶叶贸易——谈刘再起的〈晋商与万里茶道〉》的评论。在俄罗斯汉学研究中，中俄茶叶贸易史历来备受关注。近十年来，随着“大茶路”，即中文中的“万里茶道”概念的出现，这一领域的研究获得了新的质量。中国第一部使用“万里茶道”一词的专著显然是由来自武汉的学者刘再起发表的。在 21 世纪中国和俄罗斯学者正在联合开展茶叶贸易研究。关键的学术问题之一是对“万里茶道”一词进行内容丰富地分析。笔者考察了俄罗斯的“大茶路”和中国的“万里茶道”概念的演变，得出了这些术语的前身是俄文词“茶路”和中文词“茶叶之路”的结论。中文“茶叶之路”自 20 世纪 90 年代以来已被记录在学术出版物中，而俄文“茶路”则自 2000 年代初开始。这些概念普及的一个重要阶段是 2004 年在北京出版了艾梅霞 (Martha Avery) 的著作《茶叶之路》(The Tea Road) 的俄文和中文译本。一个重大事件是 2013 年 3 月 23 日习近平在莫斯科国际关系学院的演讲中使用了“万里茶道”一词，这在一些时候甚至被解读为推动“大茶路倡议”。这导致这些词组在学术和社会政治话语中广泛传播。与此同时，“大茶路” (“万里茶道”) 这一概念的内涵仍然存在争议和矛盾，需要进一步的研究。

关键词: 大茶路；茶叶之路；万里茶道；茶叶贸易；俄中关系；当代的中国学

作者: 弗拉基米尔·格里戈里耶维奇·达奇申，历史学科学博士、教授。西伯利亚联邦大学、克拉斯诺亚尔斯克国立师范大学。ORCID ID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

Vladimir G. Datsyshen

“The Great Tea Way” in the works of contemporary researchers: an extension of the research topic. (Response to the Article by Gaoyan Qiuyu and Dmitry P. Novikov in Issue 3(4) of “Russian Sinology”)

Abstract: The article is presented in the form of a scholarly discussion, offering a reply to Gaoyan Qiuyu and Dmitry P. Novikov's publication titled “Russian-Chinese tea trade in Chinese refraction: about the book by Liu Zaiqi ‘The Merchants of Shanxi and the Great Tea Road’” in Issue 3(4) of “Russian Sinology”. In the field of Russian Sinology, significant attention has always been given to the history of tea trade between China and Russia. Over the past decade, research in this area has taken on a new dimension with the introduction of the concept of the “Great Tea Way”, which has its Chinese counterpart in “Wanli Chadao”. Notably, the first monographic works in China utilizing the term “Wanli Chadao” were authored by the scholar Liu Zaiqi from Wuhan. In the 21st century, joint research efforts on tea trade have been carried out by Chinese and Russian scholars.

A key scholarly concern has been the substantive analysis of the term “Great Tea Way”. This article examines the evolution of the concepts of the “Great Tea Way” and “*Wanli Chadao*” in Russia and China, ultimately concluding that predecessors to these terms were “Tea Route” and “*Chaye Zhilu*”. “*Chaye Zhilu*” began appearing in scholarly publications in the 1990s, while “Tea Route” emerged in the early 2000s. A significant milestone in popularizing these concepts was the 2004 publication in Beijing of translations of M. Avery’s book, “The Tea Road”, into Russian and Chinese. A pivotal moment occurred when Xi Jinping, used the term “*Wanli Chadao*” in a speech at MGIMO University on March 23, 2013, sometimes interpreted as the proposal of the “Great Tea Way Initiative”. This led to the widespread use of these terms in academic and socio-political discourse. However, the exact content of the concept of the “Great Tea Way” (or “*Wanli Chadao*”) remains contested, contradictory, and in need of further research.

Keywords: The Great Tea Way, *Chaye Zhilu*, *Wanli Chadao*, tea trade, Russian-Chinese relations, modern Chinese studies.

Author: Datsyshen Vladimir G., Doctor of Sciences (History), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk State Pedagogical University. ORCID ID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

В номере 3(4) журнала «Российское китаеведение» была опубликована статья исследователей из НИУ Высшая школа экономики Гаоянь Цююя и Д.П. Новикова «Российско-китайская чайная торговля в китайском преломлении: о книге Лю Цзайци “Купечество Шаньси и Великий чайный путь”». В этой работе не только представлена изданная в 2020 г. монография известного китайского русиста Лю Цзайци, что само по себе очень важно и полезно, но и подняты проблемы изученности Великого чайного пути, его места в истории России и русской культуры.

Можно согласиться с утверждением авторов статьи о том, что «в российской историографии изученность феномена Великого чайного пути остается сравнительно небольшой» [Гаоянь, 2023, с. 213]. Однако указанный ими список работ явно неполный. Так дореволюционная историография вопроса в рассматриваемой статье ограничена лишь одной книгой А.П. Субботина 1898 г. издания. Между тем серьезные исследования по этой теме были опубликованы в России уже за сто с лишним лет до этого. В качестве примера можно привести труды М. Чулкова [Чулков, 1785] и Г. Неболсина [Неболсин, 1835] и др. На протяжении XIX в. большинство известных членов Пекинской миссии изучали русско-китайскую торговлю [Орлов, 1820 и др.]. Задолго до А.П. Субботина [Субботин, 1892] публиковали свои обобщающие работы по истории русско-китайской торговли И. Ржанов [Ржанов, 1856], А. Корсак [Корсак, 1857], Х. Трусевич [Трусевич, 1882] и др. И после выхода труда А.П. Субботина в России продолжали исследовать данную проблему. В 1908 г. была опубликована глубокая и содержательная работа таможенного чиновника Антона Губаревича-Радобыльского «Чай и чайная монополия. Опыт исследования основ обложения чая в России» [Губаревич-Радобыльский, 1908]. В этой работе выделена отдельная глава «Прошлое и настоящее торговли чаем через Сибирь и в Сибири...», что свидетельст-

ует о сохранении интереса в российском обществе к русско-китайской чайной торговле.

Говоря о современной историографии, Гаоянь Цююй и Д.П. Новиков упоминают лишь одну диссертацию и статьи четырех российских исследователей. Однако, кроме указанной диссертации, в России в начале XXI в. было защищено несколько диссертационных исследований, таких как «Влияние российской чайной торговли с Китаем и Монголией на повседневность населения Восточной Сибири во второй половине XIX века»¹, «Китайская чайная культура и ее место в отношениях России с Китаем в 60-е годы XIX в. – 30-е годы XX в. (торгово-экономические аспекты)»² и др.

Конечно же, авторы знают, что исследования чайной торговли сегодня очень популярны, и публикаций по этой теме много. В частности, в статье есть ссылка на работу известного ученого В.Г. Шароновой в сборнике «Исторические события в жизни Китая и современность». В этом издании из семи статей раздела «Проблемы истории Китая нового времени» пять прямо посвящены истории русско-китайской чайной торговли в XIX в. (авторы: В.Г. Шаронова, С.М. Мушкалов, Т.Г. Ильина, О.А. Ренева, Л.Б. Цыденова) [Исторические, 2019]. Проблемы истории «чайного пути» ранее поднимались и в работах С.В. Уянаева [Уянаев, 2016]. Начиная с 1990-х гг. различные аспекты истории русско-китайской торговли активно изучали известный синолог А.Н. Хохлов [Хохлов, 1995], иркутский историк Ж.З. Тагаров [Тагаров, 1999; Памяти, 2020], историк из Омска В.П. Шпалтаков [Шпалтаков, 1998] и многие другие.

Поскольку представленная книга Лю Цзайци посвящена, собственно, роли шаньсийского купечества на Великом чайном пути, необходимо указать, что первым и пока единственным обобщающим исследованием по этой проблеме является диссертация выпускницы Красноярского государственного педагогического университета, аспирантки Сибирского федерального университета Е.В. Карпенко (Синаевой) «Китайские купеческие организации провинции Шаньси в Монголии и Сибири в период Цинской империи»³. Кроме того, вопросы «купеческой культуры торговцев Шаньси» рассмотрены в опубликованном в 2019 г. небольшом исследовании казанского китаеведа Д.Е. Мартынова и его китайской коллеги [Юй, 2019].

Статья Гаоянь Цююй и Д.П. Новикова посвящена работе китайского исследователя истории русско-китайской чайной торговли, и здесь можно отметить, что данная научная тема относится к числу пока еще немногих направлений, по которым налажено активное и плодотворное сотрудничество между китайскими и русскими исто-

¹ Кожухарь А.И. Влияние российской чайной торговли с Китаем и Монголией на повседневность населения Восточной Сибири во второй половине XIX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02. Иркутск, 2016.

² Христолюбова Ю.С. Китайская чайная культура и ее место в отношениях России с Китаем в 60-е годы XIX в. – 30-е годы XX в. (торгово-экономические аспекты). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.03. (Новое и новейшее время). М., 2021.

³ Карпенко Е.В. Китайские купеческие организации провинции Шаньси в Монголии и Сибири в период Цинской империи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.03. Красноярск, 2019.

риками, а Лю Цзайци был одним из организаторов этого сотрудничества [达旗升, 2018; 刘再起, 2020].

В силу того, что целью рассматриваемой статьи не являлось всестороннее рассмотрение историографии русско-китайской торговли, то вышеприведенный историографический экскурс дается для предварения других проблем, затронутых авторами. В работе встречаются утверждения, противоречащие друг другу, что, несомненно, является указанием на противоречивость такого понятия, как Великий чайный путь. Например, в начале статьи авторы называют отправной точкой истории Великого чайного пути 1727 г., а далее пишут, что Лю Цзайци «дает широкую политическую и экономическую картину... истории китайско-российской чайной торговли при династиях Мин и Цин» [Гаоянь, 2023, с. 214]: «В книге предлагается считать началом глобализации именно становление и развитие Великого чайного пути в XVI–XVII вв.» [Гаоянь, 2023, с. 215]. Если Лю Цзайци пишет, что Великий чайный путь развивался в XVI–XVII вв., то почему тогда начальными его датами указываются 1727 или 1689 гг.?

Известный исследователь Великого чайного пути Т.С. Доржиева также полагает, что его история «начинается с основания торговой слободы Кяхты», то есть с 1727 г. [Доржиева, 2009, с. 3]. Но в первом исследовании Великого чайного пути, книге М. Эйвери «Чайный Путь: Китай и Россия встречаются через степь», которая и сделало это понятие известным и популярным в международном масштабе, период XVIII–XIX вв. рассматривается как один из эпизодов его истории. В труде М. Эйвери имеется одиннадцать глав, и лишь десятая глава описывает основание Кяхты [Avery, 2003]. Получается, что не Великий чайный путь был эпизодом в истории русско-китайских отношений, а русско-китайская чайная торговля была эпизодом в эволюции Великого чайного пути.

Представляется очевидным, что связь между появлением Великого чайного пути и собственно чайной торговлей, в том числе и русско-китайской чайной торговлей, довольно условная. Исследователи доказали, что чай превратился в самый прибыльный экспортный товар еще с X в. [Ходжаев, 2013, с. 178]. При этом перенос главного пути, связывающего Китай с Западом, в Сибирь в XVII в. не был мотивирован потребностями чайной торговли. Стоит подчеркнуть, что на первом этапе истории Кяхтинской торговли чай не был основным товаром в русско-китайском обмене. Нам очевидно, что содержанием понятия Великий чайный путь является транспортный коридор между Европой и Китаем в XVII – XX вв., или северное, проходящее через всю Сибирь направление Великого шелкового пути. В истории существовали различные понятия для обозначения дорог и русско-китайской торговли через Забайкалье, однако названия «Великий чайный путь» до XXI в. не существовало.

Представляется интересным и важным выяснить, когда и в связи с чем появилось понятие «Великий чайный путь». Кто же был «вторым Рихтгофеном»⁴?

Первой из обнаруженных нами академических публикаций на эту тему является доклад студентки Сибирского федерального университета Д.Р. Груздевой «Как ми-

⁴ Фердинанд фон Рихтгофен (1833–1905). Немецкий географ и путешественник, который в 1877 г. ввел в научный оборот термин *Seidenstraße* (Великий шелковый путь). – *Примеч. редакции.*

нусинские купцы пытались открыть второй великий чайный путь» (сдан в печать в 2006 г. и опубликован в сборнике научных работ в Минусинске в 2007 г.) [Груздева, 2007]. В научной электронной библиотеке eLibrary.ru словосочетание «Великий чайный путь» в заголовках научных работ впервые встречается в 2011 г. Термин использовали в названиях своих статей исследователь из Бурятского государственного университета Е.А. Высотина [Высотина, 2011] и президент Евроазиатского транспортного инновационного центра в Москве С.С. Гончаренко [Гончаренко, 2011]. Кроме того, в 2011 г. в Белграде вышло переиздание опубликованной в Москве в 1731 г. рукописи С.В. Рагузинского под названием «Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства» с параллельным переводом на сербский язык [Владиславич, 2011]. В этом издании была помещена карта под названием «Карта великог чајног пута – сибирска траса» («Карта великого чайного пути – сибирская трасса»). В следующем году статья «Великий чайный путь: история, перспектива развития» вышла уже в сборнике Института востоковедения РАН [Аристова, Фадеев, 2012].

Словосочетание в универсальном варианте «Чайный путь», без привычного для русской культуры слова «Великий» (как это было и с «Великим шелковым путем»), появилось раньше, чем «Великий чайный путь», и было его прямым предшественником. Опубликованная в 2009 г. статья бурятского исследователя Т.С. Доржиевой «Чайный путь на территории Бурятии...» начинается со слов: «Чайный путь, который с середины XVIII в. до начала XIX в. обеспечивал русско-китайские торговые отношения, не случайно историки называют “великим”» [Доржиева, 2009, с. 3]. Однако каких-либо ссылок в подтверждение того, что чайный путь раньше называли «Великим чайным путем», в работе нет. Сама Т.С. Доржиева в тексте своей статьи оперирует понятием «чайный путь», но в завершении работы дважды использует словосочетание «эпоха Великого Чайного пути» [Доржиева, 2009, с. 7-8]. Таким образом, мы можем говорить о тождественности понятий «Чайный путь» и «Великий чайный путь».

Оба выражения в прошлом не встречались в научном обороте. Единственный случай использования словосочетания «чайный путь» до XXI в. нам удалось найти в работе драгомана Российской дипломатической миссии в Пекине А.Ф. Попова, который в 1871 г. писал: «Самый чайный путь, лежавший прежде по Императорскому каналу и морем через Тянь-цзинь, с тех пор изменился: он пошел западнее, а именно от Хань-коу вверх по р. Хань, и потом сухопутно через провинцию Шань-си (восточную) до Калгана» [Попов, 1871, с. 292]. Мы впервые использовали словосочетание «чайный путь» в статье, опубликованной в новосибирском научном журнале в 2002 г., написав дословно: «Сибирский чайный путь XVIII–XIX вв. был, очевидно, самым протяженным в истории человечества сухопутным торговым путем. Начинаясь он у Великой Китайской стены...» [Дацышен, 2002, с. 169-170]. Однако большее значение для распространения понятия «чайный путь» в русскоязычном научном пространстве имела публикация труда известного американского востоковеда М. Эйвери [Avery, 2003]. Ее книгу “The Tea Road” в русском переводе назвали «Чайный Путь: Китай и Россия встречаются через степь» [Эйвери, 2004].

К концу первого десятилетия XXI в. словосочетания «чайный путь» и «Великий чайный путь» появляются в российской научной литературе. Здесь можно отметить опубликованную в 2008 г. статью историка из Новокузнецка С.Н. Пивень [Пивень, 2008] и отмеченную выше статью Т.С. Доржиевой [Доржиева, 2009].

На протяжении последующего десятилетия в отечественной историографии были отдельные работы, где использовались словосочетания «чайный путь» и «Великий чайный путь». В обобщающем исследовании по истории чайной торговли А.И. Кожухаря [Кожухарь, 2013] словосочетание «чайный путь» присутствует, правда, лишь в названиях двух публикаций, на которые ссылается автор – американской 2003 г. издания [Avery, 2003] и российской 2011 г. издания [Чайный, 2011]. До 2014 г. словосочетания «чайный путь» или «Великий чайный путь» не встречались в обобщающих работах по истории регионов, где проходили основные маршруты русско-китайской торговли. Нет этого понятия в вышедшей в 2011 г. академической «Истории Бурятии» [История, 2011]. Исследователи, представляющие старейшую историческую школу в Сибири, Томский университет, в своих исследованиях не упоминали «чайных путей» [Исторические, 2017].

Не упоминается «чайный путь» ни в каком виде и в вышедшей в свет многотомной академической истории Китая [История, 2014]. Нам не удалось найти выражения «Великий чайный путь» ни в одной из работ, опубликованных в старейшем в нашей стране ежегодном продолжающемся специализированном издании «Общество и государство в Китае» (ОГК). Словосочетание «чайный путь» в ежегодниках ОГК встречается лишь однажды в статье Е.В. Синаевой (Карпенко), изданной в 2013 г. Исследователь указала: «Путь от чаепроизводящих районов Внутреннего Китая через Монголию, Кяхту в Сибирь, за Урал до Москвы, вошедший в историю как «чайный путь», стал катализатором двусторонних отношений и межкультурных связей» [Синаева, 2013, с. 167]. Из обобщающего исследования по развитию постсоветского российского китаеведения следует, что история «чайного пути» не была для него актуальной темой [Основные, 2014].

Таким образом, по нашим данным, очевидно неполным, в современной историографии словосочетание «чайный путь» впервые появилось в научной работе в 2002 г., «Великий чайный путь» – в 2007 г., а с 2008 г. оба эти выражения стали постепенно встречаться в различных академических изданиях. Однако лишь с 2017 г. начинается массовое использование понятия «чайный путь», ежегодное количество публикаций с этим словосочетанием достигло двузначных чисел.

Говоря о появлении понятия «чайный путь» в российской научной литературе, необходимо указать, что одновременно (или чуть позже) это словосочетание появляется в общественно-культурном пространстве России, а точнее – Сибири. Исследователи отметили: «17 июня 2005 г. была открыта выставка под названием «Чайный путь» в Музее истории Бурятии» [Доржиева, 2009, с. 3]. В 2007 г. в Кяхте состоялся первый международный фестиваль «Чайный путь – путь этнокультурных контактов». Первый из найденных нами случаев использования словосочетания «Великий чайный путь» был связан с новостным сайтом Барнаула «ALTAPRESS.RU». Осенью 2008 г. там была размещена заметка под заголовком «Туризм на Алтае Великим чай-

ным путем прирастать будет»⁵. В сообщении красноярского туроператора «Саянское кольцо» от 15 декабря 2009 г. говорилось: «На Великом чайном пути откроется туристический маршрут. Произойдет это в феврале-марте 2010 года...»⁶. В 2011 г. новостное агентство в Хакасии указывало: «Проект «Великий чайный путь», начавшись в 2009 г., как и сам Великий чайный путь тысячелетия назад, на территории Китая и Монголии, продолжился в Бурятии...»⁷, а информационный сайт Иркутской области «IRK.RU» в сообщении под названием «Участники экспедиции “Чайный путь” проедут от Монголии до Бурятии» использовал словосочетание «Великий Чайный путь»⁸. В рекламе документальной ленты «Чайный путь» 2012 г. говорилось: «В этом фильме рассказывается о зарождении и развитии 5000-километрового чайного пути... первой половины “Великого чайного пути” из Китая в Европейскую Россию»⁹. В январе 2012 г. была зарегистрирована компания «Международный центр по оказанию содействия в развитии гуманитарного и делового сотрудничества на трансконтинентальном маршруте “Великий чайный путь”». В том же году был создан китайско-монгольско-российский Союз городского развития на Великом чайном пути. После этого, в 2012 и 2013 гг. соответственно в Бурятии и Хакасии были проведены международные научно-практические конференции под названием «Великий чайный путь». Таким образом, с 2005 г. в названиях культурных мероприятий, проводившихся в Бурятии, появляется выражение «Чайный путь». А с 2008 г. в регионах Сибири начинается использование бренда «Великий чайный путь», появляются различные организации, мероприятия и проекты с таким названием. В 2012 г. начинается история проведения научно-практических конференций «Великий чайный путь».

Поскольку статья Гаоянь Цююя и Д.П. Новикова посвящена работе китайского историка, необходимо затронуть проблему появления данного понятия в китайской историографии.

До конца XX в. китайские исследователи, как правило, употребляли разные словосочетания для обозначения коммуникаций, связывающих Китай с Европой через Сибирь. Обычно использовался термин «торговый путь» [葛贤慧, 1996]. Возможно, первым обратился к выражению «чайный путь» известный китайский исследователь истории русско-китайской торговли Го Вэньшэнь [郭蕴深, 1995]. Это было понятие «*Чае чжилу*» (茶叶之路) и присутствует оно в монографии, изданной еще в 1995 г. в Харбине. В России «*Чае чжилу*» переводили и как «чайный путь», и как «Великий

⁵ Туризм на Алтае Великим чайным путем прирастать будет// Altapress.ru. 02.10.2008. URL: <https://altapress.ru/turizm/story/turizm-na-altae-velikim-chaynim-putem-prirastat-budet-36565?ysclid=lp52drrgvr356317737> (дата обращения: 22.11.2023).

⁶ Новый «Великий чайный путь» открывается в Сибири// Саянское Кольцо. 15.12.2009. URL: <https://www.sayanring.ru/news/novyy-velikiy-chaynyy-put-otkryvayetsya-v-sibiri.htm> (дата обращения: 22.11.2023).

⁷ Благотворительная щедрость // Idigenous.ru. 15.05.2006. URL: <https://indigenous.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=254> (дата обращения: 22.11.2023).

⁸ Участники экспедиции «Чайный путь» проедут от Монголии до Бурятии// Иркутск онлайн. 26.10.2011. URL: <https://www.irk.ru/news/20111026/way/> (дата обращения: 22.11.2023).

⁹ Чайный путь // DaoChai.ru. 02.10.2012. URL: <https://daochai.ru/blog/istorija-chaja/chayniy-put.html> (дата обращения: 22.11.2023).

чайный путь»¹⁰. В 2004 г. название книги «The Tea Road» в Пекине перевели как «茶叶之路» и как «Чайный путь» [Эйвери, 2004]. В научной публикации за 2013 г. один китайский автор использовал термин «Ваньли чалу» (万里茶路) [刘晓航, 2013]. Здесь мы фиксируем процесс превращения «Чай чжилу» в «Ваньли чадао» через промежуточный вариант «Ваньли чалу». Показательно, что сам автор рассматриваемой монографии Лю Цзайци в своих более ранних работах для обозначения «пути» использовал не «дао», а «лу», и лишь позднее перешел на «Ваньли чадао». В статье 2007 г. Лю Цзайци оперирует понятием «Чай чжидо» (茶叶之道), что можно перевести как «способ приготовления чая» (чайное искусство), но можно также считать переходным вариантом от «Чай чжилу» к «Ваньли чадао». Есть в этой работе выражения «чамао чжидо» (茶贸之道) и «чай маои чжидо» (茶叶贸易之道), что можно перевести как способ торговли чаем. Кроме того, Лю Цзайци использовал понятие «Чжун-Э чадао» (中俄茶道, китайско-российский чайный путь) и «юньча гудо» (运茶古道, древний путь транспортировки чая) [刘再起, 2007].

Таким образом, возникает проблема, когда «Великий чайный путь» перестал быть просто «Чай чжилу» и стал «Ваньли чадао».

Хорошо известно, что почти за полгода до того, как в сентябре 2013 г. Си Цзиньпин в Астане предложил идею «Экономического пояса Шелкового пути», в марте того же года в выступлении в МГИМО МИД России председатель КНР, говоря о российско-китайских связях в XVII веке, употребил термин «Великий чайный путь» («Ваньли чадао») ¹¹. В Китае эту фразу заметили, высказывание Си Цзиньпина было воспринято там как новая инициатива. После публикации речи Си Цзиньпина в МГИМО термин «Чай чжилу» и близкие к нему словосочетания в значении «Чайный путь» в китайском языке были заменены термином «Ваньли чадао», а «Чайный путь» окончательно стал «Великим чайным путем».

Инициатива главы КНР привела к тому, что уже в конце 2013 г. термин «Ваньли чадао» появился в научной работе [Zhang Weidong, 2013], в которой имелась прямая отсылка к мартовской речи Си Цзиньпина. В 2014 г. в китайских журналах было опубликовано около 10 научных статей, в названиях которых встречалось словосочетание «Ваньли чадао». В октябре 2014 г. в московском бизнес-центре была организована фотовыставка «Великий чайный путь», где использовалось и китайское название «Ваньли чадао» (万里茶道) ¹².

Таким образом, в начале XXI в. в российской историографии постепенно сформировалось понятие «Великий чайный путь». Это было связано как с углублением изучения истории русско-китайских торгово-экономических отношений, так и с развитием российско-китайских отношений, особенно в восточных регионах России. Большое влияние на это оказало западное китаеведение и китайская русистика. Со-

¹⁰ Там же.

¹¹ 国家主席习近平在莫斯科国际关系学院的演讲(全文) Guojia zhuxi Xi Jinping zai Mosike guoji guanxi xueyuan de yanjiang (quanwen) [President Xi Jinping's speech at the Moscow Institute of International Relations (full text)]. Xinhua News Agency. 24.03.2013. URL: https://www.gov.cn/ldhd/2013-03/24/content_2360829.htm (accessed: 22.11.2023).

¹² URL: https://www.greenwoodpark.ru/news/fotovystavka_velikiy_chaynyy_put/ (accessed: 22.11.2023).

временное значение понятие «Великий чайный путь» получило после речи Си Цзиньпина в Москве 23 марта 2013 г.: в китайском научном обороте утвердилось понятие «*Ваньли чадао*» как китайязычный вариант термина «Великий чайный путь». При этом содержание понятия «Великий чайный путь» («*Ваньли чадао*») остается спорным, противоречивым и требует новых исследований.

Библиографический список

- Аристова Л.Б., Фадеев Е.А. Великий чайный путь: история, перспектива развития // Транспортно-промышленный потенциал стран Каспийского региона: состояние, проблемы, перспективы интеграции. М.: ИВ РАН, 2012. С. 176–189.
- Аристова Л.Б., Овчинников П.Н. Великий чайный путь: история и перспектива // Евразийство: от диалога к взаимодействию. Международная научно-практическая конференция к 20-летию выступления в МГУ имени М.В. Ломоносова Президента Казахстана Н.А. Назарбаева: Тезисы докладов. М.: ЗАО «Фон», 2014. С. 101–102.
- Владиславич С. Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства. Пер. Давидович В. Белград, 2011. 338 с.
- Высотина Е.А. Кяхта – Российская столица Великого чайного пути // История в подробностях. 2011. № 9 (15). С. 72–82.
- Гаоянь Цююй, Новиков Д.П. Российско-китайская чайная торговля в китайском преломлении: о книге Лю Цзайци «Купечество Шаньси и Великий чайный путь» // Российское Китаеведение. 2023. № 3(4). С. 212–221.
- Гончаренко С.С. Формирование Байкало-Монгольской интегрированной транспортно-промышленной кластерной платформы как задача управления развитием крупномасштабных межгосударственных систем (возрождение Великого Чайного пути) // Управление развитием крупномасштабных систем. Труды пятой международной конференции. Т 2. М.: Институт Проблем управления им. Трапезникова РАН, 2011. С. 372–379.
- Груздева Д.Р. Как минусинские купцы пытались открыть второй Великий чайный путь // Мартяновские краеведческие чтения (2005–2006). Сборник докладов и сообщений. Вып. IV. Минусинск, 2007. С. 45–49.
- Губаревич-Радобыльский А. Чай и чайная монополия. Опыт исследования основ обложения чая в России. СПб., 1908. 174 с.
- Дацышен В.Г. Сибирский чай. Из истории чайной торговли в России // ЭКО. 2002. № 4. С. 161–172.
- Дацышен В.Г. Проблемы русско-китайской чайной торговли в середине XIX в. // *Reosiahag. Journal of Institute for Russian and Altaic Studies, Chungbuk National University*. 2015. No 11. February. Pp. 97–117.
- Дацышен В.Г. Чайная торговля в истории русско-китайских отношений (1861–1917) // Современная научная мысль. Научный журнал НИИ истории, экономики и права. 2018. № 6. С. 37–47.
- Дацышен В.Г., Карпенко Е.В. Шаньсийские торговцы в Сибири // Современная научная мысль. Научный журнал НИИ истории, экономики и права. 2019. № 3. С. 16–21.
- Дацышен В.Г. Из Сибири в Китай: К проблеме северного направления «Великого шелкового пути» в XVI–XVIII вв. // Великий Шелковый путь: культурное наследие и развитие контактов: Сб. статей / Под ред. С.А. Комиссарова, Ю.А. Азаренко. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 69–75.
- Доржиева Т.С. Чайный путь на территории Бурятии: история и топонимия // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 10. С. 3–8.
- Жиров А.А. Сибирские чаеоторговцы на Ирбитской ярмарке // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: Сборник научных трудов / Под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2005. С. 192–205.

Закирова М.Х. «Чайный путь» в истории Российского государства // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: Сб. науч. ст.: Материалы VIII Международных Стахеевских чтений, Елабуга, 16–17 ноября 2017 г. / Сост. И.В. Маслова, И.Е. Крапоткина, Г.В. Бурдина. Елабуга, 2017. 312–315.

Исторические исследования в Томском университете в постсоветский период. 1991–2017 гг. / науч. ред. С.Ф. Фоминых, В.П. Зиновьев. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 280 с.

Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы V Всероссийской научной конференции Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. Москва, 30–31 октября 2019 г. М.: ИДВ РАН, 2019. 352 с.

История Бурятии. В 3 т. Т. II. XVII – начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский. Т. VI. Династия Цин: 1644–1911. Отв. редактор – д.и.н. О.Е. Непомнин (Институт востоковедения РАН, г. Москва). М.: Наука – Вост. лит., 2014. 886 с.

Кожухарь А.И. Восточносибирская купеческая чаоторговля с Китаем и Монголией как система межкультурной коммуникации во второй половине XIX века. Иркутск: ООО Издательство «Ас-принт», 2013. 160 с.

Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. 445 с.

Косс Р.А., Плотнокова М.М. Великий чайный путь и формирование локальной идентичности на примере городов Иркутска и Ханькоу // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 3 (30). С. 128–134.

[Неболсин] Статистические записки о внешней торговле России. Составленные Григорием Неболсиным. Ч. 1. СПб.: Типография Департамента внешней торговли, 1835. С. 191–192.

Орлов И. Новейшее и подробнейшее историческо-географическое описание Китайской империи. Ч.1. М.: В Университетской Типографии, 1820.

Основные направления и проблемы российского китаеведения / отв. ред. Н.Л. Мамаева. М.: Памятники исторической мысли, 2014. 382 с.

Памяти Жаргала Зандараевича Тагарова // Историко-экономические исследования. 2020. Т. 21. № 4. С. 684–689.

Петров А.И. Китайцы в Кяхте (1727–1917 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2009. № 1. С. 3–14.

Пивень С.Н. Туристический ресурс – бывший Московско-Сибирский тракт: государственная почтовая дорога. «Чайный путь», стезя ссыльных и каторжников // Перспективы развития социально-культурного сервиса и туризма в Кузбассе и сопредельных территориях: материалы региональной научной учебно-практической конференции. Новокузнецк: филиал ГУ КузГТУ в г. Новокузнецке, 2008. С. 39–50.

Попов А.Ф. Путевые заметки о Хань-Коу и русских чайных фабриках // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. II. СПб., 1871. С. 283–316.

Ренева О.А. Кунгур и Чайный путь. Дорога туризма // Город как вызов. Сборник статей международной конференции. Пермь: ПГГПУ, 2014. С. 232–235.

[Ржанов] Китайский чай. Подробное описание: его открытия, произрастения, разведения, собирания и приготовления листьев, производства торговли, употребления напитка чаю, свойства его, действий на организм, этикета и политического значения. Составил И. Ржанов. М.: Типография В. Готье, 1856. 60 с.

Санин К.А. Великий чайный путь как часть инициативы «Экономического пояса шелкового пути» // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. Доклады, представленные на IV международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 279–285.

Синаева Е.В. Из истории русско-китайской чайной торговли: купеческий род Чан // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: ИВ РАН, 2013. С. 167–175.

[Стахеев]. От Китая до Москвы. История ящика чаю: Очерки Д. И. Стахеева. Санкт-Петербург; Москва: Издание книгопродавца М. О. Вольфа, 1870. 194 с.

Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая. СПб.: Типография Северного телеграфного агентства, 1892. 708 с.

Тагаров Ж.З. Северный трансевразийский торговый путь и причины его устойчивости в XVIII–XIX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 1999. Иркутск, 1999. С. 182–189.

Тагаров Ж.З. Монгольский транзит и русско-китайская кяхтинская торговля в конце XVII – начале XX века // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): Сборник научных трудов. Иркутск, 2015. С. 183–199.

Тагаров Ж.З. Великий шелковый путь и трансевразийская чайная торговля через Кяхту // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. Иркутск: изд-во БГУ, 2016. С. 196–203.

Трусевич Х.И. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века). М.: тип. Т. Малинского Моросейка, д. Человеколюбивого Общества, 1882. 306 с.

У Хэ, Линь Синхэ. История в изображениях: распространение чайной культуры в России в середине – конце 19 века // Историческая социология и современное социальное развитие в России и Китае / Сборник статей. СПб.: Изд-во Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2022. С. 50–82.

Уянаев С.В. Инициатива «Степной путь» и идея возрождения Великого чайного пути как составные элементы концепции «Пояс и путь» // Новый Шелковый путь и его значение для России. М.: ДеЛи плюс, 2016. С. 207–222.

Ходжаев А. Когда и как чай стал экспортным товаром Китая? // Актуальные вопросы китаеведения: филология, философия, история, экономика и политика / Материалы 10-й научно-практической конференции. Ташкент, 2013. С. 169–178.

Хохлов А.Н. Проблемы русско-китайской торговли через Кяхту в XVII–XIX вв. в трактовке В.П. Васильева // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: История и современность / Доклады международной научно-практической конференции. М.–Иркутск, 1995. С. 141–147.

Ху Чанчунь. Цзянси и Китайско-русский «Чайный путь в десять тысяч ли» // Актуальные вопросы развития регионов России и Китая материалы российско-китайских семинаров 2015–2016 гг. Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, 2017. С. 43–49.

Чайный путь в коллекциях музеев Бурятии. Улан-Удэ, 2011. 72 с.

Чжан С. Великий чайный путь между Китаем и Россией и его туристический потенциал в контексте международного проекта Великого Шелкового пути // Современные тенденции развития мировой, национальной и региональной индустрии гостеприимства: сб. ст. участников III Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 185–197.

Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего... Т. III. Кн. II. М.: Университетская типография Н. Новикова, 1785. С. 18–23.

Шпалтаков В.П. Торговля России с Китаем в Кяхте в первой половине XIX в. // Россия и восток: взгляд из Сибири : материалы и тез. докл. к XI междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 13–26 мая 1998 : в 2 т. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1998. Т. 2. С. 237–240.

Эйвери М. Чайный путь: Китай и Россия встречаются через степь. Пер. с англ. А. Гилевича. Beijing: Межконтинент. изд-во Китая, 2004. 227 с.

Юй Ван, Маргынов Д.Е. Анализ культуры чайного пути и купечества провинции Шаньси в период династии Мин и Цин // Китайская лингвистика и синология. Тезисы докладов международной конференции. М.: РГГУ, 2019. С. 421–425.

References

Aristova L.B., Fadeev E.A. (2012). Velikij čajnyj put': istoriya, perspektiva razvitiya [The Great Tea Road: History, Development Prospects]. Transport and industrial potential of the countries of the Caspian region: state, problems, integration prospects. M.: IV RAS, 2012. Pp. 176–189. (In Russian).

Aristova L.B., Ovchinnikov P.N. (2014). Velikij čajnyj put': istoriya i perspektiva [The Great Tea Route: History and Perspective]. Eurasianism: from dialogue to interaction. International scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the speech of the President of Kazakhstan N.A. Nazarbayev at Moscow State University: Abstracts of reports. M.: ZAO "Fon". Pp. 101–102. (In Russian).

Vladislavich Sava (2011). Sekretnaya informaciya o sile i sostoyanii Kitajskogo gosudarstva [Secret Information about the Strength and Condition of the Chinese State]. Transl. Davidovich V. Belgrad, 338 p. (In Russian).

Vysotina E.A. (2011). Kyahta – Rossijskaya stolica Velikogo čajnogo puti [Kyakhta – the Russian capital of the Great Tea Road]. Istoriya v podrobnostyah. № 9 (15). Pp. 72–82. (In Russian).

Gaoyan' Cyuyuj, Novikov D.P. (2023). Rossijsko-kitajskaya čajnaya trgovlya v kitajskom prelomlenii: o knige Lyu Czajci "Kupechestvo Shan'si i Velikij čajnyj put' " [Russian-Chinese tea trade in Chinese refraction: about the book by Liu Zaiqi "The Merchants of Shanxi and the Great Tea Road"]. Rossijskoe kитаеведение. 2023. № 3(4). Pp. 212–221. (In Russian).

Goncharenko S.S. (2011). Formirovanie Bajkalo-Mongol'skoj integrirovannoj transportno-promyshlennoj klasternoj platformy kak zadacha upravleniya razvitiem krupnomasshtabnyh mezhgosudarstvennyh sistem (vozrozhdenie Velikogo Čajnogo puti) [Formation of the Baikal-Mongolian Integrated Transport and Industrial Cluster Platform as a Task of Managing the Development of Large-scale Interstate Systems (Revival of the Great Tea Road)]. Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnyh sistem. Trudy pyatoj mezhdunarodnoj konferencii. T 2. M.: Institut Problem upravleniya im. Trapeznikova RAN. Pp. 372–379. (In Russian).

Gruzdeva D.R. (2007). Kak minusinskie kupcy pytalys' otkryt' vtoroj Velikij čajnyj put' [How Minusinsk Merchants Tried to Open the Second Great Tea Road]. Mart'yanovskie kraevedcheskie chteniya (2005–2006 gg.). Sbornik dokladov i soobshchenij. Vyp. IV. Minusinsk, Pp. 45–49. (In Russian).

Gubarevich-Radobyl'skij A. (1908). Čaj i čajnaya monopoliya. Opyt issledovaniya osnov oblozheniya čaya v Rossii [Tea and Tea Monopoly. An Attempt to Study the Basics of Taxation of Tea in Russia]. SPb., 174 p. (In Russian).

Datsyshen V.G. (2002). Sibirskij čaj. Iz istorii čajnoj trgovli v Rossii [Siberian tea. From the History of tea Trade in Russia]. EKO. № 4. Pp. 161–172. (In Russian).

Datsyshen V.G. (2015). Problemy rusско-kitajskoj čajnoj trgovli v seredine XIX v. [Problems of the Russian-Chinese tea Trade in the mid-twentieth Century]. Reosiahag. Journal of Institute for Russian and Altaic Studies, Chungbuk National University. No 11. 2015. February. Pp. 97–117. (In Russian).

Datsyshen V.G. (2018). Čajnaya trgovlya v istorii rusско-kitajskih otnoshenij (1861–1917 gg.) [Tea Trade in the History of Russian-Chinese Relations]. Sovremennaya nauchnaya mysl'. Nauchnyj zhurnal NII istorii, ekonomiki i prava. 2018. № 6. Pp. 37–47. (In Russian).

Datsyshen V.G., Karpenko E.V. (2019). Shan'sijskie trgovcy v Sibiri [Shanxi Traders in Siberia]. Sovremennaya nauchnaya mysl'. Nauchnyj zhurnal NII istorii, ekonomiki i prava. 2019. № 3. Pp. 16–21. (In Russian).

Datsyshen V.G. (2020). Iz Sibiri v Kitaj: K probleme severnogo napravleniya "Velikogo shelkovogo puti" v XVI–XVIII vv. [From Siberia to China: On the Problem of the Northern Direction of the "Great Silk Road" in the 16th–18th centuries]. Velikij Shelkovyj put': kul'turnoe nasledie i razvitie kontaktov: Sb. statej / Pod red. S. A. Komissarova, Yu. A. Azarenko. Novosibirsk: IPC NGU, 2020. Pp. 69–75. (In Russian).

Dorzhieva T.S. (2009). Čajnyj put' na territorii Buryatii: istoriya i toponimiya [The Tea Route on the Territory of Buryatia: History and Toponymy]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 10. Pp. 3–8. (In Russian).

Zhirov A.A. (2005). Sibirskie chaetorgovcy na Irbitskoj yarmarke [Siberian Tea Traders at the Irbit Fair]. Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII – nachala HH vv.: Sbornik nauchnyh trudov / Pod red. Yu.M. Goncharova. Barnaul: Az Buka, 2005. Pp. 192–205. (In Russian).

Zakirova M.H. (2017). "Čajnyj put' " v istorii Rossijskogo gosudarstva ["Tea Road" in the History of the Russian State]. Rossijskaya provinciya kak sociokul'turnoe pole formirovaniya grazhdanskoj i nacional'noj identichnosti: Sb. nauch. st.: Materialy VIII Mezhdunarodnyh Staheevskih chtenij, Elabuga, 16–17 noyabrya 2017 g. / Sost. I.V. Maslova, I.E. Krapotkina, G.V. Burdina. Elabuga, 2017. Pp. 312–315. (In Russian).

Istoricheskie issledovaniya v Tomskom universitete v postsovetskij period. 1991–2017 gg. [Historical Research at Tomsk University in the Post-Soviet Period. 1991–2017]. Nauch. red. S.F. Fominyh, V.P. Zinov'ev. Tomsk: Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 280 p. (In Russian).

Istoricheskie sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost' [Historical Events in the Life of China and Modern Times]. Materials of the V All-Russian Scientific Conference of the Center for Contemporary History of China and its Relations with Russia]. Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, October 30–31, 2019. M.: IFES RAS, 2019. 352 p. (In Russian).

Istoriya Buryatii. V 3 t. T. II. XVII – nachalo XX v. [History of Buryatia. In 3 vol. Vol. II. 17th – early 20th centuries]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2011. 624 p. (In Russian).

Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: V 10 t. [History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st century: In 10 Volumes]. Gl. red. akad. RAN S.L. Tihvinskij. T. VI. Dinastiya Cin: 1644–1911. Otv. redaktor – d.i.n. O.E. Nepomnin (Institut vostokovedeniya RAN, g. Moskva). M.: Nauka. Vost. lit., 2014. 886 p. (In Russian).

Kozhuhar' A.I. (2013). Vostochnosibirskaya kupecheskaya chaetorgovlya s Kitaem i Mongoliej kak sistema mezhkul'turnoj kommunikacii vo vtoroj polovine XIX veka [East Siberian Merchant Tea Trade with China and Mongolia as a System of Intercultural Communication in the second half of the 19th century]. Irkutsk: OOO «Izdatel'stvo «Asprint», 2013. 160 p. (In Russian).

Korsak A. (1857). Istoriko-statisticheskoe obozrenie torgovyh snoshenij Rossii s Kitaem [Historical and Statistical Review of Trade Relations between Russia and China]. Kazan', 1857. 445 p. (In Russian).

Koss R.A., Plotnikova M.M. (2015). Velikij čajnyj put' i formirovanie lokal'noj identichnosti na primere gorodov Irkutskaja i Han'kou [The Great Tea Road and the Formation of Local Identity using the Example of the Cities of Irkutsk and Hankou]. Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2015. № 3 (30). Pp. 128–134. (In Russian).

[Nebolsin] (1835). Statisticheskie zapiski o vneshnej torgovle Rossii. Sostavlennye Grigoriem Nebolsinym. Ch. 1. [Statistical Notes on Russian foreign Trade. Compiled by Grigory Nebolsin. Part 1]. SPb.: Tipografiya Departamenta vneshnej torgovli, 1835. Pp. 191–192. (In Russian).

Orlov I. (1820). Novejshee i podrobnjshee istoricheskoe-geograficheskoe opisanie Kitajskoj imperii. Ch.1. [The latest and most detailed historical and geographical Description of the Chinese Empire. Part 1] M.: V Universitetskoj Tipografii, 1820. (In Russian).

Osnovnye napravleniya i problemy rossijskogo kitaevedeniya [Main Directions and Problems of Russian Sinology]. Otv. red. N.L. Mamaeva. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2014. 382 p. (In Russian).

Pamyati Zhargala Zandaraevicha Tagarova [In memory of Zhargal Tagarov]. Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2020. T. 21. № 4. Pp. 684–689. (In Russian).

Petrov A.I. (2009). Kitajcy v Kyahte (1727–1917 gg.) [Chinese in Kyakhta (1727–1917)]. Vestnik DVO RAN. 2009. № 1. Pp. 3–14. (In Russian).

Piven' S.N. (2008). Turisticheskij resurs – byvsij Moskovsko-Sibirskij trakt: gosudarstvennaja pochtovaya doroga. “Chajnyj put'”, stezya ssyl'nyh i katorzhnikov [Tourist Resource – former Moscow-Siberian Tract: State postal Road. “Tea Way”, the Path of Exiles and Convicts]. Perspektivy razvitiya social'no-kul'turnogo servisa i turizma v Kuzbasse i sopredel'nyh territorijah: materialy regional'noj nauchnoj uchebno-prakticheskoj konferencii. Novokuzneck: filial GU KuzGTU v g. Novokuznecke, Pp. 39–50. (In Russian).

Popov A.F. (1871). Putevyje zametki o Han'-Kou i russkijh čajnyh fabrikah [Travel Notes about Hankou and Russian Tea Factories]. Zapiski IRGO po otdeleniyu statistiki. T.II. SPb., 1871. Pp. 283–316. (In Russian).

Renyova O.A. (2014). Kungur i Chajnyj put'. Doroga turizma [Kungur and the Tea Road. The road of Tourism]. Gorod kak vyzov. Sbornik statej mezhdunarodnoj konferencii. Perm': PGGPU, 2014. Pp. 232–235. (In Russian).

[Rzhanov] (1856). Kitajskij čaj. Podrobnoe opisanie: ego otkrytiya, proizrasteniya, razvedeniya, sobiraniya i prigotovleniya list'ev, proizvodstva torgovli, upotrebleniya napitka chayu, svojstva ego, dejstvuj na organizm, etiketa i politicheskogo znacheniya [Chinese tea. Detailed description: its Discovery, Growth, Breeding, Collection and Preparation of Leaves, Trade, Consumption of the Drink Tea, its Properties, Ef-

fects on the Body, Etiquette and political Significance]. Compiled by I. Rzhanov. M.: Tipografiya V. Got'e, 1856. 60 p. (In Russian).

Sanin K.A. (2017). Velikij chajnyj put' kak chast' iniciativy "Ekonomicheskogo poyasa shelkovogo puti" [The Great Tea Road as Part of the Silk Road Economic Belt Initiative]. Arhitektura bezopasnosti i sotrudnichestva v Vostochnoj Azii. Doklady, predstavlenyye na IV mezhdunarodnoj konferencii molodyh vostokovedov v Institute Dal'nego Vostoka RAN. M.: IDV RAN, 2017. Pp. 279–285. (In Russian).

Sinaeva E.V. (2013). Iz istorii russko-kitajskoj chajnoj trgovli: kupecheskij rod Chan [From the History of the Russian-Chinese tea trade: the Chan merchant family]. Obschestvo i gosudarstvo v Kitae: T. XLIII, ch. 2 / Redkoll.: A.I. Kobzev i dr. – M.: IV RAN, 2013. Pp. 167–175. (In Russian).

[Staheev]. (1870). Ot Kitaya do Moskvy. Istoriya yashchika chayu: Oчерki D. I. Staheeva [From China to Moscow. History of a box of tea: Essays by D. I. Stakheev]. Sankt-Peterburg; Moskva: Izdanie knigoprodavca M. O. Vol'fa, 1870. 194 p. (In Russian).

Subbotin A.P. (1892). Chaj i chajnyaya trgovlya v Rossii i drugih gosudarstvah: proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie chaya [Tea and tea trade in Russia and other countries: production, consumption and distribution of tea]. SPb.: Tipografiya Severnogo telegrafnogo agentstva, 1892. 708 p. (In Russian).

Tagarov Zh.Z. (1999). Severnyj transevrazijskij trgovyj put' i prichiny ego ustojchivosti v 18–19 vv. [Northern trans-Eurasian trade route and the reasons for its stability in the 18th–19th centuries]. Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik. 1999. Irkutsk, 1999. Pp. 182–189. (In Russian).

Tagarov Zh.Z. (2015). Mongol'skij tranzit i russko-kitajskaya kyaktinskaya trgovlya v konce 17 – nachale 20 veka [Mongolian transit and Russian-Chinese Kyakhta trade at the end of the 17th – beginning of the 20th century]. Rossiya i Mongoliya v pervoj polovine XX veka: konceptual'nye voprosy rossijsko-mongol'skikh otnošenij (diplomatiya, ekonomika, nauka): Sbornik nauchnyh trudov. Irkutsk, 2015. Pp. 183–199. (In Russian).

Tagarov Zh.Z. (2016). Velikij shelkovyj put' i transevrazijskaya chajnyaya trgovlya cherez Kyahtu [The Great Silk Road and trans-Eurasian tea trade through Kyakhta]. Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik: 2016. Irkutsk: izd-vo BGU, 2016. Pp. 196–203. (In Russian).

Trusevich H. I. (1882). Posol'skie i trgovyye snosheniya Rossii s Kitaem (do XIX veka) [Embassy and trade relations between Russia and China (until the 19th century)]. M.: tip. T. Malinskogo Morosejka, d. Chelovekoljubivogo Obschestva, 1882. 306 p. (In Russian).

U He, Lin' Sinhe. (2022). Istoriya v izobrazheniyah: rasprostranenie chajnoj kul'tury v Rossii v seredine – konce 19 veka [History in pictures: the spread of tea culture in Russia in the mid-late 19th century]. Istoricheskaya sociologiya i sovremennoe social'noe razvitie v Rossii i Kitae / Sbornik statej. SPb.: Izd-vo Centr nauchno-proizvodstvennyh tekhnologij «Asterion», 2022. Pp. 50–82. (In Russian).

Uyanaev S.V. (2016). Iniciativa "Stepnoj put'" i ideya vozrozhdeniya Velikogo chajnogo puti kak sostavnye elementy koncepcii "Poyas i put'" [The "Steppe Road" initiative and the idea of reviving the Great Tea Road as components of the "Belt and Road" concept]. Novyj Shelkovyj put' i ego znachenie dlya Rossii. M.: DeLi plyus, 2016. Pp. 207–222. (In Russian).

Hodzhaev A. (2013). Kogda i kak chaj stal eksportnym tovarom Kitaya? [When and how did tea become an export product of China?]. Aktual'nye voprosy kitaevedeniya: filologiya, filosofiya, istoriya, ekonomika i politika / Materialy 10-j nauchno-prakticheskoy konferencii. Tashkent, 2013. Pp. 169–178. (In Russian).

Hohlov A.N. (1995). Problemy russko-kitajskoj trgovli cherez Kyahtu v XVII–XIX vv. v traktovke V.P. Vasil'eva [Problems of Russian-Chinese trade through Kyakhta in the 17th–19th centuries in the interpretation of V.P. Vasilyeva]. Vzaimootnosheniya narodov Rossii, Sibiri i stran Vostoka: Istoriya i sovremennost' / Doklady mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M.–Irkutsk, 1995. Pp. 141–147. (In Russian).

Hu Chanchun (2017). Czyansi i Kitajsko-russkij "Chajnyj put'" v desyat' tysyach li" [Jiangxi and the Sino-Russian "Tea Road of Ten Thousand Li"]. Aktual'nye voprosy razvitiya regionov Rossii i Kitaya materialy rossijsko-kitajskih seminarov 2015–2016 gg. Institut social'no-ekonomicheskogo razvitiya territorij Rossijskoj akademii nauk, 2017. Pp. 43–49. (In Russian).

Chajnyj put' v kollekcijah muzeev Buryatii [The tea route in the collections of museums in Buryatia]. Ulan-Ude, 2011. 72 p. (In Russian).

Chzhan S. (2014). Velikij chajnyj put' mezhdru Kitaem i Rossiej i ego turisticeskij potencial v konckste mezhdunarodnogo proekta Velikogo Shelkovogo puti [The Great Tea Road between China and Russia and its tourism potential in the context of the international project of the Great Silk Road]. *Sovremennye tendencii razvitiya mirovoj, nacional'noj i regional'noj industrii gostepriimstva: sb. st. uchastnikov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* 2014. Pp. 185–197. (In Russian).

Chulkov M. (1785). Istoricheskoe opisanie rossijskoj kommercii pri vsekh portah i granicah ot drevnih vremen do nyne nastoyashchego... [Historical description of Russian commerce at all ports and borders from ancient times to the present]. Vol. III. Book II. M.: Universitetskaya tipografiya N. Novikova, 1785. Pp. 18–23. (In Russian).

Shpaltakov V.P. (1998). Torgovlya Rossii s Kitaem v Kyahte v pervoj polovine XIX v. [Trade between Russia and China in Kyakhta in the first half of the 19th century]. *Rossiya i vostok: vzglyad iz Sibiri: materialy i tez. dokl. k XI mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Irkutsk, 13–26 maya 1998: v 2 t.* Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1998. T. 2. Pp. 237–240. (In Russian).

Ejveri M. (2004). Chajnyj put': Kitaj i Rossiya vstrechayutsya cherez step' [Tea Route: China and Russia meet across the steppe]. Transl. by A. Gilevicha. Beijing: Mezhekontinent. izd-vo Kitaya, 2004. 227 p. (In Russian).

Yuj Van, Martynov D.E. (2019). Analiz kul'tury chajnogo puti i kupechestva provincii Shan'si v period dinastii Min i Cin [Analysis of the culture of the tea route and the merchants of Shanxi province during the Ming and Qing dynasties]. *Kitajskaya lingvistika i sinologiya. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii.* M.: RGGU, 2019. Pp. 421–425. (In Russian).

* * *

Avery, M. *The Tea Road: China and Russia meet across the steppe.* China Intercontinental Press, 2003. 198 p.

Guo, Yunshen 郭蕴深 (1995). *中俄茶叶贸易史 Zhong e chaye maoyi shi* [History of Sino-Russian Tea Trade]. Harbin, Heilongjiang Education Press. 208 p. (In Chinese).

Ge, Xianhui 葛贤慧 (1996). *商路漫漫五百年:晋商与传统文化 Shang lu manman wubai nian: Jin shang yu chuantong wenhua* [A Five-Hundred-Years-Long Trading Road: Shanxi Merchants and Traditional Culture]. Wuhan: Huazhong University of Science and Technology Press. 250 p. (In Chinese).

Daqisheng, Fu 达旗升 – 弗 Qianyan 前言 [Introduction] (2018). *Hubei yu zhong e wanli chadao 湖北与中俄万里茶道* [Hubei and the Sino-Russian Great Tea Road. Written by Liu Zaiqi]. Beijing, Renmin Chubanshe. Pp. 1–16. (In Chinese).

Liu, Xiaohang 刘晓航 (2013). *Dongfang chaye gang – hankou zai wanli chalu di diwei yu yingxiang 东方茶叶港 – 汉口在万里茶路的地位与影响* [Eastern Tea Port – Hankou's Status and Influence on the Great Tea Road]. *Nongye kaogu*, № 5. Pp. 271–276. (In Chinese).

Liu, Zaiqi 刘再起 (2007). *Cong jindai zhong e chaye zhilu shuoqi 从近代中俄茶叶之路说起* [The Tea Road between China and Russia in the Modern Period]. *Eluosi zhong ya dong'ou yanjiu*, № 5. Pp. 81–85. (In Chinese).

Liu, Zaiqi 刘再起 (2020a). *Jinshan yu wanli chadao 晋商与万里茶道* [Shanxi Province Merchants and the Great Tea Road]. Beijing, Renmin Chubanshe, 315 p. (In Chinese).

Liu, Zaiqi 刘再起, Daqisheng Fu 达旗升 – 弗 (2020b). *1861–1917 Chaye maoyi beijing xia de zhong e guanxi 1861–1917 茶叶贸易背景下的中俄关系* [Sino-Russian Relations in the Context of Tea Trade from 1861 to 1917]. *Journal of Guangxi Vocational and Technical College Issue 3.* Pp. 1–9. (In Chinese).

Zhang, Weidong 张维东 (2013). *Wanli chadao shang de lao jie 万里茶道上的老街* [An Old Street on the Great Tea Road]. *北京商业*, № 4. Pp. 38–40. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 18.10.2023. Received: 18 October 2023.

Принята к публикации: 19.12.2023. Accepted: 19 December 2023.

П.Д. Ленков

Пандемия Covid-19 и даосские оздоровительные практики

Аннотация: В статье рассматривается проблема отражения пандемии COVID-19 в материалах современных даосских интернет-ресурсов КНР. Автором проанализированы две группы источников: 1) официальные документы Всекитайской ассоциации последователей даосизма (ВАПД) и местных ассоциаций последователей даосизма (АПД) и 2) частные мнения даосов относительно эпидемии COVID-19 и мер, направленных на борьбу с ней. Предварительные выводы: в китайском сегменте Интернета можно легко найти материалы, содержащие официальные документы ВАПД и местных АПД; частные мнения даосов относительно эпидемии COVID-19 и мер, направленных на борьбу с ней, обнаружить в китайском сегменте Интернета крайне непросто, однако возможно. В тех блогах, которые все же удалось найти дискуссию о пандемии, наиболее популярный тезис – утверждение об особенной пользе даосских упражнений/методов в плане укрепления здоровья вообще и укрепления иммунитета в период пандемии в частности; антипрививочные материалы не были обнаружены вовсе (их не найти на открытых ресурсах по ряду причин: государственный контроль китайского сегмента Интернета, самоцензура).

Ключевые слова: даосизм, Всекитайская ассоциация последователей даосизма, эпидемия COVID-19, эпидемия новой коронавирусной пневмонии.

Автор: *Ленков Павел Дмитриевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории религий и теологии, Институт истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена. ORCID ID: 0000-0003-4195-6781; E-mail: p-lenkov@yandex.ru

P·D·连科夫

新冠肺炎疫情与道家养生实践

摘要: 本文探讨了中国现代道教互联网资源材料中反映新冠疫情大流行的问题。作者分析了两组来源: 1) 中国道教协会中央和地方道教协会的官方文件; 2) 道教人士对新冠疫情和抗疫措施的个人意见。初步结论: 在中文网络上可以轻松找到包含中国道协中央和地方道协官方文件的材料; 道教人士对新冠疫情和抗疫措施的个人意见在中国互联网上很难找到, 但可以找到。在设法找到的有关新冠疫情讨论的博客中, 最受欢迎的论题是关于道教的练习/方法在促进身体健康、特别是在疫情期间增强免疫力方面特殊益处的主张; 完全没有找到反疫苗接种的材料 (由于多种原因无法在开放资源上找到它们: 国家对中国互联网的控制、自我审查)

关键词: 道教; 中国道教协会; COVID-19 疫情、新型冠状病毒肺炎疫情

作者: 帕维尔·德米特里耶维奇·连科夫, 历史学副博士, 俄罗斯国立师范大学历史与社会科学学院宗教史与神学教研室副教授。ORCID ID: 0000-0003-4195-6781; E-mail: p-lenkov@yandex.ru

Pavel D. Lenkov

The COVID-19 Pandemic and Taoist wellness regimens

Abstract: The article is based on two groups of sources: 1) official documents of the All-China Taoist Association (ACTA) and local Taoist associations (TA), and 2) private opinions of Taoists regarding the COVID-19 pandemic and measures aimed at combating it. Preliminary conclusions: in the Chinese segment of the Internet, one can easily find materials containing official documents of the ACTA and local TA (materials are analyzed in the article); it is extremely difficult to find the private opinions of Taoists about the COVID-19 pandemic and measures aimed at combating it in the Chinese segment of the Internet, but there are some. In those blogs that we still managed to find, the most popular thesis is the statement about the special benefits of Taoist exercises / methods in terms of improving health in general, and strengthening immunity during a pandemic in particular; anti-vaccination materials were not (yet) discovered at all (they are not found on open resources for a number of reasons, especially the government control of the Chinese segment of the Internet in PRC and self-censorship).

Keywords: Taoism, All-China Taoist Association, COVID-19 epidemic, novel coronavirus pneumonia epidemic.

Author: Lenkov Pavel D., Candidate of Sciences (History) / PhD in History, Associate Professor, Department of History of Religions and Theology, Institute of History and Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia. ORCID: 0000-0003-4195-6781; E-mail: p-lenkov@yandex.ru

Введение

Даосизм — национальная китайская религия, входящая в число «трех учений» (*сань цзяо*), наряду с конфуцианством и буддизмом. В настоящее время даосизм представляют в Китае два течения — школа «Учение Всеобъемлющей истины» (*Цюаньчжэнь цзяо*, *Цюаньчжэнь*; возникла в XII в.) и школа «Путь Истинного единства» (*Чжэньши дао*, *Чжэньши*; в древности именовалась «Путь Небесных Наставников» (*Тянь ши дао*; возникла во II в.).

Даосы КНР объединены в организацию, которая именуется Всекитайская ассоциация последователей даосизма (*Чжунго даоцзяо сехуэй* 中国道教协会) (ВАПД), она была основана в 1957 г. (восстановлена в 1980 г.). Среди главных задач ВАПД — организация даосского образования, издание журнала «Китайский даосизм», религиозной и научной литературы, проведение конференций. Открылось множество храмов и монастырей, при многих из которых действуют семинарии, готовящие кадры

даосского духовенства. В каждой провинции, городе центрального подчинения, специальном административном районе, а также на более низких уровнях административного деления КНР действуют местные ассоциации последователей даосизма (АПД) (подробнее см.: [Вэнь Цзянь, Горобец, 2005]).

Задача настоящего исследования — дать ответ на вопрос: как отражена тема пандемии COVID-19 в даосских интернет-дискурсах в китайском сегменте всемирной сети? Поиск информации велся в основных китайских поисковых системах (www.baidu.com, sohu.com) по следующим запросам: «даосизм об эпидемии новой коронавирусной инфекции», «даосы об эпидемии новой коронавирусной инфекции», «Всекитайская ассоциация последователей даосизма об эпидемии новой коронавирусной инфекции» и т.п.

Отражение деятельности, направленной на борьбу с эпидемией COVID-19, в официальных документах даосских организаций

Прежде всего отметим, что в китайском сегменте Интернета можно легко найти материалы, содержащие официальные документы ВАПД и местных АПД относительно ситуации с пандемией COVID-19, в которых мы обнаружили, в частности, следующие положения:

- категорическая поддержка решений партии и правительства КНР относительно профилактики и контроля эпидемии COVID-19;
- конкретные предложения по профилактике и контролю эпидемии в даосской среде;
- особо подчеркивается необходимость противодействия распространению слухов.

Как хорошо известно, китайское руководство (ЦК КПК и Госсовет КНР) с момента официального объявления начала эпидемии нового заболевания (COVID-19) стало проводить политику жесточайшего контроля за эпидемической ситуацией в стране. В русле этого курса действовали официально признанные религиозные организации КНР и, в частности, ВАПД.

ВАПД демонстрировала полную поддержку мер, принимавшихся органами государственной власти КНР, направленных на борьбу с эпидемией COVID-19. Мы проанализировали ряд документов, размещенных ВАПД и местными АПД в Интернете. Так, в материале, озаглавленном «Даосская ассоциация провинции Гуйчжоу активно работает над предотвращением и контролем новой эпидемии коронавирусной пневмонии» (статья с сайта «Голос даосизма» от 19.02.2020), говорится о следовании политическим установкам партии и правительства КНР. В документе 5 пунктов: 1) укрепление политических позиций и усиление конструктивного руководства; 2) приостановка режима открытия даосских заведений и запрет на соответствующую деятельность; 3) укрепление внутреннего управления и своевременное сообщение информации; 4) принятие мер по профилактике и контролю эпидемии и обеспечение качественной самозащиты; 5) пропаганда пожертвований в даосской среде, оказание поддержки в противоэпидемической работе [Guizhou sheng dao jiao xiehui...].

Даосская ассоциация пров. Юньнань начинает работу по профилактике и контролю эпидемии. Источник: Dao.china.com.cn¹

В первом пункте сказано: «Представители даосского сообщества по всей провинции должны тщательно изучить и реализовать дух важных инструкций генерального секретаря Си Цзиньпина по предотвращению эпидемии и борьбе с ней, выполнять требования провинциального партийного комитета и провинциального правительства относительно работы по профилактике и контролю эпидемии, а также активно сотрудничать с соответствующими партийными и правительственными отделами всех уровней в работе по профилактике и контролю эпидемии, чтобы обеспечить победу в борьбе с эпидемией. Даосские ассоциации всех уровней должны размещать объявления, устанавливать агитационные панели и щиты, размещать материалы в интернет-СМИ, чтобы побуждать верующих не участвовать в каких-либо мероприятиях в местах массового скопления людей во время китайского Нового года (Чуньцзе), а также избегать туристических поездок и командировок в районы с тяжелыми эпидемическими условиями; усилить конструктивное руководство в отношении широких масс верующих, которое позволит верующим полностью осознать важность и безотлагательность профилактики эпидемии и борьбы с ней, а также поверить в спо-

¹ 云南省道教协会开展疫情防控检查工作 Yunnan sheng daojiao xiehui kaizhan yi qing fang kong jiancha gongzuo [Yunnan Taoist Association carries out epidemic prevention and control inspections]. Dao.china.com.cn, 20.02.2020. URL: http://dao.china.com.cn/2020-02/20/content_41065929.htm (accessed: 01.11.2023).

собность партии и правительства справиться с ситуацией и предпринимаемые ими меры, не создавать слухи, не верить слухам, не распространять слухи (*бу цзао яо, бу синь яо, бу чуань яо* 不造谣, 不信谣, 不传谣), обеспечить гармонию и стабильность в даосской среде и во всем обществе» [Ibid].

Во втором пункте говорится: «Необходимо на время профилактики и контроля эпидемии приостановить открытие для внешнего мира всех мест проведения даосских мероприятий во всей провинции, и никакие групповые религиозные мероприятия, такие как утренние и вечерние службы, не должны проводиться внутри помещений. Необходимо, чтобы даосские священнослужители школы Истинного единства (*Чжэнъи пай* 正一派), проживающие в разных местах, не проводили и не принимали участия в похоронных ритуалах и отстаивали соответствующий подход, проводить [эти ритуалы] можно будет после окончания эпидемии» [Ibid].

В пятом пункте, в частности, сказано следующее: «В полной мере проявите даосскую традицию “равной любви и милосердия, помощи миру на благо людей” (*ци тун цы ай, цзи ши ли жэнь* 齐同慈爱、济世利人) и сделайте предложения о пожертвовании даосскому сообществу провинции на борьбу с эпидемией новой коронавирусной пневмонии. Огромное количество преподавателей и верующих по всей провинции положительно и с энтузиазмом откликнулись на призыв о пожертвованиях, пожертвовав дезинфекционные аппараты, медицинские маски, медицинский спирт и другие защитные материалы местным благотворительным организациям, больницам, контрольно-пропускным пунктам по профилактике и контролю эпидемии и некоторым местам религиозной деятельности. В провинции есть 16 даосских организаций, 24 даосских объекта и тысячи даосов, которые с энтузиазмом сделали пожертвования. Они пожертвовали денежные средства на борьбу с эпидемией в соответствующие местные департаменты, а также пожертвовали защитные материалы, такие как дезинфекционные аппараты, медицинские маски и медицинский спирт, больницам, контрольно-пропускным пунктам по профилактике и контролю эпидемии и некоторым религиозным объектам, сумма денег и изделий составила более 495 000 юаней (76,7 тыс. долл. США), что было позитивно воспринято обществом» [Ibid].

В документе, озаглавленном «Предложения Всекитайской даосской ассоциации о дальнейшей работе по профилактике эпидемии новой коронавирусной пневмонии и борьбе с ней» (29.01.2021), выпущенном в преддверии Чуньцзе (китайский Новый год), содержится пять пунктов: 1) дальнейшее укрепление политических позиций; 2) дальнейшее усиление субъектной ответственности; 3) дальнейшее осуществление профилактических и контрольных мер; 4) дальнейшая работа по предотвращению распространения эпидемии; 5) дальнейшее руководство пропагандой.

В четвертом пункте документа говорится: «Даосские ассоциации, монастыри-храмы и даосские учебные заведения в различных регионах должны усилить строгий контроль за религиозной деятельностью, приостановить массовые мероприятия. Храмы должны принять меры по ограничению времени и потока людей, избегать возникновения массовых скоплений людей, убедиться, что поток людей входящих [в храм] и выходящих [из храма] стабилен и контролируем, обеспечить безопасность и здоровье всего персонала. Необходимо сотрудничество с соответствующими ве-

домствами для проведения специальных проверок незаконной религиозной деятельности, пресечения незаконной религиозной деятельности в соответствии с законом, решительного предотвращения риска распространения эпидемии. При наличии подтвержденных или предполагаемых случаев заболевания на территориях и в окружающей среде следует своевременно вводить карантин, принимать решительные меры “двойной приостановки”, чтобы приостановить открытость для внешнего мира и приостановить коллективную религиозную деятельность» [Zhongguo daojiao xiehui...].

В пятом пункте, в частности, отмечается, что «необходимо обращать пристальное внимание на общественное мнение в Интернете, и решительно препятствовать тому, чтобы враждебные силы внутри страны и за рубежом воспользовались возможностью спекулировать (создавать хайп, *чаоцзо* 炒作) на теме эпидемии», а также, что «широким массам даосов и верующих следует (...) не слушать слухи, не верить слухам, не распространять слухи» [Ibid.].

ВАПД и местные даосские ассоциации активно поддерживают в Интернете кампанию по вакцинации: «С момента запуска кампании по вакцинации от новой коронавирусной инфекции АПД провинции Хубэй придавала ей большое значение, выступала с особыми инициативами, постоянно усиливала агитацию и рекомендации (...). Сообщества даосов в разных местах отреагировали положительно и действовали быстро, придерживаясь принципа “следует вакцинироваться — немедленно вакцинируйся, можешь вакцинироваться — немедленно вакцинируйся” (*ин цзе цзинь цзе, нэн цзе цзинь цзе* 应接尽接、能接尽接), и организовало более 80% даосских преподавателей в провинции, отвечающих требованиям вакцинации, для посещения соответствующих местных больниц для вакцинации от новой коронавирусной инфекции. В том числе постоянные насельники, учителя, студенты и сотрудники даосских учебных заведений, монастырей и храмов горы Удан были вакцинированы на 100%, 97% даосского преподавательского состава в Ухане были вакцинированы, 100% даосского преподавательского состава в городе Шиянь и Лесном районе Шэньнунцзя были вакцинированы» [Hubei daojiao jie...] (см. также [Guigang shi daojiao jie...; Guangdong sheng daojiao xiehui...]).

Частные мнения даосов относительно эпидемии COVID-19 и мер, направленных на борьбу с ней (по материалам Интернета)

Частные мнения даосов относительно эпидемии COVID-19 и мер, направленных на борьбу с ней, встречаются в китайском сегменте Интернета реже, чем официальные документы. В тех блогах, которые все же удалось найти, наиболее популярный тезис — утверждение об особенной пользе даосских упражнений/методов в плане укрепления здоровья вообще, и укрепления иммунитета в период пандемии в частности². Отметим, что если расширить поиск, не ограничиваясь материалами, имеющими прямое отношение к даосизму, то можно обнаружить достаточно распространен

² Также в китайском Интернете за несколько лет пандемии COVID-19 появился ряд материалов, где упоминаются божества/духи «сезонных поветрий» (*вэнь шэнь* 瘟神), а также говорится о том, что и новые инфекции «находятся в их ведении» (см., например, [Wuhan yiqing...]).

ные заметки относительно пользы традиционной китайской медицины (*чжун и* 中医) как наилучшего средства укрепления здоровья и иммунитета (*но не в противопоставлении вакцинации!*). Например, автор блога, который скрывается под ником «уданский старец» (*Удан лаожэнь* 武当老人)³, пишет: «Уданский старец, конечно же, не хочет видеть материальных и человеческих потерь, вызванных эпидемией. Однако мораль деградирует, порядочность разрушается, вера потеряна...» [Wuhan yiqing...]. Далее говорится о том, что даосские методы направлены на то, чтобы «лечить болезни и питать тело для достижения здоровья, посредством движения и покоя воспитывать сердце (дух) с тем, чтобы управлять эмоциями, созерцать свое сердце-сознание и вскармливать жизнь для того, чтобы достичь мудрости ...» [Ibid.]. Затем говорится об эффективности даосских упражнений: «Чжан Хао вернулся в горы Удан-шань и рассказал: “В [больничном] отделении, где выполнялись даосские упражнения, не было ни одной смерти, и все выздоровели!” Чжан Хао 张浩 — ученик уданских даосов, волонтер в уханьской больнице Фанцан, герой войны с эпидемией в г. Ухань, посмотрите [в Интернете], чтобы узнать подробнее...». Далее приводится рассказ этого Чжан Хао, где каждый абзац сопровождается рефреном: «эпидемия в Ухане доказывает, что даосские секретные методы эффективны» [Ibid.]. «Чжан Хао говорит следующее: “Все чрезмерно полагаются на медицинскую помощь и пренебрегают физическими упражнениями. В древней китайской медицине, помимо прописывания “лекарственной атаки”, были также... вспомогательные средства, такие как [комплексы упражнений] *У цинь си*, *Ба дуань цзинь*, *И цзинь цзин*”⁴. (...) У Чжан Фа-и (даосское имя Чжан Хао) всегда было желание: продвигать чистые даосские секретные методы совершенствования и рекламировать их, чтобы каждый мог овладеть этими методами, чтобы спасти себя, спасти людей и принести пользу человечеству» [Ibid.]. И далее в том же духе. Затем автор переходит к текущей ситуации: «В реальных условиях больницы преимущества даосских упражнений, такие как [необходимость] малого пространства, медленные движения, внешние и внутренние движения, дыхательные упражнения, быстро получили признание врачей-специалистов, и особенно понравились пациентам, которые достигли замечательных результатов» [Ibid.].

Выводы

1. В китайском сегменте Интернета можно легко найти материалы, содержащие официальные документы ВАПД и местных АПД относительно ситуации с пандемией COVID-19, в которых ключевыми выступают следующие положения:

1.1. категорическая поддержка решений партии и правительства КНР относительно профилактики и контроля эпидемии COVID-19;

³ См. также: [Yiqing you gaofeng...].

⁴ *У цинь си*, *Ба дуань цзинь*, *И цзинь цзин* — *У цинь си* 五禽戏 («Игры пяти зверей»), *Ба дуань цзин* 八段锦 («Восемь кусков парчи»), *И цзинь цзин* 易筋经 («Метод изменения (укрепления) мышц и сухожилий») — традиционные и широко известные комплексы физических упражнений оздоровительной гимнастики *янциэнгун* (*цигун*), практикуемые не только даосами и, по существу, не имеющие религиозного характера.

1.2. конкретные предложения по профилактике и контролю эпидемии в даосской среде; особо подчеркивается необходимость соблюдения дисциплины в ходе осуществления профилактических мероприятий;

1.3. отдельно отмечается необходимость противодействия распространению слухов (речь, по-видимому, идет об «антиконспирологической» профилактике);

1.4. отмечается необходимость пропаганды пожертвований, направляемых на оказание поддержки в противозидемической работе, в даосской среде; в ряде случаев даны отчеты о такой работе, с указанием конкретных собранных сумм и предметов, на которые они были потрачены;

1.5. значительное внимание уделено необходимости вакцинации среди адептов даосизма.

2. Частные мнения адептов даосизма относительно эпидемии COVID-19 и мер, направленных на борьбу с ней, в китайском сегменте Интернета встречаются реже, чем официальные документы даосских организаций. В тех блогах, которые удалось найти, наиболее популярный тезис — утверждение об особенной пользе даосских упражнений/методов в плане укрепления здоровья вообще и укрепления иммунитета в период пандемии, в частности. Если же расширить поиск, не ограничиваясь материалами, напрямую относящимися к даосизму, то можно обнаружить довольно распространенные заметки о пользе традиционной китайской медицины как наилучшего средства укрепления здоровья и иммунитета (однако не в противопоставлении вакцинации).

3. Антипрививочные материалы не были обнаружены нами вовсе: по причинам контроля китайского сегмента Интернета и/или самоцензуры и/или отсутствия конспирологических настроений (отметим, что последнее, по мнению автора, маловероятно).

4. В китайском сегменте Интернета за несколько лет пандемии COVID-19 появились материалы, посвященные божествам/духам «сезонных поветрий» (*вэнь шэнь* 瘟神)⁵, и упоминания о том, что и новые инфекции «находятся в их ведении».

Библиографический список

Вэнь Цзянь, Горобец Л. А. Даосизм в современном Китае. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005.

References

Wen Jian, Gorobets, L. A. (2005) Daosizm v sovremennom Kitae [Taoism in modern China]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 160 p. (In Russian).

⁵ Они также могут именоваться: «пять [богов] мора/эпидемии» (*у вэнь* 五瘟), «пять [божеств] насылающих мор/чуму» (*у вэнь ши* [чжэ] 五瘟使[者]), «пять злых духов» (*у зуй* 五鬼).

* * *

Guangdong sheng daojiao xiehui guanyu jinyibu zuohao jinqi daojiao lingyu xinguan feiyan yiqing fang kong gongzuode tongzhi 广东省道教协会关于进一步做好近期道教领域新冠肺炎疫情防控工作通知 [Statement by the Taoist Association of Guangdong Province on further work to prevent and control the epidemic of novel coronavirus pneumonia in the Taoist environment]. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?src=11×tamp=1632342158&ver=3330&signature=0cKMrcbd0Ue*0eXwxTQdV5TY9E5ysN3ZbzyThAdrlaZ1kvqH5HOCO7U7FsNurUMsqaUz8w15Dtc91FF4otxwvqPhtS3SN-OupWWtxa3KQv714n0VaiXzRfNZUtSDKi3n&new=1 (accessed: 09.11.2021). (In Chinese).

Guigang shi daojiao jie zuoshi zuoxi yiqing fang kong gongzuo quebao quanshi daojiaojie ping'an wending 贵港市道教界做实做细疫情防控工作确保全市道教界平安稳定 [The Taoist community in Guigang City is carrying out thorough epidemic prevention and control work to ensure the safety and stability of the city's Taoist community]. URL: <http://www.daoisms.org/article/sort028/info-41961.html> (accessed: 09.11.2021). (In Chinese).

Guizhou sheng daojiao xiehui jiji zuohao xinguan feiyan yiqing fang kong gongzuo 贵州省道教协会积极做好新冠肺炎疫情防控工作 [The Taoist Association of Guizhou Province is actively working to prevent and control a new epidemic of coronavirus pneumonia]. URL: <http://www.daoisms.org/article/sort028/info-41829.html> (accessed: 09.11.2021). (In Chinese).

Hubei daojiao jie chixu tuijin xinguan yimiao jiezong gongzuo 湖北道教界持续推进新冠疫苗接种工作 [Hubei Taoist community continues to promote new coronavirus vaccination work]. URL: https://m.sohu.com/a/469547517_100121976?scm=1019.e000a.v1.0&spm=smwp.srpage.SERP-list.2.1632316502721o3n9ROc (accessed: 30.04.2023). (In Chinese).

Wuhan yiqing zhengmingle daojiao mifa youxiao 武汉疫情证明了道家秘法有效 [Wuhan epidemic proves Taoist secret methods are effective]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4beb36470102ynf8.html (accessed: 30.04.2023). (In Chinese).

Yiqing you gaofeng — daduoshu ren keyong lai tigao mianyilide daojia duanlianfa 疫情又高峰——大多数人可用来提高免疫力的道家锻炼法! [Epidemic peak again — A Taoist exercise method most people can use to boost immunity!]. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/472088467> (accessed: 07.05.2023) (In Chinese).

Zhongguo daojiao xiehui guanyu jinyibu zuohao xinguan feiyan yiqing fang kong gongzuode yijian 中国道教协会关于进一步做好新冠肺炎疫情防控工作的意见 [Chinese Taoist Association proposals for further work on prevention and control of the new coronavirus pneumonia epidemic]. URL: http://www.sohu.com/a/447544136_638396 (accessed: 9.11.2021). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 10.11.2023. Received: 10 November 2023.

Принята к публикации: 02.12.2023. Accepted: 2 December 2023.

Евгений Петрович Бажанов (1946–2023)

*Т.А. Закаурцева*¹

Памяти профессора Евгения Петровича Бажанова

17 сентября 2023 года безвременно ушел из жизни выдающийся ученый-международник, ректор Дипломатической академии МИД России в 2011–2019 годах, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, член ряда зарубежных академий и автор множества статей и монографий Евгений Петрович Бажанов. В ноябре этого года ему должно было исполниться 77 лет.

Имя Е.П. Бажанова прочно связано с историей Дипакадемии, работе в которой он посвятил почти тридцать лет своей жизни, будучи приглашенным в 1991 году в качестве проректора по научной работе, курирующего в том числе и международные научные связи, а затем – будучи избранным ректором этого учебного заведения.

Навсегда останется в памяти сотрудников, слушателей и студентов огромный вклад Е.П. Бажанова не только в деятельность, развитие и расширение уровней подготовки обучающихся, но и в реальное спасение Академии, само существование которой находилось под угрозой, когда дважды за время его работы она была на грани неоправданного закрытия. Авторитет Евгения Петровича, уважение к нему всегда оставались на высоте и были непререкаемы. Это было ответом на искреннюю заинтересованность руководителя в успешной работе Академии, упрочении ее экспертных и образовательных позиций, в развитии научного потенциала коллектива и каждого сотрудника в отдельности. Он был доброжелательным наставником для многих моло-

¹ Закаурцева Татьяна Алексеевна – д.и.н., профессор кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России.

дых ученых и преподавателей. За эти годы он стал научным руководителем и научным консультантом по почти двум сотням кандидатских и докторских диссертаций. Среди его учеников были выдающиеся политики, дипломаты разных стран, даже президенты: действующий глава Республики Казахстан К.- Ж. Токаев и нобелевский лауреат, президент Республики Корея Ким Дэ Чжун, государственные и общественные деятели, множество дипломатических работников и экспертов-международников, а также ныне занимающие высокие позиции представители академического сообщества России.

На вклад Евгения Петровича в формирование научного потенциала Дипакадемии необходимо указать отдельно. Начав работать проректором по научной работе, он кардинально изменил прежний подход к исследованию международной обстановки и внедрению научных результатов, полученных сотрудниками, в учебный процесс. Во многом это было предопределено самой личностью проректора и его увлеченностью наукой.

Интерес к науке отличал Евгения Петровича с юношеских лет. Дипломатическая работа в США, где ему довелось участвовать в открытии нового советского консульства в Сан-Франциско, затем – в советском посольстве на территории КНР, не только не помешала, но и стимулировала Е.П. Бажанова заниматься научными изысканиями, выявлять глубинные причины политики принимающих государств. Его умение тщательно анализировать обстановку, понимать исторический контекст происходивших событий отразились на качестве направлявшихся в МИД СССР телеграмм и справок. Это сказывалось и на эффективности его дипломатической работы, неоднократно отмеченной руководством ведомства.

Привычка внимательно относиться к любой сложной ситуации и стремиться оценивать ее объективно была выработана в семье. Отец Е.П. Бажанова, Петр Игнатьевич, в советский период был председателем горисполкома города Сочи и много сделал для процветания курорта, оставив о себе у горожан добрую память. Отец вел подробные дневники и приучил к этому своих детей. Евгений Петрович всю жизнь продолжал свои записи о встречах, размышлениях, наблюдениях за событиями в странах, которые он посещал. Такая привычка сослужила ему добрую службу на дипломатической работе. Впоследствии многие из его записей легли в основу мемуарных и научных трудов.

Во время учебы в МГИМО, будучи еще студентом, в 1967-1968 годах Евгений Петрович был направлен на языковую страноведческую стажировку по изучению китайского языка в Сингапур. Там он впервые познакомился с американскими и европейскими сверстниками-стажерами, так же, как и он сам, увлеченными познанием восточного менталитета, истории и народных традиций. За месяцы, проведенные вдали от родины, в иной языковой среде, студенты смогли создать атмосферу взаимной заинтересованности, объединяющего стремления лучше узнать китайский язык и приобщиться к китайской культуре. Почти все, кто был тогда в Сингапуре, стали в своих странах известными экспертами или учеными, достигли высоких постов и званий. Евгений Петрович поддерживал с ними контакты, обсуждал сложные проблемы международных отношений, обменивался публикациями.

Вскоре после окончания учебы в 1969 году он пришел на работу в центральный аппарат МИД СССР и начал публиковать короткие статьи в советских газетах. Это были страноведческие материалы, которые были написаны в стиле, отличавшем Евгения Петровича.

Особую роль в научном становлении молодого дипломата сыграла работа в Соединенных Штатах Америки. Он был направлен в Сан-Франциско, где начинало работать новое советское консульство. Вместе с супругой, Натальей Евгеньевной, специалистом по Корее, они оказались едва ли не самыми молодыми сотрудниками. Именно в этот период Евгений Петрович познакомился со многими известными профессорами Стэнфордского университета и университета Беркли, прочел их книги, посвященные международным отношениям. Стало понятно, что в Америке совсем иначе оценивают историю и перспективы сотрудничества. Возникло желание участвовать в научных дискуссиях и писать свои научные сочинения.

На Западном побережье, в Калифорнии, проживала многочисленная китайская диаспора. Блестящее знание языка помогло Евгению Петровичу в общении со многими ее представителями и выяснении настроений в отношении Советского Союза. В 1972 году в Москве выходит первая книга молодого ученого «Сингапур в политике ведущих стран Запада и Китая». Он пишет свою кандидатскую диссертацию, которая была защищена в том же году в Институте Дальнего Востока Академии наук СССР, и продолжает публиковать статьи в научной периодике.

После первой долгосрочной командировки Евгений Петрович был направлен на обучение и повышение квалификации в Дипломатическую академию, где продолжил свои научные изыскания и начал работу над материалами, положенными в основу его будущей докторской диссертации.

Следующей его долгосрочной командировкой была работа в советском посольстве в Пекине. Большая любовь и уважение к китайскому народу, его богатейшей истории и культуре побуждали к интересным путешествиям по стране, которую ему удалось лучше узнать, общаясь с самыми разными людьми, прежде всего с представителями китайской интеллигенции. Глубокие знания о Китае и блестящее образование помогли Евгению Петровичу оценить потенциал двустороннего сотрудничества. Он стал активным сторонником возрождения советско-китайской дружбы, сравнивая ее с отношением американцев к КНР и видя успешные плоды их двусторонних экономических связей, которым не мешала противоположность идеологий.

По возвращении в Москву Е.П. Бажанов оказался в самой гуще событий, связанных с политикой Перестройки и Нового политического мышления в международных отношениях, которые были связаны с деятельностью М.С. Горбачева. Обширные знания и аналитические способности Е.П. Бажанова были востребованы руководством. С 1985 года Евгений Петрович начинает работать в Международном отделе ЦК КПСС, продвигая идею необходимости налаживания добрососедских отношений с КНР. Он публикует серии статей в прессе, в центральных советских газетах того периода, стремясь привлечь внимание к урокам «рыночного разворота» КПК и успеху китайских реформ. Продолжая научную работу, к которой многие его тогдашние сослуживцы относились скептически как к пустой трате времени, Евгений Петрович

готовит фундаментальную двухтомную докторскую диссертацию по истории международных отношений на тему «США во внешнеполитической стратегии КНР (1949–1986 гг.)». Защита прошла в самом авторитетном на тот момент академическом центре по данной проблематике – Институте востоковедения Академии наук СССР, где соискатель степени доктора наук сумел показать себя зрелым и компетентным специалистом.

Неслучайно в начале 1991 года, еще до самоотставки президента М.С. Горбачева, он, как специалист, обладавший богатым опытом научной деятельности и практической работы на международном поприще, получает приглашение возглавить научную работу в Дипломатической академии, где его помнили и уважали. Это были сложные годы для всей страны, а для образовательных и научных учреждений особенно. Ректором Дипакадемии в те годы был Чрезвычайный и Полномочный посол О.Г. Пересыпкин, сам увлеченный востоковедением и научной работой.

Сложилось так, что именно эта сфера и широко развернувшиеся международные связи оказались спасительны для Академии, практически лишившейся финансирования на фоне затянувшейся реорганизации союзного Министерства иностранных дел и формирования нового республиканского дипломатического ведомства – МИД Российской Федерации. Невзирая на дефицит финансовых и материальных ресурсов, ставивший под угрозу функционирование Дипакадемии в целом и вызвавший, в частности, серьезный отток научно-педагогических кадров, Евгений Петрович, благодаря своей неустанной деятельности, сумел не только сохранить научный потенциал, но и значительно его увеличить. Став проректором по научной работе, профессор Е.П. Бажанов многое сделал для привлечения международных грантов и финансирования Академии. Его обширные контакты с зарубежными научными центрами позволили проводить многочисленные международные научные форумы за счет внешних материальных ресурсов. Международное научное сотрудничество с приходом в Академию Евгения Петровича приняло беспрецедентный размах. Сотрудники научного подразделения с теплотой вспоминают заботу о них проректора по научной работе. В условиях экономического кризиса в стране, задержек и резкого снижения заработной платы им предоставлялась возможность командировок за рубеж на международные конференции и семинары за счет принимающей стороны с выплатой небольших гонораров за выступления. Помимо чисто житейской ценности эти поездки давали неоценимую возможность познакомиться с трудами и идеями западных и восточных коллег, установить новые научные контакты, разъяснить политику нашей страны и уточнить многие исторические факты, искаженно воспринимавшиеся партнерами. Усилиями Евгения Петровича удалось сохранить научный коллектив Дипломатической академии, поднять его авторитет.

До прихода в Академию профессора Е.П. Бажанова в «советский период» там существовал Научно-исследовательский отдел. Его функции сводились к подготовке научных кадров в аспирантуре, координации научной работы кафедр и редакционной деятельности по выпуску учебных материалов и тематических сборников по итогам конференций. Инициативным направлением работы была подготовка справочно-аналитических материалов для Министерства по итогам совещаний сотруд-

ников НИО с руководителями соответствующих подразделений МИД. В отдельных случаях формировались даже временные рабочие группы из числа сотрудников различных секторов НИО для проведения необходимых Министерству международных встреч и форумов.

Формирование новой внешней политики страны в условиях распада биполярного мирового порядка происходило одновременно со становлением новой российской государственности. Дипломатическая академия, осуществлявшая подготовку, повышение квалификации и переподготовку дипломатических кадров страны для нового Министерства иностранных дел России, нуждалась в соответствующем пересмотре программ и подходов, предполагавшем также реорганизацию работы научно-исследовательского подразделения.

В 1994 г. проректор по научной работе разработал план преобразования НИО в полноценную экспертно-научную структуру Академии. Им был написан учредительный устав и создан Институт актуальных международных проблем (ИАМП), первым директором которого стал сам Евгений Петрович Бажанов. Это не было простым переименованием отдела. На базе прежних секторов были сформированы новые научные центры, профиль которых в дальнейшем изменялся в соответствии с новыми реалиями жизни страны и потребностями ее внешней политики, а кадровый состав обновлялся за счет приглашенных специалистов, привлечения известных ученых-международников и молодых ученых, прошедших научную школу в Академии. В 1994 году в здании Академии работал над своей концепцией «столкновения цивилизаций» американский профессор С. Хантингтон. Выступали перед слушателями и сотрудниками Академии американский профессор и бывший госсекретарь США Г. Киссинджер, М. Олбрайт, сотрудники Китайской академии общественных наук и ученые из других стран. Приезжали видные политические деятели, которым по инициативе Е.П. Бажанова и по согласованию с Министерством, были вручены мантии «почетных докторов» Дипакадемии.

В образовательной деятельности произошли существенные перемены. В Академию было разрешено принимать на основе конкурсного отбора студентов из различных вузов страны, а также иностранцев. Начался прием на обучение ежегодно определенного числа студентов и слушателей по направлениям министерств иностранных дел стран СНГ, Прибалтики, а также государств Восточной Европы, Монголии, Кубы и Вьетнама. Многих из этих слушателей в период обучения увлекла наука о международных отношениях. Впоследствии некоторые из них были приобщены к исследовательской работе в интересах дипломатии своих стран, подготовили и защитили кандидатские и докторские диссертации. В новых условиях открытости Дипакадемии для внешних контактов, в том числе для научных обменов, широкое развитие получили плодотворные связи ИАМП с научными центрами ближнего и дальнего зарубежья. Работа сотрудников института была переведена на контрактную основу, а их количество увеличилось к началу 2000-х годов до 40–50 человек. К научной работе стали привлекаться также докторанты и аспиранты Академии, представители МИД, других госструктур, институтов РАН, зарубежные ученые. Это было периодом расцвета научной деятельности Академии. ИАМП под руководством профессора

Е.П. Бажанова превратился в один из самых авторитетных российских экспертных центров по международным отношениям.

Евгений Петрович был приглашен в Научные советы при министре иностранных дел и Совете Безопасности и оставался там действующим членом на протяжении десятилетия. Он участвовал в разработке очередной Концепции внешней политики России, а также ряда других стратегических документов. В качестве эксперта профессор Бажанов неоднократно выступал на слушаниях комитетов обеих палат Федерального собрания и в Администрации Президента России.

В целом под руководством проректора возросла эффективность научной работы ИАМП и всей Академии. Сложился отлаженный механизм информационного и экспертно-аналитического взаимодействия с МИД России. Усилиями Е.П. Бажанова оно было упорядочено. Основным направлением сотрудничества стало выполнение ИАМП Плана-заказа, ежегодно утверждаемого руководством МИД России. Евгений Петрович добился того, что научная работа приобрела плановый характер, позволявший проводить качественные изыскания в вопросах мировой политики, актуализировавшихся на разных этапах. Эксперты внимательно изучали весь объем зарубежных и отечественных публикаций по конкретной проблеме и составляли для профильных департаментов Министерства рекомендации и прогнозы. Вместе с плановыми работами возрастало количество коротких справочно-аналитических записок, свидетельством чему стал заметный рост числа положительных отзывов от заместителей министра иностранных дел, директоров департаментов МИД, российских диппредставительств за рубежом, руководства федеральных ведомств. Коллегия МИД России в эти годы неоднократно отмечала, что Академия является важным научно-образовательным учреждением, которое «на регулярной и плановой основе оказывает научное содействие в выработке и реализации внешней политики страны».

Проректор по научной работе профессор Е.П. Бажанов был назначен ректором в соответствии с приказом Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в роковой для Академии период, когда после очередной смены руководства вуза в 2011 году начались массовые увольнения сотрудников. Дипакадемия оказалась на грани рейдерского захвата своих помещений в центре Москвы. Ему удалось добиться вмешательства министра в эту драматическую ситуацию и по сути «спасти» Академию. Дважды после этого практически единогласно коллектив избирал Евгения Петровича на пост ректора.

В эти сложные для Академии годы научная работа не прекращалась. На должность проректора по научной работе новый ректор пригласил своего ученика, молодого и уже очень авторитетного китаиста-международника А.В. Лукина, успешно защитившего накануне оригинальную докторскую диссертацию при научном консультировании профессора Бажанова. С приходом в ИАМП столь энергичного эксперта по внешней политике КНР «востоковедческое» направление исследований получило новый импульс, помимо прикладных стали проводиться фундаментальные исследования. Благодаря усилиям А.В. Лукина в ИАМП были подготовлены солидные монографические издания. Продолжали выходить и новые монографии из-под пера Е.П. Бажанова.

Должность проректора по научной работе и директора ИАМП после перехода А.В. Лукина в федеральные структуры занял также ученик Е.П. Бажанова профессор О.П. Иванов – американист и специалист по вопросам международной безопасности.

Евгений Петрович Бажанов много внимания уделял организации научных встреч и конференций. На высоком министерском уровне несколько лет подряд Академия проводила Корейский Форум. Прошло несколько десятков конференций высокого уровня с учеными из КНР, Республики Корея, Японии, Турции, Ирана и ряда европейских государств. Академические свободы научного центра позволяли обсуждать с международными партнерами России самые «чувствительные и неудобные» вопросы, что не всегда было позволено на официальном уровне (как это было с учеными из Тайваня, например). Помощь в проведении научных мероприятий оказывал Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, было налажено тесное сотрудничество с Фондом «Русский мир». В 2016 году в память о супруге и постоянном соавторе Евгением Петровичем был создан Фонд развития науки и образования им. Н.Е. Бажановой, безвременно ушедшей из жизни.

Понимая роль материального обеспечения в достойной организации научных исследований, Евгений Петрович добивался самофинансирования этой сферы деятельности, стремясь минимально использовать внебюджетные ресурсы Академии от образовательной деятельности. В 2012 году Евгений Петрович добился открытия в Академии бакалавриата, обеспечив тем самым высокое качество и непрерывность подготовки будущих дипломатов, получивших возможность за годы обучения в совершенстве овладеть восточными и редкими языками в соответствии с потребностями дипслужбы. С 2014 г. исполнение Плана-заказа МИД России по научным исследованиям по настоянию ректора Е.П. Бажанова стало оформляться как государственное задание и финансироваться из средств федерального бюджета. Другим путем получения средств на финансирование научной работы из внешних источников стало участие в конкурсах на исполнение государственных заказов. Например, в 2013 г. Дипакадемия победила в открытом конкурсе на право заключения госконтракта с Администрацией Президента России на подготовку научного исследования «Фактор российских неправительственных некоммерческих организаций в государствах Центральной Азии», а также в конкурсе Федеральной службы по финансовому мониторингу на подготовку аналитического материала по теме «Офшорные зоны в мировой экономике как предмет финансового контроля и регулирования». Подобных проектов было немало.

Профессор Бажанов очень внимательно относился к научной «продукции» ИАМП. Он визировал все справочно-аналитические записки, направлявшиеся в МИД России и другие государственные структуры страны. В среднем за годы ректорства Е.П. Бажанова таких материалов направлялось ежегодно более ста. Он продолжал быть авторитетным специалистом-экспертом, которого приглашали на важнейшие встречи государственного уровня. Во время визита в Россию руководителя КНР Си Цзиньпина среди узкого круга российских китайстов, с которыми он встретился и побеседовал, был и профессор Бажанов. Посол Китая в России тогда настоял, чтобы от имени экспертов с приветственным словом выступил именно профессор Бажа-

нов, с которым гость был лично знаком. Во время участия Президента России В.В. Путина во встрече глав государств G-20 на Гоа профессор Бажанов был в составе сопровождавшей группы экспертов. Его также пригласили в группу сопровождавших Президента специалистов во время визита в Турецкую Республику, где Е.П. Бажанов участвовал в подписании соглашений по образовательному сотрудничеству. Труд Евгения Петровича Бажанова был отмечен государственными наградами – орденами и медалями России и зарубежных государств.

На протяжении всей жизни он продолжал увлеченно работать в науке. Его перу принадлежат более 40 монографий, несколько книг памяти супруги и 20-томное издание мемуаров, подготовленное уже после отставки с поста ректора в начале 2019 года. Книги профессора Е.П. Бажанова переведены на иностранные языки и опубликованы в 22 странах мира, некоторые из них удостоены международных премий. За годы его творческой деятельности было опубликовано несколько сот статей в научной периодике и прессе по общим вопросам международных отношений, внешней политике и внутреннему положению России, США, Китая, Южной и Северной Кореи, Японии, государств АСЕАН, Европы, Центральной Азии и Ближнего Востока.

Память о нашем уважаемом талантливом коллеге и замечательном человеке Евгении Петровиче Бажанове навсегда останется в сердцах его друзей, учеников, коллег, всех, кому посчастливилось с ним работать и общаться.

Дипломатами не рождаются или свет с Востока. О Е.П. Бажанове и его семье

Я с восхищением наблюдал за научной карьерой двух выдающихся ученых, которых соединила трогательная любовь друг к другу и к Востоку. Они сыграли важнейшую роль и в дипломатии, и в развитии отечественного востоковедения. И личное было неотделимо от общественного: тепло этой семьи ощущали все, кто удостоился доброго знакомства и дружбы.

Наталья Евгеньевна Бажанова – успешна во всем. Счастлива в карьере, в друзьях и, конечно же, в замужестве. Евгений Петрович Бажанов – умный и ироничный, тонко разбирающийся в людях, очень внимательный и все точно понимающий. Наверное, никто, кроме тех, кто знал его давно и близко, не подозревал, как нежно и преданно он любит и ценит свою единственную спутницу — Наташу, которая составила счастье его жизни и стала вдохновителем всех успехов четы Бажановых.

Кому-то кажется, что совместная работа мешает счастливому браку. Как правило, это в тех случаях, когда работа – не любимая, когда дома хочется о ней поскорее забыть. У Бажановых другой случай. Это больше чем работа. Это интенсивная духовная и интеллектуальная жизнь, которая никогда не замирает. Счастливый брак. Жизнь без секретов друг от друга. Разве что держится в тайне заранее купленный подарок к Новому году, на день рождения, к годовщине свадьбы.

Никто не знает, как это происходит. Но они – опора друг для друга всегда и во всем. Каждый вечер они вместе. Им интересно вдвоем. Вдвоем-то как раз очень интересно! Им никогда не бывает скучно. Рассказать все, что случилось за день, поделиться. Услышать совет. Как важно ее постоянное присутствие рядом, ее заботливое внимание, ее мнение, ее оценки, ее неоценимая помощь. А для нее нет ничего важнее его дел.

И это не предположение. У нас весомые доказательства. Письма, заботливо сохраненные, страницы из дневника, изданные книгой. Не правленные, не редактированные, не приглаженные. Кто-то, верно, изумится: так откровенно, нараспашку, открыть душу, поделиться самым сокровенным, что другие держат под спудом, сами себе не решаясь ни в чем признаться...

А Бажановым нечего скрывать. Ничего стесняться. Нечего прятать и таить. Делать вид, будто этого и вовсе не было. Очаровательное легкомыслие юных лет, трогательная наивность, безграничная вера в доброту, завидный оптимизм... Все это чудесные черты, которых так недостает в нашей жизни.

¹ Политический обозреватель телеканала «Общественное телевидение России».

Ты втягиваешься в чтение писем, как в мастерски сделанный сериал. Современная сага. История одной семьи на фоне драматических событий в мире и в нашей стране. Фон обрисован прекрасно. Словно заново листаешь книгу и своей жизни. Меняющиеся американские президенты, захватывающие перипетии китайской жизни, начало перемен в нашей стране, которые вскоре приобретут стремительный характер...

Персонажи знакомы. Но какой интересный ракурс! С какой неожиданной точки они увидены. И сколько, оказывается, ты не знал! О сколько многом и не подозревал. Не догадывался. Какие внимательные наблюдатели эти Бажановы! Но они не только наблюдают. Они действуют. А в нашем мире, как свидетельствует современная физика, присутствие наблюдателя меняет реальность. И благодаря Бажановым мир на наших глазах становится другим.

Одни совершенно не понимают Китая. Другие плохо представляют себе Корею. Приходится вновь и вновь объяснять, доказывать, убеждать. И труды Бажановых не пропадают втуне! Южная Корея становится важным партнером. Китай – стратегическим партнером. Это к вопросу о роли личности в истории.

И о том, какой удачей обернулось распределение студентов-первокурсников МГИМО по языковым группам. Это же готовый тост! И наши герои не преминут его произнести. Дружеское застолье, душевные беседы за обеденным столом – продолжение той же интенсивной интеллектуальной жизни. Скучных и неинтересных собеседников за этим столом не бывает.

«Под аккомпанемент песен Сальваторе Адамо, – вспоминал Евгений Бажанов, – мы танцевали и выпивали, грызли гранит науки и вели политические дискуссии. “Падает снег” в исполнении Адамо так и осталась для нас с Наташей любимой песней на всю жизнь. Особенно зимой, когда действительно шел снег и на землю, кружась в вальсе, плавно опускались снежинки».

Они открыты миру. Тут любопытное совпадение. Есть люди, которые за всем, что происходит, видят заговоры, злую волю, влияние темных сил... Эти люди безумно подозрительны, пугаются собственной тени и боятся окружающего мира, как черт ладана. Отправляются за границу исключительно ради материальных благ и карьеры. Все остальное, величайшие достижения человеческого духа, остается непонятым и непонятым.

Бажановы видят мир, каким он есть. Им интересно непознанное. Они хотят увидеть все и разобраться во всем непонятом! Они неустанно познают окружающее. Это не туризм. Перед поездкой — книги и статьи о новой стране. Все увиденное описывается и снимается. Желаящим могут дать полный отчет. Вскоре после поездки появится очередной толстенный том.

Широта взгляда и незашоренность определяют научный стиль Бажановых. Стиль не меняется на протяжении всей жизни. Ни высокие научные звания, ни должности, ни заслуженный авторитет в дипломатической и научной среде не отменяют требовательности к себе. Снисходительны Бажановы – и весьма! – к другим. Себе никаких поблажек. Поэтому не меняется научная ценность прогнозов и оценок.

Они очень разные по темпераменту. Что же сближает помимо неуходящей любви? Общие представления о жизни. Базовые ценности. Трезвый взгляд на мир, что бы вокруг ни происходило, какими бы соблазнами ни искушал внешний мир.

«Вы такая красивая!»

Эта улыбка. Эти счастливые глаза. Это высоко поднятая голова и легкая походка. Конечно, она осознает свою красоту. Но красивой женщину делают не только гены, но и любовь. И она знает, что она любима и желанна. Мужчины на улице провожают ее взглядом. Одноклассники, сокурсники и коллеги претендуют на ее внимание. Но в ее жизни есть только один мужчина, с которым она идет по жизни.

Конечно, этот брак точно был заключен на небесах. Проходит время, а его восхищение не исчезает. Он купил видеокамеру в первую же загранкомандировку и с тех пор постоянно снимает ее. И только ее. Меняется фон. Она остается на первом плане. Это бесконечный фильм о любимой женщине.

Мы не видим того, кто снимает ее. Образ художника – сфера интереснейших суждений искусствоведов. Когда мы любимся картиной или смотрим увлекший нас фильм, автора нет рядом. Но мы понимаем, что он хотел нам показать. Мы видим ее его глазами.

На этих кадрах, которые снимались годами, она почти всегда молчит. Не потому, что были трудности с записью звука. Слов не надо. Так понятно ее настроение, так очевидно это ощущение полного и безоблачного счастья. Мы не видим его. Но ясно, что он рядом, они вместе. С годами понимаешь, что ничего нет лучше, чем находиться рядом с любимым человеком. Держаться за руки, смотреть друг на друга, идти вместе – по этой улице, по этому городу, по этой жизни...

«Я влюбился в нее во время вступительных экзаменов, – вспоминал Евгений Бажанов, – просто потому, что не влюбиться в эту чудесную девушку было невозможно. В 1968 году мы поженились.

В разных странах участники конференций спрашивали Наташу:

– Вы что, научный работник?

– Да, – отвечала Наташа. – А почему вы спрашиваете? Сомневаетесь?

– Вы такая красивая! Зачем вам заниматься наукой?».

Что такое красота? Как ее описать? Все дефиниции бесполезны. Смотришь – и понимаешь, что женщина прекрасна. Если говорить о Наташе, то ее красота требует определения. Мне кажется, точнее было бы сказать – трогательная красота. И даже хрупкая. Сильный характер и мужской ум сочетаются с некой внешней беззащитностью. И потому у спутника жизни, ее мужа, ее мужчины возникает желает охранить и сохранить. Уберечь от всех тревог и ненастий мира. Хотя если задуматься, кто кого оберегает и спасает...

«Мы всегда были вместе, целых 46 лет, – вспоминал Евгений Петрович. – Вместе работали, вместе писали книги и статьи, вместе смотрели телевизор, вместе ходили гулять, вместе отдыхали. Вместе ездили в командировки за рубеж. Окружающие так привыкли воспринимать нас как одно неделимое целое, что повсюду вдвоем и приглашали. И я привык все делать для Наташи, ради нее, чтобы доставить ей удовольствие, заслужить ее похвалу. В этом был главный смысл всех моих стараний чего-то добиться в жизни».

Он родом из Сочи. Отец, Петр Игнатьевич Бажанов, был председателем Сочинского горисполкома. Именно он еще в конце шестидесятых годов заговорил об олим-

пийских перспективах Сочи. Тогда проведение зимних игр в Сочи многим казалось фантастикой, но не Петру Бажанову. Он разработал генеральный план развития города. И благодарные сочинцы хранят память о своем мэре.

Ее семья – отец-моряк и мать-врач. Евгений Павлович Корсаков в военные годы – капитан сухогруза на Дальнем Востоке. Доставлял груз олова из Сингапура, захваченного японцами. Опасное путешествие. Молодого моряка заметили и перевели в столицу. Он служил в министерстве морского флота, после войны работал в управлении кадров ЦК партии, руководил сектором в транспортном отделе ЦК.

Семье дали двухкомнатную квартиру в доме № 26 на Кутузовском проспекте. Дом знаменитый. Здесь в разные годы жили Брежнев, Андропов, Щелоков... Мать, Нина Антоновна, тридцать три года проработала в Боткинской больнице, двадцать лет заведовала терапевтическим отделением в 7-м корпусе. Дом, открытый для гостей. Семья, готовая помочь. Таковы семейные традиции, которые она понесет дальше – в новую семью.

С детства независимый характер. За что ни бралась, все получалось на «пятерку». Увлечлась культурой Индии. Где учат восточным языкам? В МГИМО. Она отлично сдала экзамены и ее зачислили на факультет международных экономических отношений. Но вместо хинди дали изучать корейский.

Так решили в учебной части МГИМО, когда распределяли студентов по языковым группам. А Евгения Бажанова определили в китайскую группу. Он писал родителям: «Прихожу из института и по пять часов учу иероглифы. В шесть утра встаю – и сразу за иероглифы».

Европейскому человеку рисовать загадочные иероглифы непросто, но если уж ты этому научился, то приобрел нечто большее, чем просто знание еще одного иностранного языка... Восток притягивает. Востоковедение формирует преданность делу, целеустремленность. Восточный язык — нелегкий путь в жизни. Раз человек себе такую стезю избрал, значит, он уже не пенкосниматель...

Что еще дает знание и понимание Востока? Спокойствие, умение ждать и адекватно реагировать на то, что говорит другой человек и что он думает, умение вникать в слова собеседника, умение выжидать и умение говорить инсказательно, то есть по-восточному...

Наташа Бажанова стала блистательным знатоком и языка, и страны. Мало кто может похвастаться тем, что еще будучи студентом сам преподавал. А Наташа учила будущих дипломатов и больших ученых в том возрасте, когда другие сидят на студенческой скамье, внимая профессорам. На четвертом курсе ей поручили преподавать корейский язык студентам младших курсов. Она преподавала корейский будущему академику и ректору МГИМО Анатолию Васильевичу Торкунову, будущим послам и ученым. Благодаря ей влюблялись в корейский язык. И в учительницу. Один из ее студентов вспоминал: «Мы мнили себя отчаянными донжуанами и пытались с ней заигрывать. Но Наташа немедленно поставила нас на место».

«На первых порах зубрил мудреный корейский язык без энтузиазма, – вспоминает академик Торкунов. – Но вот к нам в аудиторию впрорхнула юная учительница Наташа, сама еще только студентка 4-го курса. И своим обаянием, любознательностью,

серьезностью, умом буквально зажгла во мне корееведческий огонь. Я влюбился в Корею».

Мягкая и внимательная, не показывающая своего превосходства и широты познаний, она была идеальным педагогом. Учила не только востоковедению, но и умению понимать мир и чему-то еще очень важному. Очень чувствительная к несправедливости и лжи, она учила умению сохранять достоинство и порядочность.

Александр Алексеевич Авдеев, министр культуры, первый заместитель министра иностранных дел, посол в Ватикане, рассказывал: «“Корейцы” и “китайцы” на наших глазах быстро погружались в неведомый мир иероглифов. Во время скучных лекций они методично наносили на бумагу эти таинственные знаки. Фотография Наташи висела на Доске отличников института. Ладная, красивая, с точеной фигурой и лучистыми глазами, она привлекала всеобщее внимание, но держалась скромно и просто. Рядом с Наташей всегда был элегантный умница-китаист Женя Бажанов. Их свадьба в 1968 году явилась для курса само собой разумеющейся. У этой красивой пары была замечательная интеллектуальная аура.

Женя Бажанов в числе самых талантливых студентов-китаистов уехал на учебу в университет в Сингапуре. А Наташа преподавала корейский язык на младших курсах».

Евгения Бажанова отправили в Сингапур учиться. Он еще не получил диплома, когда его привлекли к работе в советском посольстве. Посол сразу оценил талантливого молодого человека. А Евгений Петрович не был уверен, что дипломатия – его призвание.

«В Сингапуре, – вспоминает Евгений Петрович, – я загорелся желанием стать разведчиком, о чем и сообщил резиденту. Он направил в Центр рекомендацию использовать меня в разведке. Но перед зачислением требовалось пройти серьезную медкомиссию. На приеме у окулиста выяснилось, что по зрению я в органы не годюсь».

Через несколько лет, в 1974 году, когда Бажановы уже трудились в Сан-Франциско, туда прилетел руководитель внешней разведки Владимир Александрович Крючков, будущий председатель КГБ.

«Крючкова, – вспоминал Евгений Петрович, – катал по Сан-Франциско товарищ из разведки, но он гостя не устроил. Крючков пожаловался генконсулу, что товарищ плохо знает город и местную обстановку. Тогда миссию возложили на меня. Крючков остался доволен. С тех пор со мной встречались высокопоставленные чины КГБ и предлагали перейти к ним на службу. Я благодарил, но отказывался».

Учеба и работа в Сингапуре помогли стать блистательным синологом, одним из лучших специалистов по Китаю. Но потом Евгений Петрович, пожалуй, с сожалением вспоминал, что снежным ноябрем улетел в бананово-лимонный Сингапур:

«Стоит Наташенька с родными на балконе тогда еще старого и примитивного аэропорта Шереметьево в коротеньком пальтишке, хрупкая, нежная, обескураженная и машет мне... Сейчас, когда Наташеньки уже нет, я поражаюсь тому, что решился тогда на столь длительную разлуку (целый год!) со своей юной женой. Если можно было бы начать жизнь заново, я ни за что на свете не пожертвовал бы годом семейного счастья ради какого-то Сингапура!».

Наталью Бажанову после МГИМО хотели взять на работу в восточное управление министерства внешней торговли, о чем многие мечтали! А она мечтала заниматься наукой и ушла в академический институт, где ей назначили зарплату в 75 рублей. И приступила к сбору материалов для диссертации на тему: «Роль советско-корейского экономического сотрудничества в развитии народного хозяйства КНДР (1954–1970 гг.)».

Эта уникальная работа сделала Наталью Бажанову известной в востоковедческой среде. Затем последовали труды о ядерной программе Северной Кореи, о стратегии великих держав на Корейском полуострове, о перспективах объединения корейского народа. И о корейской войне.

Бажанова взял в министерство иностранных дел знаменитый Михаил Степанович Капица, будущий заместитель министра, а тогда заведующий отделом стран Юго-Восточной Азии. Потом увел с собой в 1-й Дальневосточный отдел – заниматься непосредственно Китаем. И вдруг востоковедов Бажановых отправляют в Америку. Мао Цзэдун протянул руку президенту США Ричарду Никсону, и в Америку решили отправить профессиональных китаистов.

Капица объяснил:

– Ты должен быть благодарен двоим. Во-первых, Мао Цзэдуну. Если бы не он, нам бы не пришлось следить за Китаем из далекого Сан-Франциско. Во-вторых, мне. Это я рекомендовал кадрам послать тебя. Так что по прибытии на место выпей чарку за дядю Мао и за меня!

В феврале 1973 года Бажанов начал дипломатическую службу в генеральном консульстве в Сан-Франциско, которое летом 2017 года со скандалом закрыли нынешние американские власти.

«В Сан-Франциско нет обычных времен года, – вспоминал Евгений Петрович. – Есть два сезона. Сухой — с апреля по сентябрь и дождливый — с октября по март. Но в отличие от тропиков здесь никогда не бывает стабильно тепло. Марк Твен как-то заметил, что самой холодной зимой в его жизни было лето в Сан-Франциско».

Калифорния – не только пляжи. Это мощная экономика. Если бы Калифорния обрела государственную самостоятельность, то стала бы седьмой по значению экономической державой мира.

Бажановы искали квартиру. Хозяин колебался, сдавать ли жилье советским дипломатам: «Я не очень люблю ваше правительство». Наташа резонно заметила: «Если мы будем искать в Сан-Франциско домовладельца, который любит наше правительство, то вообще останемся на улице». Хозяин оценил ее юмор.

И Бажанов все годы дипломатической службы множил число наших друзей. Не вербовал. Не завлекал. Не подкупал. А завоевывал своим обаянием. Очарованием ищущей мысли.

В Калифорнии расположены крупные научные институты, мозговые центры страны. Край мощной интеллектуальной жизни. До Бажановых в этих стенах никто из наших не бывал. Бажановы, элегантная пара, неизменно удивляют американцев. Местные газеты помещают восхищенные отчеты о выступлениях этой необычной пары.

Конечно, дипломат получает инструкции из центра. Иногда очень детальные. Но очень часто нет ни времени, ни возможности запросить центр. И решение нужно принять самим. А на карту поставлены интересы и репутация государства. Твое мнение воспринимается как официальное мнение твоей страны. Надо точно разбираться в происходящем. Трезво анализировать.

Губернатор Калифорнии – Рональд Рейган, будущий президент США. Но правильно оценивать политиков недостаточно. Надо понять американцев как народ. Бажанов открыт миру. Кто еще из наших дипломатов в таких количествах скупает книги и внимательно их изучает?

Командированные в Сан-Франциско дипломаты, московские ученые, а также актеры, режиссеры и писатели — все находят приют в гостеприимном доме Бажановых. Это же советские времена. У самых знаменитых гостей в карманах копеечные командировочные. Улицы Сан-Франциско полны невероятных искушений. А дома остались семьи, которые ждут подарков. И гости уезжают с подарками.

Бажановская щедрость известна. Это качество они пронесут через всю жизнь. «Чем помочь?» Это первая реакция на рассказ о проблемах и невзгодах. А иногда и не спрашивают. Просто делают. И так всегда и во всем. И никогда не напоминают о сделанном.

Очарование ищущей мысли

В 1982 году Бажановых командировали в советское посольство в Пекин. «За что вас в Китай?» – сочувствовали Бажановым коллеги в высотном здании на Смоленской площади. После Америки – в Китай?

«Мы трудились в посольстве СССР в Пекине в первой половине восьмидесятых, – вспоминал Евгений Бажанов. – Поднебесная только начинала выходить из состояния ксенофобии и полной закрытости. Простой люд еще продолжал воспринимать иностранцев как “заморских чертей” и шарахаться от них».

Именно тогда Китай стремительно менялся. Но невероятно трудно было со стороны понять его устремления.

Китайцы не уверены, что разум западного человека способен постичь сложность любой ситуации. Здесь – загадочное для европейца лицо Дальнего Востока, лицо, лишенное в своей застывшей непроницаемости всяких признаков «зеркала души». Показать, что творится в твоей душе, значит, нарушить всякие приличия, потерять «лицо». Дерево дорожит своей корой, человек – своим лицом, говорят китайцы.

В Пекине Бажановы были на месте. Они видели, что в мире просто не понимают китайцев, неверно судят об их намерениях и амбициях. Бажановы сознавали: наиболее вероятный сценарий состоит в том, что в ближайшие полвека Китай станет ведущей державой. Но это будет сверхдержава иного типа, чем существовали прежде. Китай – особый случай. Это больше чем государство. Целая цивилизация, оказавшая серьезное влияние на соседние страны. Стремительное развитие Китая ставит перед миром вопрос: как строить отношения с восходящей супердержавой? Ставки высоки. Речь идет о новом мировом порядке, и надо найти место для нового гиганта.

Точный анализ китайской политики оценили в Москве, и после Пекина Бажанова пригласили работать на Старую площадь, в ЦК партии, в Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В газетах его полное название никогда не упоминалось, писали коротко и внушительно – Отдел ЦК. Задача отдела: изучение экономических и социально-политических процессов в соцстранах, в том числе в Китае.

Обычно в аппарат ЦК принимали только со стажем освобожденной партийной работы, то есть бывших секретарей райкомов-горкомов-обкомов. Использовать их на аналитической работе в сфере мировой политики было трудновато. Руководители Отдела ЦК получили редкую возможность набрать молодых людей, не прошедших школу партийного аппарата, – из министерства иностранных дел, академических институтов, академических журналов.

А в новой России Бажановы концентрируются на научной работе. Вместе проводят круглые столы, семинары и конференции. В узком высококомпетентном кругу, чтобы можно было высказаться совершенно откровенно. И какие имена в списке участников! Какие открытия делаются в ходе таких мозговых штурмов!

Что всегда поражало в Наташе Бажановой... Наши корееведы – большие поклонники великого вождя Ким Ир Сена, его сына и внука. Регулярные поездки в Северную Корею несколько их не расстраивали, они не находили в установившейся там системе никаких недостатков. Работавшая в том же секторе Института востоковедения Академии наук Наталья Евгеньевна Бажанова ничем на них не походила.

Она оставалась настоящим ученым в те годы, когда это не всем удавалось. Думаю, ее спасали хорошо развитый аналитический ум и врожденное чувство собственного достоинства. Я бы назвал это аристократизмом духа. Наталья Бажанова принадлежит к числу тех востоковедов, которые сыграли важнейшую роль в установлении отношений с Южной Кореей, которой десятилетиями пренебрегали.

Труды Бажановых отличали фундаментальность анализа и научная добросовестность. Серьезные и одновременно увлекательные книги. Глубина, основанная на богатом научном материале и политическом опыте. Легкий стиль делал их книги доступными для широкого читателя.

Евгений Бажанов: «Некоторые коллеги считают, что сам я ничего не пишу, за меня писала жена, а я лишь подписывался. Мой редактор, встретив в рукописи красивый пассаж, отмечала на полях: “Это, конечно же, Наталья Евгеньевна, только она могли выразиться столь романтично!” Мне все это приятно было слышать».

Крепкий тыл позволил Евгению Бажанову принять на себя тяжелое бремя управления Дипломатической академией министерства иностранных дел России.

Все знали Евгения Петровича как талантливого ученого. На посту ректора он показал себя руководителем высочайшего уровня. Прирожденный администратор обладает даром предвидеть будущее, что позволяет одолевать любые препятствия, а ординарный превращает лежащие на пути булыжники в валуны. Дипломатическая академия воспитала костяк отечественного дипломатического корпуса. Большинство российских послов и руководителей департаментов министерства иностранных дел окончили академию. Среди ее выпускников – выдающиеся политические деятели, известные журналисты, видные ученые, бизнесмены.

Дипломатическую службу называют частью оборонительно-наступательной системы государства. Дипломатия – наряду с вооруженными силами и разведкой – своими, сугубо мирными, методами надежно защищает национальные интересы. При этом дипломат, возможно, одна из самых малочисленных профессий на земле. По слов в нашей стране всего несколько сотен человек.

Дипломаты остаются элитой общества. Внешней политике страны нужны лучшие. В этой сфере прощается многое, но не отсутствие образования. Плохо образованный дипломат, с неважным знанием иностранных языков практически не имеет никаких шансов сделать карьеру. Суровые требования гарантируют высокое качество.

Успеха добиваются только компетентные, преданные своему делу карьерные дипломаты. Карьерные дипломаты — спаянное братство. Они гордятся своим профессионализмом и принадлежностью к корпорации.

Дипломатическая академия министерства иностранных дел России – уникальное учебное заведение, воспитывающее костяк отечественного дипломатического корпуса. Выпускники МГИМО тоже совершенствуют свои познания в Дипломатической академии. Академия готовит руководящее звено дипломатии. Один из выпускников сравнил ее с академией генерального штаба. Здесь готовят полководцев внешней политики.

Кузница дипломатических кадров

Исходя из того, что дипломатами не рождаются, в 1934 году при наркомате иностранных дел Советского Союза образовали Институт «для подготовки дипломатических и консульских работников». Оргбюро ЦК ВКП/б/ постановило: «При приеме в Институт отдавать предпочтение товарищам, имеющим опыт ответственной партийной, советской и комсомольской работы, а также знающим иностранные языки».

Газеты «Правда» и «Известия» 21 августа 1934 года сообщили, что открывается прием заявлений в дипломатический институт. О новом учебном заведении в Москве прознал молодой директор металлургического рабфака в Каменке (ныне Днепродзержинск) Леонид Ильич Брежнев. Не ведая, какая блестящая карьера ему суждена, весной 1935 года засобиравшись в дипломаты. Запасаясь рекомендациями и характеристиками, с волнением ожидал вызова в Москву, но в дипломаты его не взяли.

На первый курс зачислили всего 37 слушателей. Как раз в те годы в Москве оживала дипломатическая жизнь. Часто устраивались приемы. Главный давался в Свердловском зале Кремля по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Приходили все советские руководители, некоторые с женами. Гости танцевали, пили и ели до утра. Впрочем, иностранцы быстро убеждались, что соревноваться с хозяевами в питье и еде — дело опасное. К утру иностранные дипломаты теряли форму и с трудом добирались до дома.

В 1938 году свободный прием в Институт дипломатических и консульских работников прекратили. В это закрытое учебное заведение зачисляли решением ЦК партии. Нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов 27 августа 1939 года подписал приказ о преобразовании Института в Высшую дипломатическую школу,

которую отнесли к «категории специальных вузов»: «Основной задачей является подготовка работников, способных отстаивать международные интересы СССР в практической работе».

Сталин сказал Молотову: «Не ищите слушателей с гуманитарным образованием, берите в дипломаты молодых инженеров с оборонных заводов. Главный критерий для поступления в Дипломатическую школу – умение ладить с рабочими. И у тех, и у других сейчас очень трудная жизнь. Если молодые инженеры способны улаживать ежедневно человеческие конфликты и рабочие их уважают, значит, они – настоящие дипломаты».

Инженера-конструктора московского авиационного завода № 115 Анатолия Федоровича Добрынина вызвали в управление кадров ЦК партии: есть мнение направить вас на учебу в Высшую дипломатическую школу. Он отказывался.

В ЦК грозно сказали:

– Не рассуждайте. Военное время. Вы мобилизованы.

Анатолий Добрынин сделал завидную карьеру. Почти четверть века он был послом в Соединенных Штатах, а со временем удостоился звания почетного доктора Дипломатической академии. Ныне никто от своего счастья не отказывается – желающих поступить в академию хоть отбавляй.

В 1974 году глава правительства Алексей Николаевич Косыгин преобразовал Высшую школу в Дипломатическую академию. «Наша академия была закрытым учебным заведением, – вспоминал один из ректоров. – Она существовала, о ней все знали. Но ни адрес, ни телефоны в официальных справочниках не значились».

Евгений Петрович Бажанов исходил из того, что дипломату нужен широкий кругозор. Синолог, то есть специалист по Китаю, со временем поедет в Вашингтон, профессиональный африканист получит назначение в европейскую страну. Поэтому в стенах академии постоянно проходят переподготовку профессиональные дипломаты из аппарата министерства иностранных дел – те, кого ждет служебный рост. Новый пост – после переподготовки в Дипломатической академии.

Внешняя политика состоит из бесконечного количества небольших инициатив, улучшений, поправок, которыми удается повлиять на общий, неостановимый поток мировых событий. Внезапные блестящие решения, которые все меняют и разом решают все проблемы, – редкость. Надежная дипломатия – цепь хорошо продуманных и тщательно подготовленных шагов. Профессиональные дипломаты понимают: эта работа началась до того, как они тоже ей занялись, и будет продолжаться после них. Вот чему учил своих воспитанников ректор академии Бажанов.

Плох тот дипломат, который не мечтает стать послом. Будущий посол начинает службу референтом или переводчиком. Часто не в посольстве, а в консульстве. Выдача виз и заслушивание жалоб – удручающе скучное занятие. Но талантливого молодого человека со временем дипломатия вознаградит невероятно интересной работой.

Каждый день где-то происходят важные межгосударственные переговоры и встречи на высшем уровне. Со стороны они кажутся тоскливым и скучным делом. Мировая политика на 99 процентов состоит из рутинных встреч и переговоров. Успех этих встреч и переговоров зависит от профессионального умения дипломатов, которые методично добиваются нужного стране результата.

Ранги от атташе до советника присваиваются приказом министра. Посланниками и послами дипломатов делает президент. Это уже генеральские звания.

28 мая 1943 года появился указ президиума Верховного Совета СССР о введении дипломатических рангов. Постановлением Совнаркома вводилась форменная одежда со знаками различия – вышитыми золотом звездами на погонах. Послу полагался мундир с генеральскими погонами без просвета, с вышитыми звездочками и металлической золоченной эмблемой – двумя скрещенными пальмовыми ветками.

Форму отменили в 1954 году по требованию министра обороны маршала Жукова, который считал, что на погоны имеют право только военные. Сохранили только парадную форму для послов и посланников. Она существует и поныне...

Переподготовкой дипломатических кадров занимается в академии факультет повышения квалификации руководящих работников министерства иностранных дел. И ректор Бажанов делал все, чтобы каждый год несколько сот дипломатов получали возможность расширить свои горизонты, узнать то, что ускользает в повседневной тучке, послушать людей, чье слово дорого стоит.

Поработав за границей, в центральном аппарате министерства, они приходят в академию освежить знания или сменить узкую специализацию, выучить еще один иностранный язык. А есть дипломаты, которые после десяти-пятнадцати лет напряженной дипломатической службы хотят немного перевести дух, осмотреться, вырваться из рутины, найти для себя что-то новое в жизни, написать диссертацию.

В роли ректора академии профессор Бажанов был сторонником новых, современных, интерактивных методов обучения: вместо лекций – семинары, круглые столы, ролевые игры: «Никогда раньше качественная подготовка дипломатических кадров не была востребована так, как сейчас. Современным дипломатам требуется больше, чем те знания и навыки, которыми их привыкли вооружать педагоги и ученые».

Дипломатическая академия при Бажанове стала сочетать образование с научной работой, превратилась в крупнейший исследовательский центр в области международных отношений. Когда профессор Бажанов создавал в составе академии Институт актуальных международных проблем, он поставил задачу превратить научный коллектив в мозговой центр министерства иностранных дел.

На институт легла главная тяжесть научно-исследовательской работы – изучение главных тенденций мирового развития и разработка российских внешнеполитических позиций по узловым проблемам. Практическая дипломатия всегда нуждается в серьезной интеллектуальной подпитке, в широком взгляде на стремительно происходящие в мире перемены. Признанный авторитет Дипломатической академии определил интерес к ней со стороны зарубежных учебных и научных центров. Учиться в академию потянулись иностранные дипломаты, причем самого высокого уровня.

Невыносимая утрата

Невероятная открытость, любовь к людям и бескорыстная готовность помогать. Это отмечали все, кто знал Бажановых. С ними хотелось дружить.

«В начале семидесятых болезнь сердца подкосила моего папу, – вспоминал Евгений Бажанов. – Наташа мобилизовала лучших кардиологов на помощь – анализы, консультации, лекарства. В начале восьмидесятых тяжело заболела моя мама, и Наташа отдавала все силы, чтобы облегчить ее участь. А в начале девяностых недуг поразил Наташину маму, Нину Антоновну. Болезнь приковала ее к постели. И Наташа на долгие двенадцать лет подчинила свою жизнь ухаживанию за мамой. Ушла с работы. Кормила маму, развлекала, показывала врачам. Организовывала консилиумы, доставала лекарства, устраивала в больницу. И при этом Наташа ежесекундно проявляла любовь по мне, даже когда сама уже тяжело болела».

Невероятный оптимизм, юмор, самоирония – единственное, что помогает ей справляться с подступающими недугами. Никогда не жаловаться! Не искать сочувствия! Не напрашиваться на жалость. Это невозможно!

О самочувствии – только с легкой насмешливой улыбкой, словно речь идет о чем-то малозначимом. О пустяке. О ничтожной мелочи. Сохранять бодрость и уверенность до последнего потому, что ты нужна любимому человеку. Тому, кто рядом всю жизнь, кто зависит от тебя, и кто не мыслит жизни без тебя...

Наташе Бажановой нравился турецкий сериал «Великолепный век». Окно в иную цивилизацию, то, что ее всегда так увлекало. Главный герой фильма Сулейман Великолепный, масштабная личность, а такие фигуры ее завораживали. Но был и личный мотив. Герой страдает от болезни суставов, как и Наташа в последние годы. Она сопереживает его страданиям и постоянно задает вопрос: что дальше? Сколько еще серий осталось? Какой будет развязка?

В день похорон жены Евгений Петрович Бажанов зашел в свой служебный кабинет. На столе лежал свежий номер газеты. Крупный заголовок: «Конец Великолепного века». И статья – о том, что именно в этой вечер в эфир выйдет последняя серия этого фильма, в которой главный герой, Сулейман, умрет. Эту серию она уже не увидела. Они ушли одновременно, и с ними закончился их «Великолепный век»...

За долгие годы знакомства с Наташей Бажановой многие часы прошли в оживленных и душевных беседах – об истории, дипломатии, современной политике, о современных нравах, о морали и нравственности. В момент самых острых споров, когда взбудораженные собеседники метали молнии, она, вообще-то темпераментная и эмоциональная женщина, сохраняла спокойствие – как и положено академическому ученому. И оставалось только поражаться ее завидно здравому взгляду на волнующие всех нас проблемы, ее взвешенному и продуманному подходу. В любой момент с ней можно было поделиться любым сомнением, тревогой, заботой. Спросить совета и услышать разумный совет.

Теперь я лишился и Евгения Петровича Бажанова. А рука по многолетней привычке тянется к телефону, чтобы спросить совета, проконсультироваться... Никане могу смириться с его уходом. Мир опустел.

Как заметно их отсутствие! Как остро ощущается невозможность присесть рядом и поговорить! Какая невосполнимая потеря – не только для друзей, но и для отечественной науки! В определенном возрасте всякий уже изведal горечь многих потерь и знает, что не существует слов, которыми можно даже в малой мере ее превозмочь.

А.В. Лукин¹

Евгений Петрович Бажанов в моей жизни

Евгений Петрович Бажанов – один из тех людей, которые сыграли существенную роль в моей жизни, по большей части позитивную, хотя случались и сложные моменты. Таких людей не очень много, поэтому его уход, несмотря на то что мы довольно давно не виделись, произвел на меня тяжелое впечатление своей неожиданностью и необратимостью.

Церемония присвоения Г. Киссинджеру звания почетного доктора Дипломатической академии МИД России. Слева направо: А.В. Лукин, Е.П. Бажанов, Г. Киссинджер, С.А. Рябов. 28 октября 2013 г.

¹ Научный руководитель ИКСА РАН, главный редактор журнала «Российское китаеведение».

Мы познакомились в далеком 1983 г., когда я, тогда студент пятого курса восточного отделения факультета международных отношений МГИМО, приехал на практику в советское посольство в Китае. Практикантов, как всегда, в посольстве не особо ждали и не совсем понимали, чем их нагрузить. Им назначали куратора, который и должен был этим заниматься. Мне повезло, что таким куратором мне определили Евгения Петровича, тогда уже довольно опытного дипломата, советника и, кажется, руководителя группы, занимавшейся внешней политикой Китая. Он поручал мне делать переводы каких-то статей из китайских газет, которые потом входили в дайджест китайской прессы, направлявшийся, среди прочей информации, посольством в Москву. Обстановка в посольстве была вполне советская: помимо обычной дипломатической работы, все выполняли поручения партии и правительства, проводили летучки, партийные и комсомольские собрания и сообщали друг о друге информацию в соответствующие органы.

На фоне скучных чиновников Евгений Петрович казался примечательным исключением. Он обладал живым умом, постоянно шутил, весьма критически отзывался обо всем на свете, был приветливым. До Китая он уже поработал в США в генконсульстве в Сан-Франциско и в МИД на китайском и юго-восточноазиатском направлениях, после окончания МГИМО был на стажировке, но не в Китае, а в Сингапуре. Туда посылали китаистов для совершенствования китайского языка в то время, когда с коммунистическим Китаем студенческие и научные связи оборвались. Он обладал каким-то загранично-дипломатическим лоском, всегда хорошо одевался, был приветлив, в отличие от многих советских начальников, дружелюбен. И что более важно, он вызывал какое-то чувство доверия, о котором имеют представление только советские люди: казалось, что с ним можно было обсуждать темы, которые с другими обсуждать не стоит. Ко мне он, вроде бы, испытывал такое же чувство. По крайней мере, говорил со мной о многом, в том числе о положении на родине, довольно откровенно.

Жаловался он и на обстановку в посольстве, где многие, по его словам, не занимались дипломатической работой, а мешали ей. Например, он рассказывал случаи, как один из коллег спросил его, какие он носит на руке часы. Евгений Петрович быстро сориентировался, и сказал, что советского производства. Тогда тот стал говорить что-то типа: «Ну, сознайтесь, что советские часы гораздо хуже американских или японских, Вы же хорошо это знаете, Вы же работали в США!». Евгений Петрович настаивал, что советские часы по качеству гораздо лучше всех заграничных. По всей видимости, если бы он сказал, что американские часы лучше, что было очевидно всем, то на него в центр ушел бы донос о том, что член КПСС советник Бажанов прихлебательствует перед Западом. «Как можно работать в таких условиях и сообщать центру правдивую информацию, если приходится врать даже о часах», – расстраивался он.

Вместе со своей женой Натальей Евгеньевой он почему-то проникся ко мне симпатией как к одинокому, застенчивому, но, видимо, производящему впечатление смышленного, юноше. Они стали давать мне советы не только по работе, но и опекать в нерабочее время. Думаю, что им понравилась моя любознательность и искреннее желание узнать больше о Китае, его истории и культуре, которые они тоже старались

изучать все свободное время. Евгений Петрович уже был кандидатом наук, он защитил диссертацию по Сингапуру и хорошо его знал, он уже писал что-то и о США, и было ясно, что и Китай он не оставит своим литературным вниманием.

В результате, пока другие стажеры вместе с прочими сотрудниками посольства в свободное время ездили по магазинам и заказывали отсутствующую в СССР электронику по гонконгским каталогам, мне почти каждые выходные удавалось поехать вместе с Бажановыми в какой-то буддийский храм, посмотреть могилы китайских императоров, Великую китайскую стену и много еще чего из расположенных в окрестностях Пекина исторических памятников и достопримечательностей. Не обходили мы вниманием и рестораны, куда меня водили подкормить (студент всегда голоден) и заодно показать различные направления китайского кулинарного искусства – одной из основ великой китайской цивилизации (впоследствии Бажановы написали небольшую книгу и на эту тему).

Вероятно, тогда и на работе Евгений Петрович обратил на меня внимание. По крайней мере, в предисловии к моей книге об образе Китая в России, которую я издал гораздо позднее, он, очень мило по старой привычке называя меня Сашей, описал историю, которую я, честно говоря, не помню. Якобы на одной из ежедневных утренних летучек у тогдашнего посла И.С. Щербакова, я, когда до меня дошла очередь высказать мнение о том, как улучшить отношения с Китаем, заявил, что лучше всего было бы устранить три препятствия, которые Пекин выдвигал как предварительные условия, то есть отвести войска от границы, вывести их из Монголии и прекратить помощь Вьетнаму в его акции в Камбодже. За это меня, по словам Евгения Петровича, чуть было не выслали из посольства.

Щербаков был типичным советским чиновником, который про Китай ничего не знал и запомнился мне только тем, что, когда меня оставляли дежурить по ночам в посольстве, заходил в комнату дежурного дипломата, где стоял телевизор, и просил перевести ему китайские новости (никакими иностранными языками, он, естественно, не владел). Пару раз я переводил ему на приемах, на которые вместе с ним ездил на посольской «Чайке» с советским флагом. Это, естественно, вызывало у меня чувство законной гордости, присущее всякому советскому человеку. Однако, я думаю, что, если бы я что-то такое сказал в его присутствии, мне бы точно не поздоровилось.

Если что-то такое и было, то это могло быть только во время моей стажировки, потому что Евгений Петрович уехал из Китая на работу в ЦК КПСС в 1985 г., а я приехал работать в посольство уже в начале 1986 г. Я даже помню, как был на прощальном приеме в посольстве. Но никакой серьезной критики своего поведения со стороны посольства во время стажировки я не запомнил и после возвращения особых проблем у меня не было. Наоборот, вскоре я был направлен на практику в Пекинский университет, а туда вряд ли бы послали политически неблагонадежного. Возможно, Евгений Петрович преувеличил, и я сказал не совсем это или не совсем там, а, скажем, ему в ресторане. Но в любом случае, как явствует из его предисловия, у него сложилось (во многом превратное) впечатление, что я человек мужественный, принципиальный и даже политически прозорливый. Вероятно, в будущей моей судьбе это сыграло какую-то роль.

Другая история, произошедшая чуть позже, описана Евгением Петровичем довольно точно. После окончания МГИМО я поступил на работу в Первый дальневосточный отдел МИД и сразу же был отправлен на стажировку в Пекинский университет, где попросил прикрепить меня к философскому факультету, так как интересовался культурой и философией этой страны. Но связь с посольством у советских студентов не прекращалась. Там для руководства нам был выделен ответственный сотрудник, но кроме него, я по старой памяти неформально продолжал общаться и с Евгением Петровичем. Он живо интересовался реальной китайской жизнью, которую трудно узнать дипломату, находящемуся под постоянным наблюдением и ограниченому в общении. Я же как студент мог встречаться с кем угодно, одно время я даже жил с китайским студентом, изучающим марксизм, в одной комнате. Евгений Петрович расспрашивал меня обо всем: жизни китайских студентов и их преподавателей, культурных новостях, моих поездках по городам и весям Китая. О чем-то я давал ему письменные заметки, которые он, вероятно, как-то обрабатывал и отправлял в Москву. Но главное, что его поразило, это то, что я приносил ему журналы, издававшиеся институтами Китайской академии общественных наук, на которых по старинке стоял гриф «для внутреннего использования». Ничего секретного в них, конечно, не было, они продавались в книжных магазинах, но в специальных отделах, куда пускали только китайцев. Впрочем, после начала реформ в стране царил такой бардак, что временами старые номера продавали в университете прямо на улице всем подряд, а иногда меня как студента китайского вуза пускали и в эти закрытые отделы, где, увидя мой жалостный взгляд учащегося, который не может найти материала для диплома, отдавали мне их, срывая обложку с грифом. В основном это были журналы Института СССР и Восточной Европы или Института мировой экономики и политики, где ученые писали о китайской внешней политике. Очень скоро гриф с них сняли и теперь все они выходят открыто. Но тогда в ЦК КПСС очень интересовались взглядами китайских ученых, и эти материалы, переправленные с соответствующими комментариями Бажановым в Москву, были высоко оценены. А Евгений Петрович удивлялся, как это раньше десятки дипломатов и не только дипломатов посольства не смогли сыскать то, что в большом количестве находил один стажер.

После моего возвращения в Москву мы продолжали общаться, хотя встречались не очень часто. Мы с другим стажером Андреем Дикаревым написали книгу «Три путешествия по Китаю» о наших поездках в разные части страны – на юг, в только начинавший строиться Шэньчжэнь, на в то время загадочный остров Хайнань, на север, в город русских эмигрантов Харбин, на запад, в недоступный даже для Пржевальского Тибет. Издательство «Молодая гвардия» очень заинтересовалось нашей рукописью, потому что про Китай тогда писали мало, а ездили по его регионам еще меньше, многие из них только что открылись для иностранных туристов. Но так как отношения с Пекином были еще достаточно напряженными, редактор решил подстраховаться и отправить ее на рецензию кому-то из начальства, причем попросил нас самих этих рецензентов найти. В МИД я отдал нашу книгу В.Я. Воробьеву, который заведовал сектором в Первом дальневосточном отделе, а в ЦК КПСС – Евгению Петровичу. Он, конечно, хорошо знал о наших поездках и даже повторил наш мар-

шрут или его часть с одним из сотрудников посольства. Он активно рекомендовал книгу к печати. В результате она вышла, и весь тираж в 100 тыс. экземпляров был быстро распродан. Никогда уже с тех пор мои книги не печатались таким огромным тиражом.

Из-за разных задержек книга была напечатана только в 1989 г., я к тому времени уже поработал два года в посольстве, куда меня направили после стажировки, вернулся в Москву и пошел на работу в отдел Китая Института востоковедения академии наук. Годом раньше Евгений Петрович защитил там докторскую диссертацию, посвященную роли США во внешнеполитической стратегии Китая. Я об этом тогда не знал, так как до 1988 г. был в Китае, но потом мне рассказывали, что защищалась она не без проблем. Ее текст несколько раз просили дорабатывать. Возможно, это было связано с тем, что к диссертации, по которой он потом издал книгу, Евгений Петрович подошел не как к своим публицистическим запискам, в которых он писал, что думал, а как к политическому документу, в котором следует писать, что положено. К тому же, как я потом сам обнаружил, к академическим формальностям в своих текстах он относился весьма свободно: цитаты у него, например, часто не совпадали с оригиналом, ссылки вообще брались неизвестно откуда, даты тоже бывали неточными. Он, впрочем, считал все эти трудности происками завистников и объяснял мне, что главное – это мысль, а всей этой оформительской ерундой заниматься скучно и проверять все равно никто не будет.

В том же 1989 г. в Китае прошли известные студенческие выступления, переросшие в серьезные беспорядки. Я в то время был активным сторонником демократизации и решил написать статью о реакции в СССР на эти события. Так как площадь Тяньаньмэнь была в центре мирового внимания, мою статью быстро опубликовали в “The China Quarterly” – ведущем мировом китаеведческом журнале, издающимся в Великобритании. Среди прочих авторов я цитировал в ней публикации некоего Н. Анина в еженедельнике «Новое время», которого подверг критике за непоследовательность и следование в фарватере оценок официальной китайской прессы. То же я повторил и в другой статье, опубликованной в России. Кем был этот Анин, мне установить не удалось, и я решил, что это какой-то журналист-международник. Лишь через много лет Евгений Петрович рассказал мне, что за этим псевдонимом скрывался он. Больше того, из-за того, что он написал об этих событиях, слегка отклонившись от официальной позиции, у него были большие проблемы в ЦК, то есть с другой стороны.

В 1991 г., незадолго до распада СССР Евгений Петрович перешел в Дипломатическую академию МИД проректором по научной работе. Он чувствовал, что история ЦК, да и всего СССР приближается к концу, но МИД должен был остаться при любом режиме и ему всегда будут нужны квалифицированные кадры, которые готовили в Дипакадемии. Меня в то время затащила политика, с 1990 г. я был депутатом Моссовета последнего созыва. А когда в 1993 г. все Советы распустили, я уехал в аспирантуру в Оксфорд и долго не видел Евгения Петровича, хотя и следил за его работами.

Вернувшись и поступив на работу в МГИМО, я иногда заходил к нему в гости, мы разговаривали о том о сем в его кабинете в Большом Козловском переулке, ино-

гда меня даже приглашали в квартиру к Бажановым на престижном Кутузовском проспекте. Квартира эта всегда поражала меня многочисленными китайскими вещами, знаменитой коллекцией кукол и хорошим ремонтом, который в то время был многим не по карману. Иногда я просил его подписать мне какую-нибудь рекомендацию, что он безотказно делал. Всегда дарил свои многочисленные книги. Написаны они были в основном в публицистическом или научно-популярном стиле. Это была некая смесь воспоминаний, рассуждений и пересказанных занимательных сведений, почерпнутых из самых разных источников. Многие из них были посвящены разным сторонам жизни Китая, и я читал их с интересом.

В 2005 г. я попросил его помочь в организации защиты моей докторской диссертации в Дипломатической академии, и он сразу же согласился. Защищаться в МГИМО, в учреждении, где сам работал, считалось не очень этичным, к тому же в Дипакадемии Евгений Петрович организовал мне полную техническую поддержку. Диссертацию я защищал по тексту монографии об образе Китая в России, которая вышла за несколько лет до этого, той самой, к которой он написал весьма лестное предисловие. Сам же он выступил научным консультантом диссертации.

Как-то раз он показал мне свои воспоминания о работе в ЦК под характерным названием «Вознесенные на Олимп». Эта была довольно едкая, саркастическая критика священного для советской бюрократии места, написанная легко и с юмором. Евгений Петрович хотел опубликовать эти воспоминания в каком-нибудь толстом журнале, который бы читали не только востоковеды или международники, но и культурная общественность в целом. Я через разных знакомых помог напечатать их в журнале «Знамя», и статья вызвала определенный резонанс. Кое-что в ней, правда, меня несколько удивило. Евгений Петрович резко и заслуженно критиковал организацию, в которой стремился работать и в которой проработал довольно долгое время. Ушел он, только когда стало ясно, что там нет никаких перспектив. Из воспоминаний становится понятно, что занимался он делом, которое презирал. Он как бы раздвоился: для начальства был верным партийцем, а для себя и друзей – критиком режима. Он описывал сотрудников как напыщенных ничтожеств (какими они, возможно, и были), их задания и всю их деятельность – как абсурдную, бессмысленную и даже вредную. И тем не менее он занимался всем этим весьма усердно, хотя в общем-то его никто не заставлял. Сам я, например, ушел из МИД частично поэтому, а еще потому, что у меня кончался комсомольский возраст и мне нужно было вступать в КПСС (беспартийных там не держали). А в КПСС мне вступать совершенно не хотелось.

В этом тексте Евгений Петрович, например, описывал историю, как один из начальников дал ему задание подготовить справку о том, что в проводящем активные реформы Китае все еще процветает «маоизм», а другой, более высокий начальник поручил написать, что этот самый «маоизм» там давно отброшен. Евгений Петрович написал две справки противоположного содержания и отдал их каждому из начальников, прекрасно понимая, что никакого «маоизма» в Китае давно нет, а его сторонники сидят в тюрьме.

Кажется, он сам мне рассказывал, что речь здесь идет о противоречиях между заместителем заведующего Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и ра-

бочими партиями социалистических стран (сокращенно просто «Отдел») О.Б. Рахманиным, который в течение долгого времени курировал там китайское направление, и назначенным в марте 1986 г. М.С. Горбачевым новым заведующим этого отдела секретарем ЦК КПСС В.А. Медведевым. О.Б. Рахманин был твердым сталинцем и называл китайских сторонников рыночных реформ «правыми маоистами», обвиняя их в отходе от классической социалистической модели. Человек с твердыми убеждениями, он активно пытался убедить товарищей по партии в верности своего подхода, который полностью расходился с подходом М.С. Горбачева и его ближайшего сторонника В.А. Медведева. В результате, через несколько месяцев О.Б. Рахманина отправили на пенсию. Однако заставила меня задуматься не сама эта борьба, а роль в ней Евгения Петровича. «Неужели нельзя каким-нибудь, пусть не прямым, образом все же сформулировать одну позицию – ту, которую считаешь верной? – думал я. – Ведь есть же в конце концов совесть. Ну, пусть даже не совесть в моральном смысле, но научная добросовестность, что ли. Конечно, это дело рискованное, но, с другой стороны, возможно, тебя кто-то будет уважать за то, что ты имеешь собственную позицию. Может быть, это даже будешь ты сам».

Впрочем, кажется, Евгений Петрович не задавался подобными вопросами. Все, что он делал, он делал легко. Он легко раздваивался, оставаясь одним для начальства и подчиненных и совершенно другим для друзей и родственников. Для первых он писал записки и доклады, такие, как они хотят, а для вторых – многочисленные воспоминания и публицистические заметки, в которых высказывал, все, что думает. В них он мог быть резким в критике как общественной жизни вообще, так и бывших коллег в частности. И чем дальше действительность разводила эти две его личности, тем сильнее становилось противоречие между ними и тем длиннее и резче становились его записки. За эту критику, как говорят, он в конце концов и поплатился своей должностью ректора.

Работая в Центре исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО, я задумал книгу об истории и современности российско-китайских отношений. Моя идея состояла в том, чтобы всю эту историю разбить на несколько периодов и попросить написать главы по каждому из них лучших специалистов в стране. Проблем возникла по периоду после образования КНР в 1949 г. и до распада СССР. Специалисты по нему были либо люди пожилые советские, зафиксированные на прежних оценках, либо молодые, плохо знавшие то время. Первоначально я поручил эту главу одному молодому специалисту, работавшему за границей и много изучавшему российские и китайские архивы. Однако результат меня не вдохновил. Оказалось, что ему было трудно понять дух времени и мотивы лидеров, например Мао Цзэдуна, Сталина, Хрущева. Архивы архивами, но должно быть еще знание широкого контекста, понимание смысла и значения российско-китайских дискуссий. И я предложил сделать это Евгению Петровичу. Он, несмотря на свою занятость, согласился. Вскоре он дал текст, частично уже где-то несколько раз опубликованный, но исправленный и дополненный. Часть материала была взята еще из его диссертации, рукопись которой он мне дал для сверки сносок. Она и сейчас стоит у меня на полке.

Несмотря на недостатки, это было совершенно другое дело! Евгений Петрович отлично разбирался во всех тонкостях и перипетиях российско-китайских отношений того времени, часть из которого он сам работал на китайском направлении и был в курсе многих событий и их интерпретаций. С текстом, конечно, мне как редактору, пришлось серьезно поработать: выверить ссылки, добавить новые цитаты из работ российских и зарубежных китаеведов, чтобы создать впечатление широкого использования литературы, дополнить все это интересными кусками из некоторых других работ автора, которые имели отношение к делу. Одним словом, создать так называемый «научный аппарат», которому Евгений Петрович особого значения не придавал. Закончил я книгу, уже работая в Дипломатической академии вместе с Евгением Петровичем. Вышел довольно солидный том, и мы провели его презентацию с участием ведущих российских и зарубежных китаеведов. Евгений Петрович был доволен, о чем сам написал в целом томе воспоминаний, посвященном первым годам его ректорства в академии.

Ректором он стал в 2011 г. после того, как несколько его предшественников довели ее до весьма плачевного состояния. И он довольно быстро предложил мне занять должность проректора по научной работе, которую освободил он сам. Мне это было нужно, можно сказать, что я даже мечтал о чем-то таком, потому что к тому времени я уже много лет работал на одной и той же должности в МГИМО и хотел чего-то нового и более масштабного. В упомянутых воспоминаниях он сам рассказал, что в его решении большую, может быть, решающую роль сыграла Наталья Евгеньевна. Он советовался с ней по многим вопросам, а она продолжала мне симпатизировать несмотря на то, что видел я ее гораздо реже, чем его. Возможно, некоторую роль сыграло и то, что по моей просьбе мой отец поговорил о его кандидатуре на высоком уровне. Об этом, опять же, написал сам же Евгений Петрович. Отец тогда занимал довольно высокую должность и к его мнению прислушивались, хотя, конечно, он был не единственным таким ходатаем.

Я хотел, чтобы Евгений Петрович стал ректором. И не потому, что на что-то рассчитывал. А просто считал, что лучше него человека не найдешь, он знает Дипакадемию насквозь, к тому же всегда неплохо иметь знакомого на высокой должности: мало ли для чего это может пригодиться. А Евгений Петрович называл меня другом и был со мной на «ты». Я же, конечно, называл его почтительно на «Вы» и «Евгением Петровичем», ведь он был на 15 лет старше меня и уже был почтенным дипломатом, когда я еще студентом приехал в посольство.

Случилось так, что я все-таки стал проректором, хотя Евгений Петрович, как он сам утверждает, какое-то время уговаривал ректора МГИМО А.В. Торкунова разрешить мне уйти в Дипакадемию, оставшись в МГИМО лишь на часть ставки. Поначалу мы вместе работали над налаживанием научной работы вполне успешно. Перестроили работу научного подразделения – Института актуальных международных проблем, создали систему внебюджетного финансирования научной работы и зарубежных поездок исследователей, провели многочисленные резонансные научные конференции, запустили научный журнал «Россия и мир» на основе аналитических материалов сотрудников. Но постепенно мы сильно разошлись в отношении к науч-

ной работе, перспективам ее развития в Дипакадемии, а также в стиле руководства и понимании того, зачем вообще нужно быть руководителем. Я понял тогда, что, начав работать под его руководством, несмотря на все заверения в дружбе, в его системе координат я перешел из разряда друзей в разряд подчиненных и мне все чаще приходилось иметь дело со вторым Евгением Петровичем, а не с первым. И дело здесь не в каких-то политических расхождениях. По убеждениям Евгений Петрович был умеренным западником, то есть выступал за развитие отношений с Китаем и странами Азии не в качестве альтернативы традиционным связям России с Западным миром, но как дополнение к ним. Для него это было важнейшее направление, которому ранее не уделялось достаточного внимания и укреплению которого он посвятил всю жизнь. Под этим общим углом он и смотрел на Китай и на отношения России с ним. Не идеализируя Азию, он понимал ее значение для будущего нашей страны. Все это вполне мне импонировало. Проблемы были, как говорится, скорее стилистическими. В результате, после окончания моего трехлетнего контракта я решил его не продлевать и перешел на работу в НИУ ВШЭ, куда меня активно приглашали.

С тех пор мы не виделись. Это, конечно, очень печально. Когда в 2022 г. мы в Институте Китая и современной Азии РАН, бывшем ИДВ, в котором, кстати, Евгений Петрович был аспирантом и защитил кандидатскую диссертацию, запустили журнал «Российское китаеведение», я несколько раз звонил ему, чтобы попросить написать что-то для него. Но он не брал трубку. Наверное, болел или был занят. Я все же отправлял электронные номера журнала ему на WhatsApp, и он, вроде бы, их видел, надеюсь, что просматривал. Увидел же я его в последний раз только на похоронах. Но обо всем этом когда-нибудь позже. А сейчас просто помянем Евгения Петровича Бажанова: человека веселого и жизнерадостного, который хорошо понимал Китай, и, относясь к нему объективно, в то же время любил его.

Людмила Ивановна Кондрашова (1933–2023)

*И.Г. Чубаров**

Людмила Ивановна Кондрашова (Молодцова), 1933–2023. In memoriam

Уход Л.И. Кондрашовой оборвал одну из последних нитей, связывавших нас с поколением китаеведов, пришедших в науку в эпоху советско-китайской дружбы 1950-х годов, а профессионально сформировавшихся в академическом востоковедении периода «реального социализма». В постсоветские годы она была среди немногих, продолжавших изучать эволюцию китайского социализма через призму марксистской политэкономии, формационных и конвергентных подходов. Российское китаеведение потеряло глубокого и оригинального мыслителя.

Начнем с кратких биографических деталей¹. Л.И. Кондрашова родилась и выросла в центре Москвы на Сретенском бульваре в семье простых рабочих, в детстве пережила оборону столицы от немецко-фашистских войск. В послевоенные годы благодаря упорству и способностям поступила на китайское отделение Московского института востоковедения (МИВ), а после его закрытия обучалась экономической географии в лучших вузах СССР и Китая. После возвращения в Москву в 1960 г. и окончания МГУ Людмила Ивановна сделала свой выбор в пользу занятия синологией в системе Академии наук СССР, где в итоге и проработала всю жизнь. Сначала это был Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), где она защитила кандидатскую (1966) и докторскую (1984) диссертации по экономике. В 2000 г. перешла во всегда находившийся рядом (территориально и тематически) Институт Дальнего Востока (ИДВ).

За свою долгую и насыщенную научную жизнь – первую свою статью она опубликовала в 1957 г. и продолжала полноценно работать до лета 2023 г., т.е. полных 66 лет (ей бы понравилось это по-китайски красивое число) – Людмила Ивановна обращалась

* Старший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИКСА РАН.

¹ Большое биографическое интервью с Л.И. Кондрашовой вышло в 2023 г. в пятом томе проекта «Российское китаеведение. Устная история».

Выступление в Китайском культурном центре (Москва) на презентации перевода трактата «Дао дэ цзин» (2018).

Источник: Газета «Жэньминь Жибао онлайн»²

к разным исследовательским темам. Начала путь в науке с близкой для географов тематики регионального развития и районирования, а в дальнейшем переключилась на изучение промышленности и структурных экономических реформ, широкого круга демографических, политических и исторических вопросов. С начала 1980-х годов внимание Людмилы Ивановны приковано к вопросам формационной принадлежности китайской модели, динамике различных форм собственности, реформе цен и системы экономического планирования, нарастающей имущественной дифференциации и сопутствующим социальным явлениям, тенденциям демократизации политической системы. Ее работы, будучи серьезно фундированными, никогда не были переводами и пересказами китайских статистических данных и нормативных актов, а давали читателю собственную аналитику и оригинальное, проблемное содержание.

ИЭМСС под началом академика О.Т. Богомолова был по-настоящему творческой научной организацией, в которой шла напряженная и достаточно свободная научная дискуссия о судьбах социализма в Советском Союзе и за его пределами, детальные сопоставления хозяйственной и партийной жизни стран Восточного блока³. Вдвоем с Э.П. Пивоваровой они составили кадровый костяк центра Китая сектора социалистических стран Азии, головного по академическому политэкономическому Китаеведению в СССР. Во время работы ИЭМСС Людмила Ивановна помогла «встать на ноги» не одному начинающему Китаеведу, многие из которых впоследствии внесли

² В Москве вышел в свет новый перевод трактата «Дао-дэ цзин» (4). URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0517/c31519-9461109-4.html> (дата обращения: 15.12.2023).

³ Работе и коллективу ИЭМСС посвящен вышедший в 2010 г. в Институте экономики РАН сборник воспоминаний «Это было недавно, это было давно...» под ред. И.И. Орлика.

значительный вклад в развитие российско-китайских отношений – упомянем многолетнего посла России в Китае, нынешнего сенатора А.И. Денисова.

К сожалению, в критический момент общественного перелома в 1980-е годы власть, по большому счету, забыла о том, что сама готовила квалифицированный и критически мыслящий экспертный пул специалистов по вопросам реформ в социалистических странах, включая КНР. Особенно обидно, что это произошло на «пике формы» советского китаеведения, несмотря на серьезные академические и административные позиции его представителей. Последующие социально-экономические успехи китайской альтернативы не могли не стать предметом рефлексии китаеведов того поколения – если не всех вместе в силу значительной дезорганизации общественно-научной сферы, то точно каждого по отдельности.

В постсоветские годы Людмила Ивановна продолжала развивать политэкономический метод, при этом мыслила творчески и неортодоксально. Далекая от апологетики чего бы то ни было, она с воодушевлением наблюдала успехи социализма с китайской спецификой не только в контексте судеб китайских трудящихся, но и как мощное развитие социалистической практики. Наверное, ее главными книгами можно назвать написанные уже в солидном возрасте монографии «Китай ищет свой путь» (2006) и «Китай: к новой модели общественного развития» (2017). В них ею проделан основательный анализ содержания китайских реформ и сущности строящегося в КНР общественного строя, сделана серьезная попытка осмыслить китайский до- и, в особенности, пореформенный путь в базовых терминах «рынок» и «государство», «частное» и «общественное», «капитализм» и «социализм», «модернизация» и «традиция», формационной принадлежности в марксистском смысле. Безусловно, марксизм Людмилы Ивановны, как и она сама, был «китаизированным», а наблюдая за гибкостью китайских подходов, она убедилась в разумности постулатов о конвергенции социализма и капитализма, восприняла многие элементы цивилизационных теорий.

Людмила Ивановна изнутри наблюдала политические перипетии Китая конца 1950-х и конца 1980-х годов, при этом восхищалась живучестью КПК и считала, что именно компартия должна быть фокусом изучения синологии – не как «обычное» гражданско-политическое объединение, а как особая организация «орденского» типа. Несмотря на защиту двух диссертаций по экономике, она не считала себя экономистом в строгом смысле этого слова и иногда даже кокетливо называла самоучкой, своими достижениями лишь подтверждая тезис о том, как важно дать раскрыться мотивированному таланту. Редкой удачей для российского китаеведения и, шире, обществоведения стало то, что человек со столь уникальной интеллектуальной призмой успел оценить и проанализировать начало неосоциалистического поворота Си Цзиньпина, сопоставить советский и китайский пути. Этому посвящены несколько его последних выступлений на конференциях и размещенная в этом номере нашего журнала ранее не публиковавшаяся статья «Резолюция ЦК КПК по истории партии и система политэкономических координат развития КНР».

Принадлежа к относительно небольшой, но яркой когорте китаеведов, пришедших в науку из экономической географии (Я.М. Бергер, В.Я. Портяков, Е.Н. Самбурава, И.В. Ушаков, Д.Б. Калашников, М.В. Александрова и др.), в своих исследованиях она

Л.И. Кондрашова в 2019 г. на географическом факультете Пекинского университета.
Источник: Официальный сайт Посольства России в КНР⁴

всегда была внимательна к пространственной составляющей анализируемых процессов. В сферу ее научных интересов постоянно входили вопросы устройства административно-территориального деления и бюджетной системы КНР, регулирования урбанизации и внутренних миграционных потоков. Во время учебы в МГУ Людмила Ивановна общалась с живыми классиками советской географии И.М. Маергойзом и Н.Н. Баранским, а в Пекинском университете с не менее легендарными для Китая Хоу Жэньчжи и Ху Чжаоляном. Годы обучения экономической и исторической географии в Пекине были крайне насыщенными – советские студенты слушали узкоспециализированные лекции, участвовали в полевых выездах и длительных экскурсиях, привлекались к общественно-полезному труду в рамках идеологических кампаний, наравне со всеми защищали дипломные работы. Людмила Ивановна через всю жизнь пронесла любовь и интерес к географии, и именно географы составляли основной круг ее китайских контактов. Трудно описать глаза студентов и преподавателей, когда она в 2019 г. (через 60 лет после выпуска!) заново посетила свою пекинскую «альма-матер», будто сойдя со страниц учебника истории о периоде «великой советско-китайской дружбы» и «большого скачка».

Особая глава в жизни Людмилы Ивановны была связана с Латинской Америкой. После первого, не очень счастливого студенческого брака спутником ее жизни стал коллега – ученый секретарь ИЭМСС, также кандидат наук, затем перешедший на

⁴ В Пекине состоялась презентация нового издания трактата Лао Цзы «Дао дэ Цзин» в переводе на русский язык. URL: https://beijing.mid.ru/ru/news/v_pekine_sostoyalas_prezentatsiya_novogo_izdaniya_traktata_lao_tszy_dao_de_tszin_v_perevode_na_russk (дата обращения: 15.12.2023).

дипломатическую службу, Петр Тимофеевич Кондрашов (1934–2015), с которым они вместе прожили более 40 лет. Сопровождая своего супруга, она многократно и по долгу бывала сначала на Кубе (1976–1979, 1982–1987), а затем в Мексике (1992–1995), совмещая пребывание там с научной работой. На Кубе Людмила Ивановна застала период активного социалистического строительства под советским влиянием, а в Мексике стала свидетельницей неолиберальных преобразований президента К. Салиноса, роста неравенства и влияния международных финансовых организаций. Дебаты мексиканских сторонников этатизма и приватизации привели к появлению малоизвестной у нас доктрины «социального либерализма», которую она оценивала как попытку нащупать национальный «третий путь» между крайностями социализма и капитализма, совместить личное предпринимательство, частную собственность и социальную справедливость, гарантом которой выступало бы демократическое государство. Специалистом по Кубе, Мексике или Латинской Америке она себя не считала, на эти темы публично высказывалась редко, однако сложно отрицать позитивное влияние «включенного наблюдения» за функционированием двух других (не советской и не китайской) политических и цивилизационных систем через сравнительную оптику и кругозор специалиста-китаеведа.

В пенсионном возрасте раскрылись новые творческие наклонности Людмилы Ивановны. По своей инициативе она перевела в особом стиле на русский язык древнекитайский трактат «Дао дэ цзин». Организованная в 2018 г. презентация этого издания в Китайском культурном центре в Москве с участием посла КНР, представителей российской и китайской творческой и востоковедной элиты стала ее личным триумфом, принесла огромный заряд позитивных эмоций. После Лао Цзы Людмила Ивановна обратилась к мировой классике и перевела в своем уникальном стиле сонеты Шекспира с ботаническими иллюстрациями (по организационным причинам они остались неопубликованными). В память о своей жизни в Гаване Людмила Ивановна планировала перевести на русский посвященные этому городу сонеты кубинского поэта-революционера Р.М. Вильены.

Людмила Ивановна не выключалась из научной работы до самых последних месяцев. К сожалению, как и многие представители того научного поколения, в зрелом возрасте пережившие вместе со всей страной крах сначала социалистических, а затем и демократических идеалов, не всегда хотела доносить свои знания и выводы до широкой аудитории, работала для себя, выступала нечасто. Круг слушателей часто было до обидного узок, хотя те, кому повезло присутствовать, обычно не могли оторваться. Многие из ее публикаций были изданы небольшими тиражами и до сих пор отсутствуют в свободном доступе.

Жизнь и работа Людмилы Ивановны были ярким «продуктом» эпохи советско-китайской дружбы, как в интеллектуальном, так и в эмоциональном смысле. Завязавшиеся в те годы дружеские и приятельские отношения мотивировали ее продолжать профессиональную деятельность даже в самые темные периоды двусторонних отношений. По ее рассказам, лишь дважды она разочаровывалась в Китае и синологии – после ликвидации МИВ в 1954 г. и во время антисоветских эксцессов Культурной революции. Китай был для нее интересен и как уникальная страна-цивилизация,

и как «лаборатория» выработки новой модели справедливого и эффективного общественного устройства для всего человечества. Среди ее дальнейших научных планов было изучение КПК, понимание которой она считала ключом к пониманию успехов Китая, написание большой работы на тему «Китай и социализм». Хочется надеяться, что новые поколения обществоведов возьмутся за эти темы (а избежать их невозможно) с учетом ее интеллектуального наследия.

Людмила Ивановна Кондрашова была профессионалом-синологом высочайшего уровня, патриотом нашей Родины, а в жизни – добрым, внимательным, искренним, сочувствующим человеком самого широкого кругозора. Такой она и останется в памяти ее учеников и коллег, всех знавших ее людей.

Л.И. Кондрашова, И.Г. Чубаров

Резолюция ЦК КПК по истории партии и политэкономические координаты развития КНР

Аннотация: В преддверии XX-го съезда ЦК КПК принял «Резолюцию об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии». В ней подведены итоги деятельности китайских коммунистов за 100 лет и даны оценки основным событиям и персоналиям этого периода. Несмотря на название, историческому обзору уделено менее половины всего текста «Резолюции», а оставшаяся часть носит проблемный характер и содержит изложение основных тезисов стратегии общественного развития Китая до 2050 года. В статье с опорой на положения «Резолюции» приведены авторские политэкономические оценки пройденного КНР пути, включая сопоставление с советским опытом построения социализма, а также характеристика предпосылок и содержания неосоциалистического поворота, осуществляемого Си Цзиньпином после прихода к власти.

Ключевые слова: Китай, КПК, социализм, СССР.

Авторы: Кондрашова Людмила Ивановна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН; Чубаров Илья Георгиевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID ID: 0000-0002-4672-6566; E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

Л.И.孔德拉绍娃, I.G.丘巴罗夫

中共中央关于党的历史和中国发展之政治经济发展坐标的决议

摘要: 中共二十大前夕, 中共中央通过了《关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议》。它总结了中国共产党人一百年来活动, 评价了这一时期的主要事件和人物。尽管标题如此, 《决议》全文只有不到一半的内容是历史回顾, 剩下的部分具有课题性质, 是对到 2050 年中国社会发展战略主要提纲的叙述。本文根据《决议》的论点, 对中华人民共和国所走过的道路进行了政治经济评价, 包括与苏联建设社会主义经验的比较, 以及对习近平上台后实行新社会主义转向的前提和内容进行评述。

关键词: 中国; 中国共产党; 社会主义; 苏联。

作者: 柳德米拉·伊万诺夫娜·孔德拉绍娃, 经济学科学博士, 俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所主任研究员; 伊利亚·格奥尔基耶维奇·丘巴罗夫, 地理学副博士, 俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所高级研究员。ORCID ID: 0000-0002-4672-6566; E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

Liudmila I. Kondrashova, Ilya G. Chubarov

CPC Central Committee Resolution on party history and political-economic coordinates of China development

Abstract: On the eve of the 20th Congress (autumn 2022), the CPC Central Committee adopted a “Resolution of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century”. The “Resolution” summarizes the activities of the Chinese Communists over 100 years and assesses the main events and personalities of the period. Despite the “historical” title, only less than half of the entire text reviews the past, and the remainder focuses on the main elements of China's social development strategy until 2050. The article is based on the provisions of the “Resolution” and contains the author's political economy assessments of PRC developmental path, including in comparison with the Soviet experience of building socialism. It also discusses prerequisites and main ideas behind the Xi Jinping's neo-socialist turn after coming to power.

Keywords: China, CPC, socialism, USSR.

Authors: ***Kondrashova Liudmila I.***, Doctor of Science (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences; ***Chubarov Ilya G.***, Candidate of Science (Human Geography), Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID ID: 0000-0002-4672-6566; E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

Состоявшийся в ноябре 2021 г. 6-й пленум ЦК КПК XIX-го созыва был посвящен 100-летней годовщине Коммунистической партии Китая и рассмотрению основных событий ее истории. В ходе заседания была обсуждена и принята «Резолюция ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии» (далее по тексту – «Резолюция») – третий по счету идейно-политический документ высшего уровня, подводящий итоги деятельности китайских коммунистов (два других были приняты в 1945 и 1981 гг.).

«Резолюция» широко освещалась и анализировалась в международном научном и экспертном сообществе. Важно, что документ предварял XX съезд КПК осенью 2022 г., на котором было принято решение о руководстве страны на следующей пятилетний период. Безусловно, правы те, кто оценивает итоговые формулировки как свидетельство укрепления стабильности действующей политической системы и личной власти Си Цзиньпина, авторитет которого уже сравним с авторитетом Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина [Денисов, Зуенко, 2022].

Текст «Резолюции», по большому счету, можно разделить на две части – собственно историческую и идейно-политическую. Первая написана в хронологическом ключе и посвящена столетней истории КПК, начиная от первых китайских марксистов до 40-летнего юбилея политики реформ и открытости в 2019 г. Вторая часть озаглавлена «Открытие новой эпохи социализма с китайской спецификой» и написана

в проблемном формате. В ней, отталкиваясь от достижений в различных сферах, комплексно раскрыто основное содержание того социально-экономического и политико-управленческого курса, который Си Цзиньпин начал проводить после прихода к власти. Такая структура соответствует структуре первой «исторической» резолюции, значительную часть которой также занимала не история, а идейно-политические установки.

В первую очередь зарубежного читателя впечатляет общий хвалебный тон «Резолюции». Такое самовосхваление, заметно отличается от принятого до сих пор стиля деловой скромности, однако выглядит вполне резонным. Действительно, трудно не согласиться с тем, что за сто лет деятельности компартии *«Китай совершил переход от раздробленности и разобщения к высокой степени национального единства и стабильности, от крайней бедности, слабости и отсталости к полному достижению средней зажиточности, процветания и могущества, от пассивности и забитости притесненного населения к независимости государства, его полной самостоятельности и суверенитету, уверенности в своих силах»*. КПК увеличила число своих членов с нескольких десятков до почти 100 млн, преодолела массу трудностей и превратила полуколониальную, полуфеодальную страну в великую державу с мощнейшей многоотраслевой экономикой. В «Резолюции» указано на два чуда, продемонстрированных Китаем: динамичное экономическое развитие и длительная социальная стабильность. Но не меньшим чудом, конечно, явилась также упомянутая *«китайская модель модернизации, создание новой формы человеческой цивилизации, которая открыла развивающимся странам новые пути модернизации»*.

В данной статье предпринята попытка провести анализ содержания документа со сравнительных политэкономических позиций, хотя бы в первом приближении. В открывающем разделе статьи рассматривается периодизация истории КНР в «Резолюции» и специфика различных этапов. Учитывая тесную генетическую связь китайского социализма с советским, второй раздел посвящен сопоставлению китайских реалий с модификациями советской модели социализма на разных ее этапах. В третьем разделе представлен анализ указанных в «Резолюции» направлений совершенствования социалистического строя с китайской спецификой и будущего китайских реформ.

Оценки пройденного пути и отдельных этапов

Общепризнанно, что весь столетний период жизнедеятельности КПК четко разбивается на четыре крупных этапа:

- 1) этап освободительной борьбы и подготовки социальной революции (1921–1949);
- 2) этап перехода от новодемократической революции к социалистической революции и социалистическому строительству (1949–1978);
- 3) этап рыночных реформ под девизом социализма с китайской спецификой (1978–2013);
- 4) современный этап под руководством Си Цзиньпина, выдвинувшего лозунг «социализма с китайской спецификой в новую эпоху».

Созданную по свежим следам Октябрьской революции Компартию Китая отделяет от даты ее прихода к власти четверть века. За эти годы страна пережила революцию 1925–1927 гг., долгую войну с японскими захватчиками, сложные отношения союза и противоборства КПК с учрежденной лидером революционного движения Сунь Ятсеном партией Гоминьдан. Задачи борьбы с империализмом, феодальными пережитками и бюрократическим капитализмом временно оттеснили классовые противоречия на второй план.

К победе новодемократической революции 1949 г. партия располагала достаточно продуманной программой строительства нового общества при широком союзе всех основных классов и первостепенной важности буржуазно-демократических преобразований. Как следует из решений VII съезда КПК в апреле-июне 1945 г., на смену диктатуре Гоминьдана в результате революционной борьбы должно было прийти общество нового типа, по своим основным параметрам не выходящее за рамки установок трех народных принципов Сунь Ятсена. «Мероприятия этой революции, – говорил в то время Мао Цзэдун, – направлены в общем не на отмену частной собственности, а на ее охрану. В результате этой революции рабочий класс получит возможность, накопив силы, направить Китай на путь социалистического развития; однако в течение относительно длительного периода все же будет в надлежащей мере развиваться и капитализм» [Мао Цзэдун, 1969, с. 318].

Программа новодемократической революции (программа Народного политического консультативного совета, 1949), действовавшая в годы восстановления народного хозяйства (1949–1952) содержала положение о немедленной конфискации собственности компрадорской буржуазии и одновременно о защите частной собственности и крестьянства и национальной буржуазии наряду с укреплением основ государственной и кооперативной собственности. Предполагались развитие свободной конкуренции и свободной торговли, передача земли крестьянам, а ключевых отраслей народного хозяйства (банки, железные дороги, воздушное сообщение и т.п.) – государству, ограничение крупного китайского и иностранного капитала.

В середине 1953 г., когда в основном закончилось проведение аграрной реформы и приступили к выполнению первого пятилетнего плана, было объявлено о решении задач, поставленных новодемократической революцией. А в конце 1953 г. официально принята «генеральная линия переходного периода», наметившая курс на постепенное осуществление индустриализации и поэтапные социалистические преобразования сельского хозяйства, капиталистической и кустарной промышленности и торговли.

Поставленная «генеральной линией переходного периода» и подтвержденная принятой в 1954 г. Конституцией задача постепенного осуществления социалистических преобразований была нарушена уже через год. В течение 1955–1956 гг. все частные капиталистические предприятия были реорганизованы в государственно-частные, индивидуальные кустари и торговцы объединены в кооперативы, в сельском хозяйстве проведена коллективизация. Уничтожение частной собственности дало основание заявить на VIII съезде КПК (1956) о полной победе социализма и преодолении противоречия между рабочим классом и буржуазией.

Такое кампанейское завершение переходного периода создало колоссальный разрыв между формальным и реальным обобществлением производительных сил и открыло дорогу разного рода утопическим и авантюристическим проектам. Состоявшаяся в мае 1958 г. на волне левого уклона вторая сессия VIII съезда КПК объявила о начале Большого скачка. Эта идея принадлежала самому Мао Цзэду и предусматривала мобилизацию всех ресурсов ради резкого ускорения темпов экономического роста, широкое использование мелкого производства, милитаризацию страны под лозунгом подготовки к войне. Согласно пересмотренным планам, Китай должен был в максимально сжатые сроки добиться полного обобществления производительных сил и перейти к коммунистическим методам распределения. Это подразумевало организацию «народных коммун» вместо волостей, попытки уничтожения разницы между городом и деревней, введение бесплатного питания, ликвидация материального стимулирования к труду.

Однако пренебрежение правилами управления экономикой, нуждами народа, зажим творческой инициативы, внешнеэкономическая изоляция тормозили развитие и вели к социальной деградации. Угроза хозяйственной анархии, оскудение государственного бюджета, падение жизненного уровня и разраставшийся голод вынудили руководство страны свернуть начатые эксперименты и в 1960–1965 гг. вернуться к строго централизованным методам управления. Попытки преодолеть кризисные явления с помощью методов хозяйствования первой пятилетки, направленных на развитие разделения труда и товарно-денежных отношений принесли свой краткосрочный эффект, но вскоре сменились еще более разрушительной кампанией Культурной революции.

Все эти сложные перипетии периода 1949–1979 гг. в «Резолюции» включены в рамки построения централизованной плановой системы с господством общественной собственности на средства производства. Поскольку за преобразованиями промышленности, сельского хозяйства и торговли в 1956 г. сохраняется название «социалистических», получается, что дореформенный этап следует отнести к начальной стадии социализма. Тем самым сглаживаются различия между первой пятилеткой, периодами «урегулирования» и маоистскими экспериментами Большого скачка и Культурной революции. Ранее эти годы не раз называли «потерянным десятилетием». В «Резолюции» же они определены как *«теоретическая подготовка и подведение материальной базы для создания социализма с китайской спецификой»*. Действительно, несмотря на значительные перепады в темпах роста в эти годы было построено много крупных промышленных предприятий, и выросла численность рабочего класса. Но верно и то, что авантюрные массовые кампании серьезно затормозили развитие страны и обернулись большими бедствиями для населения.

Противоречивые результаты дореформенного периода привели авторов «Резолюции» к двойственной оценке деятельности Мао Цзэдуна. С одной стороны, говорится, что *«идеи Мао Цзэдуна как результат творческого применения и развития марксизма-ленинизма в Китае представляют собой правильные, подтвержденные практикой теоретические принципы и обобщение опыта китайской революции»*

и строительства, а также первый исторический скачок в китаизации марксизма». А уже в следующем абзаце отмечаются серьезные ошибки товарища Мао Цзэдуна в его концепции классовой борьбы в социалистическом обществе, которые партии не удалось преодолеть. К таким ошибкам отнесены Большой скачок, создание народных коммун, серьезные перегибы в борьбе против правых элементов. Ошибки Мао Цзэдуна «принесли партии, государству и народу самые серьезные неудачи и потери со времени образования КНР. Это был трагический урок».

Очевидно, что юбилейное назначение «Резолюции», нежелание нарушить атмосферу праздника сказались на полноте исторической аналитики. Оговоренное в начале текста намерение проанализировать как положительные, так и отрицательные моменты истории партии реализовано только частично. Не до конца понятен перечень имен упомянутых в Резолюции китайских деятелей: в него вошли все главы партийных «уклонов» (Чэнь Дусю, Ван Мин, Чжао Готао, Линь Бяо, Цзян Цин), но не нашлось места для известных каждому китайцу Лю Шаоци и Чжоу Эньлая. О допущенных ошибках сказано весомо, но кратко, преимущественно в порядке своего рода неизбежных бедствий, которые партии удалось успешно преодолеть. Российского читателя разочаровывает отсутствие всякого упоминания роли СССР и Коминтерна в создании КПК и в ее приходе к власти. Фраза о том, что «залты Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм» осталась единственной в своем роде, а Советский Союз упоминается только раз, когда говорится о его распаде.

После смерти Мао Цзэдуна (1976) новое китайское руководство первым делом продемонстрировало свое неприятие леворадикализма, но одновременно оно отвернулось и от догматического (советского) социализма с его административно-командными методами управления, широким обобществлением производства и внешнеэкономической замкнутостью. Было решено идти другим путем, аккуратно наращивая уровень открытости и увеличивая роль рыночных факторов и материальных стимулов в ведении хозяйства. Новая стадия «китаизации марксизма» во многом возвращала к реалиям 1930–1940 гг. [Буров, 2019]. Встречающееся в китайской литературе обозначение начала реформ как второй революции (после революции 1949 г.) в «Резолюции» отсутствует, но особая значимость третьих пленумов XI и XVIII созыва и их сопоставление в материалах XIX съезда КПК (2019) позволяют провести такую аналогию (своего рода вторая и третья революции после 1949 г.).

Весь промежуток времени после 1978 г., относимый к периоду реформ и внешнеэкономической открытости, в «Резолюции» охарактеризован как «социализм с китайской спецификой». Китайские реформаторы с конца 70-х годов руководствовались прагматическим принципом использования всех доступных способов экономического роста и не побоялись вступить в глобальную экономику с подчас варварскими законами капитализма. Стабильная политическая и экономическая ситуация, наличие дешевой рабочей силы, широкое использование частной инициативы и привлечение иностранных инвестиций – все это позволило ускорить экономический рост и войти в число главных экономических держав мира.

После 30 лет успешных рыночных преобразований в обществе появились признаки недовольства ходом реформ. Поводом послужили снижение темпов экономического роста, трудности поддержания объемов внешнеэкономических операций, социальные издержки в виде сохранения безработицы и бедности, размах коррупции в госаппарате. Становилось ясно, что прежняя модель экстенсивного роста и опоры на экспорт себя исчерпала. К тому же либеральная общественная атмосфера с присущей ей погоней за прибылью вкупе с вынужденной политикой сокращения рождаемости подорвали авторитет семьи и традиционные ценности коллективизма и солидарности. Рост имущественной и региональной дифференциации способствовал расширению масштабов внутренней миграции до огромных размеров, что существенно затруднило здоровый ход урбанизации.

После прихода к власти Си Цзиньпина к периоду социализма с китайской спецификой стала добавляться оговорка о «новой эпохе». Причины произошедшей на XVIII съезде КПК в 2012 г. смены курса не получили в «Резолюции» детального рассмотрения. Однако о многом говорит констатация того, что *«немало глубинных противоречий и проблем не были решены в течение долгого времени... в управлении партией наблюдалась нестрогость, распущенность и слабость»*. Серьезный подтекст заключен в одном из абзацев «Резолюции», который касается *«периода структурного регулирования и ликвидации последствий принятых ранее стимулирующих установок»*.

Сравнительный политэкономический анализ развития КНР и СССР

Как известно, в практике Советского Союза имело место использование трех моделей социализма: «военный коммунизм» и политика НЭПа как две разновидности раннего или первичного социализма и государственный социализм, называемый также командно-административной системой. С приходом к власти И.В. Сталина и разработкой теории построения социализма в одной, отдельно взятой стране господствующими стали установки мобилизационной политики, делавшей акцент на форсированную индустриализацию и максимально полное огосударствление производства. Ограниченность и дезавуирование рыночных отношений объяснялись не объективными условиями высокой стадии развития производительных сил, а плохой совместимостью рынка с ускоренной индустриализацией и предвоенной ситуацией в мире.

Восстановление народного хозяйства после Великой Отечественной войны происходило по тем же мобилизационным установкам сталинской модели государственного социализма. В дальнейшем, по мере роста уровня жизни городских служащих и интеллигенции, советского «среднего класса», постепенно нарастала потребность в хозяйственной реформе с подключением рыночных механизмов. Однако идеологический догматизм не позволил руководству провести назревшие преобразования и отнестись с пониманием к «ревизионистским» устремлениям в других социалистических странах. В официальной советской пропаганде разговоры западных интеллек-

туалов о возможной конвергенции двух мировых систем считались опасной идеологической крамолой, противоречащей взглядам классиков марксизма. В период Холодной войны слияние противоборствующих мировых систем и представление о будущем унифицированном устройстве планетарного сообщества явно не вписывались в установленную идеологию принципиальной несовместимости социализма и капитализма.

Советский социализм имел большие успехи в промышленном развитии, а также в сферах образования и здравоохранения, но все же был далек от идеалов коммунизма. Существование денег, цен, наемного труда и заработной платы оставляли советский социализм вместе с капитализмом в рамках монетарной системы. Тем не менее построенное общество имело принципиальные отличия от капитализма в виде ущербности частной собственности по сравнению с государственной и слабости стоимостных рычагов регулирования по сравнению с планово-административными. Построенный в СССР в 1960–1970 гг. «реальный социализм» продолжал рассматриваться как общество, целенаправленное на преодоление рыночной цивилизации и отторгающее рыночное реформирование. И рыночный, и конвергентный социализм оставались в СССР на положении чисто умозрительных конструкций, за которыми иногда не без основания угадывались планы западных стратегов покончить с социализмом, оставаясь при этом «в белых перчатках».

Возвращаясь к Китаю, нельзя не отметить, что первые 30 лет существования КНР фактически вместили в себя все три варианта советского социализма, но в китайской редакции и в несколько иной последовательности.

«Новую демократию» периода восстановления народного хозяйства (до 1953 г.) можно считать попыткой создания смешанной экономики при обращении к рыночным методам хозяйствования в условиях концентрации политической и экономической власти в руках государства, придерживавшегося некапиталистического пути развития. Мелкобуржуазная ориентация «новой демократии» явно противоречила яньаньской идеологии казарменно-аскетического коммунизма, но соответствовала позиции Коминтерна в отношении слаборазвитых стран и взглядам Сталина, который при встрече с Мао Цзэдуном советовал ему не национализировать иностранные предприятия и считаться с национальной буржуазией.

Переключка между китайской «новой демократией» и ленинской новой экономической политикой прослеживается в отношении к частной собственности и рынку, а также в акцентировании роли крестьянства в качестве ведущей силы народовластия. Вместе с тем между ними существует целый ряд отличий, связанных с особыми цивилизационными и временными условиями. В случае Китая это еще более низкий уровень развития производительных сил, более слабое участие пролетариата во власти, но и более благоприятные внешнеполитические условия в виде наличия материальной помощи и международной поддержки Советского Союза и других стран социалистического блока. Если российский НЭП был чистым пионерным и самостоятельным экспериментом, то китайская «новая демократия» – это продолжение идеологии китайского революционного авангарда при широком использовании советского опыта и рекомендаций Коминтерна. Высокую оценку этой политики пришлось

ждать до 1981 г., когда в «Решении ЦК КПК по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» она заслужила признание «исторического вклада в марксизм».

С провозглашением в 1953 г. «генеральной линии переходного периода» в стратегии Китая был сделан резкий поворот влево в сторону советской модели централизованной плановой экономики («государственный социализм»). Развернувшееся экономическое строительство проходило при тесном союзе с СССР и участии советских специалистов, знакомивших китайцев с советскими методами хозяйствования.

Однако братская дружба СССР и КНР продлилась всего до конца первой пятилетки. Ее успех вдохновил Мао Цзэдуна на осуществление его заветных планов построения нового общества коммунистического типа, а также укрепил самостоятельные политические претензии на международной арене. Большой скачок (1958–1962) и Культурная революция (1966–1970) являются китайским изданием «военного коммунизма», когда партия подверглась серьезным испытаниям. Ее леворадикально настроенные члены клеймили всех своих противников «правыми» за стремление к реставрации капитализма. При этом в лагере противников фактически оказались не только действительные сторонники смешанного пути развития, но и приверженцы советского социализма, методов планирования первой пятилетки.

После начала рыночной реформы в КНР (1979) в российской и зарубежной прессе можно было встретить ее сравнение с ленинской политикой НЭПа как с допущением капиталистических отношений при сохранении командных высот в руках партии и общей стратегической ориентации на построение в будущем социалистического общества. В самом Китае такого рода сравнения появились только в последние годы и без всяких посягательств на официальный лозунг «социализма с китайской спецификой».

Естественно, что такого рода сопоставление не может быть безусловным. В отличие от ленинской политики НЭПа эта переходная китайская модель действовала на протяжении более трех десятилетий и пережила эволюцию от осторожного совмещения плана и рынка к более всеобъемлющему рыночному регулированию. При этом понятно, что китайская практика оказалась не только значительно более долгой, но и более глубокой по сравнению с ленинским НЭПом. Теория социализма с китайской спецификой рассматривает капиталистические элементы не как временные составляющие экономической политики, в конечном счете, ей классово чуждые, а как полноценные «ингредиенты» строительства социализма [Титаренко, 2013].

Разработка этой темы требует серьезного политэкономического анализа с подключением теории «государственного капитализма». Как известно, государственный капитализм отличается широкое развитие рыночных отношений, из чего следует, что в экономике действуют законы капиталистической прибыли и свободного ценообразования. Вместе с тем государство остается важной частью системы экономического воспроизводства, оказывает влияние на инвестиционные процессы, устанавливает контроль над частными предприятиями. В руках государства остается значительная часть собственности на средства производства, мажоритарные и миноритарные пакеты акций частных предприятий. Характер «государственного капитализма» существенно меняется в зависимости от системной специфики. Свою классовую сущность

государство социалистической ориентации реализует путем соблюдения интересов широких народных масс, включая частный сектор, и построения вертикали власти на основе сращивания государственной бюрократии и делового сообщества.

В полном согласии с тем содержанием, которое вкладывал Ленин в «государственный капитализм» в условиях советской власти, китайскую политику «неоНЭПа» отличает признание важности рыночных отношений при двояком вмешательстве государства в экономику – как путем регулирования конкуренции частной и государственной собственности, так и с помощью установления государственного контроля непосредственно над товаропроизводителями. Укрепляя учет в экономике и допуская рыночное регулирование, государство социалистического типа наращивает экономический потенциал, но одновременно не упускает из вида социальные цели, включая налаживание правопорядка, сдерживание роста цен, проведение антимонопольной политики, повышение доходов населения, обеспечение национальной безопасности. Обращение к госкапитализму можно считать вынужденной мерой, используемой ради преодоления безработицы и бедности.

Вместе с тем в китайской реформистской атмосфере легко обнаружить не только необычные, но и самые стандартные черты капитализма. В центр устремлений были поставлены не удовлетворение потребностей как таковое, а прибыльность, что объясняет культ денег, рост имущественной дифференциации, сохранение эксплуатации в виде заниженной оплаты труда. Все эти отрицательные последствия преобразований вкуче с моральными издержками на определенном этапе ухудшения внешнеполитической обстановки и снижения темпов экономического роста (конец первого десятилетия XXI в.) поставили китайское руководство перед проблемой смены модели.

Показательно, что на Западе китайская реформа, проводившаяся на базе западных теорий и с массовым привлечением иностранного капитала, дала повод для заключений о произошедшей реставрации капитализма в его экономике и непременном распространении в скором будущем западной демократии. Как показали события последних лет, эти ожидания оказались напрасными. Многие действия китайского руководства во главе с Си Цзиньпином заставляют вспомнить такие слова В.И. Ленина: «Государственно-монополистический капитализм есть полная материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет» [Ленин, 1969, с. 193]. Назревшая смена предыдущей модели, или «реформа реформы», была предопределена не только новыми объективными обстоятельствами, но и принятыми ранее решениями [Xu Zhong, 2018].

«Реформирование реформы» и будущее социалистического строительства в КНР

В заключительном разделе «Резолюции», значительно превышающим по объему первую, собственно историческую часть, управленческий опыт КПК обобщен в виде десяти идеологем – основополагающих принципов, которые позволили добиться нынешних успехов и от которых нельзя отступать и в дальнейшем. Состав этих требо-

ваний, следующий: продолжать придерживаться общего руководства КПК, интересов народа, теоретических инноваций, национального суверенитета, китайского пути, интересов человечества, духа новаторства, готовности к борьбе, политики единого фронта и революционных самопреобразований.

Первое место, отведенное в этом перечне КПК, сопряжено с ее особой ролью политической силы наивысшего порядка, осуществляющей единое централизованное руководство. Ее предназначение служить источником стратегических смыслов, идеологической скрепой и главным контролером выполнения поставленных задач выводит этот государственный институт далеко за пределы обычного понятия политической партии, принятого в западной политологической науке. Жесткий отбор, строгая дисциплина и огромная ответственность придают КПК черты религиозного ордена. Любопытно также сопоставить положение КПК с идеей «малого народа», сформулированной французским историком Огюстеном Кашеном: «Так в большом обществе как бы само собою образуется другое – малое, но более активное и сплоченное, которому не составит труда управлять большим без его ведома» [Кошен, 2004, с. 244].

Постоянное обращение к авторитету Си Цзиньпина с соответствующим подчеркиванием его титула кормчего, или «ядра партии», внешне выглядит как возвращение к культу личности, подобного тому, что сопровождал прославление Мао Цзэдуна. Естественно предположить, что такая политика продиктована сложностью внутренней обстановки и задачей поддержания общественной стабильности. Глава государства и лидер партии в современном Китае – не высшее должностное лицо, а символ избранного пути развития, своего рода воплощение традиционной идеи священного Дао, гарант доверительной связи вождя с народом.

Разворачивающееся совершенствование политической системы происходит в рамках мировой технологической и управленческой революции, закрепляющей приоритет человеческого фактора над материальными и финансовыми ресурсами. Такое антропосоциальное управление исходит из первичности человека как главной производительной силы и важности внутреннего рынка. Лозунг «народ – хозяин страны» подчеркивает социально-гуманитарную сторону реформирования системы управления.

Экономические установки «социализма с китайской спецификой новой эпохи» повторяют устоявшийся идеологический постулат – «мощное государство и богатый народ». К 2035 г. намечается достижение более высокого уровня благосостояния населения, полное достижения общества «сяокан». На высокий уровень потребления населения предполагается выйти к столетней годовщине образования КНР.

Сохранение установок на углубление реформы и модернизацию, которые появились еще до прихода к власти Си Цзиньпина, свидетельствуют о преемственности предыдущего этапа с его приверженностью рыночным отношениям. Однако согласно теперешним прогнозам, рынок должен приобрести цивилизационные черты и соответствовать понятию «социалистического рынка», регулируемого государством.

Иначе говоря, китайский НЭП вместо своего сворачивания сможет получить продолжение в виде некоего рыночного социализма, хотя само это понятие в «Резолюции» не фигурирует. Рыночный социализм же предполагает соблюдение следующих условий:

- сохранение важной роли государства как собственника и регулятора хозяйственной деятельности;
- всеобщее распространение рыночных отношений;
- сосуществование разных видов доходов при преобладании оплаты по труду;
- наличие механизма согласования интересов рабочих и работодателей, в рамках которого предприниматели в своей деятельности учитывают государственные и общенародные потребности;
- противодействие имущественной дифференциации с помощью прогрессивного налогообложения и государственной системы соцобеспечения;
- продолжение экономического подъема и переход к новым технологическим укладам при постепенном повышении образовательного уровня населения и качества рабочей силы.

Просматриваемая китайская модель рыночного социализма близка к понятию конвергентного общества, гибрида капитализма и социализма. Западными теоретиками конвергенции в свое время был обоснован вывод о том, что «синтетическое» общество позаимствует от капитализма частную собственность на орудия и средства производства, конкуренцию, рыночную систему, а из социализма перейдут экономическое планирование, рабочий контроль над условиями труда, более справедливое распределение полученной прибыли [Buckingham, 1958].

Современные теоретики левого толка считают, что рыночный социализм возникает там и тогда, где и когда уже поставлен вопрос о ликвидации эксплуатации, но уровень развития производительных сил вынуждает использовать рыночные отношения для повышения эффективности производства. Критики догматического подхода обращают внимание на то, что получение прибыли не противоречит общественным идеалам и привязка социализма к административной форме отнюдь не обязательна. Особняком стоит вопрос, можно ли считать модель «рыночного социализма» в изначальном или модифицированном виде достаточно работоспособной и вполне самостоятельной или же такой «синтезный» подход типичен только для ситуации переходного периода.

По большому счету речь идет о построении теории посткапитализма и постиндустриализма как синтеза либеральной и социалистической тенденций, который не означает механического сочетания элементов разных социально-экономических и идеологических систем, а выступает в качестве принципиально нового набора ценностей. Только строгий закон и высокая мораль в состоянии обеспечить социальную справедливость, право каждого на благополучную и достойную жизнь с соответствующей общественной отдачей.

Именно такой широкий идеологический диапазон отличает в «Резолюции» трактовку понятия социалистической всеохватной демократии (демократии всего процесса). Высокое качество демократии включают в себя демократическое избрание, демократические консультации, демократическое принятие решений, демократическое управление и демократический контроль. В качестве примеров приобщения граждан к управленческой деятельности на всех уровнях традиционной политической иерархии в «Резолюции» приводятся факты внедрения самоуправления на низовом административном уровне, проведения прямых выборов руководителей местных органов

власти, расширения прав крестьян в области владения земельными участками и участия работников предприятий в акционерной собственности предприятий. Критикуется понимание демократии исключительно как процедуры выборов состава властных органов и сопутствующей выборным кампаниям жесткой политической конкуренции. Отталкиваясь от существовавшей в Китае многие столетия экзаменационной системы, подлинная демократия предстает в «Резолюции» в меритократическом образе экзаменационного «просеивания» членов партии, которые обязаны отвечать на текущие жизненные вопросы, а народ-экзаменатор уполномочен проверять правильность ответов.

Осознавая сложность и неотложность стратегических перемен, авторы «Резолюции» подчеркивают новаторскую роль китайской общественной науки и задачи китаизация марксизма. Широкое распространение рыночных отношений и частных предприятий в Китае, сосуществование разных видов доходов при наличии имущественной дифференциации подтвердили правоту марксистского учения о необходимости прохождения капиталистической стадии при построении социализма в условиях слабой развитости. Практические действия по методам рыночного регулирования роднят Китай с капитализмом, что провоцирует разговоры о его якобы капиталистическом перерождении. Однако сохранение отличий от капитализма в виде иного характера субъектов товарных отношений и важной регулирующей роли государства и компартии принципиально меняет сущность рыночных отношений.

Левый разворот в сторону социальных проблем и сферы социального обеспечения для всех граждан сейчас подтверждается размахом кампании борьбы с бедностью и выдвиганием задачи общего процветания (всеобщего обогащения) вместо дэновского лозунга «пусть одни обогащаются раньше других». Однако очевидно, что все эти вопросы требуют глубокой аналитической проработки совместно с китайскими и иностранными специалистами, основанной на реальных «полевых» данных, а не только теоретических установках. При неразработанности многих основных экономических понятий применительно к китайской обстановке (смешанная собственность, народные предприятия, приватизация и др.) и при недостатке надежных статистических данных трудно судить о выполнении такого главного принципа социализма, как господство общественной собственности на средства производства, о реальной доле государственного сектора, об эволюции многоукладности.

О планируемом будущем страны и одновременно об оценке прошлого, поданной в иносказательной форме, можно судить по следующей цитате из текста «Резолюции»: *«Если только мы не будем идти ни по старому пути с его замкнутостью и косностью, ни по ложному пути отказа от своих знамен, а будем неуклонно идти по пути социализма с китайской спецификой, то несомненно сможем превратить Китай в богатую и могущественную, демократическую и цивилизованную, гармоничную и прекрасную модернизированную социалистическую державу».*

Международная часть «Резолюции» в целом достаточно скупа. Китай давно отказался от попыток прямого экспорта своей системы в зарубежные страны, чем занимался Советский Союз. Несмотря на сохранение связей со многими зарубежными партиями марксистской ориентации, практическое взаимодействие в этом формате

минимально (за исключением находящихся у власти). Китай регулярно критикует западную модель государственного устройства, однако предложений перенять взамен нее общественно-политическую систему китайского социализма не делается даже наиболее дружественным государствам.

В то же время, по мере роста китайского присутствия за границей и учащения всевозможных деловых и гуманитарных контактов с зарубежными странами Китай столкнулся с необходимостью обозначить собственный взгляд на решение глобальных проблем. Были выдвинуты концепции Китая как ответственной мировой державы [Портяков, 2013] и человечества как сообщества единой судьбы, которые являются ключевыми в этом разделе «Резолюции». Китай выступает за продолжение взаимовыгодной экономической глобализации (внешнеэкономическая открытость и программа «Пояс и путь»), за развитие многополярного мира, против торговых войн и политики силы.

* * *

Анализ «Резолюции ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии» свидетельствует, что, пройдя в другой последовательности этапы, схожие с этапами строительства социализма в СССР (НЭП, военный коммунизм, административно-плановая экономика), Китай сформировал новую стратегию развития с учетом зарубежного опыта и собственных цивилизационных ценностей. Современное коммунистическое руководство страны гордится полученными за 100 лет результатами, но одновременно и разочаровано в дисбалансах либерально-рыночного периода развития, начавшегося в конце 1970-х годов.

Текст «Резолюции» пронизан идеей национальной независимости и самостоятельности пройденного пути. Помимо официальных оценок событий прошлого, он содержит в себе идеологические постулаты и базовые установки, касающиеся направления общественного развития на средне- и долгосрочную перспективу. Согласно приведенным в тексте «Резолюции» словам Си Цзиньпина, *«великие социальные преобразования современного Китая – это вовсе не простое наследование китайской истории и культуры, не слепое следование модели, данной классиками марксизма, не повторение социалистической практики других стран мира, не копирование процесса модернизации за рубежом»*. Руководство КНР настроено развивать теоретические и управленческие инновации, вести страну новаторским путем.

Библиографический список

Буров В.Г. Китаизированный марксизм – теоретическая основа деятельности компартии Китая // Азия и Африка сегодня. 2019. № 12. С. 9–21.

Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. Новые подходы Пекина к историографии КПК и КНР: «исправление имен» в эпоху Си Цзиньпина // Ориенталистика. 2022. № 5. С. 734–750.

Кошен О. Малый народ и революция. М.: Айрис-Пресс, 2004.

Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полное собрание сочинений. Т. 34. М.: Политиздат, 1969.

Мао Цзэдун. О коалиционном правительстве // Избранные произведения. Т. 3. Пекин: Из-во лит-ры на иностр. языках. 1969 г.

Портяков В.Я. «Становление Китая как ответственной глобальной державы». М., ИДВ РАН, 2013. 240 с.

Резолюция ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии (русский перевод). 16.11.2021. Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm (дата обращения: 05.11.2023)

Титаренко М.Л. О феномене китайского социализма (Размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 3–24.

References

Burov, V.G. (2019) Kitaizirovannyi marksizm – teoreticheskaya osnova deyatel'nosti kompartii Kitaya [Sinified Marxism as a theoretical basis of CPC activities]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today], No. 12. Pp. 9–21. (In Russian).

Cochin, A. (2004). *Malyi narod i revolyutsiya* [The small nation and the revolution]. Moscow: Airis-Press. (In Russian).

Denisov, I., Zuenko I. (2022). *Novye podkhody Pekina k istoriografii KPK i KNR: «ispravlenie imen» v epokhu Xi Jinping'a* [New Approaches of Beijing to the Historiography of People's Republic of China and Communist Party of China: 'Rectification of Names' during Xi Jinping Era] *Orientalistica*, No. 5(4). Pp. 734–750. (In Russian).

Lenin, V.I. (1969). *Grozyashchaya katastrofa i kak s nei borot'sya* [The impending disaster and how to deal with it]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full collected works], Vol. 34. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Мао Зедун (1969). О коалиционном правител'стве [On coalition government]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Vol. 3. Пекин: Из-во лит-ры на иностр. Языкках. (In Russian).

Portyakov, V. (2013) *Stanovlenie Kitaya kak otvetstvennoi global'noi derzhavy* [Rise of China as a global responsible superpower]. Moscow: IDV RAN. 240 p. (In Russian).

Rezolyutsiya TsK KPK ob osnovnykh dostizheniyakh i istoricheskom opyte stoletnei bor'by partii. [Resolution of the CPC Central Committee on the Major Achievements and Historical Experience of the Party over the Past Century], November 16, 2021. Xinhua. URL: http://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm (accessed: 05.11.2023). (In Russian).

Titarenko, M.L. (2013) О феномене китайского социализма (Размышления по поводу дискуссий о китайском социализме и итогов XVIII съезда КПК) [On phenomenon of Chinese socialism (reflections on the discussion regarding the socialism in China and the outcomes of the 18th CPC Congress)], *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], No. 2. Pp. 3–24. (In Russian).

* * *

Buckingham Walter S. *Theoretical economic systems: A comparative analysis*. New York. 1958. 518 p.

Xu, Zhong 徐忠 (2018). *Gaige de gaige 改革的改革* [Reforming the reforms]. Beijing: CITIC Publishing. 460 p. (In Chinese).

Поступила в редакцию: 02.11.2023. Received: 02 November 2023.

Принята к публикации: 01.12.2023. Accepted: 1 December 2023.

Ю.А. Дубинин*

Памяти Андрея Сергеевича Давыдова (1946–2023)

29 сентября 2023 года покинул этот мир и всех нас замечательный человек, выдающийся китаевед, отец большого семейства (7 внуков и 2 правнука – чем он очень гордился) и, наконец, мой старый близкий друг Андрей Давыдов.

С Андреем мы познакомились в 1969 году, когда на советско-китайской границе гремели выстрелы и задача подготовки специалистов-китаеведов приобретала стратегически важное значение (сегодня эта потребность вновь нарастает, но уже для других целей – расширения всестороннего российско-китайского сотрудничества). Тогда (в 1968–1970 гг.) я проходил срочную военную службу на военной кафедре гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова и поскольку количество групп студентов-китаистов разных профилей значительно увеличивалось, я обратился к командованию кафедры с рапортом об оказании мне помощи в кадровом обеспечении учебного процесса. Кафедра нашла нестандартное решение – пригласить на почасовую работу по совместительству двух студентов выпускного курса Института стран Азии и Африки – Андрея Давыдова и Петериса Пилдеговича (впоследствии видного синоведа и дипломата Латвийской республики). И целый год вплоть до моего увольнения в запас мы вместе трудились на ниве подготовки офицеров запаса переводчиков со знанием китайского языка.

Уходя в запас после двух лет военной службы по согласованию с руководством военной кафедры, а также с согласия Андрея его призвали в ряды вооруженных сил, и он занял мое место на военной кафедре, что, несомненно, было для него лучше, чем призываться в какую-то отдаленную точку, так как у них с Людмилой только что появился первенец – сын Сережа. В это время мы очень интенсивно общались как по работе, так и в личном плане и крепко подружились. Считаю, что мы с ним друзья-однополчане. Рад, что эту дружбу мы сумели пронести через долгие годы.

После увольнения в запас в 1972 г. А. Давыдов поступил на курсы переводчиков ООН и, успешно закончив их, уехал в Нью-Йорк на работу в секретариат Организации Объединенных Наций. Что интересно, там, на американском континенте, наши пути снова пересеклись. В 1976 г. я находился в США на научной стажировке, много работал в библиотеке Конгресса США, встречался с коллегами в университетах Вашингтона и, естественно, стремился расширить круг контактов в Нью-Йорке, где Андрей и Людмила, чувства которых родились еще в их школьные годы и которые

* К.и.н., профессор.

счастливо прожили вместе более 55 лет, любезно предложили мне остановиться у них и погостить немного там. Он с готовностью показывал мне этот великий город и одновременно проявлял интерес к моим контактам в нью-йоркской академической среде. Не раз и не два мы вместе с ним встречались с профессорами Колумбийского университета, обсуждали проблемы современного китаеведения, советско-американских и американо-китайских отношений.

Из командировки в США супруги Давыдовы привезли маленькую Катю – очаровательного ребенка, а Андрей пошел работать в Международное управление Оргкомитета «Олимпиада-80», где он возглавил сектор азиатских стран. Это был очень напряженный участок работы, поскольку после инициативы Дж. Картера бойкотировать Московскую олимпиаду шла острая борьба за обеспечение участия максимально возможно большего числа команд в этих всемирных состязаниях. Следует сказать, что азиатские страны оказались достойно представлены на Олимпийских играх-80 и работа Андрея была отмечена Почетным знаком и дипломом Оргкомитета игр.

Но все же тяга Андрея Сергеевича к творческой деятельности определила его дальнейшую профессиональную судьбу, которую он продолжил, работая в Главной редакции информации для заграницы Телеграфного Агентства Советского Союза. Работая в ТАСС, А.С. Давыдов вступил в Союз журналистов. Надо сказать, что в работе в ТАСС, помимо каждодневной рутины, бывали и свои приятные моменты. Андрей рассказывал мне о своих богатых и разнообразных впечатлениях, когда ему доводилось заниматься выпуском корабельной многотиражки в командировках на кругосветных круизах, организовывавшихся для международных туристических компаний на судах Совморфлота.

Перейдя из ТАСС на работу в Издательство АПН, А. Давыдов начал заведовать там редакцией изданий на китайском, корейском и японском языках. Мы много тогда взаимодействовали с ним особенно после того, как в МГИМО начали приезжать китайские стажеры. Это были люди с определенным статусом, опытом практической работы, и Андрей с удовольствием находил возможности использовать их знания и опыт, привлекая китайских стажеров к редактированию готовящихся к публикации материалов Издательства. Думаю, что этот опыт послужил ему хорошую службу в дальнейшем.

Вскоре после стажировки в Шанхайском институте иностранных языков (кстати, мы тогда в Шанхае тоже встретились – нам везло на встречи на дальних рубежах) Андрея пригласили на работу стилистическим редактором в Бюро переводов ЦК КПК. Такое приглашение свидетельствовало о высокой языковой квалификации А. Давыдова и в 1990-е годы он работал в Китае – сначала в Бюро переводов ЦК КПК, затем в ведущем китайском новостном агентстве Синьхуа. Работа в КНР помогла А.С. Давыдову глубоко вникнуть во многие тонкости китайской политической жизни, дала ему уникальную возможность установить разносторонние контакты с представителями китайского политического класса, журналистики, академического сообщества.

Поэтому неудивительно, что вскоре после его возвращения в Москву он получил приглашение от выдающегося российского китаеведа академика М.Л. Титаренко, многие годы возглавлявшего Институт Дальнего Востока РАН, перейти на работу

в этот институт. С тех пор и до своей кончины А.С. Давыдов трудился в разных ипостасях в этом ведущем центре отечественной востоковедческой науки. Сразу после прихода в ИДВ Андрей поставил перед собой задачу – добиться признания своей высокой научной квалификации – подготовить и защитить диссертацию, что и было блестяще реализовано в 2005 году. Мне досталась ответственная и почетная миссия – выступить одним из оппонентов на защите этой работы, концепции которой мы с Андреем неоднократно обсуждали в ходе ее подготовки. В дальнейшем Андрей существенно расширил и доработал текст своего исследования, превратил его в книгу «Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектоники», ставшую одной из фундаментальных исследовательских работ по проблемам китайско-американских отношений.

В годы, когда А. Давыдов работал заместителем главного редактора, а затем и.о. главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», мне доводилось по приглашению Андрея выступать в журнале в ряде круглых столов по актуальным вопросам истории и современности международных отношений в регионе, участвовать в конференциях, проводимых журналом совместно с ИДВ РАН.

Последние годы Дирекция Института Китая и современной Азии РАН, как теперь стал называться ИДВ, использовала большой редакторский опыт А. Давыдова, предложив ему позицию председателя Редакционно-издательского отдела Института и главного редактора Аналитических записок ИКСА РАН.

Большой друг Китая, А.С. Давыдов являлся заместителем председателя правления Общества российско-китайской дружбы и вносил свой большой вклад в его деятельность.

Заканчивая свой скорбный опус, посвященный А.С. Давыдову, не могу не вспомнить также, что он был не только высокопрофессиональным китаеведом-международником, но также обладал широким научным кругозором, неподдельным интересом к современной литературе и искусству и великолепным даром общения. Присущее ему обостренное чувство справедливости привлекало к нему людей разных возрастов и положений.

Искренне скорблю в связи с его кончиной и потерей моего старого доброго друга и коллеги.

DOI: 10.48647/ICCA.2024.27.99.008

В.Я. Портяков

Сегодняшний Китай сквозь призму статистики

Рец.: Краткая статистика Китая. 2023 [Чжунго тунци чжайяо.2023]. Пекин, Чжунго тунци чубаньшэ, 2023. 212 с. (на кит.).

Аннотация: Рецензируется китайязычный сборник «Краткая статистика Китая 2023», изданный в мае 2023 г. Содержит данные за 2022 г. и предыдущий период. Основная ценность сборника в том, что он позволяет предметно выявить важнейшие социально-экономические последствия эпидемии COVID-19 и жестких мер борьбы с ней в КНР. Показаны подвижки в темпах экономического роста, сдвиги в структуре народного хозяйства. Отмечено первое в пореформенный период снижение численности населения КНР. Зафиксировано опережение в КНР в 2022 г. среднемирового подушевого уровня производства валового внутреннего продукта. В то же время, снизились доли страны в мировом экспорте и импорте товаров.

Ключевые слова: КНР, статистика, эпидемия COVID-19, численность населения, экономика, темпы роста, структура ВВП.

Автор: Портяков Владимир Яковлевич, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0001-9188-2341; E-mail: portyakov47@yandex.ru

V·Ya·波尔佳科夫

通过统计观察今天的中国

评论: 中国统计摘要 2023. 北京, 中国统计出版社, 2023 年, 212 页 (中文).

摘要: 本文对 2023 年 5 月出版的中文汇编《中国统计摘要 2023》进行评论, 该摘要包含 2022 年及上一时期的数据。该汇编的主要价值在于其能够直观显示新冠疫情及严格抗疫措施在中国产生的最重要的社会经济后果。显示出经济增长速度和国民经济结构的变化, 及改革开放后中国人口的首次下降, 在 2022 年中国人均

国内生产总值超过世界平均水平。与此同时，该国在世界货物进出口中的份额有所下降。

关键词: 中国；统计；新冠疫情；人口；经济；增长率、GDP 结构

作者: 弗拉基米尔·雅科夫列维奇·波尔佳科夫，俄罗斯科学院中国与当代亚洲研究所政治研究与预测中心主任研究员。 ORCID: 0000-0001-9188-2341； E-mail: portyakov47@yandex.ru

Vladimir Ya. Portyakov

Today's China through the prism of statistics

Review: China Statistical Abstract. 2023 [Zhongguo tongji zhaiyao. 2023]. Beijing, Zhongguo tongji chubanshe, 2023. 212 p. (In Chinese).

Abstract: The Chinese-language collection “China Statistical Abstract 2023”, published in May 2023, contains data for 2022 and the previous period, is reviewed. The main value of the collection is that it allows you to objectively identify the most important socio-economic consequences of the COVID-19 epidemic and of the tough measures to combat it in the PRC. The changes in the rates of economic growth, shifts in the structure of the national economy are shown. The first decline in the population of the People's Republic of China in the post-reform period was noted. The average per capita global level of GDP production was surpassed in China in 2022. At the same time, the country's share in world exports and imports of goods decreased.

Keywords: PRC, statistics, COVID-19 epidemic, population, economy, growth rates, GDP structure.

Author: Portyakov Vladimir Ya., Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-9188-2341; E-mail: portyakov47@yandex.ru

Краткие статистические ежегодники Китая регулярно публикуются в Пекине с начала 1980-х годов. Обычно они выходят в свет в последней декаде мая, тогда как более объемные развернутые ежегодники – в октябре. Наряду с достаточно детальными данными о развитии экономики страны в предыдущем году краткие справочники содержат сведения и за предшествующий период. Это позволяет точнее оценивать особенности кратко- и среднесрочных циклов в народном хозяйстве КНР, выявлять эффективность реализации задуманных структурных сдвигов. Кроме того, рецензируемый справочник довольно рельефно показывает воздействие на страну эпидемии COVID-19.

В этом плане бросается в глаза первое за весь пореформенный период, т.е. с 1979 г. сокращение численности населения в КНР в 2022 г. Она снизилась на 850 тыс. человек по сравнению с концом 2021 г. – соответственно, 1 411 750 и 1 412 600 тыс. человек. Хотя рождаемость в КНР в последние десятилетия более или менее последовательно снижается, однако именно в период эпидемии COVID-19 и жесткой борьбы с нею ее показатели были особенно низкими: 8,52 промилле в 2020 г., 7,52 промилле в 2021 г. 6,77 промилле в 2022 г. На численности населения сказалось также некоторое повышение уровня смертности – до 7,18 промилле в 2021 г. и до 7,37 промилле в 2022 г. против 7,04–7,09 промилле в 2016–2019 гг. (с. 19–20).

Другим отличительным следствием самой эпидемии и избранных методов борьбы с нею стало резкое снижение пассажирооборота, в том числе туристического (с. 149–150).

Меньше других отраслей экономики пострадало сельское хозяйство, а сильнее всех – сфера услуг. В результате доля первого подразделения общественного воспроизводства в ВВП с 7,1% в 2019 г. выросла до 7,3 % в 2022 г., а доля сферы услуг, напротив, сократилась с 54,3% до 52,8 % (с. 25).

Как известно, в первые годы после прихода Си Цзиньпина к власти был поднят вопрос о необходимости для КНР перейти к «новой нормальности», т.е. от высоких темпов роста экономики к средневысоким, порядка 7–8% в год. Поначалу эта идея приписывалась премьеру Госсовета КНР Ли Кэцянью, однако вскоре ее автором был назван сам Си Цзиньпин. Выдержать такой темп на практике оказалось не просто – сказались эпидемия COVID-19 и осложнение условий внешнеэкономической деятельности. В 2020 г. прирост ВВП составил 2,2%, а в 2022 г. 3% – показатели, невиданно низкие для пореформенного Китая (с. 26). Существенно отличной от нескольких предыдущих лет оказалась в эти годы и структура производства ВВП. Так, вклад сельского хозяйства составил 10,4% и 10,5 % при 4–5% в доковидный период. Вклад II подразделения общественного производства (промышленность и строительство) достиг 43,3% в 2020 г. и 47,7% в 2022 г. (в 2016–2019 гг. – 32–36%). Наконец, доля сферы услуг, превышавшая в 2016–2019 гг. 60%, упала до, соответственно, 46,3 и 41,8% (с. 30). Такие сдвиги не во всем могут быть признаны позитивными.

Наиболее болезненным следует считать падение общественного розничного товарооборота на 3,9% в 2020 г. и на 0,2% в 2022 г. – ведь в обновленной модели экономического роста Китая образца 2013–2014 гг. ставка делалась именно на наращивание потребления. При этом самое сильное падение потребления имело место в крупнейших городах с наиболее жестким антиковидным контролем за населением (с. 140–141).

Представляют интерес данные справочника о падении валового внутреннего продукта специальных административных районов КНР. В Гонконге, по разным методам подсчета, оно составило от -5,9 до -6,5% в 2020 г. и от -1,4 до -3,5% в 2022 г. В Макао экономика, базирующаяся на доходах от игорного бизнеса, в отсутствии достаточно-го притока клиентов в казино почти рухнула: -54,3% в 2020 г. и -26,5 % в 2022 г. (с. 191, 194).

Показатели экономического роста на Тайване оказались сопоставимы с достигнутыми на материке: 3,4% в 2020 г. и 2,5% в 2022 г.

Одной из главных целей инициативы «Пояса и Пути», выдвинутой в 2013 г., на первых порах назывался вынос за рубеж производства ряда избыточных видов продукции и сокращение его в самом Китае. Статистический справочник показывает, что эта цель была достигнута лишь по цементу – видимо, благодаря сокращению масштабов жилищного строительства. Его производство упало с 2,49 млрд тонн в 2014 г. до 2,13 млрд тонн в 2022 г. По другим считавшимся избыточными видам продукции объемы производства, напротив, выросли: по стальному прокату с 1125 млн тонн до 1340 млн тонн (в 2015–2017 гг. имело место снижение), по углю с 3,8 до 4,5 млн тонн, по первичному алюминию – с 28,8 до 40,2 млн тонн (с. 129–132). Здесь проявилась прежде всего заинтересованность региональных властей в сохранении объемов производства на местах как важного источника финансовых доходов. Сыграла свою роль и забота центральных властей о поддержании надлежащего уровня занятости и политически приемлемых темпов роста.

Двойное впечатление оставляют данные о привлечении КНР прямых иностранных инвестиций. Формально рост их объема продолжился: с 141,2 млрд долл. в доковидном 2019 г. до 189,1 млрд долл. в 2022 г. Однако этот рост был обеспечен прежде всего за счет вложений Гонконга (с 96,3 до 137,2 млрд долл.) и Виргинских островов (с 5 до 6,6 млрд долл.). Во втором случае – это стопроцентно капиталы самого Китая, перекачанные через офшор. Частично то же самое касается и инвестиций из Гонконга. Среди других инвесторов в лидеры уверенно вышел Сингапур – 10,3 млрд долл. в 2021 г. и 10,6 млрд долл. в 2022 г. (с. 101).

Попытки США и их союзников жестче контролировать торговлю с Пекином негативно сказались на внешней торговле КНР. Доля страны в мировом экспорте снизилась с 15,03% в 2021 г. до 14,94% в 2022 г., а в мировом импорте – с 11,88% до 10,6% (расчет по данным на с. 202).

«Краткая статистика Китая» – один из немногих источников, содержащих сведения о годовых объемах торговли акциями в КНР. Суммарно на биржах ценных бумаг в Шанхае и Шэньчжэне он в 2022 г. составил 224,5 трлн юаней – примерно вдвое больше ВВП страны (121 трлн). С 2021 г. ведутся операции и на Пекинской бирже ценных бумаг, но их объем пока невелик – 198 млрд юаней в 2022 г. (с. 23, 170).

Богатую пищу для исследований дает статистика среднедушевых располагаемых доходов и расходов населения. На рубеже столетий притчей во языцех был десятикратный разрыв в уровне жизни между Шанхаем и наиболее отсталой в тот период провинцией Гуйчжоу. Сейчас межрегиональные различия в этой сфере явно сократились, хотя и остаются значительными. Так, по душевому располагаемому доходу Шанхай в 2022 г. опережал Гуйчжоу в три с лишним раза (около 80 тысяч юаней против 25,5 тысяч), а по среднедушевым расходам – примерно в 2,5 раза (46 тысяч и около 18 тысяч юаней). К тому же Гуйчжоу, развитию которой в последнее двадцатилетие уделялось особое внимание, несколько подтянулась во внутрикитайской таблице о рангах, опередив по доходам населения Ганьсу и Цинхай (с. 62–63).

В целом данные сборника «Краткая статистика Китая 2023» подтверждают, что, несмотря на элементы торможения, вызванного эпидемией COVID-19, КНР продолжает последовательно укреплять свои позиции в мировой экономике. Если в 2000 г. Китай по подушевому ВВП отставал от среднемирового показателя в 5,5 раз, в 2010 г. – в 2,1 раза, то в 2022 г. он опередил его: соответственно, 12 556 долл. у КНР и 12237 долл. в среднем по миру. Превзошел Китай и Россию с ее 12 195 долларами (с. 198).

Поступила в редакцию: 10.11.2023. Received: 10 November 2023.

Принята к публикации: 04.12.2023. Accepted: 4 December 2023.

Л.П. Черникова

Новое издание о русских артистах в Китае (Рецензия на книгу Н.А. Дорофеевой «Судьбы российских артистов в китайской эмиграции»)

Аннотация: Рецензируется книга Н.А. Дорофеевой, посвященная судьбам российских артистов, оказавшихся в китайской эмиграции в первой половине XX в. Центральное место в исследовании занимает биография танцовщицы Берты Червонной, имевшей большую известность в СССР в 1920-е годы, чье имя было забыто после эмиграции в Китай. В книге восстановлены также биографии артистов, с которыми довелось выступать Берте Червонной в Китае. Достоинством монографии является то, что все биографии строго документированы, подтверждаются материалами из личных собраний и государственных архивов. Рецензент отмечает, что труд снабжен множеством разнообразных иллюстраций (портретами героев, хроникальными фотографиями, копиями редких архивных документов, афишами). Делается вывод, что рассказ о работе русских артистов в Китае, их возвращении на родину или судьбе в других странах, адаптации и новом творческом пути достаточно достоверен, обоснован и заслуживает интереса читателей.

Ключевые слова: Берта Червонная, Россия, Китай, эмиграция, цыганская эстрада, репатриация, биографии.

Автор: Черникова Лариса Петровна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела Китая, Институт востоковедения РАН (ИВ РАН). E-mail: Larisa-che@mail.ru

L.P. 切尔尼科娃

关于旅华俄国艺术家的新出版物 (对 N·A·多罗费耶娃《旅华俄国艺术家移民的命运》的书评)

摘要: 本文对 N·A·多罗费耶娃的书进行评论。该书讲述 20 世纪上半叶移民中国的俄国艺术家的命运。在该研究中占有中心位置的是舞蹈演员别尔塔·切尔翁纳娅的生平，她在 1920 年代的苏联享有盛誉，但其名字在移居中国后被遗忘。书中还还原了与别尔塔·切尔翁纳娅在中国合作演出的艺术家的生平。该专著的优秀之处在于所有的生平都经过严格考证并得到个人搜集材料和国家档案材料的证实。本评论者指出，该作品配有各种插图（主人公肖像、纪实照片、稀有档案文件副本、海报）。本文结论是该书关于俄国艺术家在中国的创作、回归祖国或在他国的命运、适应新环境和新创作路径的叙述是相当准确并有根据的，值得读者关注。

关键词: 别尔塔·切尔翁纳娅; 俄罗斯; 中国; 移民; 茨冈歌舞; 遣返; 生平传记

作者: 拉丽莎·彼得罗夫娜·切尔尼科娃, 历史学副博士, 副教授, 俄罗斯科学院东方学研究所中国处高级研究员, 莫斯科市。E-mail: Larisa-che@mail.ru

Larisa P. Chernikova

**New Book About Russian Artists in China
(The book review of N.A. Dorofeeva's "The Fates of Russian Artists in Chinese Emigration")**

Abstract: This review discusses N.A. Dorofeeva's book, which delves into the lives of Russian artists who found themselves in Chinese emigration in the first half of the 20th century. The study primarily focuses on the biography of the dancer Berta Chervonnaya, who was renowned in the USSR during the 1920s but faded into obscurity after her emigration to China. The book also resurrects the biographies of artists who performed alongside Berta Chervonnaya in China. A key strength of the monograph is its rigorous documentation, corroborated by materials from personal collections and state archives. The reviewer highlights the inclusion of a variety of illustrations (portraits of the subjects, chronological photographs, copies of rare archival documents, posters). The conclusion drawn is that the narrative about the work of Russian artists in China, their return home or fate in other countries, their adaptation, and new creative paths is sufficiently credible, well-founded, and merits reader interest.

Keywords: Berta Chervonnaya, Russia, China, Emigration, Gypsy Variety, Repatriation, Biographies.

Author: Chernikova Larisa P., Candidate of Sciences (History), Senior Researcher of the China Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (OS RAS). E-mail: larisa-che@mail.ru

В Институте востоковедения РАН вышла книга независимого исследователя Натальи Адольфовны Дороевой, посвященная русской эмиграции в Китае. Если быть точнее, речь идет о ее культурном срезе. В двухтомной монографии прослеживаются судьбы российских артистов, попавших в Китай первой половине XX столетия. Стоит отметить, что это данное издание существенным образом расширяет наши представления об истории русской эмиграции и эмигрантской культуре¹.

¹ Дороева Н.А. Судьбы российских артистов в китайской эмиграции. Том I. Неподражаемая Берта Червонная. Научно-популярное издание. М.: ИВ РАН, 2023. 260 с., илл. ISBN 978-5-907671-18-8 (общ.)

ISBN 978-5-907671-19-5 (I т.) Н. А. Дороева. Судьбы российских артистов в китайской эмиграции. Том II. Тайны старых афиш. Научно-популярное издание. М.: ИВ РАН, 2023. 268 с., илл. ISBN 978-5-907671-20-1 (II т.)

В период развития и расцвета карьеры герои повествования оказались вдалеке от родных мест, но смогли состояться в искусстве, сохранив искренность, веру в лучшее будущее, неся в своем творчестве верность культурным идеалам России. Их имена в свое время были широко известны в странах рассеяния, в частности они были любимы в Харбине, Шанхае и других городах Китая, где осели выходцы из СССР. Однако на своей родине широкой публике они были практически неизвестны, либо об их жизни и творчестве знал лишь узкий круг специалистов. Отрадно, что эти имена теперь возвращаются к нам.

В ходе многолетних исследований Н.А. Дорофеева восстановила творческие и личные биографии артистов во время их пребывания в Китае, а также по крупицам воссоздала их жизненный путь до и после эмиграции. Многие биографические очерки написаны фактически «с чистого листа» и впервые предложены публике в столь полном варианте. Несомненным успехом исследователя стала реконструкция сложной судьбы артистки Берты Червонной, в свое время блиставшей на китайской сцене, но потом преданной забвению у себя на родине.

Достоинством книги является то, что все биографии строго документированы, подтверждаются материалами из личных собраний и государственных архивов. Как пишет Н.А. Дорофеева, «сами поиски порой носили детективный характер». На наш взгляд, положительной стороной работы можно считать то, что исследователь соблюдает деликатность и тонкий баланс в отборе материала, включая в монографию лишь наиболее важные и яркие детали из своих архивных изысканий.

Интересно, что рецензируемый двухтомник сумел свести воедино такие «звездные» имена, как Вадим Козин, Александр Вергинский, Федор Шаляпин, Николай Рерих, и абсолютно неизвестные большинству имена деятелей отечественной культуры: Берта Червонная, Илико Казбек, Софья Реджи, Леонид Мунцев, Мария Садовская и другие.

Плюсом работы можно считать вплетение в повествование множества малоизвестных и любопытных деталей, «окружающих» биографии героев и служащих своеобразным фоном их творческой жизни: это, например, история цыганских эстрадных коллективов в дореволюционной России или первые шаги отечественного кинематографа. Подобная подача материала, разумеется, облегчает восприятие, и, подобно историческому детективу, по-настоящему захватывает читателя. Стоит, правда, признать, что некоторые экскурсы немного замедляют темп изложения и отвлекают от основной темы. В качестве замечания можно также обратить внимание на излишний объем начальной авторской «прелюдии» к материалу (примерно 30–40 страниц).

Однако в целом нельзя не отметить, что рецензируемая монография представляет собой заслуживающий внимания, серьезный научный труд, солидный как по объему (260 с. + 268 с.), так и по содержанию. Двухтомная монография включает в себя, помимо предисловия, 16 глав и заключение. Текст снабжен множеством разнообразных иллюстраций (портретами героев, хроникальными фотографиями, копиями редких архивных документов). Монография создана в лучших традициях академических изданий: имеется указатель личных имен, обширный список источников и литературы. Однако есть и своя специфика – читателя наверняка привлекут многочисленные

яркие афиши, которые дадут почувствовать дух времени и добавят новые детали о творчестве артистов в эмиграции. В работе также имеется большое число выдержек из периодики первой половины XX века, как советской, так и эмигрантской. Такая «документальность» подкупает.

Интересен рассказ автора о «выходе» на эту тему, ставшей для Н.А. Дорофеевой по-настоящему личной. История началась с Магадана и эстрадного артиста Вадима Алексеевича Козина, который до конца жизни был связан с этим городом. Наталья Дорофеева и ее муж долгое время опекали популярного когда-то певца, участвовали в создании его музея. Тогда впервые в архиве Вадима Козина были найдены письма его дальней родственницы цыганки Берты Червонной (сценический псевдоним танцовщицы).

В дальнейшем семья Н.А. Дорофеевой переехала в Москву, где интерес к цыганской песне привел к знакомству с исследователем истории цыган А.М. Ильинским (также родственником В. Козина)². Н.А. Дорофеева стала секретарем и помощником Ильинского в сборе материалов о российских цыганах и главным «движителем» проекта по подготовке его книги к печати. Тогда в материалах А.М. Ильинского снова всплыло имя Берты Червонной. Были обнаружены краткие упоминания о ее пребывании в Китае, гастрольной деятельности, возвращении на родину, аресте артистки и отбывании наказания в лагере. Никаких других сведений об этой яркой личности нигде не было. Так появилась цель – найти максимум возможного об этом человеке. Без малого двадцать лет автор собирала скудные свидетельства о своей героине, которые после долгих изысканий и сформировали содержание первого тома монографии – «Неподражаемая Берта Червонная».

Второй том составили «дополнительные материалы», которые постепенно накапливались при сборе свидетельств о жизни и творчестве главной героини. Биографии артистов, окружавших Берту Червонную или работавших с ней, тоже представляют интерес. Автор не только воссоздает картину творческих исканий русской эмиграции, но и приводит подробности разнообразных людских судеб. Маршруты уехавших в другие страны пролегли в США, Японию, Италию. Вернувшиеся на родину в СССР чаще всего не избежали ГУЛАГа, этому посвящены отдельные драматичные страницы монографии.

В целом, по нашему представлению, рассказ о работе русских артистов в Китае, их возвращении на родину или судьбе в других странах, адаптации и новом творческом пути достаточно достоверен, обоснован и заслуживает интереса читателей. Работа в жанре научно-популярного издания выполнена автором профессионально, полностью отвечает требованиям к такого рода публикациям. Несомненна и актуальность монографии, ярко подчеркнут гуманистический аспект: восстановление и возвращение забытых имен отечественной культуры. Книга о многом заставляет задуматься: о пути русского человека, его исканиях, потерях и обретениях.

² *Ильинский Алексей Михайлович* (1918, Петроград – 2013, Москва), цыганский российский писатель, спортсмен, подполковник в отставке. Собирал материалы о цыганской истории, нынешнем положении этноса в России и за рубежом. Автор книги *Цыгане. Триста лет в России: Очерки, воспоминания, цыганско-русский словарь* / Ред. Н.А. Дорофеева. М., 2006.

Библиографический список

Дорофеева Н.А. Судьбы российских артистов в китайской эмиграции. Том I. Неподражаемая Берта Червонная. Научно-популярное издание. М.: ИВ РАН, 2023. 260 с., илл.

Дорофеева Н.А. Судьбы российских артистов в китайской эмиграции. Том II. Тайны старых афиш. Научно-популярное издание. М.: ИВ РАН, 2023. 268 с., илл.

Ильинский А.М. Цыгане. Триста лет в России: Очерки, воспоминания, цыганско-русский словарь / Ред. Н.А. Дорофеева. М., 2006. 370 с.

References

Dorofeeva, N.A. (2023). *Sud'by rossijskih artistov v kitajskoj emigracii. Tom I. Nepodrazhaemaya Berta Chervonnaya* [The fate of Russian artists in Chinese emigration. Vol. I. The inimitable Bertha Chervonnaya], Moscow: IV RAN. 260 p. (In Russian).

Dorofeeva, N.A. (2023). *Sud'by rossijskih artistov v kitajskoj emigracii. Tom II. Tajny staryh afish* [The fate of Russian artists in Chinese emigration. Vol. II. Secrets of old posters]. Moscow: IV RAN. 268 p. (In Russian).

I'inskij, A.M. (2006). *Cygane. Trista let v Rossii: Oчерki, vospominaniya, cygansko-russkij slovar'* [Gypsies. Three hundred years in Russia: Essays, memoirs, Gypsy-Russian dictionary]. Ed. by N.A. Dorofeeva. Moscow. 370 p. (In Russian).

Поступила в редакцию: 29.11.2023. Received: 29 November 2023.

Принята к публикации: 02.12.2023. Accepted: 2 December 2023.

К 95-летию со дня рождения Л.С. Переломова (1928–2018)

Н.Л. Кварталова

О Леонарде Сергеевиче Переломове

Леонард Сергеевич Переломов (кит. имя Цзи Ляола 嵇辽拉¹, 05.12.1928 – 14.09.2018) – блестящий российский ученый, исследователь конфуцианства, переводчик классических текстов. Но, прежде всего, это человек, который жил в соответствии с конфуцианским принципом *жэнь* 仁, человек интеллигентный в лучшем понимании этого слова.

Сын китайского революционера Цзи Чжи (嵇直) и русской учительницы А.П. Переломовой², Леонард Сергеевич всю свою долгую научную жизнь посвятил изучению истории и культуры Китая и влиянию китайской культуры на русскую. Еще в начале своей научной деятельности, в Институте востоковедения (тогда – Институт народов Азии АН СССР), в котором он работал с 1951 г., Переломов занимался историческими документами, а именно «Маньчжурским архивом», затем – уже в Китае – Цинь Шихуаном. На этом начальном этапе Леонард Сергеевич только определялся со своими научными интересами. В это время его работы были посвящены в большей мере империи Цинь – сначала кандидатская диссертация «Образование империи Цинь и ее

¹ Интересно, что это имя уже вошло в онлайн-словарь 大 БКРС: 嵇辽拉 jiliáolā Леонард Сергеевич Переломов (1928–2018, российский китаевед). URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%B5%87%E8%BE%BD%E6%8B%89> (дата обращения: 15.12.2023).

² Как вспоминает С.А. Серова, «Лера родился во Владивостоке и раннее детство провел в Сибири, где жила семья его матери Александры Павловны. Отец – молодой китайский коммунист, приехавший в Советский Союз на Дальний Восток в 1926 г. Александра Павловна преподавала китайскому студенту русский язык. Молодые люди поженились. Со временем отца отозвали в Москву, и его приезды к семье были от случая к случаю. Тогда мама отвезла сына к отцу в Москву и исчезла навсегда из жизни сына... Эта боль осталась в сердце Леры на долгие годы».

крах в результате крестьянского восстания (221–207 гг. до н.э.)), затем и монография «Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае». И уже в этой первой монографии Переломов упоминает реформы Шан Яна как фактор, повлиявший на возвышение империи Цинь. И в дальнейших исследованиях фокус интереса смещается от исторических событий к философскому анализу сначала легизма, а затем конфуцианства.

Когда Переломов приехал в Пекин учиться, он встречался с китайским историком Гу Цзеганом, под его влиянием увлекся изучением взаимосвязи между китайской историей и политической традицией.

В 1968 г. Леонард Сергеевич опубликовал перевод «Книги правителя области Шан». До настоящего времени эта книга остается наиболее полным переводом и исследованием на русском языке по легизму. Владилен Георгиевич Буров, российский китаевед и философ, сказал так: «Вообще я считаю, что настоящий китаевед – это тот китаевед, который не только пишет научные работы, но и может перевести классический текст. Вот за что я очень уважаю Л.С. Переломова!» [Буров, 2015, с. 46]

Легизму посвящена и докторская диссертация в двух томах, которую Л.С. Переломов защитил в 1970 г. – «Легизм и проблема становления первого централизованного государства в Китае, V–III вв. до н.э.».

А уже в 1973 г., когда в Китае набирала обороты «критика Линь Бяо и Конфуция», Леонард Сергеевич начал работать в Институте Дальнего Востока РАН.

И с этого момента начинается третий, центральный этап научных исследований Л.С. Переломова, принесший ему широкую известность и у нас, и в Китае, посвященный исследованию конфуцианства.

Начало этого пути не было простым.

«С тех пор (скорее всего, после заявлений в духе «Конфуций – умный человек», по версии Л.С. – *Прим. авт.*) Переломов рассматривался в китайских академических кругах как главный представитель советского ревизионизма и антикитайской пропаганды Конфуция и подвергался широкой критике. В то время казалось, что этот “второй Московский Конфуций” и “антикитайский клоун” пытается использовать свою статью о “большой ядовитой траве”, чтобы “бесстыдно восхвалять второго Конфуция”, нападать на идеи Мао Цзэдуна и подрывать диктатуру пролетариата. Для его отца, находящегося в тюрьме, высказывания Переломова, несомненно, усугубляли ситуацию и добавляли еще больше оскорблений» [Цзи Ляола].

Но Леонард Сергеевич не отказался от своих убеждений и продолжил изучать конфуцианство. После начала этапа «реформ и открытости» отношение к Конфуцию и исследователям его идей меняется, и начинается путь Переломова от идеологического врага до представителя идей конфуцианства за рубежом. В 1981 г. выходит книга «Конфуцианство и легизм в политической истории Китая», где Переломов показывает взаимосвязь политики с историей в культуре Китая с эпохи Чуньцю и до наших дней, приводя пример актуальной на тот момент идеи *гу вэй цзинь юн* 古为今用 – «использовать древность ради современности» и *ни Линь ни Кун* 批林批孔 [Переломов, 1981]. Такие разные течения, как конфуцианство и легизм, объединенные в одной книге, завершают этап исследования легизма Переломовым.

Из китайской прессы можно многое узнать о фактах биографии Леонарда Сергеевича того периода. Например, о его отношениях с Андроповым, который заинтересовался исследованиями Переломова. Профессор Ли Минбинь³ пишет: «Еще в начале 1970-х годов Андропов (1914–1984), председатель Комитета государственной безопасности Советского Союза, затем ставший генеральным секретарем ЦК КПСС, приходил к нему за книгами и узнал о конфуцианских и легистских теориях, что его очень воодушевило. В 1980-х годах новый советский президент пригласил его в качестве консультанта делегации, посетившей Китай для подготовки к встрече глав двух государств» [Ли Минбинь, 2023].

С помощью Дэн Сяопина и Андропова, генерального секретаря ЦК КПСС, отец Переломова, известный партийный деятель Цзи Чжи, смог встретиться с сыном незадолго до своей смерти в 1983 г.

История в истории

Здесь хочется сделать лирическое отступление, поскольку об этом периоде жизни некоторые факты нам рассказывал сам Леонард Сергеевич уже много позже, на встречах нашего Центра изучения Китая и Северо-Восточной Азии в ИДВ РАН, руководителем которого был известный философ-синолог профессор А.Е. Лукьянов. В те годы душой центра был В.Ф. Феоктистов, философ, педагог, исследователь Сюнь-цзы, человек обаятельный и общительный. В его кабинете всегда собирались коллеги, философы и историки, которые рассказывали о своих изысканиях, и, конечно, об интересных случаях своей жизни. Леонард Сергеевич тоже участвовал в этих собраниях. Истории из его жизни все немного печальные, но рассказывал их Леонард Сергеевич в шуточной форме. Когда в Китае умирал Цзи Чжи, ему позвонили от Андропова лично. Он был очень удивлен оперативностью работы спецслужб. Китайцы связались с КГБ, объяснили ситуацию. Переломову сделали паспорт и визу. Затем «приехали двое в штатском, взяли под руки и отправили в Китай».

Или еще одна история, из тех же времен. После защиты диссертации (видимо, не его, потому что свою Переломов защитил в 1970 г., а кампания «критика Линь Бяо и Конфуция», как упоминалось выше, шла в Китае в 1973–1974 гг.) Леонард Сергеевич возвращался на дачу в Переделкино. Время было беспокойное, он не производил впечатление человека мощного, и на него напали хулиганы. И вот он рассказывал, смеясь: «Я понимаю, что у меня сейчас все отберут, а у меня с собой партбилет. Вот за потерю партбилета страшно. И я прошу у этих хулиганов: “Партбилет оставьте!” Странно, но послушались и оставили. Прихожу я домой еле-еле, а дома жена волнуется, и, не разобрав, с порога накинулась на меня со словами “позорный писака Переломов!” (это один из эпитетов, которыми “Жэньминь жибао” щедро награждала Переломова в те годы. – *Примеч. авт.*). Вот ту защиту диссертации я запомнил навсегда».

³ Ли Минбинь (род. 1933) – директор Института русской культуры Пекинского университета, профессор и научный руководитель Школы иностранных языков Пекинского университета.

Но вернемся к научной работе. К 90-м годам Леонард Сергеевич уже полностью посвящает себя исследованию конфуцианства. Одна за другой выходят книги. В 1992 г. – «Слово Конфуция», а в 1993 г. – книга, содержащая не только перевод текстов, но и исследование, – «Конфуций: жизнь, учение и судьба». В первой книге Леонард Сергеевич по значимости и влиянию на самосознание китайцев приравнивает роль конфуцианства к роли религии. Он считает, что конфуцианство – это не философия, а этика, и его функция – координировать отношения между людьми, обществом и политической властью. Вторая книга содержит в том числе и раздел, посвященный истории конфуцианства в Китае, в котором Леонард Сергеевич подробно описывает современные ему процессы в Китае, связанные с принятием и критикой этого учения.

В Китае Л.С. Переломов наиболее известен как исследователь конфуцианства, он был частым гостем на различных событиях, связанных с Конфуцием.

Прозвище «московский Конфуций» уже в положительном смысле появилось, вероятно, после 1994 г., когда Леонард Сергеевич был приглашен на учредительное собрание Китайской ассоциации исследований восточной культуры, организованное вице-президентом Пекинского университета Цзи Сяньлином. Тогда в «Новостях университета Хуацяо» вышла статья «Цзи Ляола: Конфуций в Москве». Китайский профессор Ли Минбинь писал про Переломова, что тот «мягок и элегантен в своих манерах, добр и смирен в обращении с другими и очень похож на Конфуция» [Ли Минбинь, 1994].

Позже Переломов стал членом правления Международной конфуцианской ассоциации и был избран президентом Российского фонда Конфуция. Его приглашали на различные мероприятия, в 2018 г. он читал лекции на международном культурном форуме в Нишань в Пекине по теме «Российские конфуцианские исследования и Конфуций в Москве». В 2000 г. за книгу «Конфуций. Лунь юй» (1998) Леонард Сергеевич был награжден Российской академией наук премией имени С.Ф. Ольденбурга – «за выдающиеся работы в области востоковедения».

И, наконец, в двухтысячных годах начинается новый период – время энциклопедий и фундаментальных переводов.

В тот момент в Центре изучения Китая и Северо-Восточной Азии работали над изданием «Четверокнижия» («Сы шу») (в книгу включены переводы А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова). Книга вышла в 2004 г. и была подарена тогдашнему председателю КНР Ху Цзиньтао. Переломов был редактором тома, в него вошел и его перевод «Лунь юя». Далее начался еще более масштабный проект – подготовка и издание энциклопедии «Духовная культура Китая», Леонард Сергеевич участвовал в этом проекте как автор и как редактор в четвертом томе. И, наконец, Переломов становится ответственным редактором второго тома «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века», вышедшего в 2013 г.

Помимо масштабных проектов, Леонард Сергеевич интересовался и современным положением дел в Китае, в это время выходит ряд статей, посвященных различной проблематике – от «китайской мечты» *чжунго мэн* 中国梦 и концепции *сяо кан* 小康 до творчества Л.Н. Толстого [Переломов, 2016].

Но конфуцианство так и остается доминантой исследований Леонарда Сергеевича – в 2007 г. выходит книга «Конфуцианство и современный стратегический курс КНР», основанная на предыдущих работах и дополненная большим разделом о состоянии и перспективах конфуцианства в современном Китае.

Китайские исследователи высоко оценили вклад Л.С. Переломова и развитие российско-китайских отношений. В Китае Л.С. Переломов известен не только как сын своего отца, партийного деятеля Цзи Чжи, но и как ученый, исследующий конфуцианство. Когда Леонард Сергеевич в очередной раз приехал в Пекин для участия в конфуцианской конференции, его принимал Цзян Цзэминь. Он дважды встречался с Чэнь Лифу (陈立夫 1900–2001), председателем общества Конфуция и Мэн-цзы на Тайване. В России у Леонарда Сергеевича учились и докторанты-китайцы, например Чэнь Кайкэ (陈开科⁴), которые впоследствии тепло отзывались о своем учителе.

Мое знакомство с Леонардом Сергеевичем состоялось заочно задолго до личного, еще в начале 90-х годов, когда только начиналось мое увлечение китайской культурой и историей, и книги про Конфуция и Шан Яна были окном в мир китайской истории и культуры, а поработать вместе довелось гораздо позже, когда он уже почти не ездил в институт, но продолжал работать дома, как и его жена, российский китаевед, д.и.н. Светлана Андреевна Серова. И только в свои немногочисленные посещения их дома я осознала, насколько жизнь и мировосприятие могут быть переплетены воедино с работой. Конфуцианство стало для Леонарда Сергеевича частью жизни. Как сказали китайские коллеги, «в поисках Дао, в его изучении и практике Цзи Ляола можно назвать искусным конфуцианцем. Он достоин славы Московского Конфуция!» [Цзи Ляола].

Библиографический список

Буров В.Г. Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2015.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Вост. лит., 2004.

Переломов Л.С. Образование империи Цинь и ее крах в результате крестьянского восстания (221–207 гг. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. // АН СССР. Ин-т востоковедения. М., 1954. 18 с.

Переломов Л.С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае». М.: Вост. лит., 1962.

Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981.

Переломов Л.С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Наука, 1993.

Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй» / Исследование, перевод с кит., комментарий; факсим. текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Вост. лит., 1998.

Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М.: ЛКИ, 2007.

Переломов Л.С. Лев Николаевич Толстой о конфуцианстве и будущем Китая // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. 2016. Т. 1. № 5. С. 30–38.

Ли Минбинь. Цзи Ляола: Конфуций в Москве // Хуацяо. Университетский журнал. 10 января 1996 г. [李明滨: 《稽辽拉: 莫斯科的孔夫子》, 载《华侨大学学报》1996年1月10日].

⁴ Чэнь Кайкэ, род. 1965, учился в аспирантуре ИДВ РАН с 1997 по 2002 г., защитил кандидатскую диссертацию по истории, работает в Китайской академии общественных наук.

Ли Минбинь. От Толстого до Переломова — Краткий обзор распространения конфуцианства в России // Чжунхуа ду шубао. 7 июня 2023 г. [李明滨. 从托尔斯泰到嵇辽拉——略述儒学在俄国的传播 // 中华读书报 (2023 年 06 月 07 日 20 版)] URL: https://epaper.gmw.cn/zhdzb/html/2023-06/07/nw.D110000zhdsb_20230607_4-20.htm (дата обращения: 01.09.2023).

Цзи Ляола [嵇辽拉]. URL: <https://www.530311.com/baike/show-268471.html> (дата обращения: 01.09.2023).

Цзи Цзюньшэн. «Московский Конфуций» Цзи Ляола – президент Русского конфуцианского фонда Леонард Сергеевич Переломов. [嵇钧生. 莫斯科的孔夫子嵇辽拉 —— 记俄罗斯孔子基金会主席列·谢·贝列罗莫夫. // 俄罗斯学刊. 2013 年第 4 期 с. 69–78].

*В.П. Журавлева, О.Н. Попова*¹

Список трудов Леонарда Сергеевича Переломова (1928–2018)

1950

Пер.: Лю Бай-юй. Спаянные кровью: Рассказы и очерки. М.: Воениздат, 1950. 65 с. (Библиотечка «Сов. воин»; № 18). Совм. с другими.

1954

Образование империи Цинь и ее крах в результате крестьянского восстания (221–207 гг. до н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук / АН СССР. Ин-т востоковедения. М., 1954. 18 с.

1956

Крестьянское восстание в Китае в 209–208 гг. до н.э. // Советское востоковедение. М., 1956. № 3. С. 60–75.

Пер.: Го Можо. Эпоха рабовладельческого строя: Пер. с кит. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 270 с.: ил. Совм. с М.Г. Прядохиным.

1957

Чэнь Шэн [неизв. – ум. 208 г. до н.э. – вождь крестьянского восстания] // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1957. Т. 47. С. 489.

«Ши цзи» («Исторические записки») // Там же. Т. 48. С. 70–71.

1958

Сьма Цянь о Чэнь Шэне / Пер., вступ. и коммент. // Советское китаеведение. 1958. № 4. С. 192–205.

Рец.: Всемирная история. Т. 1–2. М., 1956. // Вопросы истории. 1958. № 6. С. 180–190. Совм. с другими.

Рец.: Очерки истории Китая / Л.В. Симоновская, Г.Б. Эренбург, М.Ф. Юрьев. М., 1956. 424 с.; Там же. С. 165–168.

Пер.: Фань Вэньлань. Древняя история Китая: от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства: Пер. с кит. М.: АН СССР, 1958. 294 с.: ил. Совм. с М.В. Крюковым, Е.Б. Поршневой, Е.В. Пузицким.

¹ Составители В.П. Журавлева, О.Н. Попова – сотрудники Отдела ББО ИНИОН при Институте Китая и современной Азии РАН.

1960

Рец.: Го Можо. Бронзовый век: Пер. с кит. М., 1959 // Вопросы истории. М., 1960. № 11. С. 188–190.

1961

Об органах общинного самоуправления в Китае в V–III вв. до н.э. // Китай. Япония: История и филология. М., 1961. С. 45–57.

Рец.: Проблема периодизации феодализма в китайской исторической науке: [Рец. на ст. в журн. «Лиши яньцзю». 1960. № 6. С. 67–71] // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 193–194.

1962

Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н.э.) / АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 244 с.: ил. Библиогр.: с. 226–233. Указатель имен собственных, географических названий, терминов, названий племен и народностей: с. 234–243.

Рец.: Рубин В.А. // Вопросы истории. М., 1963. № 6. С. 151–153; Felber R. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1963. Hf.1. P. 214; Felber R. // Orientalistische Literaturzeitung. Berlin, 1964. Jg. 59, No 7/8. P. 396–404; Pokora T. // Archiv orientální. Praha, 1963. № 1. S. 165–171; Т.Р. // Československý časopis historický. Praha, 1963. No 1. Pp. 101–102.

Бань Гу [32–92 гг. – историк] // Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. Стб. 115–116.

Ван Ман (45 г. до н.э. – 23 г. н.э. – государственный деятель) // Там же. Стб. 959.

Ван Мана реформы // Там же. Стб. 959–960.

Дискуссия о формах земельной собственности в феодальном Китае: [По материалам журнала «Лиши яньцзю». 1961. № 3. С. 33–42] // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 189–190.

Народные движения в Китае в 209–202 гг. до н.э. // Краткие сообщения Института народов Азии / АН СССР. М., 1962. [Т.] 53: Китайский сборник. С. 40–55.

О характере движущих сил войны 209–202 гг. до н.э. в Китае // Народы Азии и Африки. 1962. № 1. С. 79–90.

1963

Вопрос о существовании общины в Китае в 3 в. до н.э. – 2 в. н.э. как один из важнейших критериев периодизации истории древнего Китая // Межвузовская научная конференция по историографии и источниковедению стран Азии и Африки. Л., 1963. С. 66.

Пер.: Жизнеописание Чэнь Шэна: Пер. с кит.: [Из «Исторических записок» Сыма Цяня] // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963. С. 476–481.

Пер.: Хроника правления Гаоцзу: Пер. с кит.: [Из «Исторических записок» Сыма Цяня] // Там же. С. 482–483.

Пер.: Хроника правления Гаоцзу: Пер. с кит.: [Из «Истории Ранней Хань» (Цянь Хань шу)] // Там же. С. 485–486.

1964

Община и семья в древнем Китае (III в. до н.э. – III в. н.э.). М.: Наука, 1964. 11 с. (VII Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук, М., август 1964).

Рец.: Pokora T. Archív orientální. Praha, 1965. No 3. P. 527–528.

Дун Чжуншу (ок. 180 г. – ок. 120 г. до н.э. – философ, политический деятель) // Советская историческая энциклопедия. М., 1964. Т. 5. Стб. 407–408.

1965

Ли Сы (280–208 гг. до н.э. – государственный деятель) // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стб. 701.

О характере сельской общины в период Хань // Народы Азии и Африки. 1965. № 1. С. 93–99.

1966

Реформы Шан Яна в советской историографии // Межвузовская научная конференция по вопросам истории стран Азии и Африки в советской историографии: Тезисы докл. М., 1966. С. 34–36.

Эволюция общины и рост частной земельной собственности в Китае в IV в. до н.э. – III в. н.э. // Общее и особенное в развитии стран Востока. М., 1966. С. 150–159.

1967

The despotic state and community in ancient China (4th–3rd centuries B.C.) / L.S. Perelomov. Moscow, 1967. 12 p. (XXVII International congress of orientologists. Papers presented by the USSR delegation).

О значении терминов фулао и саньлао в эпоху Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Историко-филологические исследования: Сб. ст. к 75-летию акад. Н.И. Конрада. М., 1967. С. 457–461.

О роли идеологии в становлении деспотического государства в древнем Китае // Народы Азии и Африки. 1967. № 3. С. 62–73.

1968

Книга правителя области Шан: (Шан цзюнь шу) / Пер. с кит., вступ. ст. и коммент.; АН СССР. Отд-ние истории. Ин-т народов Азии. М.: Наука, 1968. 351 с. (Памятники письменности Востока; 20). Рез. англ. Библиогр.: с. 323–328.

Рец.: Лапина З.Г. // Народы Азии и Африки. 1969. № 6. С. 185–189.; Рубин В.А. Шан Ян и его идеи // Новый мир. М., 1969. № 12. С. 267–270; Bodde D. // Journal of Asian Studies. Ann Arbor, 1969. Vol. 28, No 4. P. 847–848; Pokora T. // T'oung Pao. Leiden, 1969. No 4/5. P. 322–324.

Деспотическое государство и община в древнем Китае: Влияние общины на эволюцию формы власти в Китае 4–3 вв. до н.э. // Доклады, представленные на XX Международном синологическом конгрессе в Праге. М., 1968. С. 88–98

Легизм и традиционные институты китайской государственности // Симпозиум «Роль традиций в истории Китая»: Тезисы докл. М., 1968. С. 65–67.

Шан Ян и община // IV сессия по древнему Востоку 5–10 февраля 1968 г. / АН СССР. Ленингр. отделение Ин-та народов Азии. М., 1968. С. 9.

1969

The community and influence of Legalism on the development of the state in the ancient China // *Asia in Soviet studies*. Moscow, 1969. P. 139–151.

1970

Легизм и проблема становления первого централизованного государства в Китае (V–III вв. до н.э.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / АН СССР. Ин-т востоковедения. М., 1970. 48 с.

Legalism and its part in the formation of traditional Chinese state institutions / L.S. Perelomov. Moscow: Nauka, 1970. 7 p. (XXVIII International congress of orientologists (Canberra, January 6–12, 1971). Papers presented by USSR delegation).

Китай и Вьетнам в III в. до н.э. – III в. н.э. // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970. С. 51–62.

Община и семья в древнем Китае (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т. 9. С. 425–431.

Социальная обусловленность легизма // Научная конференция «Общество и государство в Китае»: Доклады и тезисы. М., 1970. Вып. 2. С. 184–187.

Ред.: Китай и соседи в древности и средневековье: [Сб. ст.] / отв. ред. М.: Наука, 1970. 275 с. Совм. с С.Л. Тихвинским.

Ред.: Научная конференция «Общество и государство в Китае»: Доклады и тезисы: В 2 вып. / отв. ред. М.: Наука, 1970. Совм. с В.А. Рубиным. Вып. 1. 139 с.; Вып. 2. С. 140–276.

1971

Легистская концепция «равенства перед законом» и ханьская бюрократия // Научная конференция «Общество и государство в Китае»: Доклады и тезисы. М., 1971. Вып. 1. С. 57–62.

Проблема периодизации древней и средневековой истории Китая в китайской историографии: (О генезисе феодальных отношений) // Историческая наука в КНР. М., 1971. С. 64–81. Библиогр.: с. 80–81.

1972

Вклад легизма в формирование традиционных институтов государственности // Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972. С. 151–160. [III в. до н.э. – XIX в. н.э.]

Рец.: Авдиев В.И. История Древнего Востока: Учебник для студентов. 3-е изд., перераб. М., 1970. 608 с. // Народы Азии и Африки. 1972. № 5. С. 145–146.

1973

Изучение проблем древнего Китая // Проблемы советского китаеведения. М., 1973. С. 83–99.

Легистская концепция «равенства перед законом» и ханьская бюрократия // Китай: общество и государство: Сб. ст. М., 1973. С. 55–66. Библиогр.: 23 назв.

О сущности легизма // Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 2. С. 77–89.

Становление императорской системы в Китае // Вопросы истории. М., 1973. № 5. С. 113–132. Рез. англ.

У-ди (156–87 гг. до н.э. – император) // Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т. 14. Стб. 657.

«Фацзя» [Школа законников] // Там же. Стб. 970–971.

Являются ли легисты антитрадиционалистами? // Четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1973. Вып. 1. С. 3–8.

Рец.: Развитие стран Востока: общее и особенное: [Рец. на кн.: Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?: Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М., 1971] // Проблемы Дальнего Востока. 1973. № 4. С. 187–190.

Рец.: Крюков М.В. Система родства китайцев: (Эволюция и закономерности). М., 1972. 328 с. // Народы Азии и Африки. 1973. № 3. С. 205–207.

Пер. и вступ.: Шан цзюнь шу: Пер. с кит. // Древнекитайская философия. М., 1973. Т. 2. С. 210–223.

Ред.: Китай: общество и государство: Сб. ст. / чл. редкол. М.: Наука, 1973. 357 с.

1974

Гл. 2. Китай в эпоху Лего и Чжаньго // История Китая с древнейших времен до наших дней: Учебное пособие / отв. ред. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. М.: Наука, 1974. 534 с. С. 17–32.

Гл. 3. Деспотии Цинь и Хань в III–I вв. до н.э. // Там же. С. 33–40.

Гл. 4. Кризис древних империй // Там же. С. 41–50.

Дискуссия о Конфуции и X съезд КПК // Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1974. Вып. 3. С. 456–462.

Конфуций и маоисты // Известия. М., 1974. 29 марта (Моск. веч. вып.). С. 4.

О политической кампании «критики Конфуция и Линь Бяо» // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 2. С. 137–150.

Хань Фэй (288–233 гг. до н.э. – один из основоположников школы «фацзя») // Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 15. Стб. 518.

Цинь: [древнекитайское царство] // Там же. Стб. 779.

Цинь (221–207 гг. до н.э. – императорская династия) // Там же. Стб. 779–780.

Цинь Ши-хуанди (259–210 гг. до н.э. – император) // Там же. Стб. 780.

Politická kampanь “kritiky Lin Piao a Konfucia” // Politika maoismu. Praha, 1974. Т. 2. S. 21–44.

Diskuse o Konfucievi a X. sjezd KS Ciny // Nový Orient. Praha, 1974. S. 161–165.

1975

Идеология / Л.С. Переломов, В.Ф. Феоктистов // Китайская Народная Республика: Политическое и экономическое развитие в 1973 году. М., 1975. С. 344–350.

Конфуцианство в политической жизни современного Китая // Вопросы философии. М., 1975. № 10. С. 61–74. Рез. англ.

Мао, легисты и конфуцианцы // Вопросы истории. М., 1975. № 3. С. 117–133. Рез. англ.

О некоторых теоретических основах и методах ведения кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» // Информ. бюл. / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М., 1975. № 1: Некоторые актуальные проблемы современного Китая. С. 132–149.

О политической кампании «критики Конфуция и Линь Бяо» // Опасный курс. М., 1975. Вып. 6. С. 127–148. [Перепеч.: Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 2].

The role of ancient history in political life of modern China // Continuity and change in China / Centre d'étude du Sud-Est Asiatique et de l'Extrême-Orient. Bruxelles; Gent, 1975. P. 38–46. Discussion. P. 48–55.

1976

«Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан») // Советская историческая энциклопедия. М., 1976. Т. 16. Стб. 124.

Шан Ян (390–338 гг. до н.э. – государственный деятель) // Там же. Стб. 125.

Шан Яна реформы // Там же. Стб. 125.

Рец.: Народные восстания или крестьянские революции?: [Рец. на кн.: Смолин Г.Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в. М., 1974. 556 с.] // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 1. С. 202–206.

Рец.: Японский синолог о кампании «критики Линь Бяо и Конфуция»: [Рец. на кн.: Цуёси Такидзава. Китай в период кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Токио, 1974. Яп. яз.] / Л.С. Переломов, Г.А. Кулик // Проблемы Дальнего Востока. 1976. № 3. С. 199–202.

1977

Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). Белград: Бигз, 1977. Серб. яз.

Основные направления кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» // Китайская Народная Республика в 1974 году. М., 1977. С. 225–233.

Confucianism in the political life of contemporary China // Chinese studies in history. White Plains, 1977. Vol. 10, № 4. P. 73–97. [Пер. из журн.: Вопросы философии, 1975, № 10].

Рец.: Исследование по истории чжурчжэней: [Рец. на кн.: Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М., 1975. 448 с.] // Проблемы Дальнего Востока. 1977. № 1. С. 171–174.

1978

Историческое наследие в политике китайского руководства // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 4. С. 131–138.

Историческое наследие и политика в КНР // Третья научная конференция по проблемам истории Китая в новейшее время: Тезисы докл. / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М., 1978. Ч. 2. С. 298–301.

Рец.: Механизм политической власти в императорском Китае: [Рец. на кн.: Бокшанин А.А. Императорский Китай в начале XV в. (внутренняя политика). М., 1976. 323 с.] // Проблемы Дальнего Востока. 1978. № 1. С. 189–192.

Ред.: М.В. Крюков, М.Ф. Софронов, Н.Н. Чебоксаров Древние китайцы: Проблемы этногенеза / отв. ред. М.: Наука, 1978. 342 с.

1979

Историческое наследие в политической жизни КНР / Л.С. Переломов, М.А. Асланова // Китайская Народная Республика в 1977 году: Политика, экономика, идеология. М., 1979. С. 219–224.

1980

Буддизм в Китае: исторические традиции и современность / Л.С. Переломов, Н.В. Абаев // Проблемы Дальнего Востока. 1980. № 3. С. 136–148.

Вопросы исторического наследия в политической жизни КНР // Китайская Народная Республика в 1978 году: Политика, экономика, идеология / Л.С. Переломов, М.А. Асланова. М., 1980. С. 259–267.

Исторические и идеологические корни великоханьского шовинизма // Информ. бюл. / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М., 1980. № 17: Маоизм и национальный вопрос. С. 90–100; Маоизм и национальный вопрос. Улан-Батор, 1980. С. 233–245.

История и политика в КНР // Информ. бюл. / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М., 1980. № 20: Политические традиции в КНР: В 2 ч. Ч. 1. С. 33–57.

Понятие «политическая традиция» / Л. Переломов, Г. Салтыков, П. Кожин // Там же. С. 5–23.

Предисловие // У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана: Пер. с кит. М., 1980. С. 5–18.

Рец.: У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980. 255 с. // Обществ. науки. М., 1980. № 4. С. 227–229.

Отв. за вып.: Политические традиции в КНР: Сб. ст. по материалам научной конференции, состоявшейся в ИДВ АН СССР в декабре 1979 г.: В 2 ч. М., 1980. (Информ. бюл. / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока; № 20, ч. 1–2). Совм. с П.М. Кожиным, Г.Ф. Салтыковым. Ч. 1. 173 с.; Ч. 2. С. 175–319.

1981

Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М.: Наука, 1981. 334 с. Библиогр.: с. 317–327. Указ. имен: с. 328–332.

Рец.: Кюзаджян Л. Мао и тени далеких предков // Новое время. М., 1981. № 30. С. 20–23; Тихвинский С.Л. Древнекитайская философия и политическая борьба в КНР // Новый мир. М., 1982. № 1. С. 257–263; Туманов В.А. // Советское государство

и право. М., 1982. № 8. С. 143–145; Bodde D. // *Journal of Asian Studies*. Ann-Arbor, 1985. Vol. 44. № 4. P. 821–824; Künstler M.J. // *Przegląd orientalistyczny*. Warszawa, 1982. № 3/4. S. 209–210; Pokora T. // *Historický časopis*. Bratislava, 1983. Č. 5. S. 779–780; Обсуждение книги в журнале «Народы Азии и Африки» / А.С. Мартынов, А.А. Крушинский, В.А. Масленников, А.С. Мугрузин, Л.П. Делюсин // *Народы Азии и Африки*. 1982. № 4. С. 176–191.

Великоханьская сущность концепции «извечного единого многонационального Китая» / Л.С. Переломов, С.Н. Гончаров, Э.В. Никогосов // *Проблемы Дальнего Востока*. 1981. № 4. С. 41–55.

Вопросы исторического наследия в политической жизни КНР / Л.С. Переломов, М.А. Асланова // *Китайская Народная Республика в 1979 году: Политика, экономика, идеология*. М., 1981. С. 249–254.

Сунь Ятсен и его японские «друзья» // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы и доклады. М., 1981, ч. 2. С. 213–217. Библиогр.: с. 217 (17 назв.).

Учение Конфуция и легизм в политике руководства КПК // Опыт и уроки истории КПК: (К 60-летию образования партии): Тезисы докл. научной конференции 7–8 апреля 1981 г. / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М., 1981. [Ч.1]. С. 23–28.

1982

Влияние исторического наследия на характер изменений в структуре управления в КНР // Государственный строй и важнейшие социально-экономические проблемы КНР: Тезисы докл. междунар. научной конференции 5–7 апр. 1982 г. / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М., 1982. С. 54–56.

Конфуцианство и легизм в осуществлении курса «четырёх модернизаций» // Информ. бюл. / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М., 1982. № 33: Традиции Китая и «четыре модернизации». Ч. 1. С. 25–38.

Традиции Китая и политика «четырёх модернизаций» / Л.С. Переломов, П.М. Кожин, Г.Ф. Салтыков // Там же. С. 6–14.

О «феодалных пережитках» в современном Китае / Там же. С. 189–199.

Ред.: Опыт и уроки истории КПК: (К 60-летию образования КПК: [Доклады науч. конференции 7–8 апреля 1981 г.] / отв. ред. М., 1982. 219 с. (Информ. бюл. / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока; № 34).

Отв. за вып.: Традиции Китая и «четыре модернизации»: [Сборник]: В 2 ч. М., 1982. (Информ. бюл. / АН СССР. Ин-т Дальнего Востока; № 33). 450 с. Совм. с П.М. Кожиним, Г.Ф. Салтыковым. Ч. 1. 212 с.; Ч. 2. С. 215–450.

1983

Imperial China: Foreign-policy conceptions and methods: Transl. from the Russ. / L. Perelomov, A. Martynov. Moscow: Progress publ., 1983. 199 p. Bibliogr.: p. 189–199.

Внешнеполитические концепции императорского Китая и методы их осуществления / Л. Переломов, А. Мартынов; пер. с рус. В. Шнеерсон. М.: Прогресс, 1983. 199 с.

Ред., авт.: М.В. Крюков, Л.С. Переломов, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров. Древние китайцы в эпоху централизованных империй / отв. ред. Л.С. Переломов, Н.Н. Чебоксаров; АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Ин-т Дальнего Востока. М.: Наука, 1983. 415 с.: ил., 4 л. ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 375–391. Указ.: с. 392–406. – Из содерж.: Гл. 3. Древние китайцы и их соседи: политические аспекты взаимоотношений. С. 105–140.

Традиции в социально-политической жизни Китая / Л.С. Переломов, П.М. Кожин, Г.Ф. Салтыков // Проблемы Дальнего Востока. 1983. № 1. С. 97–106.

Этические категории конфуцианства: современные оценки и толкования / Л.С. Переломов, Э.В. Никогосов // Проблемы Дальнего Востока. 1983. № 3. С. 72–80.

1984

Проблемы исторического наследия / Л.С. Переломов, М.А. Асланова // Китайская Народная Республика в 1980 году: Политика, экономика, идеология. М., 1984. С. 172–176.

Традиции управления в политической культуре КНР: (К методологии исследования) / Л.С. Переломов, П.М. Кожин, Г.Ф. Салтыков // Проблемы Дальнего Востока. 1984. № 2. С. 110–123.

1985

Вопросы исторического наследия / Л.С. Переломов, А.Б. Краснов // Китайская Народная Республика в 1981 году: Политика, экономика, идеология. М., 1985. С. 165–169.

Рец.: Абаев Н.В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. Новосибирск, 1983. 125 с. // Народы Азии и Африки. 1985. № 3. С. 204–206.

Ред.: Титаренко М.Л. Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение / отв. ред. М.: Наука, 1985. 245 с.

1986

Вопросы исторического наследия в политической жизни КНР / А.Б. Краснов, Л.С. Переломов // Китайская Народная Республика в 1982 году: Политика, экономика, идеология. М., 1986. С. 248–252.

Критерии оценки личности в традиционной культуре Китая // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 2. С. 101–113.

Проблемы исторического наследия / Л.С. Переломов, А.Б. Краснов // Китайская Народная Республика в 1983 году: Политика, экономика, идеология. М., 1986. С. 235–237.

Ред.: Бокшанин А.А. Удельная система в позднесредневековом Китае: Период Мин, 1368–1644 / отв. ред. М.: Наука, 1986. 263 с.

1987

Сулянь кэсюэ чжун дуй чуаньтун ды яньцзю вэньти [Проблема исследования традиций в советской науке] // Шэхуэй кэсюэ чжансянь. Гирин, 1987. № 3-4. С. 221–228. Кит. яз.

1988

Роль учения Конфуция в строительстве социализма с китайской спецификой // III Всесоюзная конференция востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке». М., 1988. Т. 2. С. 148–149.

Символ китайской нации // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 5. С. 87–97.

1989

Историческая наука // 40 лет КНР. М., 1989. С. 166–177; ISBN 5-02-016470-4. Совм. с другими.

Начальная стадия социализма в Китае: вопросы теории и практики: Круглый стол «ПДВ»: [Выступление] // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. С. 26–27.

Новый этап развития традиций в общественно-политической жизни КНР // Проблемы строительства социализма в Китайской Народной Республике в свете решений XIII съезда Коммунистической партии Китая: (Материалы науч. конференции, проведенной 30 марта – 1 апр. 1988 г. Ин-том Дальнего Востока АН СССР и Всесоюз. ассоц. китаеведов). М., 1989. (Информ. бюл. / АН СССР Ин-т Дальнего Востока). С. 208–216.

Рец.: Социальная утопия в политической культуре Китая: [Рец. на кн.: Китайские социальные утопии. М., 1987. 311 с.] // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 2. С. 234–238.

1990

Конфуцианство в политической культуре КНР // Китай и социализм: Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая: Тезисы докл. I Всесоюзной науч. конференции (М., 9–11 октября 1990 г.). М., 1990. Ч. 2. С. 99–100.

«Учитель десяти тысяч поколений» [О работе Междунар. симпозиума, посвященного 2540-летию со дня рождения Конфуция, Пекин, 7–10 окт. 1989 г.] / С. Белоусов, Л. Переломов, В. Феоктистов // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 197–201.

Ред.: Долин А.А. Кэмпо – традиция воинских искусств / А.А. Долин, Г.В. Попов; отв. ред. М.: Наука, 1990. 429 с.; ISBN 5-02-016966-8

1991

Жизнеописание Конфуция // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 122–133; № 4. С. 177–185; № 5. С. 159–168; № 6. С. 151–159.

Институту Дальнего Востока – 25 лет: Круглый стол ИДВ: [Выступление] // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 4. С. 10–11.

Конфуцианские традиции и процесс модернизации Китая // Китай и мир: Актуальные проблемы изучения экономики, политики, истории и культуры Китая: Тезисы докл. II Всесоюзной науч. конференции (М., 2–4 окт. 1991 г.). М., 1991. Ч. 2. С. 90–93.

Конфуций в политической культуре Китая и стран конфуцианского культурного региона // Восток: прошлое и будущее народов: IV Всесоюзная конференция восто-

коведов: (Новые подходы в теории и методиках востоковедческих исследований): Тезисы докл. и сообщений, Махачкала, 1–5 окт. 1991 г. М., 1991. Т. 1. С. 214–215.

1992

Слово Конфуция / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М.: Фабула, 1992. 191 с.: ил.; ISBN: 5-86090-145-3

Рец.: Феоктистов В.Ф. // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 2. С. 181–186.

Конфуций о человеке // Личность в традиционном Китае: Сб. ст. / РАН. Ин-т востоковедения. М., 1992. С. 41–62; ISBN 5-02-017408-4 Рец.: Лю Данянь. Избранные статьи по проблемам исторической науки: Пер. с кит. / отв. ред. и сост. М.: Наука, 1992. 206 с.; ISBN 5-02-017583-8

Предисловие // Там же. С. 5–15.

1993

Книга правителя области Шан: (Шан цзюнь шу) / пер. с кит., вступ. ст., коммент. и послесл.; РАН. Ин-т Дальнего Востока; отв. ред. Кроль Ю.Л. 2-е изд., доп. М.: Ладомир, 1993. 391 с. (Памятники письменности Востока; 20). Рез. англ.; ISBN 5-86218-017-6

Конфуций: жизнь, учение, судьба. М.: Вост. лит., 1993. 440 с., 4 л. ил. Рез. англ. Библиогр.: с. 425–437; ISBN 5-02-017069-0

Рец.: Делюсин Л.П. // Восток. М., 1994. № 3. С. 158–163; Мартынов А. // Вопросы истории. М., 1994. № 4. С. 181–184; Независимая газета. 1993. 1 июня; Столица. 1993. № 29; Деловые люди. 1993. № 39; Книжное обозрение. 1993. № 41; Ли Минбинь // Ежемесячник китайской культуры. Тайчжун, 1994. № 174. Кит. яз.

Конфуцианский культурный регион и проблема формирования международных традиций: (На примере сопоставления с традициями этики труда и богатства в иудаизме) / Л.С. Переломов, А.Б. Волков // Китай, китайская цивилизация и мир: история, современность, перспективы: Тезисы докл. IV Междунар. науч. конференции (М., 6–8 окт. 1993 г.). М., 1993. Ч. 2. С. 3–5.

[Роль традиционной китайской философии в современном Китае: Сообщение на заседании «круглого стола» Центра изучения духовной культуры Восточной Азии] // Проблемы Дальнего Востока. 1993. № 4. С. 166–167.

Кунцзы дуй «хэ» ды лицзи Чжу Си цзеши ши фоу ды ци бэн и [Как Конфуций понимал принцип «хэ» и какова роль Чжу Си в трансформации его истинного значения] // Гоцзи кэсюэ Чжу Си хуэйи [Междунар. науч. конференция, посвященная памяти Чжу Си: Тезисы и доклады]. Тайбэй, 1993. С. 249–257. Кит. яз.

1994

Ред., авт.: Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР / [Л.С. Переломов, Г.Ф. Салтыков, П.М. Кожин и др.; отв. ред. М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов]; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 1994. 325, [2] с.; ISBN 5-02-017659-1. – Из содерж.: Гл. 1. О политических традициях и их роли в политической культуре Китая / Л.С. Переломов, Г.Ф. Салтыков, П.М. Кожин.

С. 3–24; Гл. 4. Конфуцианство и легизм в политической культуре Китая и КНР. С. 109–145.

Ред., авт.: Китайская философия: Энцикл. словарь / гл. ред. М.Л. Титаренко; чл. редкол. М.: Мысль, 1994. 573 с.; ISBN 5-244-00757-2 – Из содерж.: Гуань Чжун. С. 77–78; Конфуций / Л.С. Переломов, А.И. Кобзев. С. 151–153; Легизм. С. 161–163; «Хань Фэй-цзы». С. 369; «Шан цзюнь шу». С. 491; Шан Ян. С. 492–494.

Идеи Конфуция и общественно-политическая мысль России конца XX века // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации: Тезисы докл. V Междунар. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы» (М., 12–14 окт. 1994 г.). М., 1994. Ч. 2. С. 138–141.

Конфуцианство и проблемы управления российским обществом в XXI веке // Материалы Международной конференции в связи с 2545-й годовщиной со дня рождения Конфуция. Пекин, 1994. Англ. яз.

1995

Возможен ли конфуцианско-легистский вклад в политическую культуру России XXI века? // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке: Тезисы докл. VI Междунар. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы» (М., 11–13 окт. 1995 г.). М., 1995. Ч. 2. С. 25–29.

Идеи Конфуция и общественно-политическая мысль России конца XX века // Китай. Китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы»: Сб. докладов и сообщений участников V Междунар. науч. конференции, М., 12–14 окт. 1994 г. М., 1995. Ч. 1. С. 190–198.

Можно ли считать Конфуция родоначальником особого типа прагматизма? // Экспресс-информация / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 1995. Вып. 5: I Всерос. науч. конференция «Китайская философия и современная цивилизация»: Тезисы докл. С. 33–37.

1996

Конфуцианство и легизм в политической культуре китайского этноса (материковый Китай, Тайвань, Сингапур): К вопросу о методологии исследования // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке: Тезисы докл. VII Междунар. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы» (М., 25–27 октября 1996 г.). М., 1996. Ч. 2. С. 38–42.

Рец.: Зенгер Х. фон. Стратегемы: О китайском искусстве жить и выживать: Знаменитые 36 стратегем за три тысячелетия. М., 1995. 380 с. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 144–147.

1997

Конфуций и доктрина разделения властей: (Размышления по прочтении книги Петра Баренбойма «3000 лет доктрины разделения властей: Суд Сьютера». М., 1996) // Российская юстиция. М., 1997. № 3. С. 122–126; То же // Библия и конституция. М., 1998. С. 141–157.

Раннее конфуцианство и легизм в политической культуре современного Китая // Китайская философия и современная цивилизация. Сб. ст. М., 1997. С. 146–162; ISBN 5-02-017983-3

Существует ли тайваньское конфуцианство? // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века: Тезисы докл. VIII Междунар. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы» (М., 7–9 окт. 1997 г.). М., 1997. Ч. 2. С. 35–39.

Конфуцианство и русская политическая культура // Материалы международной научной конференции «Конфуцианство и мировая культура». Сингапур, 1997. Кит. яз.

Учение Конфуция и русская культура (XIX–XX вв.) // Международная научная конференция «Конфуцианство на Тайване». Тайбэй, 1997. Кит. яз.

Жусюэ юй элосы чжэнчжи вэньмин [Конфуцианство и русская политическая культура] // Жусюэ юй шицзе вэньмин: [Конфуцианство и мировая культура: материалы междунар. науч. конф.]. Сингапур, 1997. С. 154–155. Кит. яз.

1998

Конфуций: «Лунь юй». Исследование, пер. с кит., коммент.; факсимильный текст «Лунь юя» с комментариями Чжу Си / РАН. Ин-т Дальнего Востока; отв. ред. М.Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 1998. 590 с.; ISBN 5-02-018024-6

Рец.: Делюсин Л.П. // Новая и новейшая история. М., 2000. № 3. С. 237–240; Ломанов А.В. // Восток. М., 2000. № 4. С. 188–190; Лукьянов А.Е. Конфуций – это навсегда // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Философия. М., 1999. № 1. С. 214–216; Малявин В. // Journal of Chinese philosophy. Honolulu, 1999. Vol. 26, № 3. P. 411–414; Мартынов А.С. // Вопросы истории. М., 2000. № 4/5. С. 158–163; Юркевич А. // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 2. С. 187–190; Moritz R. // Oriens Extremus. Wiesbaden, 2000/2001. Jg. 42. S. 242–245.

XXI век – век Китая, век конфуцианства? / Л.С. Переломов, А.В. Ломанов // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 3. С. 123–129.

Конфуцианство и Россия в XXI веке // Китай и АТР на пороге XXI века: Тезисы докл. IX Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы» (М., 29 сент. – 1 окт. 1998 г.). М., 1998. Ч. 2. С. 96–99.

Послесловие // Попов П.С. Китайский философ Мэн-цзы. М., 1998. С. 263–278.

Сибусава Эйдзи и его роль в модернизации Японии // Информ. материалы. Сер.: Идеино-теоретич. тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизации / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 1998. Вып. 3: IV Всерос. конференция «Философия Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация» (М., 27–28 мая 1998 г.). С. 32–35.

Учение Конфуция и культура России (XIX–XXI вв.) // Востоковедение и мировая культура: К 80-летию академика С.Л. Тихвинского: Сб. ст. М., 1998. С. 118–132; ISBN 5-88451-065-9

1999

Предисловие // Конфуций. Беседы и суждения: [В русских переводах XIX–XX вв.] / сост., подгот. текста, примеч. и общ. ред. Грищенкова Р.В. СПб., 1999. (Библиотека мировой литературы: БМЛ). С. 5–12; ISBN 5-8191-0057-3

Пер.: [Конфуций. Беседы и суждения: Фрагменты] / пер. с кит. // Конфуций. Беседы и суждения Конфуция: [В русских переводах XIX–XX вв.]. СПб., 1999. 1119 с. (Библиотека мировой литературы: БМЛ.); ISBN 5-8191-0057-3; То же. 2-е изд., испр. 2001.

Россия о Конфуции // Китай на пути модернизации и реформ, 1949–1999 / отв. ред. М.Л. Титаренко; РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 1999. С. 136–144; ISBN 5-02-018120-X

Существуют ли в России условия для «дружественного» восприятия идей раннего «конфуцианства»? // Китай на пути модернизации и реформ: Тезисы докл. X Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы» (М., 22–24 сент. 1999 г.). М., 1999. Ч. 2. С. 118–120; ISBN 5-00-013611-X

2000

Виталию Федоровичу Феоктистову 70 лет // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 5. С. 203–206.

«Конфуцианский пласт» в мировоззрении китайских реформаторов: (Некоторые размышления в связи с выходом книги М.Л. Титаренко «Китай: цивилизация и реформы». М., 1999. 237 с.) // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 1. С. 112–116.

2001

Конфуцианство и иранский ислам в диалоге цивилизаций / Л.С. Переломов, Кляшторина В.Б. // Китай, Россия, страны АТР и перспективы межцивилизационных отношений в XXI веке: Тезисы докл. XII Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы» (М., 25–27 сент. 2001 г.). М., 2001. Ч. 3. С. 47–51.

Легизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 382–384; ISBN 978-2-244-01119-7

«Хань Фэй-цзы» (трактат) // Там же. Т. 4. С. 289–290.

«Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан») // Там же. С. 373–374.

Предисловие // Конфуций. Беседы и суждения: [В русских переводах XIX–XX вв.] / сост., подгот. текста, примеч. и общ. ред. Грищенкова Р.В. 2-е изд., испр. СПб., 2001. С. 5–12; ISBN 5-306-00064-9. 1-е изд. 1999 г.

Трактовка «Дао» в работах Чэнь Лифу // Информ. материалы. Сер. Г: Идеинотеоретич. тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизации / РАН. Ин-т Дальнего Востока. М., 2001. Вып. 7/8. С. 27–30.

Рец.: Классическое конфуцианство: в 2 т. Т. 1. Конфуций. Лунь юй / пер., вступ. ст., коммент. А. Мартынова. СПб., 2000. 381 с.; Лукьянов А.Е. Лао-цзы и Конфуций: философия Дао. М., 2000. 384 с. // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 4. С. 177–185.

Пер.: [Конфуций. Беседы и суждения: Фрагменты] / пер. с кит. // Конфуций. Беседы и суждения Конфуция: [В русских переводах XIX–XX вв.]. 2-е изд., испр. СПб., 2001. 1119 с.: ил, портр. (Библиотека мировой литературы: БМЛ); ISBN 5-306-00064-9; 1-е изд. 1999 г.

Ред.: Чэнь Кайкэ. Конфуцианство и «культура предприятия» в современной Восточной Азии / РАН. Ин-т Дальнего Востока / отв. ред. М.: 2001. 241 с. Библиогр.: с. 229–241; ISBN 5-8381-0040-9

2002

Памяти видного немецкого ученого-китаеведа Роланда Фельбера: [1935–2001] / А.М. Григорьев, Л.С. Переломов, М.Л. Титаренко // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 189–190.

2003

Из истории идеологемы сяо кан / А.Е. Лукьянов, Л.С. Переломов // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 26–38.

Что такое конфуцианский капитализм / Л.С. Переломов, Чэнь Кайкэ // Мир Востока. М., 2003. № 1. С. 23–28.

Конфуцианский социализм и концепция «сяо кан» / А.Е. Лукьянов, Л.С. Переломов // Мир Востока. М., 2003. № 1. С. 29–35.

Конфуцианство в современном мире // V научная сессия по историографии и источниковедению истории Китая: краткое содержание докл. (СПб., 7–9 апр. 1998 г.). СПб., 2003. С. 55–59.

Решения XVI съезда Компартии Китая: [Материалы «круглого стола»: Выступление] // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 1. С. 63–64.

Сяо кан Дэн Сяопина и судьба конфуцианства в современном Китае // Китай: шансы и вызовы глобализации: Тезисы докл. XIV Междунар. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы» (М., 23–25 сент. 2003 г.). М., 2003. Ч. 2. С. 69–74.

2004

Ред.: Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»): Пер. с кит. и коммент., вступ. ст. / отв. ред.; РАН. Институт Дальнего Востока; Рус. конфуциан. фонд. М.: Вост. лит., 2004. 431 с.: цв. портр. (Китайские классический канон в русских переводах). Указ.: с. 401–429. ISBN 5-02-018290-7

«Четверокнижие» – ключ к постижению конфуцианства: [вступ. ст.] // Там же. С. 10–70.

«Лунь юй» («Суждения и беседы») / введ., пер. и коммент. // Там же. С. 151–236;

«Сы шу» в России: Послесловие (на кит. яз.) // Там же. С. 397–400.

Об исследовании Лю Цзайци: [предисл.] // Лю Цзайци. Китайско-российские отношения в новой геополитической ситуации (1991–2003): политико-дипломатические аспекты. М., 2004. С. 5–7; ISBN 5-8381-0086-9

Сяо кан Дэн Сяопина – символ построения социализма с китайской спецификой // Общество и государство в Китае: Спец. вып.: К 80-летию Л.П. Делюсина. М., 2004. С. 109–120; ISBN 5-02-018419-5: 250

Традиции в политической культуре Китая // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию акад. М. Л. Титаренко. М., 2004. С. 577–584; ISBN 5-88451-152-3

2005

Лидеры КПК и конфуцианские канонические тексты (Чэнь Дусю, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ху Цзинь Тао) // Усиление Китая: Внутренние и международные аспекты: Тезисы докл. XV Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир: История, современность, перспективы» (М., 27–29 сент. 2005 г.). М., 2005. Ч. 2. С. 73–76.

Рец.: Рыкова С.Л. Ранние годы жизни и деятельности Чэнь Дусю (1879–1942). М., 2004. 160 с. // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 4. С. 190–191.

Сюнь-цзы в политической культуре Китая // Феоктистов В.Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы: Исследование. Перевод. Размышление китаеведа. М., 2005. С. 340–347; ISBN: 5-8062-0183-X

2006

Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Титаренко М.Л.; Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2006. [Т. 1]: Философия. 727 с., (8) л. ил.; ISBN 5-02-018429-2 – Из содерж.: Гуань Чжун. С. 206–207; Хань Фэй. С. 476; «Хань Фэй-цзы». С. 477; Цзы Чань. С. 546–547; «Шань цзюнь шу». С. 612–613; Шан Ян. С. 615–617.

Изучение роли и места традиций в жизни китайского общества в ИДВ РАН / Л.С. Переломов, П.М. Кожин // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4. С. 57–61.

Китай делает бизнес по Конфуцию / провел беседу А. Жигарьков // Психологическая газета: Мы и Мир [электр. изд.]. М., 2006. № 3 (115).

Конфуцианские канонические тексты в работах руководителей КПК // X и XI Всероссий. конференции «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация»: (М., 23–24 нояб. 2004 г. и 23–24 мая 2005 г.): в 2 ч. М., 2006. Ч. 1. С. 93–97. (Информ. материалы. Сер.: Идеино-теоретич. тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизации. Вып. 13, ч.1).

Конфуцианство в политической культуре современного Китая и России // Там же. С. 98–103.

Конфуций // Россия – Китай. XXI век. М., 2006. Март. С. 42–47.

2007

Конфуцианство и современный стратегический курс КНР / МГУ. Фак-т мировой политики, Ин-т проблем междунар. безопасности РАН. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 252 с. Библиогр.: с. 242–247. Имен. указ.: с. 248–251; ISBN 978-5-382-00138-8

Рец.: Иванов А. Конфуцианство и современный Китай: К выходу книги Л. Переломова «Конфуцианство и современный стратегический курс КНР» // Россия – Китай. XXI век. М., 2007. Июль. С. 44–45: ил.

Личность и власть в учениях Конфуция (551–79 гг. до н.э.) и Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.) // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2007. Т. 4. С. 258–271. Библиогр.: с. 270–271.

2008

Корейские исследователи об учении великого конфуцианца Чжу Си (1130–1200 гг.) // Становление нововосточной цивилизации в постиндустриальную эпоху: духовные истоки и ноосферно-человеческий смысл. М., 2008. Т. 1: (Россия, Китай и Центральная Азия). С. 461–467; ISBN 978-5-88161-278-8

Пекинский университет провел научный симпозиум, посвященный 90-летию академика С.Л. Тихвинского // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 4. С. 31–34.

Ред.: Аллаберт А.В. Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX – начало XXI века) / отв. ред. М.: Ин-т Дальнего Востока, 2008. 228 с.; ISBN 978-5-8381-0138-9

2009

Ред., авт.: Духовная культура Китая: Энциклопедия: в 5 т. М., 2009. [Т. 4]: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко, Л.С. Переломов и др.; ISBN 978-5-02-036380-9. – Из содерж.: Исторические судьбы легизма и конфуцианства. С. 110–135; Конфуцианство и легизм в политической культуре КНР. С. 209–216; Го Можо / Л.С. Переломов, В.Н. Усов. С. 465–467; Сяокан. С. 631–633; Чэнь Лифу. С. 807–809.

Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.) // РАН. Ин-т Дальнего Востока; Рус. конфуц. фонд, Исслед. об-во «Тайцзи». М.: Стилсервис, 2009. 702 с.: ил. Текст рус., кит. Библиогр.: с. 651–674; С. 693–701. Рез. англ.; ISBN 978-5-93712-010-6

2010

[Доклад Л.С. Переломова о роли конфуцианства в идеологии КПК] // Горбунова С.А. XVIII научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир» 21–23 окт. 2009 г. в ИДВ РАН // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 143–151.

2011

К вопросу о значении массовой общественно-политической кампании «Критика Линь Бяо и Конфуция» (1973–1974) в новейшей истории Китая // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: К 100-летию Синьхайской революции: доклады XIX Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (М., 19–21 окт. 2011 г.). М., 2011. С. 330–331; ISBN 978-5-8381-0219-5

Конфуцианство в политической культуре стран дальневосточного региона // Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. СПб., 2011. С. 5–31. Библиогр.: с. 30–31; ISBN 978-5-88812-506-9

Шан Ян [IV в. до н.э.]. Книга правителя области Шан / пер. с кит. М.: РИПОЛ классик, 2011. 352 с.: ил. (Золотая коллекция); ISBN 978-5-386-02870-1 (см. изд. 1968, 1993 гг.).

2012

Мое первое посещение Китая // Китай глазами российских друзей / гл. ред. М. Л. Титаренко. М., 2012. С. 80–83; ISBN 978-5-8199-0522-7

2013

Ред., авт.: История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. 2: Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.) / отв. ред. М.: Наука – Вост. лит., 2013. 687 с. Библиогр.: с. 651–671. Указ.: с. 672–682; ISBN 978-5-02-036531-5 – Из содерж.: Введение. С. 8–11; Ч. I. Гл. 1. Борющиеся царства / Л.С. Переломов, В.М. Майоров. С. 12–25; Ч. I. Гл. 2. Конфуций и его «Лунь юй». С. 26–77; Ч. I. Гл. 3. Легизм. С. 78–98; Ч. II. Гл. 1–2. С. 138–238; Ч. IV. Гл. 3. С. 389–417; Ч. IV. Заключение. С. 630–640. Совм. с другими; Послесловие. С. 641; Хронология некоторых основных событий / Л.С. Переломов, Е.А. Коротков. С. 642–645.

Конфуцианство и иранский ислам в диалоге цивилизаций / Л.С. Переломов, В.Б. Кляшторина // XVIII Всерос. конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация» (М., 21 мая 2012 г.) / Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2013. С. 93–99. (Информ. материалы. Сер. Г: Идеино-теоретич. тенденции в соврем. Китае: нац. традиции и поиски путей модернизации. Вып. 19); ISBN 978-5-8381-0251-5

Роль конфуцианства в истории КПК // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докл. XX Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (М., 16–18 окт. 2013 г.). М., 2013. С. 289–291; ISBN 978-5-8381-0253-9; То же // Междунар. науч. конференция «Конфуцианство в России» (М., 28–29 нояб. 2013 г.). М., 2013. С. 27–29.

2014

Качественно новый этап соучастия конфуцианства в политической культуре КПК // Информ. материалы. Сер. Г. М., 2014. Вып. 21: 3-й Пленум ЦК КПК 18-го созыва: новое руководство и стратегия реформ. С. 8–11. [Прав.: Сер. В. Вып. 29].

Место эпохи Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.) в судьбе китайской нации: (В связи с изданием II тома «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века») // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 150–152.

2015

Кадровая политика КНР – творческое развитие традиционного института китайской государственности: (по материалам книги «XVIII Всекитайский съезд КПК. Китайская мечта и мир») // Новые аспекты социально-политического развития КНР: Материалы ежегод. науч. конф. Центра полит. исслед. и прогнозов ИДВ РАН (М.,

18–19 марта 2015 г.). М., 2015. С. 30–36. (Информ. материалы. Сер. В: Общество и государство в Китае в период реформ; Вып. 22, ч. 1). Рез. англ.; ISBN: 978-5-8381-0265-2

«Китайская мечта» и категории традиционной китайской мысли / А.А. Крушинский, А.В. Ломанов, Л.С. Переломов // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 135–148.

Новое прочтение «Лунь юя» в связи с поиском истоков «китайской мечты» // XX Всерос. конференция «Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация» (М., 21 мая 2014 г.) / Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2015. С. 116–119. (Информ. материалы. Сер. Г: Идеино-теоретич. тенденции в соврем. Китае: нац. традиции и поиски путей модернизации. Вып. 21). Рез. англ.; ISBN: 978-5-8381-0266-9

2017

Конфуций. Суждения и беседы / пер. с кит., вступ. ст. и коммент. М.: РИПОЛ Классик, 2017. 359 с.: ил. (PRO власть). Библиогр.: с. 322–357. ISBN 978-5-386-09724-0. – Из содерж.: Предисловие. С. 7–15; Учение Конфуция и проблема разделения властей. С. 15–20.

Шан Ян [IV в. до н.э.]. Книга правителя области Шан / пер. с кит., вступ. ст. коммент. и послесл. Л.С. Переломова. М.: Рипол Классик, 2017. 426 с.: ил. (PRO власть); ISBN 978-5-386-10255-5 (см. изд. 1968, 1993, 2011 гг.).

Л.Н. Толстой и ближайший исследователь Конфуция – Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.) // Философии Восточно-Азиатского региона и современная цивилизация: Тезисы докл. XXI–XXII всерос. конференций. М., 2015–2016. М., 2017. С. 73–76. Библиогр. в сносках; ISBN 978-5-8381-0323-9

Роль легизма в политической культуре КПК // Там же. С. 115–118.

Лев Николаевич Толстой о конфуцианстве и будущем Китая // Человек и культура Востока: исследования и переводы. 2016. М., 2017. С. 30–38; ISBN 978-5-8381-0327-7

2018

Памяти М.Л. Титаренко // Моя вторая родина Китай: книга памяти об акад. М.Л. Титаренко / Ин-т Дальнего Востока РАН; гл. ред. Лузянин С.Г.; отв. ред. Лукьянов А.Е. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 162–168. ISBN 978-5-907051-08-9

Пер.: Конфуций. «Лунь юя» (Беседы и суждения). Гл. 1 / пер. с кит. [Печатается по изд.: Конфуций. «Лунь юя». М.: Вост. лит., 2001] // Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Жёлтый дракон. Цивилизации Дальнего Востока: Китай. Корея. Япония. Индо-китай. М., 2018. Т. 2. С. 109–123. ISBN 978-5-8291-2157-0

Шан Ян [IV в. до н.э.]. Книга правителя области Шан / пер. с кит. Л.С. Переломова. М.: РИПОЛ классик, 2018. 422 с.: ил. (Librarium). ISBN 978-5-386-10411-5 (см. изд. 1968, 1993, 2011, 2017 гг.).

Литература о жизни и трудах Л.С. Переломова

Институт Дальнего Востока: годы, люди, труды: информ.-библиогр. справочник / РАН. Ин-т Дальнего Востока; сост.: В.П. Журавлева, А.С. Ипатов, О.Н. Попова. М., 2006. С. 271–274; ISBN 5-88451-201-5

Институт Дальнего Востока: Справочник / Рос. акад. наук; Сост.: Р.М. Асланов, В.П. Журавлева, А.С. Ипатова. М., 1996. С. 183–185.

К 80-летию Леонарда Сергеевича Переломова // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 186–190.

К 85-летию Леонарда Сергеевича Переломова // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 181–182; портр.

Китай глазами российских друзей. М., 2012. С. 79; ISBN 978-5-8199-0522-7

Китайская философия: Энциклоп. словарь. М., 1994. С. 249–250; ISBN 5-244-00757-2

Ли Минбинь. Цзи Ляола: Мосыкэ дэ Кунфуцзы [Ли Минбинь об авторе этой книги] // Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». М., 1998. С. 474–476. Кит. яз.; ISBN 5-02-018024-6

Мелуа А.И. Российская академия естественных наук: Энциклопедия. М.; СПб., 1998. С. 409; портр.; ISBN 5-86050-088-2

Мелуа А.И. Российская академия естественных наук: Энциклопедия: в 2 т. 2-е изд., доп. М.; СПб., 2000. [См.: Указатель авторов]. (Биографическая междунар. энциклопедия «Гуманистика»). ISBN 5-86050-125-0 (Т. 1); 5-86050-126-9 (Т. 2).

Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г.: В 2 кн. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. Кн. 2. С. 217–218. ISBN 5-02-009565-5

Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 424–425.

Научные труды сотрудников Института Дальнего Востока Российской академии наук (1966–1991 гг.): Биобиблиографический указатель / Сост. И.В. Кирюхина, Л.Ф. Конькова, О.В. Почагина. М., 1992. По «Указателю авторов» ссылка на 22 работы (с. 199).

Премия имени С.Ф. Ольденбурга 2000 года – Л.С. Переломову // Вестник Российской академии наук. М.: 2001. Т. 71. № 2. С. 190; Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 6. С. 171.

Российское китаеведение: (Краткий справочник) / Сост. Ф.Б. Белелюбский и др. М., 1994. С. 92–93. (Информ. бюл. / РАН. Ин-т Дальнего Востока; № 11); Russian sinology: Transl. from the Russ. Moscow; Paris, 1996. P. 115–116. (European Association of Chinese Studies. Survey; № 4).

Савенков Ю. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?»: Штрихи к портрету подвижника чести, умевшего держаться в потоке времени // Россия – Китай. XXI век. М., 2006. Октябрь. С. 40–45: фот.

Савенков Ю.Б. Штрихи к портрету подвижника чести, умевшего держаться в потоке времени // Российское китаеведение. М., 2023. № 2(3). С. 152–160. [Впервые опублик. в журн. «Россия – Китай. XXI век», окт., 2006 г.].

Феоктистов В. Следуя велению своего сердца...: К 70-летию Л.С. Переломова // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 154–159.

Шицзе чжунгосюэцзя минлу [Китаеведы мира: Справочник]. Пекин, 1994. С. 214. Кит. яз.

Э су чжунгосюэ шоуцэ [Российское и советское китаеведение: Справочник]. Пекин, 1986. Т. 1. С. 450–452. Кит. яз.

Янь Годун. В России есть корифей конфуцианства – это потомок китайского коммуниста, которого зовут московским Конфуцием: [Л.С. Переломов] // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 89–91.

Янь Годун. Корифей конфуцианства // Люди и идеи: К 50-летию ИДВ РАН / Ин-т Дальнего Востока; отв. ред. А.В. Островский. М., 2006. С. 83–86. [Впервые опубликовано на кит. яз.: Хуаньцю шибао (Global Times), 13 янв. 2006 г.]; ISBN 5-88451-200-7.

«Вёсны и осени» российского китаеведения: хроника 2023 года¹

俄罗斯中国学“春秋”：2023 年纪事

2023 год был ознаменован долгожданным восстановлением активных академических и межвузовских обменов между Россией и Китаем, которые ранее были поставлены «на паузу» или перешли в дистанционные форматы в период пандемии коронавируса COVID-19.

Соответственно, китаеведная повестка года в значительной степени была наполнена визитами руководителей научных и образовательных организаций друг к другу, заключением новых соглашений о сотрудничестве, организацией стажировок и ознакомительных программ.

Помимо этого, год оказался весьма продуктивным с точки зрения проведения китаеведных форумов: состоялись все традиционные конференции и круглые столы, а вместе с тем целый ряд мероприятий был организован впервые. В определенном смысле год оказался прорывным с точки зрения издания китаеведной литературы – особенно переводов, причем как классических источников и современной китайской литературы, так и изданий, изначально выпущенных за рубежом.

Ярко выраженной особенностью 2023 года стало повышенное внимание к проблематике китайско-американских отношений – этому вопросу было посвящено сразу несколько отдельных мероприятий, а также секций в программе комплексных научных конференций. Также в течение года в актуальной повестке китаеведов находилось подведение промежуточных итогов десятилетия китайской инициативы «Пояса и Пути», а также анализ итогов 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва, визита Си Цзиньпина в Москву в марте и ответного визита В.В. Путина в Пекин в октябре 2023 года.

Об этих мероприятиях, а также об основных новостях организаций, защите диссертаций и так далее – читайте нашу традиционную хронику (дополнить, а также сообщить информацию о важных событиях можно, направив письмо на электронную почту i.zuenko@inno.mgimo.ru).

¹ Впервые метафору «Весны и осени» применительно к текущему этапу развития российско-китайских отношений применил на открытии «Недели Китая» в МГИМО МИД России 13 ноября 2023 г. заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам Андрей Иванович Денисов. По мысли автора метафоры, «Весна – потому что российско-китайские отношения переживают новый расцвет, восстановление после периода пандемии. И в то же время осень – потому что уже есть результаты, плоды длительного сотрудничества». По нашему мнению, это же сравнение может быть применено и как характеристика 2023 года для российского китаеведения.

Научные мероприятия

Январь

19 января в Институте востоковедения РАН (ИВ РАН) состоялся научный семинар «UNCLOS 40 лет в Южно-Китайском море и в Арктике», посвященный анализу применения Морской конвенции ООН.

Февраль

15–17 февраля на базе Московского городского педагогического университета состоялась II международная конференция «Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее, будущее».

17 февраля на базе Московского государственного областного университета прошла VI международная научно-практическая конференция «Китайская цивилизация в диалоге культур».

Март

2–3 марта в Институте восточных рукописей РАН (ИВР РАН, г. Санкт-Петербург) прошла VIII всероссийская научная конференция молодых востоковедов «Китай и соседи», организованная совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом (СПбГУ).

6 марта на Китайском подворье в Москве, в рамках вечера памяти, посвященного 160-летию митрополита Пекинского и Китайского Иннокентия (Фигуровского), состоялся круглый стол, посвященный деятельности Пекинской духовной миссии.

16 марта прошло заседание постоянно действующего семинара Координационного совета по Китаю и странам Восточной и Юго-Восточной Азии, посвященного проблемам внешней и внутренней политики Китая и российско-китайских отношений.

16 марта на базе медиацентра МИА «Россия сегодня» прошел экспертный круглый стол «Итоги “двух сессий”: возможности и ограничения для российско-китайского сотрудничества», организованный Российским советом по международным делам (РСМД).

24 марта в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток) состоялся научно-практический семинар «Формирование общего экономического пространства Большой Восточной Азии: к 10-летию Инициативы пояса и пути».

22 и 24 марта 2023 г. в Институте Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) состоялась всероссийская научная конференция «Современное китайское государство». Тема конференции – «Формула власти в Китае после XX съезда КПК».

28 марта Институт Соединенных Штатов Америки и Канады РАН в партнерстве с ИКСА РАН провели международную научную конференцию «China and the US: Limits of Competition and Cooperation», в которой приняли активное участие китайские исследователи.

30–31 марта в МГИМО МИД России состоялась III международная научно-практическая конференция «Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики».

Апрель

4–14 апреля прошла XXIV Ясинская (Апрельская) международная научная конференция НИУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества, в ходе которой состоялась специальная сессия «Адаптация российско-китайского сотрудничества к кризисным условиям».

5 апреля в МГИМО прошел научно-практический круглый стол «Китай и Восточная Европа: стратегия и интерес».

14 апреля в ИКСА РАН прошел круглый стол «Россия и Китай в Евразии: вызовы и перспективы двустороннего и многостороннего взаимодействия».

17–18 апреля в ИКСА РАН прошла научная конференция «Исторические события в жизни Китая и современность».

18 апреля ИКСА РАН и Институт актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России провели круглый стол по теме «Китай – один из полюсов формирующегося мироустройства».

19 апреля в ИКСА РАН прошла научная конференция «Модернизация экономики КНР в свете решений XX съезда КПК».

21 апреля на базе Забайкальского государственного университета (г. Чита) прошла X международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном Китае».

24 апреля в Российском институте стратегических исследований прошел круглый стол на тему «Особенности внутренней и внешней политики Китая в условиях обострения геополитических противоречий».

26–28 апреля в СПбГУ состоялся международный научный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: «Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ».

27 апреля в ИКСА РАН состоялся круглый стол «Перепозиционирование Китая в Латинской Америке в условиях турбулентности международных отношений», организованный совместно с Институтом Латинской Америки РАН.

28 апреля в Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ, г. Владивосток) состоялась региональная научно-практическая конференция молодых исследователей «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Май

15–17 мая в ИВ РАН была проведена LIII научная конференция «Общество и государство в Китае».

17 мая в Бурятском государственном университете (г. Улан-Удэ) состоялся «Музыкальный вечер танской поэзии».

25–26 мая на базе Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ) прошла XIII научно-практическая конференция «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества». Мероприятие было организовано при участии Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова.

26–28 мая в Благовещенске состоялся Российско-китайский экономический форум «АмурЭкспо», на котором состоялся ряд специализированных научно-практических секций по российско-китайскому сотрудничеству. В этом году форум впервые получил федеральный статус и выступил в качестве выездной площадки Восточного экономического форума.

Июнь

1–2 июня на базе Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина была проведена «Неделя Китая».

7 июня в Институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН) прошла международная научная конференция «США и Китай: противостояние и взаимозависимость».

7–8 июня в ИКСА РАН прошла XXIV международная конференция «Китай и Восточная Азия: философия, литература, культура».

26–27 июня в Пекине состоялась VIII международная конференция Российского совета по международным делам (РСМД) и Китайской академии общественных наук «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху».

Июль

6 июля ИКСА РАН, РСМД и Фуданьский университет (г. Шанхай, КНР) представили общественности совместный аналитический доклад «Российско-китайский диалог: модель 2023».

25 июня – 2 июля в г. Казань прошел XXI Международный конгресс лингвистов, организованный Казанским федеральным университетом и Институтом языкознания РАН.

Август

3 августа Институт международных исследований МГИМО совместно с Российской ассоциацией по связям с общественностью провел круглый стол «Отношения в треугольнике Россия – Китай – США».

17 августа на базе РСМД была проведена международная научно-практическая конференция «Российско-китайский диалог и международный порядок». Мероприятие было организовано совместно с Фуданьским университетом.

Сентябрь

4 сентября на площадке Международного дискуссионного клуба «Валдай» был представлен общественности доклад «Россия и Азия: парадоксы новой реальности», посвященный в том числе анализу российско-китайских отношений.

7–8 сентября в г. Казань прошел I российско-китайский форум «РОСТКИ: Россия–Китай – взаимовыгодное сотрудничество», организатором ряда мероприятий которого стал Казанский федеральный университет (КФУ).

10 сентября в г. Владивосток на полях Восточного экономического форума состоялась международная научно-практическая конференция «Колониализм на Востоке и его влияние на современный мир», организованная в т.ч. ИИАЭ ДВО РАН.

23–29 сентября в Благовещенске и Харбине (КНР) была проведена Международная научная конференция к 125-летию Харбина и его роли в истории отношений Китая и России.

26 сентября в ИВ РАН состоялся X ежегодный научный семинар по тайваньским исследованиям «Тайвань: от прошлого к современности».

28 сентября на базе НИУ ВШЭ прошел I международный научно-практический форум «Россия – Китай: бизнес в многополярном мире».

27–29 сентября на базе Амурского государственного университета (г. Благовещенск) прошла V международная научно-практическая конференция «Современные проблемы развития экономики России и Китая».

Октябрь

2 октября в ИВР РАН прошла научная конференция «Идеология традиционного Китая», приуроченная к 90-летию выдающегося отечественного китаеведа А.С. Мартынова.

12–14 октября на базе МГИМО прошел XV Конвент Российской ассоциации международных исследований, в ходе которого несколько секций было посвящено актуальным вопросам изучения, в т.ч. сессия «Китай в политике Запада», «Азиатские контуры новой биполярности», «Новое российское востоковедение».

19–20 октября в Институте стран Азии и Африки Московского государственного университета (ИСАА МГУ) прошла Всероссийская научная конференция в рамках ежегодных Губерновских чтений «Кризис как явление и как событие: опыт Юго-Восточной и Восточной Азии (история, политика, экономика, культура)».

20–23 октября в г. Казань на базе КФУ прошел цикл научно-практических семинаров «Внешняя политика КНР и российско-китайские отношения».

26–27 октября на базе Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) состоялась конференция «Преподавание китайского языка в России 2023 г.»

Ноябрь

1–2 ноября в ИВ РАН прошла II научная конференция «История, культура и язык Китая», посвященная 70-летию А.И. Кобзева.

9 ноября в г. Владивосток на базе ДВФУ прошла международная научно-практическая конференция «Российско-китайское экономическое сотрудничество: практические аспекты правового регулирования».

9–10 ноября в г. Новосибирск на базе Новосибирского государственного технического университета прошла VII Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на перекрестке культур».

14 ноября в ИИАЭ ДВО РАН прошел круглый стол с участием сотрудников Института России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН.

13–17 ноября в МГИМО прошла III «Неделя Китая» — серия мероприятий, нацеленный на углубление знаний студентов о КНР, ее политических, экономических, социальных и культурных особенностях. В качестве пленарного заседания конференции «Китай в многополярном мире» в рамках «Недели Китая» состоялась экспертная дискуссия на тему «Пути развития современного Китая: социально-экономическая модель, вопросы внешней и внутренней политики».

13 ноября в ИМЭМО РАН в рамках дискуссионного форума «Европейский союз в полицентричном мире» состоялся семинар «ЕС и Китай: партнеры, конкуренты, соперники?».

20–21 ноября в г. Казань на базе КФУ состоялся IV международный научный форум «Россия и Китай в меняющемся мире», в рамках которого прошла XVI международная научно-практическая конференция «Россия – Китай: история и культура».

23–24 ноября в ИКСА РАН состоялась XI международная научная конференция молодых востоковедов «Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее».

24–26 ноября в Москве состоялся ежегодный Форум китаистов «Актуальные вопросы подготовки специалистов с китайским языком в России», организованный Ассоциацией развития синологии.

27–28 ноября в ИМЭМО РАН прошли традиционные «Примаковские чтения», в ходе которых состоялась секция «Китай – США: соперничество, взаимозависимость, глобальный контекст».

30 ноября – 1 декабря на базе НИУ ВШЭ прошла V международная конференция «Мировое большинство в новых реалиях: региональное измерение».

30 ноября – 1 декабря в РГГУ прошла I международная научно-практическая конференция «Лингвистика языков Китая, Кореи и Японии» памяти лингвистов и китаистов Тань Аошуан и А. М. Карапетьянца. Мероприятие было организовано совместно с Восточным факультетом СПбГУ, ИВ РАН и Ассоциацией преподавателей китайского языка.

Декабрь

4–5 декабря в Москве прошла IV Азиатская конференции Международного дискуссионного клуба «Валдай», в которой приняли участие российские китаеведы и китайские исследователи.

5 декабря на площадке МИА «Россия сегодня» состоялась презентация аналитического доклада Института международных исследований МГИМО «Китайская стратегия «больших данных»: реформа управления, инновации и глобальная конкуренция».

6 декабря в ИКСА РАН состоялась I всероссийская научная конференция «Гудошниковские чтения» на тему: «Вклад российской науки в изучение права Китая», приуроченная к 96-летию со дня рождения выдающегося отечественного синолога и правоведа Л.М. Гудошникова.

13 декабря в ИВ РАН состоялась VI московская научная конференция «Азия и Африка на перекрестке традиций, модернизации и глобализации».

18–22 декабря в ИВ РАН прошла XI всероссийская конференция «История востоковедения: традиции и современность».

Новости организаций

11 января в ДВФУ (г. Владивосток) был создан Центр китайской книги, в дар которому делегация КНР преподнесла 500 книг. Данный Центр открыт по инициативе China International Communications Group (CICG) и является двенадцатым книжным центром, созданным медиакорпорацией за рубежом.

16 мая в ИСАА МГУ был открыт «класс китаеведения», специально предназначенный для проведения торжественных мероприятий, связанных с Китаем. В классе была размещена ценная коллекция книг, подаренных институту Издательством Пекинского университета иностранных языков.

В июне в ИКСА РАН была создана лаборатория «Современная идеология КНР», профинансированная за счет внебюджетных средств института (без привлечения зарубежного финансирования) и ориентированная на подготовку к 2025 году коллективной монографии. Руководителем лаборатории стал К.В. Бабаев.

В октябре в структуре Института международных исследований МГИМО был образован отдельный Центр Китая, Восточной Азии и ШОС, руководителем которого стал А.В. Лукин. Подразделение было сформировано путем объединения двух ранее действующих центров: Центра исследований Восточной Азии и ШОС (существовал с 2004 г.) и Центра комплексного китаеведения и региональных проектов (с 2017 г.).

Издание книг

В 2023 году библиотеки пополнил целый ряд монографий и сборников, охватывающих различные аспекты китаеведения:

Барский К.М. Вы не подскажете дорогу к сердцу? Москва: Шанс, 2023. 375 с.

Богатырева Т.А. Кинематограф Азии: Китай, Южная Корея, Япония. М.: Эксмо, 2023. 304 с.

Дорофеева Н.А. Судьбы российских артистов в китайской эмиграции. В 2-х томах. М.: ИВ РАН, 2023. 528 с.

Зуенко И.Ю., Савченко А.Е. Центр-региональные отношения в Советском Союзе / России и Китае в период реформ (1980–1990-е годы). М.: МГИМО-Университет, 2023. 362 с.

Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2022. М.: ИКСА РАН, 2023. 432 с.

Крюков В.М., Крюков М.В. Неизвестный Сунь Ятсен. В 2-х томах. М.: ИВ РАН, 2023. 1064 с.

Кузьмин Ю.В., Козырская И.Е. Россия – Монголия – Китай: сотрудничество, вызовы, противоречия. Иркутск: Издательство «Репроцентр+», 2023. 242 с.

Миссия синолога и классический Китай: к 90-летию М.В. Крюкова / под ред. А.И. Кобзева. М.: ИВ РАН. 2023. 526 с.

Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. Том 5. М.: Шанс, 2023. 431 с.

Русский Китай и Дальний Восток. Том 2. СПб.: Алетейя, 2023. 508 с.

Страны Востока во внешней политике России / под ред. Д.В. Стрельцова, К.А. Ефремовой. М.: Аспект Пресс, 2023. 376 с.

Также в 2023 г. было издано несколько переводов классических источников:

Гань Бао. Записки о поисках духов / пер. с кит. Л. Меньшикова. М.: Родина, 2023. 344 с.

Даодэцзин. Канон о дао и дэ / пер. с кит. В. Башкеева. М.: Издательство АСТ, 2023. 240 с.

Ло Маодэн. Сказ о походе Чжэн Хэ в Западный океан, сокращенное издание: в 2-х томах / пер. с кит. Н. Боровской. М.: Шанс, 2023. 868 с.

Лунь Юй. Суждения и беседы / пер. с кит. В. Башкеева. М.: Издательство АСТ, 2023. 446 с.

Пу Сунлин. Ляо Чжай чжи и. Странные истории из кабинета неудачника: в 6 томах. Том 2 / пер. с кит. акад. В.М. Алексеева (1881–1951) и А.Г. Сторожука. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2023.

Вышло несколько переводов современной китайской художественной литературы:

Дун Си. Эхо. Роман / пер. с кит. О. Родионовой. СПб.: Издательский Дом «Гиперион», 2023. 400 с.

Линь Хайинь. Странные дела к югу от города / пер. с кит. А. Труновой. Москва: Шанс, 2023. 160 с. (Ранее этот же первоисточник был переведен в России под названием «Былые времена в южном предместье», переводчик Н.Ю. Демидо).

Лу Яо. Обыкновенный мир / пер. с кит. Ю. Дрейзис. М.: Шанс, 2023. 560 с.

Ма Боюн. Зоопарк на краю света / пер. с кит. О. Кремлиной. М.: Лайвбук, 2023. 310 с.

Фань Ипин. Сто лет Папаши Упрямца / пер. с кит. Е. Митькиной. СПб.: Издательский Дом «Гиперион», 2023. 224 с.

Чжу Шаньпо. Штормовое предупреждение / пер. с кит. Н. Сомкиной. СПб.: Издательский Дом «Гиперион», 2023. 288 с.

Отдельно отметим, что в 2023 г. был опубликован целый ряд русскоязычных изданий известных зарубежных китаеведных книг. Наиболее примечательные из них:

Ван Линчжэнь. Новый взгляд на женский кинематограф. Феминизм, социализм и массовая культура в современном Китае / пер. с англ. Е. Нестеровой. СПб.: Библиороссика, 2023. 421 с.

Ван Сяоси. Моральный капитал / пер. с кит. М.: Шанс, 2023. 240 с.

Герт К. Бесконечный капитализм. Как консюмеризм свел на нет коммунистическую революцию в Китае / пер. с англ. А. Осинской. СПб.: Библиороссика, 2023. 496 с.

Гладстон П. Китайский «авангард» 1979–1989 годов / пер. с англ. К. Батыгина. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. 256 с.

Жэнь Сюэфэй. Урбанизация по-китайски / пер. с англ. К. Батыгина. СПб.: Библиороссика, 2023. 268 с.

Ли Даокуй. Китайская экономика. Сто лет реформ / пер. с кит. М.: Шанс, 2023. 279 с.

Мюгглер Э. Время диких призраков. Память, насилие и место в Юго-Западном Китае / пер. с англ. А. Каменских. СПб.: Библиороссика, 2023. 511 с.

Там Д. Языки в Китае и национализм / пер. с англ. К. Батыгина. СПб.: Библиороссика, 2023. 402 с.

Янь Чуньянь. Тысячелетие императорской керамики / пер. О. Фитуни, Д. Худякова, М. Сухоруковой. М.: Шанс, 2023. 359 с.

Защиты диссертаций

В 2023 году защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата наук: Гарридо В.В., «Историко-философское осмысление символа дракона в духовной культуре Китая» (РУДН, научный руководитель – Нижников С.А.), Гончарук А.В. «Международное сотрудничество в атомной энергетике КНР» (ИМЭМО РАН, научный руководитель – Панкова Л.В.); Дугарова С.Б. «Культурно-ценностные основания развития человеческого потенциала в КНР: философско-антропологический анализ» (СПбГУ, научный руководитель – Кучинская Т.Н.); Епихина Р.А. «Влияние трансформации электроэнергетического сектора на формирование новой модели экономического развития в Китае» (МГУ им. М.В. Ломоносова, научный руководитель – Кулаков М.В.); Казакевич О.А. «Языковая репрезентация реалий иноземного мира в документах XVII века (на материале отчетов посольств в Китай)» (Томский государственный университет, научный руководитель – Старикова Г.Н.); Матрешина Д.Е. «Особенности развития экономики Российской Федерации в условиях нового мирохозяйственного уклада и в рамках сотрудничества ЕАЭС с Китайской Народной Республикой» (РАНХиГС, научный руководитель – Маликова О.И.); Надежкина Е.С. «Имидж России в Китае в XXI веке на основе анализа медиа-платформ китайского сегмента сети интернет» (МГИМО МИД России, научный руководитель – Павловский И.И.); Сербина Е.М. «Роль и место политических банков в экономической системе КНР» (ИКСА РАН), научный руководитель – Островский А.В.); Сосна Н.А. «Миссия Н.П. Игнатъева в Китай в 1859–1860 годах в контексте внешней политики России на Дальнем Востоке во второй половине 1850-х годов» (МГУ им. М.В. Ломоносова, научный руководитель – Мироненко С.В.).

Отдельного внимания заслуживают диссертации на соискание ученой степени доктора наук. Их защитили: Головачев В.Ц. «Этнополитическая история Тайваня в отечественной и зарубежной историографии. XVII–XXI вв.» (РГГУ, научный консультант – Ларин В.Л.); Дудин П.Н. «Буферная государственность и региональный

политический порядок в Восточной Азии: японские модели и их практическое воплощение в Северном и Восточном Китае в 1935–1945 гг.» (СПбГУ, научный консультант – Михалев А.В.); Макеева С.Б. «Формирование и реализация стратегий регионального развития в Китайской Народной Республике (1978–2012 гг.)» (Кубанский государственный университет, научный консультант – Смертин Ю.Г.); Помозова Н.Б. «Внешнеполитический дискурс КНР в XXI в.: опыт социологической рефлексии» (МГИМО МИД России, научный консультант – Литвак Н.В.).

Сердечно поздравляем новоиспеченных докторов и кандидатов наук!

Хронику подготовили: Зуенко И.Ю., Кондрич А.В., Перминова А.А.

Уважаемые читатели!
Просим присылать краткие сообщения об основных новостях китаеведения
в России и мире на электронный адрес редакции:
journal@iccaras.ru